

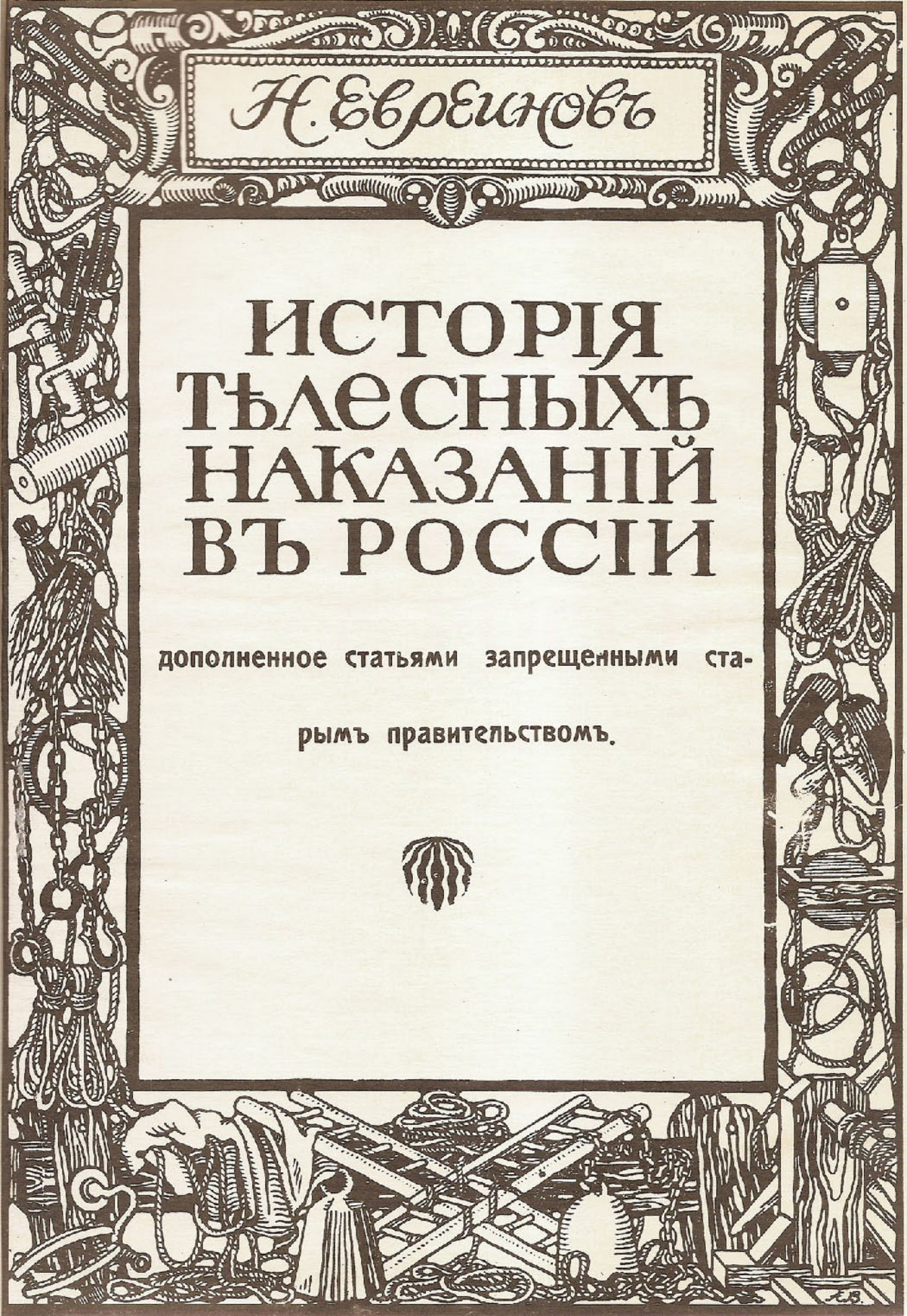

Н. Еврешинов

ИСТОРИЯ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ

Н. Евреиновъ

ИСТОРИЯ
ТѢЛЕСНЫХЪ
НАКАЗАНИЙ
ВЪ РОССІИ

The book cover is framed by a highly detailed decorative border. This border is composed of various nautical and mechanical elements, including thick ropes, heavy chains, pulleys, and wooden blocks, all rendered in a woodcut style. The top of the border features a decorative scrollwork element.

Н. Евриновъ

ИСТОРИЯ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНИЙ ВЪ РОССІИ

дополненное статьями запрещенными ста-
рымъ правительствомъ.

Н. Евреинов

**ИСТОРИЯ
ТЕЛЕСНЫХ
НАКАЗАНИЙ
В РОССИИ**

Репринтное издание

Харьков

ПРОГРЕСС ЛТД
1994

Е 22

Евреинов Н.

История телесных наказаний в России: Репринт. изд. — Белгород: Пилигрим 1994 — 235 с.

Текст печатается по изданию:

Н. Евреиновъ,
Исторія
тѣлесныхъ наказаній
въ Россіи

Репринтное
издание осуществлено фирмой
"Прогресс, АТД"

Евреинов Н.

Е 22

История телесных наказаний в России: Репринт. изд. — Белгород; Пилигрим, 1994 — 235 с.

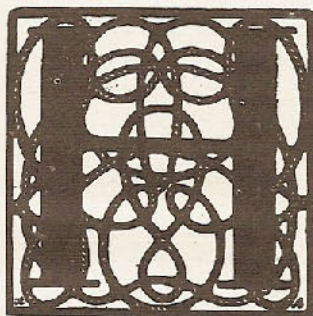
ISBN 5—88120—006—3

1203010000—32

Е. — Без объявл.

О цѣнности исторіи тѣлесныхъ наказаній.

есомнѣнно, что для рядового читателя XX-го вѣка исторія тѣлесныхъ наказаній интересна и поучительна не столько въ смыслѣ познанія самого института тѣлесныхъ наказаній — института нынѣ отжившаго или вѣрнѣе отживающаго, сколько въ отношеніи всесторонняго изученія быта и нравовъ народа, практиковавшаго въ продолженіе вѣковъ членовредительство, боль и срамъ, какъ законныя и обычныя средства воздѣйствія на нарушителей закона.

Для того, чтобъ узнать хорошо человѣка, полезно, а иногда и необходимо съ возможной полнотой ознакомиться съ системой воспитанія, которой руководились его наставники, съ отношеніемъ воспитанника къ мѣрамъ, примѣнявшимся его менторами, и пр. Загрубѣлость даннаго субъекта, напр., или его способность приспособленія къ суровому образу жизни легко могутъ быть выведены уже изъ факта воспитанія его въ бурсѣ или школѣ контонистовъ. И наоборотъ, узнавъ, что данное лицо воспитывалось въ лицѣѣ или какомъ-нибудь швей-

царскомъ колледжѣ, съ ихъ гуманными мѣрами, столь далекими отъ педагогическихъ жестокостей недавняго времени, мы по другому отнесемся къ поступкамъ этого лица, не ввязушимся съ системой его воспитанія, поищемъ объясненій имъ въ его нервности, наслѣдственности или чисто-личной испорченности, тѣмъ болѣе непростительной, что она идетъ въразрѣзъ съ примѣрными условіями образованія его характера.

То-же самое можно сказать и относительно цѣлаго народа.—Черты варварства, жестокости, душевной загроубѣлости, развращенности или приниженности, присущія той или другой нации, легко находятъ себѣ объясненіе въ тѣхъ мѣрахъ обузданія и устрашенія, къ которымъ долго народъ привыкалъ въ продолженіе вѣковъ своей государственной формации.

Митричъ во «Власти тьмы» Л. Толстого, сокрушаясь о судьбѣ русской женщины, спрашиваетъ чрезъ Анютку весь «слабый» полъ деревни: «кто васъ училъ? Только пьяный мужикъ поучитъ когда возжами. Только и «ученья»....—и, со свойственнымъ ему прямодушіемъ, этому именно примитивному воспитанію Митричъ и склоненъ приписать ту легкость, съ которой «бабы» рѣшились на ужасное преступленіе. Самъ Митричъ изъ всей своей жизни крѣпко запомнилъ на старости лѣтъ только одно: это какъ его *пороли*, да какую-то несчастную дѣвчонку, при видѣ которой ему стало «скушно» и онъ спасъ ей жизнь; этотъ послѣдній эпизодъ, въ связи съ тѣми страшными экзекуціями, которыя ничто не могло вытравить изъ памяти стараго солдата, особо ярко характеризуетъ то прирожденное русскому мужику добродушіе, исконное славянское добродушіе, которое безрезультатно пытался выбить и татарскій кнутъ, и голландскіе линьки или нѣмецкіе шпиритены и наши отечественныя розги и плети. Правда, Митричъ пугаетъ Анютку *дѣтостыкой*, «которая подниметъ рубахенку да и ну хлестать»; но это запугиванье—только ласковый угомонъ «дѣдушки», по опыту узнавшаго, что нѣтъ ничего страшнѣе тѣлесныхъ наказаній.

Митричъ—это положительный типъ русскаго крестьянина, вся исторія котораго, конечно, не столько исторія войнъ, бранныхъ подвиговъ, просвѣщенія, культуры, сколько исторія плѣна, прозябанія подъ властью правежа, плетей и розогъ,—исторія тѣлесныхъ наказаній въ широкомъ значеніи ихъ примѣненія.

Подобно Митричу, простой русскій народъ, за малымъ исключеніемъ, забылъ на старости лѣтъ геройство и милость начальниковъ, забылъ исторію царствъ, смутъ, завоеваній, не помнитъ большинства подробностей тѣхъ славныхъ дѣлъ, гдѣ сказалась мощь и подвижничество русскаго духа и гдѣ онъ самъ непосредственно участвовалъ—все вытѣснила въ немъ память о систематической и безсистемной поркѣ, которой со временъ закрѣпощенія, подвергали русскаго мужика, поркѣ, слѣды

которой, изгладимые порой на тѣлѣ, никогда неизгладимы въ душѣ. Вся жизнь народа проходила подъ вѣчнымъ страхомъ истязанія: пороли родители дома, поролъ учитель въ школѣ, поролъ помѣщикъ на конюшнѣ, пороли хозяева ремеслѣ, пороли офицеры, становые, волостные судьи, казаки,—чуть не всѣ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ почти безправнымъ крестьяниномъ. Не было мѣстности, «гдѣ-бы—выражаясь словами поэта—русскій мужикъ не стоналъ». И, конечно, эти стоны не могутъ пройти безслѣдно въ исторіи русскаго народа;—я не говорю о часѣ возмездія, я говорю лишь о складѣ души потомства тѣхъ битыхъ массъ, за которыя, согласно иронической пословицѣ, «двухъ небитыхъ даютъ», говорю о тѣхъ, въ чьихъ жилахъ до сихъ поръ течетъ кровь озвѣрѣвшихъ, униженныхъ, кровь притупѣвшихъ отъ долгаго позора, кровь пугливыхъ не столько предъ муками совѣсти, сколько предъ мукой физической.

Не прошли безслѣдно тѣлесныя наказанія, вѣрнѣе право ихъ примѣненія (притомъ большей частью безконтрольное), и для потомковъ налагавшихъ ихъ по своему усмотрѣнію въ интересахъ «науки», «добродравія», «службы» или просто ради поучительнаго развлечения. Кто изъ насъ не встрѣчалъ добродушныхъ на видъ стариковъ, почтенныхъ служаекъ, генераловъ, неглупыхъ помѣщицъ, чиновниковъ или чиновницъ, которые частенько, при всякомъ подходящемъ случаѣ, любили нравоучительно вздыхать: «эхъ не порютъ нынче», «вотъ въ наше время сѣкли, но зато и люди были», «ну какъ такого не высѣчь», «драть надо» и т. д. Я уже не говорю про стариковъ сомнительной репутаціи, про старыхъ бурбоновъ или просто выжившихъ изъ ума!—Такіе готовы проклинать все новое на свѣтѣ только потому, что больше «шкуру» никому не спускаютъ», «розги не обламываютъ объ мерзавцевъ», а «слѣдовало-бъ, какъ раньше, разложить хорошенько, спустить штаны или задрать подолъ, да по мягкимъ частямъ съ разстановочкой» и пр. Старые селадоны особенно любятъ затрагивать тему о розгахъ въ присутствіи дамъ, конфузющихся при одномъ напоминаніи о неприличной процедурѣ порки и вдобавокъ кокектливо «пугающихся». Хотя справедливость требуетъ сказать, что юное поколѣніе большей частью слабо или невѣрно представляетъ себѣ картину былого «наказанія на тѣлѣ» и старческое шамканье, да еще апологетическаго характера, о розгахъ не производитъ того отталкивающаго впечатлѣнія, какое должно-бы производить. А между тѣмъ совсѣмъ недавно они могли сами стать свидѣтелями такого, напр., обычно—безобразнаго процесса, какъ наказанія, скажемъ провинившейся дворовой. Романтика, Ричардсонъ, «Бѣдная Лиза», музыка Моцарта, головки Греза и прочія нѣжности были сами по себѣ, а удовольствіе возмездія за плохо выглаженную косынку—само по себѣ; и пагуба узаконеннаго обычая нисколько не

являла странности и невозможности перехода отъ трогательной романтики Ричардсона къ реалистически грубой картинѣ расправы съ негодницей Палашкой, отъ сладкихъ словъ «Бѣдной Лизы» къ произвольнымъ причитаніямъ наказываемой — «ой барыня, больше не буду», отъ нѣжной музыки Моцарта къ оглушительному крику боли и стыда, отъ поэтичныхъ головокъ Греза къ исполосованнымъ «формамъ Палашки», которую въ угоду барыни одинъ конюхъ держитъ крѣпко за ноги, а другой хлещетъ со всего маху по обнаженнымъ «филейнымъ частямъ» (какъ приказывала одна помѣщица своему управляющему). Кто знаетъ, быть можетъ полъ-сотни лѣтъ тому назадъ, имъ-бы даже понравилось положеніе повелительницы, провѣряющей поркой изъ личнаго каприза реальность своего господства, подобно той милой актрисѣ изъ «Монго» Лермонтова, которую въ юности директоръ театральной школы за кокетничанье съ офицерами «поролъ на убой», а потомъ судьба такъ возвеличила, что она уже сама стала властительницей надъ «филейными частями» своихъ ближнихъ.

«Теперь со мной плохія шутки» — хвастается актриса.

«Меня сударыней зовутъ

«И за меня *три раза въ сутки*

«Каналью повара *дерутъ*».

Возможность тѣлесно наказывать превращалась на Руси нерѣдко въ настоящую страсть къ истязанію, страсть, находящую себѣ полное объясненіе лишь въ планомѣрной исторіи развитія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Эта страсть въ своей заразительности доходила до того, что передъ самой отмѣной крѣпостного права въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Херсонской, было, по воспоминаніямъ Скальковского, «поголовное увлеченіе» розгами, причемъ поролли на трубку, на двѣ трубки и т. д. (т. е. сѣченіе должно было продолжаться, пока помѣщикъ выкурить опредѣленную дозу табаку).

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи дастъ ключъ къ пониманію такихъ типовъ, какія напр. правдиво выведены А. Чеховымъ въ его разсказахъ: «Трифонъ», «За яблочки» и др. Особенно жутокъ и предостерегающе — показателенъ первый изъ разсказовъ. «Его-бы наказать, чтобъ всю жизнь помнилъ», — говоритъ нѣкій розголюбъ Щегловъ, ревнующій Трифона къ своей сожительницѣ. — «Выпороть-бы, какъ прежде. Разложить на конюшнѣ и этакъ.... въ десять рукъ, сѣмо и овамо.... Ты его порешь, а онъ проситъ и молить, а ты стоишь около и только руки потираешь: такъ его! Шибче! Шибче!» Ее (т. е. сожительницу Щеглова) около поставить и смотрѣть, какъ у ней на лицѣ: — ну, что, матушка? Ааа.... то-то!» Разсказъ кончается тѣмъ, что растравившій свое вообра-

женье поркой Трифона Щегловъ не выдерживаетъ искушенія и угориваетъ Трифона: «Трифонъ!... Триша! Я тебѣ одно только слово скажу.... Прошу и умоляю тебя, подлеца, на старости лѣтъ! Голубчикъ!»—«Ну?»—«Видишь ли.... Я тебѣ четвертную дамъ и даже, ежели желаешь, жалованья прибавлю.... Тридцать рублей дамъ, а ты.... дай я тебя выпорю! Разикъ! Разикъ выпорю—и больше ничего!»....

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній не ознаменовала, конечно, отмѣну привычки и страсти къ ручнымъ расправамъ; исторія-же этихъ наказаній раскрываетъ во всей полнотѣ тотъ возмутительный духъ, разъ воспитавшись въ которомъ, народъ не смогъ потомъ освободиться отъ гнета развращенныхъ чувствъ такъ-же мгновенно, какъ былъ подписанъ актъ объ отмѣнѣ причинъ этого развращенія. Пробѣгая мрачныя страницы исторіи тѣлесныхъ наказаній, мы убѣждаемся съ каждой строкой все больше и больше, что изъ бездны не выкарабкиваются сразу и что переходъ отъ тьмы къ свѣту невозможенъ безъ промежутка ослѣпленія. Человѣкъ аккомодируется къ самымъ, казалось бы, ужаснымъ условіямъ существованія и лучшее ему часто не кажется такимъ только въ виду необходимости затраты новыхъ силъ для аккомодации.—Исторія отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи лучшее тому доказательство.

«Легко понять,—говоритъ М. А. Энгельгардтъ въ прескрасной книгѣ «Прогрессъ какъ эволюція жестокости»,—къ какимъ результатамъ должно было привести воспитаніе человѣчества въ духѣ безчеловѣчности. Тысячелѣтіями культивированная, разработанная, взлелѣянная жестокость, заразивъ въ большей или меньшей степени всѣхъ культурныхъ людей, должна была достигать исключительнаго развитія у отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ создались цѣлые разряды людей, находившихъ свое удовольствіе и отраду, честь и славу, утѣху и развлеченіе въ истязаніи себѣ подобныхъ.... Хорошо вымуштрованный культурный человѣкъ направляетъ свою жестокость въ русло, намѣченное закономъ; если-же дрессировки не хватало, жестокость прокладывала собственный путь. Плацъ-майоръ или поручикъ Жеребятниковъ, истязатели арестантовъ, изображенные въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго, были почтенными и полезными членами своего общества, такъ же, какъ и Шешковскіе и ген. Измайловы, Аракчеевы и Шварцы, Малюты Скуратовы.... А рядомъ съ ними существовалъ контингентъ такихъ-же мучителей.... но почему-либо проявлявшихъ свое звѣрство въ формѣ, не допускавшейся обществомъ. Тѣ и другіе—лишь крайнее проявленіе, наиболѣе зрѣлый продуктъ началъ, развившихся вѣками. Конечно, такой фондъ жестокости не можетъ исчезнуть быстро. Съ прошлаго столѣтія начинаются реформы въ разныхъ сферахъ быта, стремящіяся вывести изъ обихода мучительство и отнять почву у истязателей.... Масса удовольствій.... издавна оцѣненныхъ и

просмакованныхъ культурнымъ человѣчествомъ,—вычеркнута изъ обихода, изъята изъ обращенія. Нечего дѣлать, надо покориться! Дрессировка, тоже вошедшая въ плоть и кровь культурнаго человѣка, является на помощь: онъ отказывается отъ насилія, *замыкаетъ его суррогатомъ, пытками моральнаго свойства*... Можно отмѣнить рабство, пытки, порки и проч., но какъ вы отмѣните свирѣпость, развивавшуюся вѣками подъ вліяніемъ рабства, пытокъ, пороковъ?...

Мы до сихъ поръ сохранили въ нашемъ языкѣ выраженія, значеніе которыхъ точно извѣстно лишь знакомому съ исторіей тѣлесныхъ наказаній; напр., даже въ официальномъ слогѣ непрестанно употребляются слова «подлинный», «подлинность» («подлинная правда», «подлинный документъ»), смыслъ которыхъ означаетъ нѣчто добытое подъ ударами линьковъ, т. е. канатовъ съ узлами; мы говоримъ: «узнать всю подноготную», не отдавая себѣ отчета, что выраженіе подноготной правды совсѣмъ не означаетъ послѣднюю грязь, накопившуюся подъ ногтями, а ведетъ свое начало отъ пытки иглами, запускавшими подъ ногти рукъ и ногъ обвиняемаго и причинявшими такую невыносимую боль, что пытаемый ими выбалтывалъ самое сокровенное; приглашая сѣсть кого-нибудь, мы иногда съ улыбкой заявляемъ, что «нѣтъ правды въ ногахъ», слабо сознавая или и вовсе не подозревая, что это трагическое замѣчаніе обязано своимъ происхожденіемъ вѣку Гироновщины, когда въ силу «Доимочнаго приказа» ставили на правесѣ тысячи недоимщиковъ, въ числѣ которыхъ, по свидѣтельству современниковъ, и «лучшихъ людей», вовсе невиноватыхъ, которыхъ «каждый день, поставляя всѣхъ рядомъ разутыми ногами въ снѣгъ, били по щиколкамъ и пятамъ палками»; мы сохранили, напр., еще такое выраженіе, какъ «потянули къ Іисусу», забывъ уже окончательно глубокую иронию этихъ загадочныхъ словъ, пущенныхъ на самомъ дѣлѣ въ ходъ не въ библейскія времена, а въ просвѣщенный вѣкъ Екатерины II, когда ея «кнутофильныхъ дѣлъ мастерь» Шешковский вызывалъ вольнодумцевъ въ секретную комнату, сплошь увѣшанную образами, и тамъ,—предавъ виновнаго въ руки служителей, вооруженныхъ розгами, съ воодушевленіемъ читалъ въ тактъ ударамъ акаѣистъ Іисусу Сладчайшему, и т. д. Достаточно сказать, что даже такое ходовое выраженіе, какъ напр. «отъ него ничего не добьешься» употребляется большей частью безсмысленно, потому что застѣночный деривативъ этихъ ужасныхъ словъ забыть не менѣе, чѣмъ значеніе словъ «дать встряску», «подтянуть» и врядъ-ли у кого при произнесеніи ихъ рисуется въ то-же время дыба, виска, оголенная спина съ клочьями мяса, палачи въ красныхъ рубахахъ и душераздирающіе крики жертвы, отъ которой судьи хотятъ *добиться* (въ буквальномъ смыслѣ) нужныхъ имъ признаній.

И если мы до сихъ поръ изъ нашего обиходнаго лексикона не можемъ изгнать слова и выраженья, утратившія свой смыслъ, а фигуральность которыхъ, отзывающаяся насильническими страданіями ближнихъ, не пристала, казалось-бы, языку наши, претендующей на просвѣщенный либерализмъ,—то сколь труднѣе ожидать освобожденія нашей души отъ плѣна тѣхъ жизненныхъ чувствъ, которыя, въ продолженіе болѣе восьми вѣковъ крѣпли въ дни казней, радостно отмѣчая силу своего бытія.

Наши предки воспитывались около плахъ и эшафотовъ, никогда они не собирались въ большемъ многолюдствѣ, чѣмъ въ дни торговыхъ казней или военныхъ экзекуцій, ихъ пѣсни, ихъ игры и забавы проникнуты потѣхой битья, «не бить» значило долгое время «не властвовать», «не учить», т. е. быть не тѣмъ, чѣмъ похвально быть, «Домострой», основанный на плетяхъ и сокрушеніи реберъ, вошелъ въ ихъ плоть и кровь,—и вотъ теперь, когда все это предано осужденію и уничтоженію, можно-ли повѣрить, что восьмивѣковой обычай, освященный въ свое время государствомъ, церковью, лучшими людьми, прошелъ безслѣдно для впечатлительныхъ душъ консервативнаго русскаго человѣка!—Исторія тѣлесныхъ наказаній послѣдняго времени, т. е. послѣ ихъ принципиальной отмѣны верховной властью, даетъ совершенно точный отвѣтъ,—отвѣтъ, заставляющій съ бѣльшимъ прилежаніемъ, чѣмъ до сихъ поръ, обратиться къ подробной исторіи нашихъ отечественныхъ каръ судебныхъ, административныхъ, военныхъ, тюремныхъ, семейныхъ и школьных. Что если, несмотря ни на что, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, въ конечномъ результатѣ, не порѣшенный фактъ, а все еще проблема?...

При этомъ вопросѣ уместно здѣсь-же привести стихотвореніе нѣкоего Вл. Точечкина, появившееся въ Искрѣ 1863 г. № 49, т. е. сейчасъ-же вслѣдъ за отмѣной тѣлесныхъ наказаній,—стихотвореніе, не столько блестящее поэзіей, сколько правдой.—Называется оно:

Куланъ.

Отъ размашистой натуры
Не сидится намъ:
Есть межъ нами самодуры
Съ страстью къ кулакамъ.
Всѣ они чинятъ расправу
Собственнымъ судомъ.

Кто пришелся не по нраву,
 Учатъ кулакомъ.
 Есть и бары и крестьяне,
 Что сложились такъ,
 Что у нихъ на первомъ планѣ
 Нашъ родной кулакъ.
 Съ кулакомъ нельзя не сжиться
 На Руси святой:
 Въ дѣтствѣ, лишь начнемъ учиться
 Грамотѣ родной,
 Педагогъ иной сердитый
 Намъ твердитъ уча:
 «Двухъ небитыхъ стоитъ битый»!
 Ну и бьетъ съ плеча.
 И въ младенчествѣ съ ученьемъ
 Сходимся мы такъ;
 Значитъ, ладить съ просвѣщенемъ.
 Нашъ родной кулакъ.
 Вдругъ случится, что крестьяне
 Зашумятъ порой.
 Знать дадутъ объ этомъ въ станѣ.
 Бѣдетъ становой.—
 По ему, прѣхавъ, скупо,
 Скупо толковать
 И пойдетъ собственноручно
 Онъ ихъ унимать.
 Съ беспорядками, съ нахальствомъ
 Кончитъ кое какъ...
 Значитъ, ладить и съ начальствомъ
 Нашъ родной кулакъ.
 Ссора милыхъ только шутка,
 Говорятъ у насъ,
 Но на эту шутку жутко

И глядѣть подчасъ.
 Поговорку не напрасно
 Выдумалъ народъ,
 Что кого кто любить страстно,
 Тотъ того и бьетъ.
 И выходитъ, что, по мнѣнью
 Всѣхъ вступившихъ въ бракъ,
 Нѣжной страсти выраженье
 Нашъ родной кулакъ.
 Старичекъ твердитъ съ досадой,
 Что онъ слабъ и хилъ,
 Что дѣтей учить-бы надо,
 Да побить нѣтъ силъ.
 И старикъ, ворча въ постели,
 Доживаетъ вѣкъ...
 Такъ до гроба съ колыбели
 Добрый человѣкъ
 То другихъ бьетъ, то дерется,
 То его бьютъ, такъ,
 Что сроднится съ нимъ, сживется
 Нашъ родной кулакъ.

Давно-ли самый вопросъ о совершенной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній поставленъ на очередь пытливыми умами западно-европейскихъ ученыхъ?—Лишь съ 1831 г., когда появилась извѣстная статья нѣмецкаго криминалиста Миттермайера, рѣшительно требовавшего отмѣны этихъ наказаній, какъ бесполезныхъ и несоотвѣтствующихъ строю конституціонныхъ государствъ. До этой статьи были, что называется, только «одни разговоры», безплодные и мало убѣдительные. Да и статья Миттермайера въ концѣ концовъ не принесла никакого практическаго результата, такъ какъ борьба со зломъ была начата черезчуръ преждевременно. Но тутъ важна была «идея», важна была искорка, отъ которой должно было начаться настоящее ауто-да-фэ орудій позора и боли. И это ауто-да-фэ вскорѣ и началось, истребивъ многое, но еще не все....

Въ 1913 году просвѣщенная часть русскаго общества отмѣтитъ слѣдующія знаменательныя въ исторіи нашего законодательства числа: 17 апрѣля — день *пятидесятилѣтія* отмѣны тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній, 29 марта — день *двадцатилѣтія* отмѣны тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ жёнщинъ и 2 іюня — день десятилѣтія отмѣны исключительныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ.

И тѣмъ не менѣе мы пишемъ исторію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи *безъ послѣдней страницы*. Не говоря уже про тотъ грустный фактъ, что согласно нашимъ законамъ, розги остаются въ силѣ на каторгѣ (Государственная Дума 3-го созыва высказалась лишь за болѣшую осторожность ихъ примѣненія, а не за рѣшительную ихъ отмѣну), что при малѣйшемъ волненіи, представляющимъ «народнымъ», возможны легальныя экзекуціи, свирѣпость которыхъ можетъ легко превзойти усмирнія 1906 года, — существуютъ (и это ни для кого не тайна) «несгласныя внушенія», исправленія «въ обходъ закона» и просто «истязанія въ участкахъ», о чемъ до сихъ поръ оповѣщаютъ насъ газетныя хроники. Правда, многое представляется иногда оппозиціонной печатью въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, многое немедленно-же влечетъ соотвѣтствующее эксцессамъ власти внушеніе правящихъ сферъ (преданіе суду, увольненіе отъ должности и т. д.), — но отъ этого обывателю, рискующему ежеднсьвно столкнуться съ «начальствомъ», слишкомъ преданнымъ завѣтамъ старины и часто мнящимъ, что служебное рвеніе все оправдываетъ, а въ особенности «строгость» относительно «крамольниковъ», — разумѣется не легче.

Продолжается еще «ученье» ремесленниковъ, подстегиванье новобранцевъ на ученьѣ въ кавалерійскихъ полкахъ, линейки въ церковно-приходскихъ школахъ и, наконецъ, тѣ «строгости» въ отношеніи родныхъ дѣтей, отъ которыхъ содрогаешься, читая протоколъ «О-ва защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія».

Вотъ эти-то все продолжающіяся «наказанія—истязанія», не дающія возможности дописать послѣднюю страницу исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, и придаютъ этой исторіи не только научно-историческій, но и вполне современно-практическій интересъ.

Считать эти наказанія совершенно отвергнутыми теоретически тоже нельзя. — Въ то время, какъ большинство ученыхъ сходится въ томъ, что тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ умственному и нравственному развитію современнаго общества, олицетворяя грубую силу, развращающую и наказующихъ и наказуемыхъ, нѣсколько не утѣшаютъ преступный элементъ общества и неравномѣрны въ дѣйствіи, вліяя на преступниковъ каждый разъ различно, соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ наказываемыхъ, — знаменитый проф. Листъ высказываетъ

убѣжденіе, что едва-ли можно обойтись безъ тѣлеснаго наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., приходится наказывать неисправимыхъ преступниковъ или несовершеннолѣтнихъ, чувствующихъ боль наказанія, но не его позорность; Шопенгауэръ-же разсуждаетъ еще прямолинейнѣе: «Я не могу не порицать—говоритъ онъ въ «Афоризмахъ житейской мудрости»—тѣ правительства и законодательныя учрежденія, которыя потворствуютъ стремленію отмѣнить тѣлесныя наказанія какъ для штатскихъ, такъ и для военныхъ. Они думаютъ при этомъ, что дѣйствуютъ въ интересахъ гуманности; на самомъ-же дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: этимъ путемъ лишь утверждается противоестественное и пагубное безуміе, поглотившее уже столько жертвъ. При всѣхъ проступкахъ, за исключеніемъ тягчайшихъ, прежде всего приходитъ въ голову, а потому и естественнѣе всего—побить виновнаго; кто не слушалъ доводовъ, тотъ покорится ударамъ; умѣренно побить того, кого нельзя наказать ни лишеніемъ имущества, котораго у него не имѣется, ни лишеніемъ свободы—ибо нужна его работа—это и справедливо и естественно». Противъ этого можно возражать лишь пустыми фразами о человѣческомъ достоинствѣ, опирающимися не на точныя понятія, а опять-же на предразсудокъ», подобный,—по мнѣнію Шопенгауэра,—напр., дуэли, вывести которую великій философъ проектируетъ въ тѣхъ же «Афоризмахъ» такимъ простымъ средствомъ: «какъ вызвавшему, такъ и принявшему вызовъ капралъ отсчитываетъ *à la Chinois* (т. е. пониже спины) среди бѣла дня и на открытомъ мѣстѣ 12 палочныхъ ударовъ, секундантамъ-же и посредникамъ—по 6». Такое средство Шопенгауэръ, тутъ-же ручаясь за его успѣхъ, признаетъ «очень мягкимъ и гомеопатичнымъ». И «современное состояніе вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ на западѣ,—говоритъ А. Г. Тимофеевъ, авторъ «Исторіи тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ»—представляетъ (наканунѣ XX-го вѣка).... кое-какіе тревожные симптомы, говорящіе о желаніи нѣкоторыхъ возвратиться на давно пройденную дорогу»; и хотя А. Г. Тимофеевъ констатируетъ, что «эти желанія захватываютъ лишь небольшое число публицистовъ опредѣленнаго оттѣнка», «движеніе это не глубоко, и все прошлое тѣлесныхъ наказаній громко свидѣтельствуетъ, что они не могутъ вернуться, потому что нѣтъ болѣе и не будетъ условій, поддерживавшихъ ихъ существованіе прежде», однако въ XX-мъ вѣкѣ плети и хлыстъ начинаютъ снова процвѣтать въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Англія, Данія, Америка (не только Южная, гдѣ рабовладѣльческіе инстинкты все время даютъ знать о себѣ на плантаціяхъ, но и Сѣверная, какъ напр. въ штатѣ Делавари). Что касается Россіи, то въ административныхъ сферахъ еще совсѣмъ недавно были въ самомъ разгарѣ дебаты о введеніи практикуемой въ Лондонѣ девятихвостки для хулигановъ—рседивистовъ, М. О. Меншиковъ въ одномъ

изъ фельетоновъ, нашего полу-офиціоза разоткровенничался до панегирика розогъ, формально — правые органы печати.... — о нихъ и говорить не стоитъ.

Конечно, возможна теорія и теорія. Характеристику-же нашихъ розголюбовъ-теоретиковъ далъ еще покойный Щедринъ-Салтыковъ, и отъ нея поистинѣ не поздоровится! — «Когда я былъ въ школѣ — пишетъ Салтыковъ, — то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ еще весьма часто упоминалось слово: «кнутъ». Профессоръ уголовного права такъ или иначе долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ на кафедрѣ. И что-же! Выискался профессоръ, который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть такъ: Какъ дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣствовалъ, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того, онъ утверждалъ, что самая злая воля преступника требуетъ воздаянія именно въ видѣ кнута. Но прошли времена, и кнутъ былъ замѣненъ трехвостною плетью. Насъ, школяровъ, интересовало, прольетъ-ли слезу буквоѣдъ на могилѣ кнута или воткнетъ осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ колъ. Цѣлую лекцію онъ сквернословилъ предъ нами, говоря, какъ скорбѣла идея высшей правды, когда она осуществлялась въ формѣ кнута и какъ она ликуетъ теперь, когда, съ изволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соответствующимъ угробженіемъ. Онъ говорилъ и его не тошнило, а мы слушали и насъ тоже не тошнило!... Кто-же однако бросить въ него камень за выказанную имъ научную сноровитость? Развѣ отъ него требовалось, чтобы онъ стоялъ на дорогѣ со свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобы онъ *подыскалъ обстановку для истины, уже утвержденной и официально признанной таковою*».

Слова М. Е. Щедрина-Салтыкова очевидно забыты, такъ какъ нѣкоторые изъ «прозорливыхъ» уже бормочутъ, глядя въ даль, о грядущей переоцѣнкѣ цѣнности тѣлесныхъ наказаній....

Это положеніе in pendente вопроса о необходимости примѣненія позорящихъ и унижающихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній придаетъ особо острый интересъ всей исторіи этихъ наказаній, якобы исчезающихъ, по увѣренію ученыхъ, когда государственный строй становится правовымъ, исторіи, которой, по словамъ того-же А. Тимофеева, такъ ясно доказывается, «что они, составляя неизбѣжное явленіе на извѣстномъ уровнѣ культуры, осуждены на вымирание въ цивилизованныхъ государствахъ, законы которыхъ равно охраняютъ лич-

ность гражданина, къ какому-бы сословію или классу онъ ни принадлежалъ».

Во всякомъ случаѣ, съ внѣшне-официальной точки зрѣнія, Россія, какъ красиво выразился сенаторъ Д. А. Ровинскій, послѣ перваго-же акта отмѣны тѣлесныхъ наказаній, «словно въ сказкѣ какой.... изъ битаго царства вдругъ небитое стало».... Подумать только, что еще совсѣмъ недавно наші городскія площади оглашались въ утренніе часы стонами позорно-обнаженныхъ мужчинъ и женщинъ, корчившихся подъ трехвостною плетью пьянаго палача, въ «сѣбзжихъ» имъ вторилъ свистъ розогъ полицейскихъ служителей, на военныхъ плацахъ шумъ «зеленой улицы»,—и вотъ всего этого вдругъ не стало!.... Мы словно проснулись послѣ страшнаго кошмара, не будучи въ состояніи припомнить всѣ ужасныя подробности, какъ-бы теряющіяся за кровавымъ туманомъ. Помнимъ только, что были казни, были пытки, истязали въ тюрьмѣ, въ участкѣ, на конюшнѣ, въ полку, въ семьѣ, въ школѣ,—но какова была мѣра безчеловѣчности, сколь великъ былъ рискъ подвергнуться хотя-бы за легкомысліе или даже безъ всякой вины минувшему ужасу, каковы были шансы на благополучный исходъ той или другой казни для жизни или здоровья, какою степенью стыда и позора грозилъ тогда законодатель за малѣйшее отступленіе даже отъ нормъ, устанавливавшихся подчасъ неразумнымъ администраторомъ, все это лишь слабо сознается нами за отсутствіемъ матеріала, могущаго освѣтить всесторонне ту правду, съ которой, надѣмся, мы уже не познакомимся нынѣ, какъ съ живой *дѣйствительностью*!.... Но познакомиться съ этой правдой, какъ съ *исторіей*, внѣ всякаго сомнѣнія не только полезно для полноты нашего образованія (одинаково, составляетъ-ли нашу спеціальность исторія права, исторія культуры, этнографія или исторія Россіи, въ широкомъ значеніи этого предмета) но, пожалуй, и пріятно въ той степени, въ какой, по аналогіи, пріятно, напримѣръ, воспоминаніе днемъ объ ужасахъ ночного сновидѣнія, безвозвратно исчезнувшихъ.

Несмотря на такой интересъ, вся литература настоящаго вопроса исчерпывалась до сихъ поръ лишь диссертацией М. Ступина («Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи»), книжками Тимофеева («Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ»), Д. Н. Жбанова и В. И. Яковенко («Тѣлесныя наказанія въ настоящее время»), В. Л. Бинштока («Изъ недавняго прошлаго»), статьями Гр. Джаншіева (въ книгѣ «Изъ эпохи великихъ реформъ»), Д. Ровинскаго («Русскія народныя картины») нѣкоторыми сырыми матеріалами, помѣщенными въ историческихъ и юридическихъ журналахъ и скромными по размѣрамъ замѣтками, скупо разбросанными въ другихъ повременныхъ изданіяхъ,—трудами, быть можетъ, и съ достаточной полнотой трактовавшими о формальной сто-

ронѣ нашихъ отечественныхъ наказаній «на тѣлѣ», но совершенно не касавшимися или затрагивавшими лишь въ незначительной степени интимную, такъ сказать, анекдотическую сторону этихъ наказаній, столь различно, какъ мы знаемъ, примѣнявшимися на практикѣ, въ зависимости отъ жертвы, палача, обстановки и «историческаго момента». Анекдотическая-же часть исторіи, какъ извѣстно, порой не менѣе важна для конечныхъ выводовъ, чѣмъ даже столь существенныя данныя, какъ напримѣръ, хронологическія.

«Отмѣна тѣлесныхъ наказаній,—говоритъ В. Л. Бинштокъ въ названномъ нами трудѣ—произведенная закономъ 17 апрѣля 1863 г. стоитъ въ промежуткѣ между двумя великими реформами 60-хъ годовъ: съ одной стороны ей предшествуетъ освобожденіе крестьянъ 19 февраля 1861 г., а съ другой стороны непосредственно послѣ нея слѣдуетъ введеніе въ Россіи гуманнаго, гласнаго, праваго суда по Уставамъ 20 ноября 1864 г. Это срединное положеніе реформы между такими двумя Монбланами и объясняетъ намъ то странное, на первый взглядъ, обстоятельство, что, между тѣмъ, какъ по исторіи освобожденія крестьянъ у насъ имѣются превосходные и обработанные матеріалы, что между тѣмъ, какъ благодаря талантливымъ работамъ г. Джаншіева, намъ извѣстенъ, въ общихъ чертахъ, весь ходъ судебной реформы,—по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній мы находимся почти въ полной неизвѣстности, и изслѣдователю, желающему познакомиться съ этимъ вопросомъ, приходится рыться въ пыльных архивахъ различныхъ канцелярій, отдѣленій и министерствъ».

Совсѣмъ иное отношеніе къ настоящему предмету мы видимъ на Западѣ. Достаточно сказать, что, напр., въ одной Германіи было за послѣднее время издано цѣлыхъ два каталога книгъ, специально посвященныхъ изслѣдованію тѣлесныхъ наказаній, какъ въ историческомъ, такъ и психологическомъ отношеніяхъ: первый—изданіе Н. R. Dorn'a въ Дрезденѣ (*Catalog interessanter Bücher aus den Gebieten: Rechtspflege des Mittelalters, Inquisition, Hexenprozesse, Flagellantismus, Strafen*), второй—*Leipziger Verlag G. m. b. H. in Leipzig* (*Catalog interessanter Bücher aus den Gebieten: Rechtspflege des Mittelalters, Inquisition, Mönchs—u. Nonnenwesen, Strafen, Flagellantismus usw.*). Кромѣ того имѣется еще Дрезденское изданіе каталога исключительно иконографическаго матеріала по тѣлеснымъ наказаніямъ недавняго прошлаго, собраннаго Гуго Лахманомъ. Во Франціи распространенъ идентичный книжный каталогъ Carrington'овскихъ изданій, въ Англіи и Италіи подобные-же міхт-каталоги. Просматривая и изучая такіе настоящіе «увражи», какъ «Die Tortur» Heibing'a, грандіозные по размѣрамъ труды Villiot («*Etude sur la flagellation, «La Flagellation en Allemagne», «La Flagellation en Amerique» и др.*») «Die Leibes-und Lebensstrafen» Roudolf'a Ouanter'a,

богатѣйше иллюстрированное изслѣдованіе F. Heinemann'a «Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit»,—особо ярко чувствуешь пробѣлъ въ данномъ направленіи нашихъ отечественныхъ книжныхъ сокровищницъ. Въ той-же Германіи (см. напр. такія солидныя изслѣдованія, какъ двухтомный трудъ Bernhard'a Stern'a «Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Russland» или такія, политико-пикантныя, какъ «Prügelnde Russland» M. Sadow'a) издано больше книгъ, посвященныхъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ Россіи, чѣмъ въ самой Россіи.

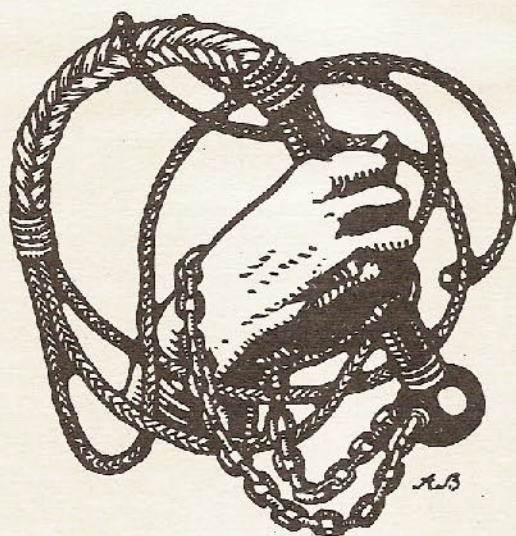
Этотъ, ничѣмъ болѣе неоправдываемый, пробѣлъ долженъ быть заполненъ хотя-бы въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Указаніе В. Л. Бинштока, что «по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній мы находимся почти въ полной неизвѣстности» должно отойти, съ выходомъ изъ печати настоящаго, многолѣтняго, труда, въ область преданій. Предлагаемый вниманію читателя трудъ не только разсѣетъ окончательно пессимизмъ В. Л. Бинштока, но въ полнотѣ своей представитъ еще такія страницы, о которыхъ почтенный В. Л. Бинштокъ и не заикается;—я говорю о такихъ специальныхъ отдѣлахъ настоящей «Исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи», какъ «Тѣлесныя наказанія крѣпостныхъ», «Административныя тѣлесныя наказанія», «Тѣлесныя наказанія въ духовномъ сословіи», «Тѣлесныя наказанія въ арміи и флотѣ», «Тѣлесныя наказанія въ тюрьмахъ и на каторгѣ», «Исторія палачей», «Тѣлесныя наказанія въ произведеніяхъ народнаго творчества», «Тѣлесныя наказанія въ семьѣ», «Тѣлесныя наказанія въ школѣ», «Тѣлесныя наказанія ремесленниковъ», «Тѣлесныя наказанія въ нашей художественной литературѣ» и наконецъ «Тѣлесныя наказанія на почвѣ садизма». Предпославъ этимъ статьямъ основную статью исчерпывающаго характера «Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ» вплоть до настоящаго времени,—можно стать увѣреннымъ, что, съ выходомъ настоящаго изданія въ свѣтъ, должны прекратиться сѣтованія на дѣйствительно зіявшій пробѣлъ въ нашей отечественной исторіи. Но мы идемъ, въ интересахъ цѣнности настоящей исторіи, еще дальше, а именно, включаемъ въ этотъ трудъ, исключительно ради безупречной *полноты* исторіи тѣлесныхъ наказанія въ Россіи,—вѣрнѣе тѣлесныхъ истязаній въ Россіи—еще и *исторію пытки на Руси*, такъ какъ пытка въ свое время если и не составляла наказанія въ юридическомъ значеніи этого слова, то долгое время была связана съ нимъ, какъ непремѣнное зло, порой превышавшее для тѣла и души осужденнаго степень зла самаго наказанія. Кстати сказать, такой подробной исторіи пытки, за исключеніемъ небольшихъ изслѣдованій Н. Бартенева и Вл. Короленко, у насъ до сихъ поръ не имѣлось.

Что можетъ и долженъ сказать еще авторъ читателю, прежде, чѣмъ послѣдній обратится къ первой страницѣ настоящей исторіи?—

Это длинная исторія, почти сплошь кошмарно-мрачная, исторія, полная безконечныхъ повтореній, одно ужаснѣе другого, исторія, требующая большого терпѣнія и нервной выдержки, исторія глубоко-поучительная въ области человѣческихъ заблужденій, исторія, угнетающая нашъ духъ, но и радующая его въ конечномъ результатѣ побѣдой Бѣлбога надъ Чернобогомъ.

Про себя-же составитель этой исторіи, принося глубочайшую благодарность огромному количеству лицъ, споспѣшествовавшихъ окончанію и появленію въ свѣтъ настоящаго труда, можетъ замѣтить только то, что не разъ говорилось людьми, бравшими на себя поистинѣ пелегкую, а часто и неблагодарную задачу: — «*feci quod potui, faciant meliora potentes*».

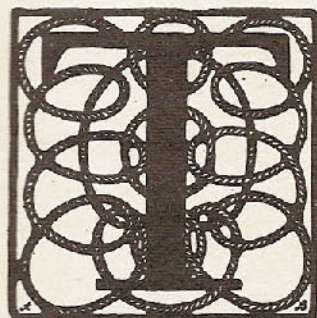
Н. Евремовъ.

I.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНИЯ ВЪ КІЕВСКОЙ РУСИ.

ТѢЛЕСНЫЯ наказания появились на Руси еще въ глубокой древности, вмѣстѣ съ возвышеніемъ власти Кіевскихъ князей ¹⁾. Правда, многіе доказываютъ, что жестокія карательныя мѣры уголовного права послѣдующихъ временъ заимствованы нами отъ татаръ и что до монгольскаго нашествія тѢЛЕСНЫЯ наказания не существовали на Руси. Карамзинъ, Максимовичъ, Дешпъ и другіе утверждаютъ, что законодательный сборникъ XII—XIII в. Русская Правда знаетъ только кровавую месть и денежную систему выкуповъ. Единственное наказаніе, налагаемое княземъ вмѣсто штрафа, было «потокъ или раз-

¹⁾ Возможно, что и раньше у славянъ въ VI—IX в. существовали тѢЛЕСНЫЯ наказания. Византійскіе и нѣмецкіе историки того времени неоднократно упоминаютъ о необычайныхъ звѣрствахъ славянъ на войнѣ. Легко допустить, что и въ домашнемъ быту рабовладельцы-начальники жестоко карали непослушныхъ родичей. Къ сожалѣнію болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ нѣтъ.

грабленіе», что означаетъ изгнаніе, отдачу въ рабство, выдачу народу. Русская Правда, наконецъ, прямо запрещаетъ тѣлесныя наказанія: «если кто кого ударитъ безъ княжого слова, за ту муку 80 гривенъ» ¹⁾. Кнутъ, правезъ, батоги и другія орудія истязанія пришли къ намъ отъ азіатскихъ народовъ. Русскимъ вообще въ тѣ времена совершенно чужды были тѣлесныя наказанія. Недаромъ, при заключеніи торговаго договора г. Любека съ новгородцами въ XIII в. эти послѣдніе отказались пороть воровъ розгами и клеймить ихъ въ щеку.

Но теперь мало осталось сторонниковъ такого взгляда. Сергѣевскій, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ и рядъ другихъ ученыхъ доказали съ несомнѣнной ясностью существованіе у насъ тѣлесныхъ наказаній еще до монголовъ. Русская Правда запрещаетъ бить безъ княжого слова; не подразумѣвается-ли подъ этимъ, что побои производились только по приказанію князя ²⁾? Слова «потокъ или разграбленіе» вовсе не значили исключительно отдачу въ рабство, изгнаніе; этимъ именемъ назывались и тѣлесныя наказанія, т. к. въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды «на потокъ» замѣнено словами «на бой». Подобное значеніе опредѣляетъ аналогичное постановленіе Судебника Казимира 1368 г. (19 ст.): парубокъ за первую татьбу приговаривается къ побоямъ (пробити) ³⁾.

Далѣе, посмотримъ постановленія Русской Правды о закупахъ (полусвободныхъ) и холопахъ. «Аще-ли господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины естъ»; ⁴⁾ «аще аже ударитъ холопъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то заплатите за неа господину 12 гривенъ», а если не заплатитъ, то Ярославъ установилъ убить его, «но сынове его по отци оуставиша на кунъ, любо бити и развязавши, любо взяти гривна кунъ за соромъ» ⁵⁾; т. е. сыновья Ярослава постановили холопа не убивать, а взять штрафъ или битъ развязавши, т. е. растянувши. Въ поученіи Данила Заточника (XIII в.) попадаетъ то же выраженіе: «а безумнаго аще и кнутомъ бьени развязавъ на санехъ» ⁶⁾, не отымещи безумія его». Въ то время, значитъ,

¹⁾ Русская Правда. Карамзинскій сп. § 135.
1888 г.

²⁾ Владимірскій-Будановъ толкуетъ эту статью, какъ первое упоминаніе о пыткѣ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно на какихъ данныхъ основываетъ онъ свое положеніе.

³⁾ Владимірскій-Будановъ: „Противъ Стушина“ Университетскія извѣстія

⁴⁾ Карамя. спис. § 73.

⁵⁾ Карамя. сп. § 76.

⁶⁾ Слѣдовательно въ XIII в. существовалъ обычай бить на саняхъ. Позже, во время расцвѣта тѣлесныхъ наказаній, въ XVI—XVIII в. такой способъ не встрѣчается; но въ XIX в. снова били на опрокинутыхъ саняхъ. Передняя часть (головашки) поднималась значительно выше задней; тѣло преступника, привязанное къ санямъ, находилось, такъ обр., въ наклонномъ положеніи.

былъ опредѣленный порядокъ наказанія: преступника привязывали къ санямъ, а слѣдовательно въ этой статьѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя видѣть слѣды частной мести.

Такимъ образомъ сыновья Ярослава впервые установили у насъ публичное тѣлесное наказаніе.

Точно-ли кнутъ и батоги заимствованы нами у татаръ? Слова эти встрѣчаются въ Русской Правдѣ. Въ одномъ изъ параграфовъ этого памятника читаемъ: «аже кто ударитъ кого батогами» и т. д. Слово «кнутъ», какъ мы видѣли выше, также было въ употребленіи. «На мусульманскомъ востокѣ нѣтъ этого наказанія (т. е. кнута) и едва-ли оно тамъ существовало,—говоритъ одинъ авторъ.—Намъ кажется, что кнутъ есть туземное орудіе мученій. По крайней мѣрѣ, всѣ иностранные писатели считаютъ кнутъ казнью, существовавшей только въ Россіи»¹⁾.

Перейдемъ теперь къ лѣтописямъ.

Воевода великаго князя Святослава, Янъ Выпчатичъ, велѣлъ бить волхвовъ и выдергивать имъ бороды. Въ 1068 г. Мстиславъ Изъяславичъ, возвратясь въ Кіевъ, изсѣкъ 70 чел., другихъ ослѣпилъ и побилъ безъ испытанія. Въ 1144 г. Владиміръ изсѣкъ многихъ жителей Галича за сношеніе съ его племянникомъ. Въ 1216 г. Ярославъ Всеволодовичъ, разбитый новгородцами, вернувшись въ свой Перьяславль, велѣлъ всѣхъ новгородскихъ купцовъ побросать въ погребъ и затворить въ тѣсныхъ избахъ; такъ задушилъ онъ 150 чел.²⁾ и т. д. и т. д.

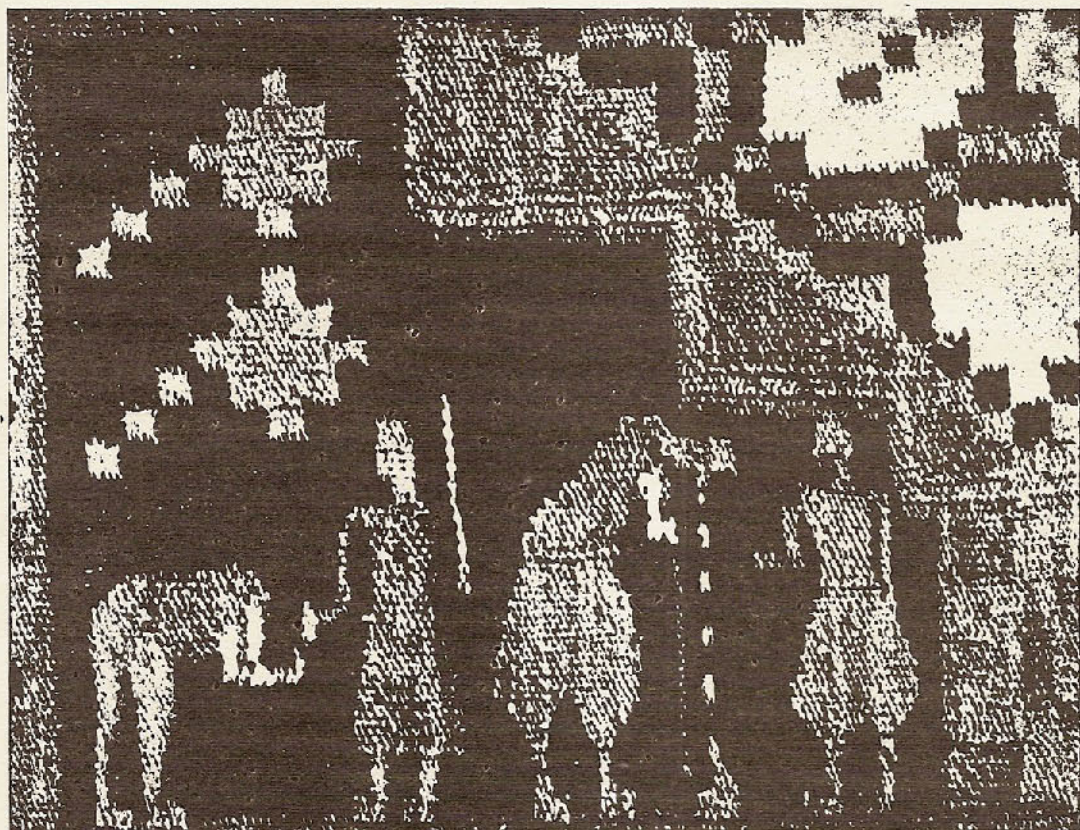
Съ принятіемъ христіанства распространенію тѣлесныхъ наказаній на Руси начало способствовать греческое духовенство, принесшее намъ вмѣстѣ съ религіей суровые законы византійскаго Помоканона. Самыя тяжкія преступленія были подсудны въ древности церковнымъ судамъ. По церковному Уставу Ярослава ихъ вѣдѣнію подлежали: прелюбодѣянiе со стороны мужа, насильственное похищеніе дѣвицы, оскорбленіе дѣломъ женщины, поджогъ, кровосмѣшеніе съ сестрой, оскорбленіе словомъ жены великаго боярина, побои, нанесенные сыномъ отцу, стриженіе головы и бороды. Эти преступленія карались духовной и свѣтской властью. Къ статьямъ Устава часто прибавлялось: «а князь казнить», или «да казнять его волостельскую казню». Есть основаніе думать, что княжеская власть казнила эти тягчайшія преступленія по византійскимъ законамъ, т. е. примѣняла къ преступникамъ тѣлесное наказаніе³⁾.

¹⁾ „Русская пытка“. Русск. Архивъ 1867 г.

²⁾ Погодинъ. „Древняя русская исторія“.

³⁾ Даже М. Ступинъ (Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи), считая, что до татаръ Русь не знала тѣлесныхъ наказаній, допускаетъ ихъ примѣненіе и въ тѣ далекія времена въ церковныхъ судахъ.

Духовенство-же жестокость греческихъ законовъ примѣняло цѣликомъ къ русской жизни. Такъ, Новгородскій епископъ Лука Жилята въ XI в. отрѣзалъ холопу Дудику носъ и обѣ руки за то, что тотъ возвелъ на него обвиненіе ¹⁾. Епископу Θεодорцу въ XII в. митрополитъ велѣлъ «урѣзати языкъ яко злодѣю и сретику и руку правую утяти и очи ему выняти, зане хулу измолве на Св. Богородицю» ²⁾. Про этого Θεодорца лѣтописецъ говоритъ, что когда онъ былъ епископомъ во Владимірѣ, — «немилостивый былъ мучитель, однимъ головы

Расправа господина.

Снимокъ съ ковра (старин. рус. выпивка, изъ Собранія школы народн. искусствъ).

рубилъ, другимъ глаза выжигалъ и языкъ вырѣзалъ, иныхъ распиналъ на стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть у нихъ имѣніе».

Начиная съ XIII в. наши законодательные памятники все чаще и чаще назначаютъ тѣлесное наказаніе. Въ проектѣ договора Новгорода съ нѣмецкимъ городомъ Готландомъ въ 1270 г. постановлено: воръ

¹⁾ Карамзинъ: „Ист. государ. Россійскаго“ т. II прим. 144.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, Карамзинъ т. III-прим. 63—66.

вещи цѣной выше полугривны наказывался розгами и клейменіемъ въ щеку. Одна статья Двинской Грамоты 1327 г. гласитъ: «а татя всякаго пятнати». Въ Псковской Судной Грамотѣ 1397 — 1407 г. указано: за извѣстные преступленія всадить виновнаго въ дыбу¹⁾ и взять штрафъ.

Итакъ, ясно, что тѣлесныя наказанія существовали на Руси до монголовъ. По всей вѣроятности, область ихъ примѣненій, при господствѣ въ нашемъ правѣ денежной системы выкуповъ, была незначительна. Свободные люди наказывались такъ очень рѣдко, въ самыхъ важныхъ преступленіяхъ, или въ случаѣ несостоятельности уплатить пеню. Пере-

Изъ Ровинскаго: „Русскія пародныя картины“.

нести истязаніе считалось позоромъ; не даромъ Новгородцы отказались въ договорѣ съ нѣмцами ввести статью о сѣченіи.

Но постепенно жизненныя условія брали свое, и подъ покровительствомъ духовенства тѣлесныя наказанія распространялись все шире и шире. Хотя, надо замѣтить, что вліяніе Византійскихъ законовъ въ

¹⁾ Нужно замѣтить, что здѣсь слово „дыба“ имѣетъ другое значеніе, чѣмъ въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, когда „дыба“ назначалась при слѣдствіи, какъ орудіе пытки. Здѣсь „дыба“ орудіе наказанія. Это володка изъ двухъ плахъ, имѣвшая по срединѣ выемку, а по концамъ петли.

тѣ времена было еще мало ощутительно, т. к. касалось только узкой области церковныхъ судовъ.

Далѣе, тѣлесныя наказанія въ Кіевской Руси были *рабимъ наказаніемъ*. По Русской Правдѣ холопъ—вещь, полная собственность господина, который дѣлаетъ съ нимъ все что хочетъ. Церковь, правда, стремилась урегулировать эти отношенія и обуздать самовластіе рабовладѣльцевъ. Такъ Кириллъ Туровскій (XII в.) внушаетъ господамъ не угнетать своихъ холоповъ. Въ древнѣйшихъ Кормчихъ конца XIII в. въ поученіи епископа новопоставляемому священнику запрещается принимать припошенія отъ жестокихъ господъ, невѣрныхъ, еретиковъ и разбойниковъ. Неизвѣстный авторъ въ одномъ церковномъ поученіи пишетъ: «если рабы или рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до двадцати ранъ; если-же очень велика вина, то до тридцати ранъ лозой, а больше тридцати ранъ не велимъ» ¹⁾.

II.

Эпоха расцвѣта тѣлесныхъ наказаній.

Причины расцвѣта. Съ XV вѣка начинается у насъ быстрый расцвѣтъ тѣлесныхъ наказаній. Всевозможныя истязанія и уродованья пріобрѣли съ этой поры въ русскомъ правѣ преобладающее значеніе. И въ Кіевской Руси тѣлесныя наказанія были извѣстны. Но тогда общій укладъ жизни мало благопріятствовалъ ихъ процвѣтанію. Въ Московскій-же періодъ многое измѣнилось. «Россія въ то время уже сложилась въ Государство — говоритъ Ступинъ,—и потому установился взглядъ на преступленіе, какъ на злое дѣйствіе, вредное не только частнымъ или родовымъ интересамъ, но и цѣлому обществу; поэтому если въ предшествующую эпоху, когда преступное дѣяніе понималось главнымъ образомъ съ точки зрѣнія частнаго вреда, было возможно погашеніе его примиреніемъ посредствомъ денежной уплаты, теперь, когда на него смотрѣли, какъ на общесредное зло, не допускалось уже погашеніе его посредствомъ выкупа и преступленіе могло быть погашено лишь посредствомъ наказанія, установленнаго государствомъ. Но какое наказаніе кажется наиболѣе соотвѣтственнымъ государству и обществу, умственный, нравственный и экономическій уровень котораго стоитъ на низкой ступени? Очевидно, которое наиболѣе карательно, наиболѣе просто и вмѣстѣ съ тѣмъ дешево, а такимъ само собой является тѣлесное,—и дѣйствительно, что можетъ быть проще, дешевле и болѣе

¹⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. III стр. 759.

ужасительно, какъ причинить за воровство или другой проступокъ тяжкую боль сѣченіемъ или отнять и повредить тотъ членъ тѣла, посредствомъ котораго совершено преступленіе?» ¹⁾).

Послѣ татарскаго погрома центръ жизни нашей родины изъ Кіева перенесся на сѣверъ. Въ XII—XIII вѣкѣ страной управляли князья со своими дружинниками. Особой разницы между владыкой и его товарищами не было. Князь стоялъ между слугами только какъ первый межъ равными; они его поддерживали и съ ними онъ долженъ былъ постоянно считаться. Послѣ нашествія татаръ дружина была въ конецъ разорена и потеряла всякое значеніе. Переселившись на новыя мѣста, князья постарались устроиться иначе и управлять единой самодержавной властью. Скоро межъ ними выдѣлился московскій владыка. Сами татары способствовали этому. Ханъ сдѣлалъ московскихъ князей своими намѣстниками на Руси, поручилъ имъ собирать дань. Пошемогу Москвѣ подчинили другіе удѣлы. Русь собралась въ единое государство, съ твердой и могучей властью во главѣ. Въ XVI вѣкѣ было сброшено, наконецъ, ненавистное татарское иго и Московскіе владыки короновались царями.

Пытка на дыбѣ.
(Изъ Ровинскаго: «Русскія народныя картины».)

Опираясь на духовенство, Государи неизмѣримо возвысились надъ своими подданными, ихъ холопами, которыхъ они считали чуть-ли не полной своей собственностью и расправлялись съ ними какъ хотѣли. Малѣйшее приравненіе себя къ свѣтлой, недосягаемой особѣ владыкъ жестоко каралось.

Въ XVI вѣкѣ развелся у насъ особый видъ государственныхъ преступленій подъ названіемъ «слова и дѣла Государева». Каждый услышавшій невѣжливое слово про Царя или его ближнихъ, обязанъ былъ подъ страхомъ смерти доносить. Онъ кричалъ «слово и дѣло»; его немедленно вели въ застѣнокъ къ допросу; хватили и пытали, на кого онъ указывалъ. Когда раздавались эти страшныя слова на улицахъ, площадяхъ или другихъ общественныхъ мѣстахъ, всѣ немедленно разбѣгались. Кто слышалъ, однако, «слово и дѣло» и не доносилъ объ этомъ, получалъ батоги или кнутъ.

Любопытно посмотрѣть, изъ-за чего возникали эти государственныхъ преступленія, каравшіяся порой такъ жестоко.

Драгунъ Евтюшка какъ-то сказалъ: «былъ-бы здоровъ Государь Царь Великій, Князь Алексѣй Михайловичъ, да я, Евтюшка, другой».

¹⁾ М. Ступинъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи“, стр. 11—12.

Сказалъ онъ это по простотѣ души, безъ злого умысла. Но на него донесли «слово и дѣло», и за то, что онъ смѣлъ приравнять себя къ Царю, жестоко избили батогами ¹⁾).

Наказаніе батогами въ XVI вѣкѣ.

(Изъ книги Abbat Chappe d'Anteroche «Voyage en Sibirie».)

Одной женщинѣ, Агафѣ, приснился сонъ: явился ей мученикъ Христовъ Никита и сказалъ, чтобы пріемный отецъ Агафьи, Степанъ, перестроилъ избу, поставилъ избу съ сѣнями, въ тѣхъ-бы сѣняхъ сидѣла она, Агафья, а Степану быть въ царствѣ. Мужикъ похвастался хоро-

¹⁾ „Слово и дѣло Государево“ § 142.

шимъ сномъ сосѣду; тотъ донесъ, несчастнаго Степана нещадно побии батогами, отпустивъ съ наставленіемъ: «не вѣрь въ сонъ» ¹⁾).

Такихъ примѣровъ множество.

Съ XVII-го вѣка Уложеніемъ Алексѣя Михайловича преступленія «слово и дѣло», существовавшіе раньше только въ обычаѣ, получили узаконеніе ²⁾).

При измѣнившихся условіяхъ жизни въ Московской Руси сильно возросло вліяніе духовенства и византійскихъ законовъ. Сами князья постоянно искали поддержки у Церкви въ борьбѣ съ врагами и тѣмъ укрѣпляли ея власть. Греко-римскіе-же законы, которыми руководилась наша Церковь, могли лишь всецѣло способствовать развитію у насъ тѣлесныхъ наказаній. «Но надо имѣть въ виду, — замѣчаетъ Тимофеевъ, — что византійскіе законы, вносимые духовенствомъ, во взглядахъ на тѣлесное наказаніе сходились съ русской судебной практикой. Церковь не столько вводила новую систему наказаній, сколько сама, пользуясь тѣлесными наказаніями, какъ-бы освѣщала ихъ употребленіе постановленіями Кормчей, придавала имъ тѣмъ большую прочность и устойчивость» ³⁾).

Кромѣ греко-римскихъ законовъ, на нашемъ правѣ въ XVI—XVII вѣкахъ замѣтно вліяніе Литовскаго статута. Статьи, добавляющія Уставную книгу Разбойнаго приказа, цѣликомъ взяты изъ него. Русская карательная система, порой очень жестокая, отличалась всетаки простотой; — Западъ принесть намъ свою изощренность: постановили отцеубійцъ не просто казнить, а рвать имъ тѣло клещами на торгу, затѣмъ взять собаку, куря и kota и всѣхъ вмѣстѣ затопить ⁴⁾). Слѣды статута замѣтны и въ Уложеніи 1649 г. Но нужно замѣтить, что тутъ, какъ и въ византійскихъ законахъ, русскіе заимствовали только то, что не противорѣчило духу Московскаго права. Ни греко-римскимъ законамъ, ни Литовскому статуту нельзя приписать то обиліе тѣлесныхъ наказаній, которое назначалось по Уложенію Алексѣя Михайловича.

Законы. Эпоха кровавой мести и денежныхъ выкуповъ отжила. «Въ судебникѣ идея наказанія принимаетъ характеръ ея свойственный, характеръ зла общественнаго и личнаго для преступника» ⁵⁾). Судебникъ 1555 г. объявилъ законъ единственнымъ источникомъ права.

¹⁾ «Слово и дѣло Государово» § 135.

²⁾ Многочисленныя злоупотребленія правомъ кричать «слово и дѣло», доносы на враговъ и прочее, заставило то же Уложеніе назначить за ложное «слово и дѣло» кнутъ и батоги.

³⁾ Тимофеевъ: «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ», стр. 63.

⁴⁾ Статутъ 1588 г. XI, 7. Уложеніе 1649 г. отмѣнило это постановленіе.

⁵⁾ Богдановскій: «Развитіе понятій о преступленіяхъ и наказаній въ русскомъ правѣ до Петра Великаго» стр. 65.

На самомъ дѣлѣ законъ опредѣлилъ далеко не всѣ преступленія, за которыя полагалась кара. Дополнить его было предоставлено личному произволу Царя и судебной практикѣ. Уложеніе 1649 г. старается исправить этотъ недостатокъ; въ немъ классификація преступленій гораздо точнѣе. Но оно далско не отличалось опредѣленностью системъ наказаній. Многое зависѣло отъ воли Царя и судей. Въ статьяхъ закона часто стоитъ «подвергнуть виновнаго опалѣ», «указъ чинить по разсмотрѣнію, какъ Государь укажетъ». Опредѣлены только или самыя высшія наказанія, или наказанія за преступленія частнаго характера, не имѣвшія обще-государственнаго значенія. Но и опредѣленные наказанія означали иногда одну угрозу и не исполнялись на практикѣ. Такъ, по закону 1670 г. за побѣгъ со службы полагалось смертная казнь; на практикѣ же это не исполнялось. Выходило, что преступникъ никогда не зналъ, что его ожидало за вину. За кормчество полагался кнутъ, но сколько ударовъ дать—рѣшалъ судья. При слѣдствіи за разбой или татбу подводили къ пыткамъ, но родъ пытки, вздернуть-ли преступника на дыбу или жарить на огнѣ, въ правѣ не указывался. «Вся организація карательной системы въ XVII вѣкѣ,—замѣчаетъ Сергѣевскій ¹⁾»,—направлена къ служенію практическимъ цѣлямъ государственной пользы, игнорированію личности и не заключала въ себѣ никакихъ гуманныхъ тенденцій и не представляла гарантій для личности преступника». Провѣтали наиболѣе дешевыя карательныя мѣры. Непосредственнымъ результатомъ такого положенія вещей была суровость наказаній: преступникамъ *ad libitum* коверкали члены, истязали варварски кнутомъ, батогами и т. д.

Еще въ глубокой древности было въ обычаѣ на Руси наказывать преступниковъ *стѣпнемъ разными членами*; уродовали и въ Кіевской Руси и при первыхъ Московскихъ князьяхъ. Владыки съ давнихъ поръ сѣкли языки непокорнымъ боярамъ и богохульникамъ-сретикамъ. Но лишь въ XVI вѣкѣ попало это наказаніе въ законъ. Въ добавленіе къ грамотѣ Кирилловскому монастырю 1549 г. постановлено: тятя, побѣдшаго на второй татбѣ, бить кнутомъ и отсѣчь ему руку ²⁾. То же сказано и въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа; а въ добавленіи къ нему въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ Литовскаго статута, указано: отрѣзать руку слугѣ, который поднималъ се на своего боярина, отрѣзать уши за первую татбу, казнить мучительной и позорной смертью отцеубійцъ ³⁾.

Съ теченіемъ времени подобныя наказанія все чаще и чаще примѣнялись. Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича они заняли уже видное

¹⁾ Сергѣевскій: „Наказаніе въ русскомъ правѣ въ XVII вѣкѣ“.

²⁾ Владимірскій-Вудановъ: Хрестоматія по исторіи русскаго права.

³⁾ См. выше.

мѣсто и считались прекрасной мѣрой обезвредить преступниковъ, сдѣлать ихъ до «вѣку признатными», воздать имъ должную кару: «А буде кто не боясь Бога и не опасаясь государскіе опалы и казни, учинить на комъ-нибудь мучительское наругательство, отсѣчетъ руку или ногу, или губу обрѣжетъ, а сыщется про то допрямо, и за такое его наругательство самому ему тоже учинять» ¹⁾. Послѣ Уложенія, въ различныхъ грамотахъ и указахъ постоянно встрѣчалось уродованіе дюдей. До самого Воинскаго Артикула Петра оно все учащалось и лишь тамъ оно достигло самага высшаго развитія.

Съченіе рукъ и пальцевъ. По уложенію 1649 г. руки лишался тотъ: кто осмѣливался въ присутствіи Государя замахнуться на кого-нибудь оружіемъ ²⁾. Кто ранилъ другого на Государевомъ дворѣ ³⁾, при насильственномъ вѣздѣ на чужой дворъ ⁴⁾ или судью въ приказѣ ⁵⁾. Ёе рѣзали вору за кражу лошади на службѣ ⁶⁾, укравшему въ третій разъ на Государевомъ дворѣ ⁷⁾; подъячему за подлогъ (за неправильное составленіе суднаго списка) ⁸⁾, площадному подъячему за написаніе заочно земной кабалы ⁹⁾.

По новоуказаннымъ статьямъ ¹⁰⁾ и другимъ грамотамъ полагалось одинъ палецъ отсѣкать за легкую рану ¹¹⁾, два меньшіе пальца лѣвой руки за татьбу въ первый разъ ¹²⁾. Всю лѣвую руку по запястье за двѣ татьбы, за нанесеніе великой раны, за покушеніе на своего господина и за третью кражу рыбы изъ садка и пруда ¹³⁾. Лѣвую руку и правую ногу—за одинъ разбой, за церковную татьбу, за убійство въ дракѣ въ пьяномъ видѣ, если при этомъ совершено было ограбленіе убитаго ¹⁴⁾ и за вторую татьбу ¹⁵⁾.

Въ 1653 г. для татей и разбойниковъ смертная казнь была замѣнена членовредительнымъ наказаніемъ, а въ слѣдующіе года изданъ рядъ указовъ, устанавливавшихъ коверканіе ихъ тѣмъ или инымъ спо-

¹⁾ Уложеніе 1649 г. гл. XXII.

²⁾ Ул. гл. III, ст. 4.

³⁾ Ул. гл. III, ст. 5.

⁴⁾ Гл. X, ст. 199.

⁵⁾ Гл. X, ст. 106.

⁶⁾ Гл. VII, ст. 29.

⁷⁾ Гл. III, ст. 9.

⁸⁾ Гл. X, ст. 19.

⁹⁾ Гл. X ст. 27.

¹⁰⁾ Статьи, добавляющія Уложеніе.

¹¹⁾ Новоуказ. 13, 14.

¹²⁾ Новоуказ. 8.

¹³⁾ Новоуказ. 9, 14, 15, 23.

¹⁴⁾ Новоуказ. 8, 12, 17, 82.

¹⁵⁾ Новоуказ. 8.

Сожженіє, повѣшеніє, ослѣпленіє, отсѣченіє уха, отсѣченіє головы, отсѣченіє
руки и др. истязанія въ 1508 г.

(Изъ F. Heinemann'a «Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit».)

собою: то имъ рѣзали только по персту на лѣвой рукѣ и ссылали въ Сибирь ¹⁾, то лишали ихъ ногъ и лѣвой руки ²⁾, то, наконецъ, за первую татьбу отсѣкали только два меньшіе пальца лѣвой руки, а за вторую татьбу—лѣвую руку и правую ногу ³⁾.

Сѣкли руки, ноги, пальцы еще за корчемство ⁴⁾; за выдѣлку воровскихъ мѣдныхъ денегъ и за всякую помощь этому дѣлу. Такъ, необъявившіе о найденыхъ мѣдныхъ деньгахъ лишались одного перста правой руки ⁵⁾. Въ запискахъ Катошихина о наказаніи денежныхъ воровъ читаемъ: «и того-же дни около села повѣсили 150 чсловѣкъ, а достальнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали, жгли и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы» ⁶⁾.

Какъ ни часто встрѣчаемъ мы эту кару въ нашемъ правѣ, законъ предусмотрѣлъ не всѣ случаи примѣненія членовредительства. На самомъ дѣлѣ его употребляли еще за много другихъ провинностей. Англичанинъ Коллинсъ, путешествовавшій въ то время по Россіи, передаетъ слѣдующее: одна женщина украсила жемчугомъ Образъ Николая Чудотворца, потомъ, обѣднѣвъ, рѣшила взять нѣсколько камней обратно; ее схватили и отсѣкли обѣ руки ⁷⁾. Какой-то парень выстрѣлилъ по скворцу на царскомъ дворѣ, пуля скользнула и упала въ царскіе покои. Стрѣлку отсѣкли лѣвую руку и правую ногу ⁸⁾. По Катошихину «ноги и руки и пальцы отсѣкали за конфедератство, или за смуту, которая въ томъ дѣлѣ бываетъ ⁹⁾». Замѣшаннымъ въ бунтъ Стеньки Разина, отсѣчено по персту на правой рукѣ, а инымъ отсѣчены руки ¹⁰⁾. Въ концѣ вѣка, уже при Петрѣ, въ Соликамскѣ въ 1689 г. разбойнику Родыкѣ за признаніе вмѣсто смертной казни учинили «казнь съ пощадой», отсѣкли лѣвую руку и лѣвую ногу. Но милость была не очень велика: отъ этого наказанія онъ вскорѣ умеръ ¹¹⁾.

Рѣзали руки и ноги безъ всякихъ особыхъ правилъ; рубили, не задумываясь, какъ удобнѣе подвернется. По свидѣтельству Аввакума,

¹⁾ П. С. З. № 105, Ук. 1653 г.

²⁾ П. С. З. № 334, Ук. 1663 г., отмѣненъ въ 1666 г.

³⁾ Ук. 1669 г.; онъ былъ отмѣненъ 1679 г.

⁴⁾ Указъ объ этомъ не дошелъ до насъ, но на него есть ссылка въ грамотѣ воеводы Наумова 1660 г. П. С. З. № 265 и Новгор. митроп. приказа 1660 г. Доп. ист. акт. т. IV № 88.

⁵⁾ Ак. ист. т. IV, № 158, I стр. 304, Ук. 1661 и П. С. З. № 510. Ук. 1972 г.

⁶⁾ Катошихинъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, стр. 101.

⁷⁾ Самуилъ Коллинсъ: „Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмахъ къ другу, живущему въ Лондонѣ“.

⁸⁾ Ibid. гл. XIV, стр. 2.

⁹⁾ Катошихинъ, стр. 116.

¹⁰⁾ Матвѣевъ: „Ист. Ст. Разина. Донесеніе Давида Барятинскаго“.

¹¹⁾ Доб. акт. ист. XII, № 56, ст. 343. Отписка Соликамскаго воеводы 1689 г.

«раскольникамъ положи руку на плаху по запястью отсѣкали» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ указаніе, что ноги были отрѣзаны до лодыжки ²⁾. Пальцы-же по всей вѣроятности, отнимали выше перваго сустава ³⁾.

Для устрашенія отсѣченные члены иногда прибавались въ публичныхъ мѣстахъ. Въ Указѣ 1663 г. постановлено: «отсѣченные руки и ноги у большихъ дорогъ прибавать къ деревьямъ и у тѣхъ-же рукъ и ногъ написать вины и приклеить, что тѣ ноги и руки воровъ, татей и разбойниковъ и отсѣчены у нихъ за воровство, за татьбу, за разбой и за убійство и за всякое воровство, чтобы всякихъ чиновъ люди то ихъ воровство вѣдали» ⁴⁾. Этотъ указъ не оставался мертвой буквой (Катошихинъ, напр., рассказываетъ, что отсѣченные члены денежныхъ воровъ прибавались къ стѣнамъ денежныхъ дворовъ) ⁵⁾.

Отченіе ушей производилось главнымъ образомъ съ цѣлью заклеить преступника, наложить на него отмѣтку. Законъ повелѣвалъ бирючамъ по торгамъ и площадямъ кликать, чтобы никто не держалъ людей съ рѣзанными ушами, если у нихъ нѣтъ письма (свидѣтельства), что они уже наказаны за свою вину ⁶⁾. Наказаніе это было въ большомъ ходу. По Уложенію 1643 г. сѣкли уши мошенникамъ и тѣмъ, которые играютъ въ карты, зернью и проигрываясь воруютъ, людей рѣжутъ, грабятъ, шапки срываютъ ⁷⁾; еще рѣзали уши ворами за 3-ью кражу рыбы изъ садка и пруда ⁸⁾; одно лѣвое ухо отсѣкали за первую татьбу ⁹⁾; а за вторую и за одинъ разбой отсѣкали и правое ¹⁰⁾.

Послѣдующіе указы еще расширили примѣненіе этого наказанія. Назначали сѣчь уши за убійство въ дракѣ и пьянымъ дѣломъ ¹¹⁾, денежнымъ ворами, участникамъ бунтовъ и возстаній. Когда въ 1662 г. въ Москвѣ завѣдующіе денежными дворами вѣрные головы и цѣловальники стали поддѣлывать мѣдные деньги, на нихъ донесли, ихъ взяли, пытали, но оказалось, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны многіе бояре, съ царскимъ тестемъ во главѣ. Всѣхъ виновныхъ предали жестокой казни:

¹⁾ Матвѣевъ: Ист. раскола т. X, житіе Аввакума стр. 85.

²⁾ Доп. ист. акт. т. XII № 56, стр. 343. Отписка Соликанскаго воеводы 1689 г.

³⁾ Изъ свободнаго письма 1671 г. объ отпускѣ преступниковъ на свободу по отбытіи наказанія. Ак. ист. т. II № 243, I стр. 746.

⁴⁾ Сергѣевскій: „Наказаніе въ русскомъ правѣ въ XVII в.“ стр. 158.

⁵⁾ Катошихинъ, стр. 100.

⁶⁾ Ул. гл. XXI ст. 9.

⁷⁾ Ул. гл. XXI, ст. 11, 15.

⁸⁾ Ул. гл. XXI, ст. 90.

⁹⁾ Ул. гл. XXI, ст. 9.

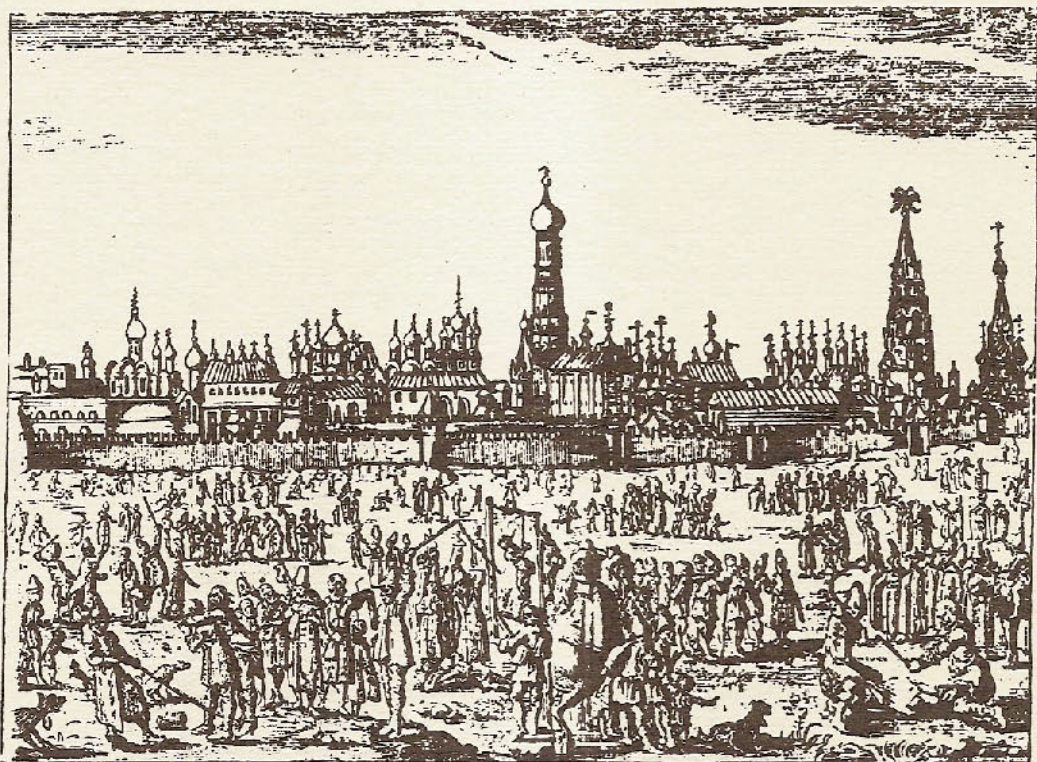
¹⁰⁾ Ул. гл. XXI, ст. 10.

¹¹⁾ П. С. 3. № 203, Ук. 1657 г.

отсѣкли имъ руки и ноги. Избѣжали кары только бояре. Тогда товарищи пострадавшихъ возмутились, подняли народъ, распространили слухи, что эти бояре хотятъ московское государство погубить и продать польскому королю. Вспыхнулъ бунтъ. Его скоро потушили жестокими казнями; виновнымъ опять таки отсѣкали руки, ноги, пальцы, уши.

Но все таки въ концѣ XVII-го вѣка эта кара предназначалась преимущественно для воровъ и разбойниковъ. Цѣлымъ рядомъ указовъ ¹⁾ законодатели старательно опредѣляли сѣченіе ушей такимъ преступникамъ, постановивъ, наконецъ, въ 1689 г. за одинъ разбой рѣзать лѣвое ухо, а за второй предавать смертной казни и сѣчь уши за первую и вторую татьбу ²⁾).

Извѣстный путешественникъ Олеарій оставилъ описаніе, какъ наказывалось воровство въ то время: «Если кто обвиняется въ воровствѣ и будетъ въ томъ уличенъ, то его немедленно подвергаютъ пыткамъ: не укралъ-ли онъ еще чего-нибудь. Если онъ въ воровствѣ чего-либо другого не сознается, и то воровство, въ которомъ онъ

Казни у Спасскихъ воротъ.
(Изъ путешествія Олеарія, XVII в.)

¹⁾ Указы 1669, 1682, 1683 г.г.

²⁾ Полевой: Русская Вивл., стр. 389. Наказъ вѣдѣнію губныхъ дѣлъ въ Шацкѣ 1689 г.

обвиняется и уличенъ, было первое, то его сѣкутъ плетью на всемъ пути отъ Кремля до Большой площади, гдѣ палачъ отрѣзаетъ у него одно ухо; затѣмъ сажаютъ его на два дня въ темницу и потомъ выпускаютъ на свободу. Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ въ другой разъ, то у него прежнимъ порядкомъ отрѣзываютъ другое ухо, и подъ конецъ опять сажаютъ въ темницу, гдѣ онъ содержится пока не наберется нѣсколько подобныхъ ему птицъ (воровъ), съ которыми онъ отсылается въ Сибирь ¹⁾). Нельзя полагать, конечно, что уши рѣзались тогда только на площади и притомъ рукой палача. Преступники наказывались какъ и гдѣ случится.

Ръзаніе носовъ и поздрей въ XVI—XVII вѣкѣ служило, какъ и сѣченіе ушей, для отмѣтки преступниковъ. Въ то время это истязаніе еще мало было распространено. Уложеніе его назначаетъ уличеннымъ въ четвертый разъ въ держаніи и продажѣ табака ²⁾).

Стъченіе языка. Въ законѣ мы не встрѣчаемъ этого наказанія; но на практикѣ оно широко примнялось въ то время. Такъ наказалъ Грозный за невѣжливыя слова важнаго сановника Афанасія Бутурлина ³⁾. По словамъ Катошихина: «за царское безчестіе, или иныя какія поносныя слова, бивъ кнutomъ, вырѣзываютъ языкъ» ⁴⁾. Въ 1688 г. такъ наказали многихъ донскихъ казаковъ «за противность и ругательство ко святей церкви, и за выскребываніе въ Библии орла, и за испристойныя слова про Великаго Государя и за возмущеніе народовъ» ⁵⁾. Любили примѣнять эту мѣру къ раскольникамъ и еретикамъ.

Для производства наказанія преступника сажали на скамейку, вытягивали ему клепцами языкъ, отрѣзали не весь, а только часть, иногда наискось. Случалось, что послѣ такого увѣчья наказанные все-таки продолжали говорить; тогда казнь повторяли.

Объ *осмыленіи* нѣтъ указаній въ законахъ того времени; молчатъ объ этомъ и историческіе памятники. Насколько извѣстно, оно было въ ходу лишь въ Кіевской Руси.

Какъ общес правило, надо замѣтить, что всѣ вообще членовредительныя тѣлесныя наказанія обычно налагались въ связи съ какимъ-нибудь другимъ, добавочнымъ, — главнымъ образомъ, кнutomъ или ссылкой.

¹⁾ Ад. Олеарій: „Подробное описаніе Голштинскаго посольства въ Московію и Персію“, стр. 229.

²⁾ Ул. гл. XIV стр. 22, 25.

³⁾ Карамзинъ: „Исторія Государства Россійскаго“ т. VIII прим. 141.

⁴⁾ Катошихинъ: „Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, стр. 110.

⁵⁾ Доп. акт. ист., т. XII № 17, XI, стр. 134. Слѣдственное дѣло 1688 г. Приговоръ на стр. 210.

Кнутъ и батоги. Много и разнообразно уродовали людсей въ Московской Руси. Подъ покровительствомъ и поощреніемъ монаршей власти, за большія и малыя вины сѣкли руки, ноги, превращали челоуѣческое тѣло въ какой-то безформенный обрубокъ. Но гораздо шире еще было распространено въ то время наказаніе просто побоями. Если челоуѣкъ съ вырванными ноздрями или безъ уха былъ самое обычное зрѣлище, то челоуѣкъ безъ рубцевъ на спинѣ, не испытавшій какихъ-либо побоевъ былъ рѣдкость.

Самое распространенное истязаніе въ то время было битье *кнутомъ*. Когда и кѣмъ было оно занесено въ Россію, трудно сказать опредѣленно. Во всякомъ случаѣ кнутъ былъ въ ходу у насъ задолго до нашествія татаръ; — его уже знаетъ, напр., Русская Правда. Можетъ быть, онъ заброшенъ къ намъ печенѣгами, не разъ опустошавшими владѣнія славянъ въ XI вѣкѣ. Какъ-бы то ни было, кнутъ очевидно пришелся по вкусу русскимъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ твердо укрѣпился у насъ, какъ-бы слился съ нашей жизнью и сталъ самымъ національнымъ и самымъ употребительнымъ орудіемъ истязанія. Имъ пользовались такъ же часто при пыткѣ, какъ и при наказаніи за безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ провинностей.

Кнутъ встрѣчается во всѣхъ законодательныхъ памятникахъ того времени и носитъ термины «жестокое наказаніе», «торговая казнь», или просто устанавливали «бить, сѣчь кнутомъ». Въ Судебникѣ Іоанна III 1497 года онъ полагался только ¹⁾ за первую татьбу и за порчу и уничтоженіе межъ и граней поземельной собственности ²⁾, въ Судебникѣ-же Іоанна Грознаго примѣненіе его значительно уже расширилось.

Надо различать простое наказаніе кнутомъ и торговую казнь. Простое наказаніе кнутомъ полагалось за различныя преступленія по службѣ ³⁾. Торговая же казнь, или публичное битье: 1) за первую татьбу безъ поличнаго, если тать по обыску не окажется лихимъ челоуѣкомъ ⁴⁾; 2) за уничтоженіе и поврежденіе межъ ⁵⁾; 3) за особыя служебныя преступленія ⁶⁾; 4) за ложные доносы на судей ⁷⁾.

¹⁾ Судебн. Іоанна III, § 10.

²⁾ Судебн. Іоанна III, § 62.

³⁾ Подъячему, который запишетъ дѣло не по суду безъ дѣячаго приказа (Суд. Іоанна Гр. § 5); подъячему, у котораго найдутъ дѣло безъ подписи дѣяка и не въ Приказѣ, а за городомъ, въ подворьѣ; въ такихъ случаяхъ подъячій лишался мѣста (§ 28).

⁴⁾ Суд. Іоанна Гр., § 55.

⁵⁾ Суд. Іоанна Гр., § 87.

⁶⁾ За лихоимство подъячаго (§ 56); за обиду или покражу учиненную кому-либо фодокомъ (§ 47); за понаровство татю или разбойнику, оказавшее недѣльщикомъ (§ 53).

⁷⁾ Суд. Іоанна Гр., § 7.

Однако, фактически еще въ XV—XVII вѣк. кнутъ назначался и за другія преступленія; — такъ напр., извѣстно, что въ 1460 г. Вел. Кн. Дмитрій казнилъ непокорныхъ бояръ: билъ кнутомъ, сѣкъ и рубилъ носы ¹⁾. Въ 1488 г. били на торгу за подложную грамоту архимандрита Чудовскаго монастыря и князя Хомутова ²⁾. Іоаннъ Грозный сѣкъ немилосердно женщинъ во время погрома Нѣмецкой слободы ³⁾, оголивъ ихъ совершенно, насилуя ихъ и всячески издѣваясь надъ ними.

Въ Уложеніи 1649 г. кнутъ назначался 141 разъ. По числу ударовъ различали простое битье, «съ пощадой», «съ легкостью», и «нещадное», «съ жесточью», «безъ милосердія». Точно не извѣстно, сколько ударовъ подразумѣвалось подъ тѣмъ или другимъ терминомъ. Судя по памятникамъ, можно полагать, что 50 ударовъ считалось нещаднымъ битьемъ. Такъ сидѣльца Василия Шамарина за ложное сказываніе «Государева слова и дѣла» велѣно бить нещадно, дать ему 50 ударовъ безъ спуска ⁴⁾. Патріархъ Никонъ писалъ въ Иверскій монастырь: «тѣхъ воровъ бить кнутомъ нещадно давать бы ударовъ по 50-ти». Вообще законъ никогда не опредѣлялъ числа ударовъ; ихъ назначалъ судья или исполнитель. Давали и 2 удара, и 100, и 70. Но врядъ-ли давали когда-нибудь больше 300 ударовъ. По крайней мѣрѣ это былъ максимумъ для пытки ⁵⁾.

По Уложенію простое битье назначали: за государственныя преступленія ⁶⁾; за воровство ⁷⁾, за корчемство во второй и третій разъ ⁸⁾; за оскорбленіе родителей дѣтьми ⁹⁾; за побѣгъ ратныхъ людей изъ полковъ ¹⁰⁾; за преступленіе по службѣ ¹¹⁾ и многое другое. Нещадно наказывались: холопы, ложно доносившіе на своихъ господъ въ ихъ измѣнѣ Государю или злоумышленіи въ его здоровье ¹²⁾, иноземцы, кормовые люди, стрѣльцы, казаки и доходные люди за побѣгъ съ военной службы ¹³⁾; воины за побѣгъ съ мѣста сраженія ¹⁴⁾; умышленно

¹⁾ Карамзинъ: т. V, пр. 388.

²⁾ Ibid т. VI, пр. 590.

³⁾ Валишевскій: „Иванъ Грозный“.

⁴⁾ „Слово и дѣло Государево“, § 157.

⁵⁾ Свидѣтельство Деланевилля. Боярскій приговоръ 1675 г. опредѣлилъ максимумъ для пытки 150 ударовъ.

⁶⁾ Ул. гл. II, ст. 14.

⁷⁾ Ул. гл. III, ст. 9.

⁸⁾ Ibid XXV, ст. 1 и 2.

⁹⁾ Ibid XXII, ст. 4.

¹⁰⁾ Ул. гл. VII, ст. 8.

¹¹⁾ Ул. гл. IX, ст. 2, X ст. 16; XXI, ст. 84.

¹²⁾ Ул. гл. II, ст. 3.

¹³⁾ Ул. гл. VII, ст. 9.

¹⁴⁾ Ул. гл. VII, ст. 19.

наѣхавшіе на беременную женщину, которая при этомъ родила мертвое дитя ¹⁾; занимавшіеся сводничествомъ ²⁾ и др.

У иностранцевъ, посѣтившихъ Россію, и въ другихъ памятникахъ мы находимъ многочисленныя описанія этого жестокаго орудія истязанія. По Перри ³⁾ кнутъ состоялъ изъ рукоятки, толстой, деревянной, длиной около $\frac{1}{2}$ аршина. Къ ней прикрѣпляли упругій столбецъ изъ кожи, около $3\frac{1}{2}$ футовъ длины съ концомъ или кожаной петлей на концѣ. Къ этому концу привязывался хвостъ, длиной около полуаршина (пять локтей по Катошихину), сдѣланный изъ широкаго ремня толстой, сыромятной кожи, согнутой вдоль на подобіе желобка и такъ засушенной. Иногда конецъ хвоста заостряли; онъ былъ твердый, какъ кость, при ударѣ онъ разсѣкалъ кожу и вонзался въ тѣло. Но отъ крови ремень скоро размягчался; поэтому послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутъ мѣнялся. Иногда вмѣсто одного ремня на концѣ привѣшивали три.

Наказывали кнутомъ различно: били просто, били на козлѣ, били въ проводку по торгамъ. Въ первомъ случаѣ преступникъ обхватывалъ руками шею и ложился на спину помощника палача, либо кого-нибудь изъ толпы зрителей, приглашенныхъ палачемъ; этотъ помощникъ крѣпко держалъ наказываемаго за руки. Ноги преступника связывала веревка, конецъ ее держалъ другой помощникъ, становившійся лицомъ къ первому. Палачъ или кнутовой мастеръ ⁴⁾ отходилъ отъ преступника шага на три, припрыгивалъ и со всего размаху разсѣкалъ спину.

Въ памятникахъ часто попадаетъ выраженіе «битье кнутомъ на козлѣ». Такъ били дважды Евтюшку Бѣламутцова за непригожія рѣчи про Государя ⁵⁾, Ваську Бочку за ложное распространеніе слуховъ, будто Государь приказалъ всѣхъ приказныхъ людей побивать камнями (былъ битъ въ торговый день на козлѣ нещадно) ⁶⁾ и т. д.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ производился именно этотъ родъ наказанія кнутомъ; одни думаютъ, что козлы означали родъ скамейки ⁷⁾, другіе, что при такомъ способѣ битья удары приходились не по спинѣ, а по задней части ⁸⁾. На это возражаютъ, что наносятъ

¹⁾ Ул. гл. XXI, ст. 17.

²⁾ Ул. гл. XXI, ст. 23.

³⁾ Перри посѣтилъ Россію въ концѣ XVII ст. Его записки подъ заглавіемъ: „Повѣствованіе о Россіи капитана Джона Перри“, были напечатаны въ журналѣ „Чтеніе об-ва исторіи и древности“ за 1841 г.

⁴⁾ Knutmeister, по опредѣленію Перри.

⁵⁾ „Слово и дѣло Государево“ § 311.

⁶⁾ Ibid § 144.

⁷⁾ Богдановскій: „Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго“. Филипповъ: „Очерки русск. уголов. права“.

⁸⁾ Учебникъ уголовного права Вернера. Переводъ Неклюдова, стр. 223.

удары ниже спины неудобно по самому устройству кнута, боль была-бы значительно меньше; но тогда-бы этотъ родъ наказанія считался самымъ легкимъ, а между тѣмъ зачастую указывалось: «бить на козлѣ нещадно». Скорѣй допустимо, что это былъ аппаратъ, подобный козламъ или кобылѣ, употреблявшимся въ XIX-мъ в., и имѣлъ видъ столба съ поперечной крестообразной перекладиной, къ которой привязывались руки преступника, стоявшаго немного наклоненнымъ впередъ съ выставленной спиной для ударовъ ¹⁾).

Третьимъ способомъ наказанія было битье въ проводку по торгамъ или рядамъ. Часто такъ сѣкли за государственныя преступленія слова и дѣла Государева.

Вотъ нѣсколько случаевъ, сюда относящихся. — Два тюремныхъ сидѣльца подрались; одинъ изъ нихъ, Савка Ивановъ, сказалъ другому: «какъ де ты меня царя бьешь?» На него сейчасъ же донесли и за такія дерзкія слова били по торгамъ кнутомъ нещадно, и послѣ посадили въ тюрьму до указа ²⁾. За ложное сказываніе слова и дѣла казака Антошку Сѣдова били кнутомъ въ торговый день по рядамъ.

Иногда водили въ теченіе трехъ дней. По Уложенію это полагалось тѣмъ, кто крестъ цѣловалъ не по правдѣ, кто говорилъ, что у него нѣтъ бѣглыхъ холоповъ, а по обыску ихъ находили ³⁾. Водили по разнымъ мѣстамъ, чаще всего по торгамъ, водили также отъ приказа до тюрьмы. Похитившіе имущество во время пожара водились по пожарнику ⁴⁾. Въ 1676 г. приговорили къ смерти лазутчика, потомъ ему даровали жизнь, но наказали такъ: привели его къ висѣлицѣ, а отъ висѣлицы били кнутомъ въ проводку до Болота ⁵⁾.

Этотъ родъ наказанія очевидно былъ тяжелѣе чѣмъ два первыхъ: къ нему примѣнивался позорящій элементъ публичнаго истязанія. Законодателемъ это иногда очень подчеркивалось. Такъ напр. приказывали бить «при многихъ людяхъ», «въ торговые дни», «передъ всѣмъ міромъ». Въ Уложеніи ясно обозначается тяжесть этой кары въ постепенности назначенія за 1-ую вину батоги, за 2-ую кнутъ на козлѣ, за 3-ью кнутъ по торгамъ ⁶⁾. Увеличивали позорность еще инымъ способомъ. Виновнымъ въ кормчествѣ привѣщивали на шею фляги и пачки съ табакомъ и такъ били. ⁷⁾). Одного дьяка, виновнаго въ лихоимствѣ, сѣкли кну-

¹⁾ Сергѣевскій. „Наказаніе въ русскомъ правѣ въ XVII-мъ вѣкѣ“.

²⁾ „Слово и дѣло Государево“ § 42.

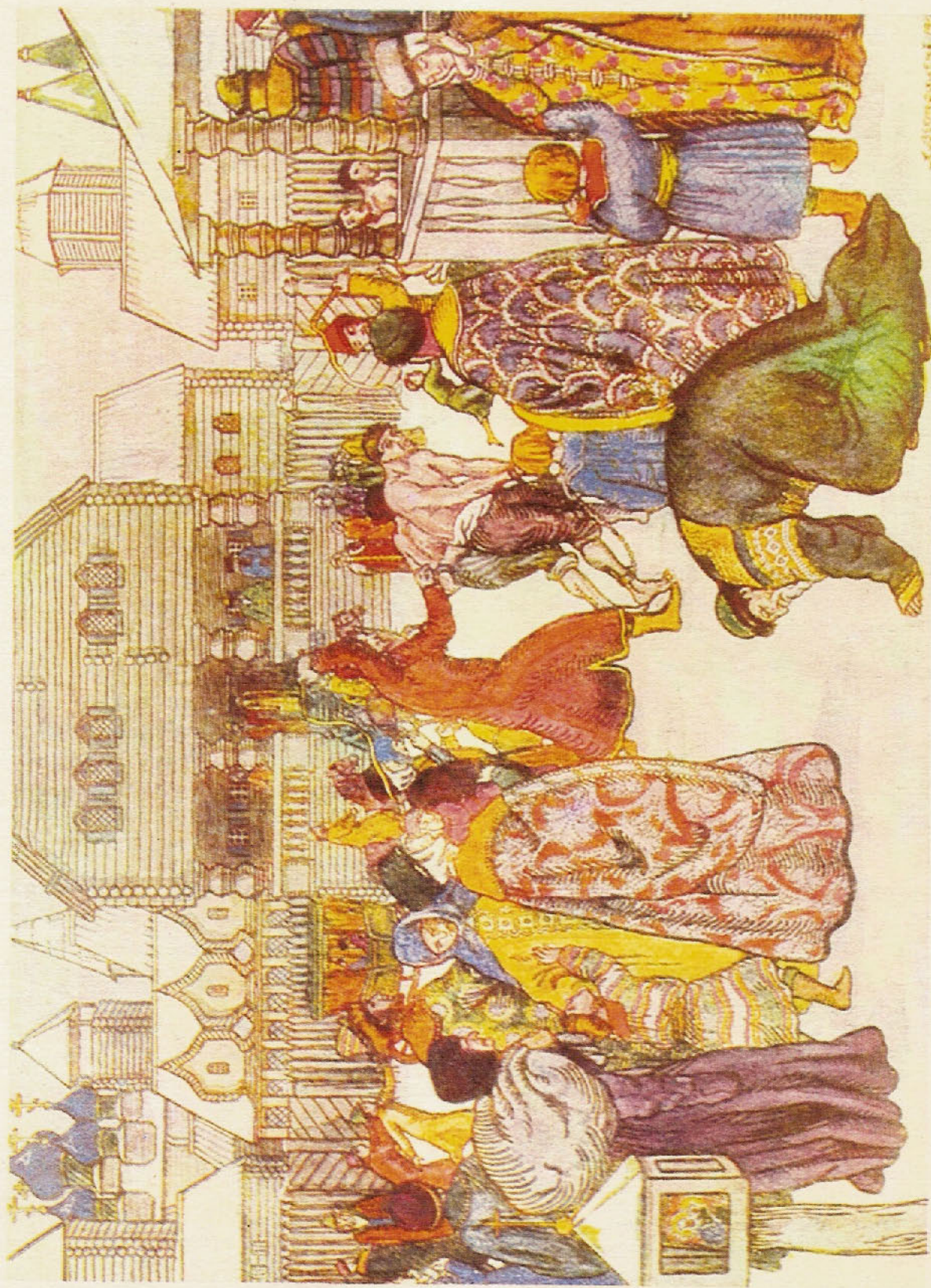
³⁾ Уложеніе гл. XI; ст. 27.

⁴⁾ П. С. З. № 1693 № 1699.

⁵⁾ Древн. рос. Вивл. т. XVII стр. 332. Челобитная кн. В. В. Голицына 1684 г.

⁶⁾ Ул. гл. XXI ст. 3.

⁷⁾ Олеарій стр. 302.

Торговая казнь „въ проводку“.

томъ, привязавъ на шею кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ и соленую рыбу ¹⁾).

Сѣченіе кнутомъ на козлѣ и простое производилось обыкновенно передъ Разрядомъ, передъ Приказомъ, передъ сѣзжими избами въ Москвѣ на Красной площади, иногда наказывали на мѣстѣ преступленія ²⁾. Князя Якова Лобанова-Ростовскаго били во дворѣ «въ жилецкомъ подклѣтѣ» ³⁾. Указъ 1685 г. запретилъ чинить торговую казнь въ Кремлѣ, передъ Московскимъ Суднымъ приказомъ, а «чинить такую казнь, бить кнутомъ, за Спасскими воротами, въ Китаѣ на площади противъ рядовъ» ⁴⁾.

Наказывали кнутомъ по опредѣленнымъ правиламъ, и это требовало большого искусства. Обыкновенно палачъ отходилъ на нѣсколько шаговъ отъ преступника, взмахивалъ кнутомъ обѣими руками надъ головой и съ громкимъ крикомъ быстро приближался, опуская кнутъ на спину. Къ тѣлу, по правилу, долженъ былъ прикасаться только хвостъ кнута. Удары должны были ложиться вдоль всей спины, параллельно, линія одного удара не могла пересѣкать линію другого. Одному жиду за несправедливую жалобу дали 30 ударовъ кнута; «рубцы по порядку выложенные на спинѣ его, какъ красныя веревки, вѣроятно, останутся на долго, потому что палачи сильны и прорѣзываютъ тѣло до кости», рассказывалъ очевидецъ ⁵⁾. Ударивъ, палачъ смахивалъ при- ставшую кровь и кожу; скоро кнутъ размягчался, и обыкновенно послѣ десяти ударовъ его смѣняли. Катошихинъ говоритъ, что, послѣ наказанія, на спинѣ виновнаго станеть «такъ, слово въ слово, будто большой ремень вырѣзанъ ножомъ мало до кости» ⁶⁾. По свидѣтельству одного иностранца, «палачъ бьетъ такъ жестоко, что съ каждымъ ударомъ обнажаются кости. Такимъ образомъ его (наказываемаго) растерзываютъ отъ плечъ до пояса. Мясо и кожа висятъ клочьями. Если же наказаніе происходитъ зимой, то кровь въ ранахъ тотчасъ же замерзаетъ и становится твердой, какъ ледъ» ⁷⁾.

Отъ палача требовалось большое напряженіе физическихъ силъ, поэтому оно совершалось крайне медленно, «въ часъ боевой бываетъ

¹⁾ Маржереттъ (капитанъ гвардіи Дмитрія Самозванца): «Состояніе російской державы въ началѣ XVII в.» стр. 33.

²⁾ Виновныхъ въ уничтоженіи межъ наказывали на межѣ (Улож. X. 231).

³⁾ Желябужинскій: Записки стр. 9.

⁴⁾ П. С. З. № 1110 Ук. 1685 г.

⁵⁾ Коллинсъ: «Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмахъ къ другу, живущему въ Лондонѣ».

⁶⁾ Катошихинъ «Россія въ царствованіи Алексѣя Михайловича».

⁷⁾ Путешествіе Остряйса. Русскій Архивъ 1880 г.

ударовъ 30 или 40» говоритъ Катошихинъ. Иногда процедура тянулась въ теченіе цѣлаго дня, отъ восхода до заката солнца ¹⁾).

Олеарій, наблюдавшій въ 1634 г. наказаніе кнутомъ восьми мужчинъ и одной женщины за кормчество, оставилъ намъ въ своихъ запискахъ слѣдующее описаніе: «Преступники передъ Приказомъ, называемымъ Новая Четверть, должны были обнажить свое тѣло до пояса и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача... Передъ исполненіемъ наказанія служитель судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой запискѣ сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ, и затѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: «Шолно», т. е. довольно. На этотъ разъ мужчины получили отъ 20 до 26 ударовъ каждый, а женщина 10 ударовъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже ни на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содрана была кожа. Тѣмъ не менѣе послѣ всего этого, каждому виновному въ продажѣ табака привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки тоже на шею водочная фляга или стеклянка; и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки попарно, и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, преступниковъ провели сперва изъ города и затѣмъ обратно въ Кремль, и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ. Рассказываютъ, что нѣкоторые наказанные такимъ образомъ молодцы, натягиваютъ на израненную спину свою шкуру только что убитой овцы, и этимъ способомъ скоро излѣчиваются отъ ранъ» ²⁾).

Не всѣ выдерживали такое жестокое наказаніе,—многіе умирали подъ кнутомъ. Исходъ зависѣлъ не столько отъ количества ударовъ, сколько отъ ихъ силы. Иногда выдерживали и 300, а иногда послѣ 2-хъ, 3-хъ умирали отъ перелома хребта.

Болѣе легкимъ наказаніемъ считалось битіе *батогами*, т. е. палками съ обрѣзанными концами. Онѣ были распространены не меньше кнута въ Московской Руси. Слѣкли батогами, что называется, всѣ и всѣхъ. На правехъ ими выколачивали подати и недоимки; господа били ими слугъ, а служилые люди подчиненныхъ. Въ законахъ онѣ употреблялись за самыя различныя преступленія. Часто ихъ назначали за воровскія дѣла, непригожія слова про царя, за ложное слово и дѣло. Былъ битъ батогами крестьянинъ Иванъ Григорьевъ за то, что пьяный назвалъ своего сына государевымъ сѣменемъ ³⁾. То же наказаніе Афрему Шепелеву за слова: «у меня де нога лучше Государя Царя Вел. Кн. Алексѣя Михай-

¹⁾ Объяснительная записка Мордвинова о торговой казни въ 1824 г.

²⁾ Олеарій стр. 301—302.

³⁾ „Слово и дѣло Государево“, § 65.

ловича всея Руси» ¹⁾. Подъячему, который пилъ за здоровье Царя и не снялъ шляпы ²⁾. Сѣкли батогами слугъ пословъ за непристойное поведение подводчика, за кражу мѣшка муки ³⁾. Иногда ихъ употребляли вмѣсто кнута. Въ такомъ случаѣ въ законахъ говорилось: сѣчь ими «въ кнута мѣста», или «чтобъ стоило кнута».

При наказаніи виновнаго клали на землю лицомъ внизъ; одинъ служитель садился ему на ноги, другой на голову, обхвативъ колѣнями его шею. Каждый изъ нихъ бралъ по два прута толщиной въ мизинецъ и били по спинѣ и по задней части виновнаго до тѣхъ поръ, пока распоряжавшійся наказаніемъ не закричитъ «полно», «стой», или пока не переламывались прутья. Иногда, —переворачивали и били еще

Наказаніе батогами.

(Изъ жур. «Старые годы», 1911 г., Іюнь).

по животу, по бедрамъ и икрамъ хотя это большей частью считалось беззаконіемъ. Въ 1676 г. служилые люди Нерчинскихъ остроговъ жаловались на своего прикащика, что онъ «велитъ въ руку имать батоговъ по пяти и шести, а батоги бьетъ нагихъ по спинѣ и по брюху, и по бокамъ, и по стегнамъ» ⁴⁾. Во время производства экзекуціи преступникъ долженъ былъ кричать «виновать», а по окончаніи

¹⁾ «Слово и дѣло Государево», § 49.

²⁾ «Слово и дѣло Государево», § 217.

³⁾ Корбъ: «Дневникъ путешествія въ Московію».

⁴⁾ Доп. ист. акт., т. VІІ, № 75, челобитня 1676 г.

кланяться въ ноги. Если онъ этого не дѣлалъ, то его били до тѣхъ поръ, пока онъ не закричитъ, «виноватъ» ¹⁾. Наказанныхъ обыкновенно отвозили въ телѣгахъ ²⁾. Сѣкли въ рубахѣ, или по голому тѣлу «разболокши», «снемъ рубашку». Стольникъ Григорій Облязовъ за вдовино жены Плещеева съ дѣтми безчестіе въ подклѣтѣ бить батогами въ одной рубашкѣ нещадно ³⁾.

Правежъ, этотъ дикій обычай выколачиванія долговъ, заимствованъ нами отъ татаръ. Въ законахъ онъ встрѣчается не ранѣе XVI-го вѣка. Всѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ заплатить штрафъ, долги или иныя денежныя взысканія—хватали, ставили передъ съѣзжей избой, передъ приказомъ, или въ иномъ мѣстѣ, и били по икрамъ, пока не отдавали денегъ. Обычно каждый день много набиралось такихъ жертвъ. Ихъ собирали вмѣстѣ; являлись праведчики, раздѣляли виновныхъ между собой, ставили ихъ въ ряды и всѣхъ поочередно били длинной тростью по икрамъ, проходя по рядамъ отъ одного края до другого ⁴⁾. Такъ было каждый день отъ восхода солнца до 10-ти, 11-ти часовъ утра. За экзекуціей наблюдалъ приставъ. По закону могли бить только въ теченіе мѣсяца (если должникъ не заплатитъ раньше) и по часу въ день. Фактически-же простаивали на правежѣ иногда въ теченіе года каждый день отъ восхода до заката солнца.

Въ XVI—XVII вѣкѣ правежъ былъ распространенъ у насъ чрезвычайно. Били не только за денежныя недоимки, но и за всякія другія провинности; били свѣтскихъ, духовныхъ, крестьянъ иногда цѣлыми селами, волостями. Іоаннъ Грозный выгонялъ на правежъ монаховъ Новгородскихъ; Годуновъ, сдѣлавъ начеть на дьяка Смирнова, засѣкъ его на смерть на правежѣ. Между прочимъ дозволялось вмѣсто себя посылать на истязаніе кого-нибудь другого. Вслѣдствіе этого осужденная волость нанимала иногда вмѣсто себя людей, которые шли за нее; господа-же посылали своихъ слугъ. Въ праздники не полагалось производить правежа; также не полагалось бить «влежаче». (Соловецкіе монахи жаловались въ 1666 г., что ихъ бьютъ на правежѣ «безъ милости, безчеловѣчно, влежаче» ⁵⁾). Для умнѣшенія боли практиковался обычай засовывать въ сапоги куски шерсти ⁶⁾.

Хотя наказаніе батогами и считалось значительно легче кнута, однако и онѣ могли имѣть смертельный исходъ. Царь Алексѣй Михай-

¹⁾ Сергѣевскій: „Наказаніе въ русскомъ правѣ въ XVII вѣкѣ“ стр. 166, по Нейбауеру.

²⁾ Герберштейнъ: „Записки о Московіи“.

³⁾ Забѣлинъ: „Домашній бытъ русскихъ царей“, стр. 268.

⁴⁾ Ив. Прижовъ: „Исторія кабаковъ въ Россіи“.

⁵⁾ Матвѣевъ. Ист. раскола т. III, № XV, челобитныя Соловецкаго монастыря.

⁶⁾ Объ этомъ рассказываетъ Олгарій.

ловиць напр. въ письмѣ къ Матюшкину грозить засѣчь батогами на смерть за непослушаніе и за пьянство дѣтей боярскихъ и истопниковъ ¹⁾. Годуновъ-же, какъ сказано, засѣкъ на смерть на правежѣ дьяка.

Кромѣ батовъ и кнута били еще въ то суровое время плетью, шелепами, дубьемъ и розгами. Но въ рассматриваемый нами періодъ всѣ эти орудія наказанія употреблялись преимущественно въ духовномъ или семейномъ быту; въ законахъ XVI—XVII вѣковъ мы ихъ не встрѣчаемъ.

Чтобы отмѣтить преступниковъ, обезобразить ихъ, наложить на нихъ позоръ на всю жизнь, выжигали имъ на лицѣ раскаленнымъ желѣзомъ различные клейма, вырывали имъ ноздри, рѣзали носы и уши.

Клейменіе встрѣчается впервые въ писанномъ правѣ въ проектѣ договора Новгорода съ гор. Готландомъ 1270 г.: всѣхъ воровъ вещи цѣной въ $\frac{1}{2}$ гривны предположено было сѣчь розгами и клеймить въ щеку ²⁾. Далѣе въ Уставной Двинской Грамотѣ 1397 г. опредѣлили «татя всякаго пятнати» ³⁾. Но ни въ Судебникахъ, ни въ Уложеніи Алексѣя Михайловича ничего не сказано объ этомъ наказаніи. Въ законодательныхъ постановленіяхъ XVII-го вѣка до Петра Великаго оно очень рѣдко встрѣчается. Намъ извѣстно только, что въ 1637 г. назначили всѣхъ денежныхъ воровъ, т. е. фальшиво-монетчиковъ «напятнати на щекахъ разжегши, а въ пятиѣ написать воръ»; по словамъ Катошихина пятнали замѣшанныхъ въ денежномъ бунтѣ 1662 г.

Очевидно, въ Московской Руси клейменіе было мало распространено; не было постановлено, на какихъ преступниковъ накладывать знаки, не была опредѣлена и форма этихъ знаковъ. То печатали словомъ «воръ», то накладывали «Б»—на бунтовщиковъ въ 1662 г.; въ Сибирскихъ городахъ для ссыльныхъ въ каждомъ городѣ употреблялся свой особый знакъ, который накладывали не на лицо, какъ было принято всюду, а на спину. Процедура клейменія была проста: разжигали до-красна печать, и палачъ ударялъ ею очень сильно по лицу осужденнаго. Совершалась она публично.

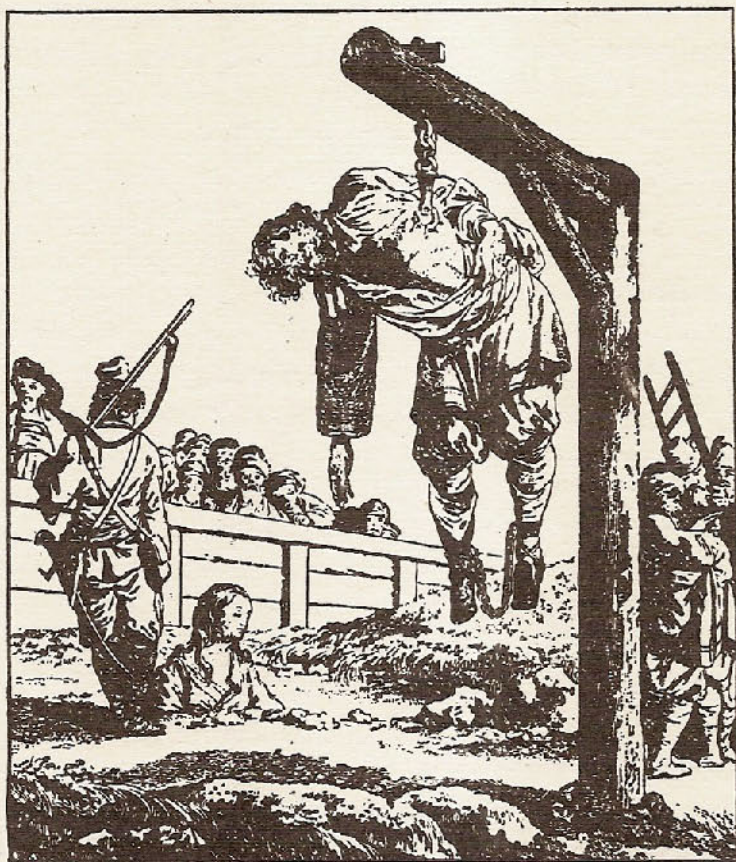
Со времени Петра Великаго это наказаніе приобрѣло болѣе опредѣленный характеръ. Еще въ первые годы своего царствованія царь постановилъ, чтобы клейменіе сопровождало всѣ наказанія, замѣняющія смертную казнь. Въ дальнѣйшихъ-же своихъ законодательныхъ постановленіяхъ онъ уже совершенно точно указалъ категоріи преступниковъ, подлежащихъ этой карѣ.

¹⁾ Изъ писемъ Царя Алексѣя Михайловича, „Черты русской жизни“ Забѣлина.

²⁾ Владимірескій-Вудановъ: Хрестоматія по исторіи русскаго права.

³⁾ Тамъ-же.

Закапываніе въ землю «живьемъ» завершаетъ варварскій циклъ пенитанціарной системы разсматриваемой нами эпохи; точнѣе говоря — циклъ регламентированныхъ тѣлесныхъ наказаній, т. к. русское уголовное право пользовалось еще *колесованіемъ*, *подвѣшиваніемъ за ребро*, *заливаніемъ горла металломъ* (казнь фальшивомонетчиковъ), о которыхъ мы знаемъ только какъ о голомъ фактѣ, относящемся притомъ скорѣе къ исторіи смертной казни, чѣмъ къ исторіи тѣлесныхъ наказаній. Что-же касается закапыванія, то извѣстно, что оно примѣнялось къ

Подвѣсъ за ребро и закапываніе въ землю.
(Со старинной гравюры).

женщинамъ, отравительницамъ своихъ мужей, которыхъ полагалось закапывать живыми въ землю такимъ-образомъ, что бы снаружи торчала одна голова. Производилось это мученіе на какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ, наприм. на торговой площади, и къ этимъ торчащимъ головамъ приставляли надсмотрщика, который наблюдалъ, чтобы никто не подходилъ къ нимъ, не давалъ имъ ни ѣсть, ни пить. Дозволялось проходящимъ только бросать деньги на гробъ и на свѣчи для умило-

стивленія гнѣва Божія на преступницъ. Иногда этихъ несчастныхъ откапывали и отдавали въ монастырь на вѣчное заточеніе. Такъ, въ 1677 г. закопана была на торговой площади крестьянка Оетюшка Жукова; она пролежала сутки, потомъ, по просьбѣ монахинь, вынута и пострижена въ монашество ¹⁾). Двухъ другихъ продержали такъ трое сутокъ; потомъ по ихъ просьбѣ вынули, заточили въ монастырь и до самой смерти содержали тамъ въ оковахъ и въ строгомъ уединеніи ²⁾).

Іоаннъ Грозный. Исключительное по жестокости время пережила Россія въ царствованіе *Іоанна IV-го*. Необузданный сладострастникъ мучилъ и истреблялъ враговъ «со вкусомъ», въ упосніи садизма придумывая имъ разнообразныя пытки. Людей вѣшали вверхъ ногами, рѣзали на куски, обливали кипящей или ледяной водой, разрѣзывали по суставамъ, перетирали тонкими веревками на двое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины, кололи, вѣшали, рубили ³⁾).

Съ беспощадной жестокостью расправлялся царь съ боярами, заподозрѣнными въ измѣнѣ. Одной изъ самыхъ мучительныхъ казней было *сажаніе на колъ*, на которомъ несчастные иногда мучились по нѣскольکو часовъ; такъ князь Дмитрій Ивановичъ Шевыревъ страдалъ на колѣ пѣлый день ⁴⁾; князь Борисъ Телепневъ сидѣлъ на немъ живымъ 15 часовъ (въ это время на глазахъ страдальца толпа опричниковъ насилывала его старуху мать ⁵⁾).

Колесованіе.

Рис. изъ F. Heinemann'a «Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit»

Нерѣдко казни, по приказанію монарха, обставлялись съ исключительной торжественностью. Такъ, 25 іюня 1570 г. на Красной площади было собрано 300 сообщниковъ измѣны Новгорода, причемъ передъ несчастными были разставлены почти всѣ тогдашнія орудія пытокъ: жаровни, раскаленные до красна щипцы, бочки смолы, клеши, веревки для перетиранья человѣческаго тѣла, котлы съ кипяткомъ и пр. Іоаннъ

¹⁾ Жмакинъ: „Навольное постриженіе въ монашество“. Древняя и новая Россія 1878 г. кн. 2.

²⁾ Костомаровъ: „Очерки жизни и нравовъ великорусскаго народа“ стр. 151.

³⁾ Карамзинъ т. IX стр. 160–165.

⁴⁾ Карамзинъ т. IX стр. 83.

⁵⁾ Свидѣтельство Гарсея. Вилишевскій: „Іоаннъ Грозный“ стр. 325.

явился сюда со всею пышностью, но къ его огорченію, не хватало народа. Придя въ бѣшенство, царь приказалъ опричникамъ немедленно выгнать къ мѣсту казни всѣхъ гражданъ, спрятавшихся по домамъ. Когда это было исполнено и собралось нѣсколько тысячъ народа, забава началась¹⁾. Дьякъ Висковатый былъ повѣшанъ за ноги и разрѣзанъ на куски. Казначей Фуникова по приказанію Грознаго обливали попеременно холодной и горячей водой, «покуда съ него слѣзала кожа, какъ

Рисунокъ изъ F. Heinemann'a „Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit“.

съ угря»²⁾). Натѣшившись надъ нимъ, царь отправился къ его женѣ и потребовалъ у нея деньги. Та не давала. Тогда ее, на глазахъ пятнадцатилѣтней дочери, раздѣли, посадили на веревку, привязанную концами къ двумъ противоположнымъ стѣнамъ, и долго таскали по ней

¹⁾ Д-ръ Говардъ, П. Кишпартъ.

²⁾ См. Guagnino.

взадъ и впередъ, отъ одной стѣны до другой. Какимъ-то чудомъ Фунникова пережила эту муку ¹⁾).

Свою седьмую жену, Василису Мелентьеву, которая ему измѣнила, Грозный всю обвязалъ веревками, крѣпко заткнулъ ей ротъ, положилъ въ гробъ и живую приказалъ похоронить ²⁾).

Изобрѣтательность Іоанна была изумительна. Вотъ образцы: Псковскаго игумена Корнилія и его ученика Василя раздавили какимъ-то мучительнымъ орудіемъ. Новгородскаго епископа Леонида, обшивъ въ медвѣжью шкуру, затравили псами ³⁾). Семь тучныхъ монаховъ, обвиненныхъ въ мятежѣ, были присуждены къ борьбѣ съ шестью громадными медвѣдями ⁴⁾). Наконецъ Ѳеодора Басманова заставили убить собственнаго отца, а князя Никиту Прозаровскаго—брата ⁵⁾).

Страшнымъ мѣстомъ во время Іоанна Грознаго было село Тайнинское, подъ Москвой. Тамъ надъ ровомъ стояли Садомскія палаты ⁶⁾) Малюты Скуратова, гдѣ пировалъ царь со своими приближенными и немилосердно мучилъ и казнилъ людей. Провинившихся любили тамъ сажать въ мѣшки и затоптывать, около ручьевъ и рѣки Яузы, въ болотную трясиину. Долго въ Тайнинскомъ виднѣлись слѣды бездонной землянки Малюты ⁷⁾).

Извѣстна жестокая расправа Грознаго съ Новгородцами, которыхъ, послѣ всякихъ скоморошничествъ и издѣвательствъ надъ ихъ архіепископомъ, били, жгли какимъ-то огненнымъ составомъ, привязывали головами или ногами къ санямъ, влекли къ Волхову и бросали съ моста въ воду.

Царю ничего не стоило подвергнуть людей самымъ тяжкимъ мукамъ изъ-за какого нибудь пустяка, только потому, что тѣ подвернулись подъ руку въ дурную минуту. Такъ, придворному шуту вылилъ онъ на голову миску горячаго супа. Французскому послу, который не снялъ шляпы, пригвоздили ее къ головѣ ⁸⁾). Однажды, когда Іоаннъ тѣшился охотою, къ нему пришли 70 человекъ псковичей и стали жаловаться на своего намѣстника. Царь ни съ того, ни съ сего велѣлъ ихъ бить, палить бороды свѣчей, раздѣть и положить на землю для совершенія

¹⁾ Гваньино (изъ Валишевскаго).

²⁾ С. Горскій: „Жены Іоанна Грознаго“ стр. 83.

³⁾ Гарсей (изъ Валишевскаго).

⁴⁾ Гваньино (изъ Валишевскаго).

⁵⁾ См. у Валишевскаго.

⁶⁾ По выраженію кн. Дм. Оболенскаго-Овчины.

⁷⁾ М. Пыляевъ „Застѣнокъ, пытки и палачи“. Трудъ 1890 г. I, стр. 68.

⁸⁾ Записка Каллинса.

казни. Только спѣшный отъѣздъ Грознаго въ Москву спасъ имъ жизнь ¹⁾).

Всѣ потѣхи царя отличались жестокостью. Одной-же изъ самыхъ любимыхъ забавъ его было выпускать на мирную толпу людей громадныхъ медвѣдей; онъ любовался и хохоталъ, какъ народъ въ ужасѣ разбѣгался, преслѣдуемый звѣрьми. На царской площадкѣ передъ Грановитой палатой частенько устраивали подобныя игры. Обыкновенно приводили какую нибудь жертву, часто и не подозрѣвавшую о готовящейся ей участи, и ставили передъ крыльцомъ; вокругъ помѣщались ратные люди съ копьями въ рукахъ. Являлся одинъ изъ опричниковъ и объявлялъ осужденнымъ, что Государь жалуетъ ихъ своею милостью: допускаетъ играть передъ его царскими очами. Выпускали медвѣдей, они набрасывались на несчастныхъ, гоняли ихъ по кругу, наконецъ съ трескомъ подминали подъ себя. Царь радовался ²⁾).

Сладострастіе Грознаго равнялось его жестокости. Зачастую хватили женщинъ въ домахъ и отвозили во дворецъ, гдѣ царь со своимъ другомъ Басмановымъ и другими надругивались надъ плѣнницами, а изнасиловавъ ихъ и задушивъ, развозили трупы по домамъ, при чемъ вѣшали ихъ надъ столами, за которыми мужья и родственники несчастныхъ обѣдали.

Во время разгрома нѣмецкой слободы, по свидѣтельству многихъ иностранныхъ писателей, надъ бѣдными нѣмками творили нѣчто ужасное: ихъ вытаскивали за волосы на морозъ, обнажали, звѣрски били кнутомъ и т. д.

Одерборнъ, напримѣръ, даетъ слѣдующее описаніе разрушенія нѣмецкаго пригорода Москвы: — «Молодые дѣвушки насиловались и умерщвлялись на глазахъ Іоанна, который самъ принималъ участіе въ избиеніи, прокалывая жертвы своимъ охотничьимъ копьемъ. Многихъ женщинъ сѣкли до крови; имъ вырывали ногти, а когда онѣ Христомъ Богомъ просили о пощадѣ, чудовище приказывало вырывать имъ языки. Наконецъ ихъ убивали, вонзая въ ихъ тѣла раскаленные до красна копыя» ³⁾).

Guagnino-же передаетъ слѣдующія факты: у одного служилаго человѣка была прелестная жена; царь всячески пытался сманить ее и,

¹⁾ А. Суховъ: „Историческая характеристика древн. русск. угол. права до XVII-го в.“. Юридическ. Вѣстн. 1874 г.

²⁾ С. Горекій: „Жизнь Іоанна Грознаго“.

³⁾ Oderborn, Joannis Basilidis vita. Vitobsk 1585. Валишевскій ко многимъ этимъ фактамъ относится недовѣрчиво. Онъ говоритъ слѣдующее: Одерборнъ былъ нѣмецкій пасторъ и жилъ въ Польшѣ. Между тѣмъ извѣстно враждебное отношеніе къ Россіи нѣмцевъ и поляковъ, которые стремились всячески дискредитировать Іоанна и передавали про него разныя басни.

не добившись ея расположенія, изнасиловалъ ее на глазахъ мужа, повѣсилъ на крыльцѣ его дома, а позже отрубилъ ему голову. Товарищи Іоанна, Скуратовъ и Басмановъ, частенько для забавы раздѣвали крестьянскихъ дѣвушскъ, заставляли ихъ гоняться за курами и пропзали ихъ на бѣгу стрѣлами ¹⁾. Проѣзжая по городу или деревнѣ, царь иногда заставлялъ всѣхъ встрѣчныхъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣваться, насиловалъ ихъ и оставлялъ нагими стоять на жестокомъ морозѣ по нѣскольку часовъ.

Изъ свидѣтельства Петрея мы знаемъ, что подобнаго рода садическія забавы принимали пороку грандіозный характеръ и обращались въ подлинное театральное представленіе. Такъ, когда любовница сына царя пожаловалась, что многія женщины смѣются надъ нею, Грозный велѣлъ привести въ Кремль нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ и раздѣть ихъ до нага въ присутствіи своего семейства, бояръ и всей придворной челяди; нагія, онѣ должны были разгуливать въ сильную стужу по глубокому снѣгу. При этомъ царь велѣлъ нѣкоторыхъ изъ женщинъ засѣчь розгами до смерти и трупы ихъ бросить медвѣдямъ ²⁾.

Каковъ былъ Іоаннъ, таковы были и его сподвижники, верпившіе судъ и расправу. Людскія мученія были для нихъ необходими, и легко представить себѣ, въ какое истязаніе превращалось подъ ихъ ферулой тѣлесное наказаніе.

Часто наблюдая за казнями, царь не выдерживалъ и самъ замѣнялъ палачей. Иногда, будучи въ мрачномъ настроеніи, онъ отправлялся въ темницу лично попытать какого-нибудь преступника, послѣ чего возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія, шутилъ и говорилъ веселѣе обыкновеннаго ³⁾.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную характеристику и оцѣнку психологіи этой личности. Напомнимъ только, что Іоаннъ не былъ одинокъ въ своемъ жестокосердіи; его окружали и поощряли преданные помощники всѣхъ его звѣрствъ,—его опричники.

Попутно замѣтимъ, что таковыми приблизительно были въ то время и нравы чужеземцевъ. Вспомнимъ только, что творилось тогда въ Западной Европѣ, вспомнимъ инквизицію, итальянскихъ тирановъ и другихъ современниковъ Грознаго!

«Какъ призракъ, стоящій надъ грудой труповъ на кровавомъ фонѣ сѣвернаго сіянія, Иванъ не представлялъ, однако, исключительнаго явленія,—замѣчаетъ Валишевскій,—онъ лишь продолжалъ приемы и традиціи прошлаго».

¹⁾ Валишевскій стр. 455—456.

²⁾ Сравни у С. С. Шашкова: „Исторія русской женщины“.

³⁾ Изъ Таубе и Крузо. Карамзинъ т. IX прим. 82.

III.

Отъ Петра Великаго до Екатерины II-ой.

Въ эпоху Петра Великаго тѣлесныя наказанія достигли на Руси самаго пышнаго расцвѣта. Страшная дикость нравовъ, полное равнодушіе, если не страсть, къ различнымъ истязаніямъ и большой опытъ мучительства остался въ наслѣдство концу XVII-го вѣка отъ прошлыхъ временъ. Взбунтовавшіеся стрѣльцы напр. пытали боярина Ив. Кир. Нарышкина «пытками страшными и распытавъ нагого его изъ застѣнка выволокли на Красную площадь и поставя его межъ мертвыхъ посѣченныхъ тѣлесъ стояща, обступя вокругъ со всѣхъ сторонъ вкупѣ его копьями забодаша и оными подняли кверху и опушта, руки, ноги, голову отсѣкли» ¹⁾. Доктора Данила «выведше на Красную площадь изсѣкоша въ мелкія части» ²⁾. Восьмилѣтняго сына астраханскаго воеводы повѣсили за ноги; на другой день сняли, высѣкли и отправили къ матери ³⁾.

Вездѣ шныряли разбойничьи шайки, творившія неслѣоятные ужасы. По донесеніямъ Ярославскаго оберъ-коменданта, разбойники напали на вотчину какого-то боярина, истязали его и сына, вскрыли у нихъ груди, жрали сало, пили кровь ⁴⁾. Правительство разумѣется справлялось съ ними не менѣ жестоко и безпощадно. Голландскій резидентъ передавалъ, что въ Петербургѣ, при Петрѣ, за одинъ день повѣсили, колесовали и подняли за ребра 24 разбойника ⁵⁾. Въ 1732 г. казнили 20 разбойниковъ, 15 били кнутомъ и сослали въ вѣчныя каторжныя работы, 85 получили кнутъ и батоги ⁶⁾. Но эти мѣры плохо помогали. Еще въ 1765 г. въ Орловской губерніи разбойники разгромили вотчину и, не найдя денегъ, пытали помѣщика, его домашнихъ и крестьянъ: подкладывали подъ ихъ обнаженные спины горячіе уголья, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, рѣзали ножами ⁷⁾.

Варварскія и медленныя казни устраивались тогда постоянно. Безпощадно-суровы были расправы съ государственными преступниками, еретиками, взяточниками и пр. «А у пушихъ воровъ и разбойниковъ ломаны руки и ноги колесами и тѣ колеса воткнуты были на Красную площадь, на колья, и тѣ стрѣльцы за ихъ воровство ломаны живые,

¹⁾ Записки Матѣева.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Путешествіе Корнелія де-Бруини черезъ Московію“. Чтеніе Имп. об-ва ист. и древности 1873 г., 2.

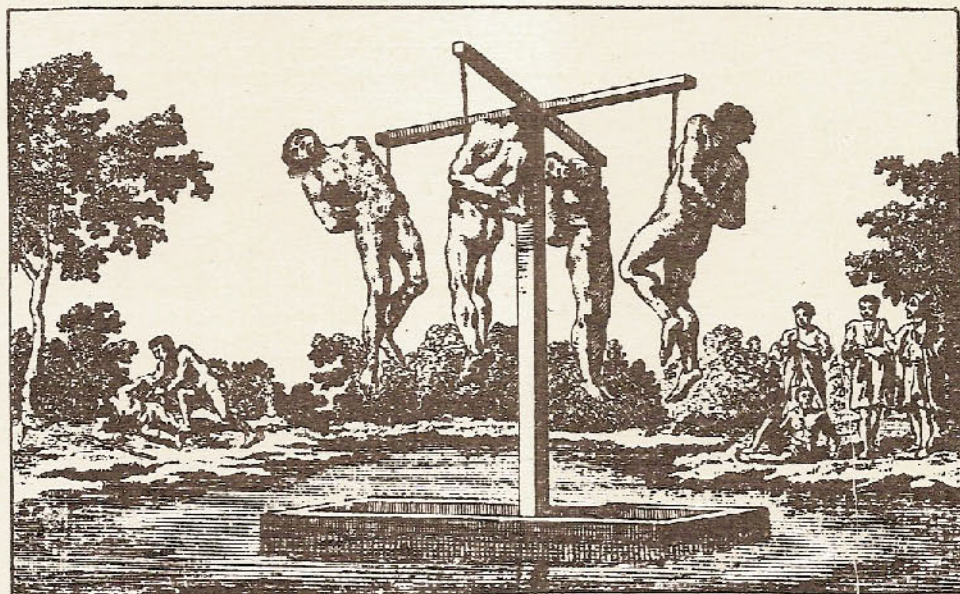
⁴⁾ Мрочекъ-Дроздовскій: „Областное управленіе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“.

⁵⁾ Отзывъ Кампредона. Об. ист. о-ва въ т. 40. 420.

⁶⁾ Тимофѣевъ: „Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ“ | стр. 74.

⁷⁾ Орловскіе разбойники въ 1765 г. Р. Стар. 1897 г., кн. 1—3-ья.

положены на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ не много ни сутки и на тѣхъ колесахъ стонали и охали и по указу одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи» ¹⁾). Таковъ былъ ужасный финалъ стрѣльческаго бунта.

Наказаніе волжскихъ разбойниковъ.
(Изъ путешествія I. Halway's въ 1754 г.).

Передаютъ, какъ однажды колесовали и казнили заговорщиковъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ. Двумъ братьямъ переломали руки и ноги и привязали живыхъ къ колесу. Въ это время тутъ же шла расправа съ остальными двадцатью, въ числѣ которыхъ былъ третій братъ колесованныхъ. И вотъ эти послѣдніе, видя скорую казнь, громко выражали свою зависть, сердились, роптали ²⁾).

Подобную же медленную смерть колесомъ причинили въ 20-хъ годахъ XVIII-го ст. фальшивомонетчикамъ. Берхгольцъ рассказываетъ, что имъ было дано лишь по одному удару, послѣ чего они были привязаны къ колесамъ, лицомъ внизъ, и оставлены такъ на произволъ судьбы. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ поднялъ руку и отеръ носъ; онъ имѣлъ достаточно силъ поднять ее еще вторично, чтобы смахнуть брызги крови съ колеса ³⁾).

¹⁾ Записки Желябужскаго.

²⁾ М. Пылаевъ: „Застѣнокъ, пытки и палачи“. Трудъ 1890, I.

³⁾ Записки камеръ-юнкера Берхгольца.

Въ 1724 г. колесовали такимъ-же образомъ оберъ-фискала Нестерова за похищеніе казенныхъ денегъ ¹⁾).

Не менѣ ужасны были и другія расправы съ преступниками. Такъ, при открытіи одного заговора на жизнь Царя, виновнымъ, послѣ пытокъ, отрубили правыя руки и лѣвыя ноги, затѣмъ лѣвыя руки и правыя ноги, потомъ уже головы, которыя воткнули на колеса, а руки и ноги развѣсили вокругъ на столбахъ ²⁾).

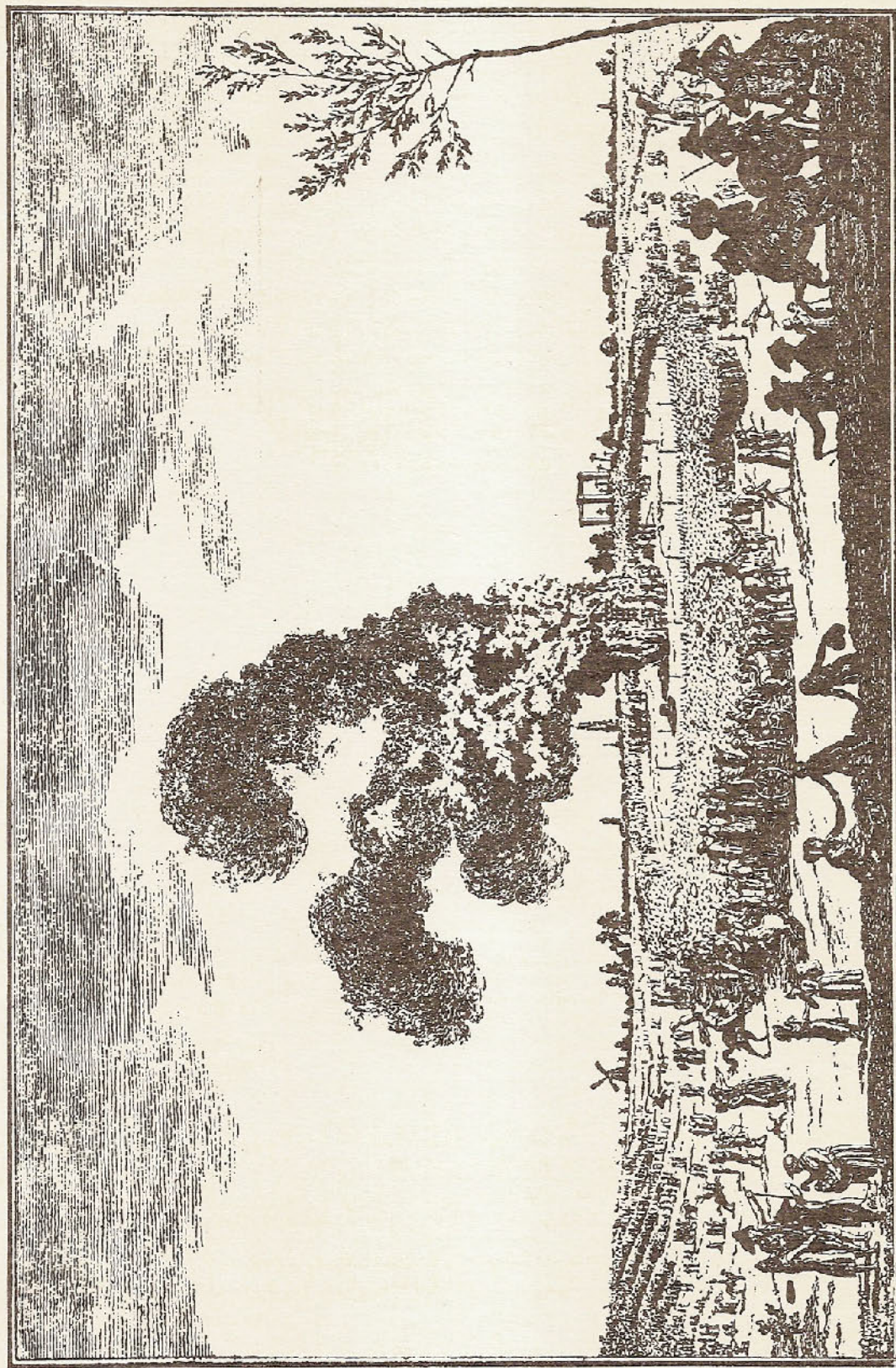
Колесованіе.
(Изъ собранія Дашкова).

Въ 1701 году нѣкому Талицкому за то, что онъ писалъ письма «плевательныя и ложныя» о пришествіи антихриста, устроили казнь «копченіемъ творимую» ³⁾. Одинъ фанатикъ во время богослуженія

¹⁾ Записки гр. Вассевича, Рус. Архивъ, 1865 г. III.

²⁾ „Повѣствованіе о Россіи капитана Дж. Перри“. Чтеніе об-ва исторіи и древности, 1871 г. II.

³⁾ См. статью Филиппова, Юрид. Вѣстн., 1890 г. 5.

Последнее сожжение въ Веригѣ въ 1786 г.
(Рисунокъ изъ F. Heinemann: «Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit»).

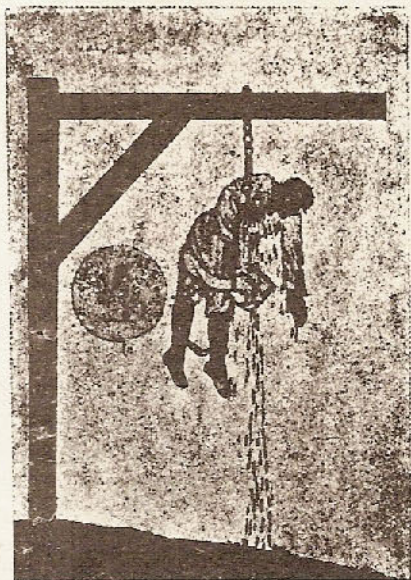
«вывалилъ» изъ рукъ епископа образъ и назвалъ почитаніе иконъ идолопоклонствомъ. Его схватили и предали медленному сожженію: поставили на костеръ, дали въ руки просмоленную палку и зажгли ее; палка сгорѣла, сгорѣла и рука; эта пытка продолжалась минутъ 7, 8; тогда только зажгли костеръ ¹⁾.

Рядомъ съ сожженіемъ по прежнему практиковалось сажаніе на колъ. Напр., этой казни подвергся одинъ изъ главныхъ участниковъ заговора Царевича Алексѣя, майоръ Глѣбовъ ²⁾. Говорятъ, что въ 1721 г. за упорство въ расколѣ и за бунтъ жителей гор. Торовца (въ Сибири), Петръ велѣлъ почти всѣхъ поголовно сажать на колъ, и до сихъ поръ въ память этого событія торовичанъ зовутъ коловичами ³⁾. При Аннѣ Іоанновнѣ тѣмъ же способомъ казнены самозванецъ Миницкій и его сторонникъ священникъ ⁴⁾.

Всѣ эти казни тѣмъ особенно ужасны, что смерть приходила къ осужденнымъ иногда лишь черезъ нѣсколько дней. Берхгольцъ передаетъ, что одинъ повѣшанный за ребро сдѣлалъ попытку къ бѣгству; онъ приподнялся, какъ то высвободилъ свое тѣло съ крюка, упалъ, отползъ на четверенькахъ и спрятался. На другой день его поймали и повѣсили вторично ⁵⁾.

Особенно долго мучились мужеубійцы, которыхъ, какъ сказано, закапывали живыхъ въ землю. Въ 1706 г. зарытая преступница умерла черезъ пять дней ⁶⁾, а въ 1730 г. крестьянка Ефросинья пробыла въ землѣ больше мѣсяца, отъ 21 августа до 22 сентября ⁷⁾.

Въ царствованіе Елизаветы смертная казнь была у насъ, наконецъ, отмѣнена; но по проекту Уложенія 1754 г. той же Императрицы, предполагалась даже квалифицированная смертная казнь — разрываніе лошадьми ⁸⁾.

Казнь черезъ повѣшеніе за ребро.
(«Старые годы» 1911 г., июнь).

¹⁾ Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца.

²⁾ Устряловъ: „Исторія Петра Великаго“, т. 6-й.

³⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“, стр. 104.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 418.

⁵⁾ Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца.

⁶⁾ Собр. им. рус. ист. об-ва, т. XXXIX, 342.

⁷⁾ Русская старина, 1877 г.

⁸⁾ Тимофеевъ: „Истор. тѣлесн. наказ. въ рус. правѣ“.

Законы.

Устрашить, напугать, уничтожить непокорного— вотъ принципъ законодателя въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. Поглощенный идеей создать новый укладъ жизни въ Россіи, вдвинуть ее въ рядъ другихъ Европейскихъ государствъ, Петръ мало обращалъ вниманія въ своихъ указахъ на размѣръ преступления; для него главнымъ зломъ было неповиновеніе его воли, противодѣйствіе его желанію. Въ петровскихъ законахъ насъ прямо таки поражаетъ неравномѣрность наказаній. Папр., кнутомъ били за первую и вторую татьбу и били не соблюдавшихъ правила городского благоустройства, бросавшихъ соръ на улицу и т. д.

Разрывать лошадыми въ XVI в.

(P. Heinemann «Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit»).

И раньше наши законы не отличались мягкостью, но Уложеніе Алексѣя Михайловича, рядомъ съ законодательными постановленіями Петра Великаго и послѣдующихъ Государей, кажется даже милосерднымъ. Перемѣнившійся укладъ жизни породилъ много новыхъ, раньше неизвѣстныхъ, преступленій, обусловившихъ новые случаи тѣлесныхъ

наказаній. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ новыми, культурными учрежденіями, пришли къ намъ съ Запада и всевозможныя новыя орудія истязаній: шпирутены, хожденіе на кольяхъ и другія. Наконецъ, установился взглядъ на тѣлесное наказаніе, какъ на что то позорное, лишающее провинившагося чести, гражданскихъ правъ.

По Воинскимъ процессамъ (добавленіе къ Воинскому Уставу 1716 г.) тѣлесныя наказанія раздѣлялись: на 1) обыкновенныя «егда кто (наказанъ) ношеніемъ оружія, сирѣчь мупкетовъ, сѣдель, также заключеніемъ, скованіемъ рукъ и ногъ въ желѣзо и питаніемъ хлѣбомъ и водою точію, и по деревяннымъ колямъ ходить и битьемъ батогами», и 2) жестокое «егда кто тяжелымъ заключеніемъ наказанъ, или сквозь шпирутены и лозы бѣгать принужденъ, тако же егда отъ палача (и кнутомъ) битъ и запятнанъ желѣзомъ, или обрѣзаніемъ ушей, отсѣченіемъ руки или пальца казненъ будетъ, тоже ссыланіе въ каторгу вѣчно или на нѣсколько лѣтъ» ¹⁾).

Слѣдовательно, какъ и раньше, преступникамъ въ XVIII вѣкѣ *стали* всевозможныя *части тѣла*; рѣзали руки (за поднятіе въ сердцахъ шпаги съ цѣлью причинить вредъ ²⁾), за нанесеніе въ сердцахъ удара тростию или другимъ орудіемъ ³⁾), пальцы (которымъ принималась присяга, за ложную присягу передъ ссылкой на каторжную работу ⁴⁾); отсѣкали суставы (за поношеніе Матери Божіей и Святыхъ ⁵⁾), уши и носъ (за кражу изъ наметовъ или палубовъ въ полѣ или походѣ ⁶⁾) и за третью кражу не свыше 20 рублей передъ каторжными работами ⁷⁾).

Появились и новыя уродованія: прожженіе языка (за богохульство передъ смертной казнью ⁸⁾), пробитіе рукъ подъ висѣлицей на часъ ножомъ или гвоздемъ (за пораненіе—передъ шпирутенами ⁹⁾).

Членовредительныя наказанія, обильныя еще въ эпоху Петра, къ половинѣ XVIII-го вѣка начали вымирать. Правительству они были не выгодны: изуродованные люди создавали лишнюю тягость и обузу для общества. Въ началѣ царствованія Елизаветы убійцамъ вмѣсто смертной казни рѣшили рѣзать правую руку. Но это практиковалось не долго; «такіе люди—по словамъ указа—ни къ какимъ уже работамъ дѣйстви-

¹⁾ П. С. З., т. V, 1716 г., № 3006 уст. Воин. проц., ч. III, гл. 2. Оглавленіе въ приговорахъ въ наказаніяхъ и казняхъ.

²⁾ Воинск. Арт., гл. XVIII, ар. 144.

³⁾ Воинск. Арт., гл. XVII, ар. 146.

⁴⁾ Воинск. Арт., гл. XXII, ар. 196.

⁵⁾ Воинск. Арт., гл. I, ар. 4.

⁶⁾ Воинск. Арт., гл. XXI, ар. 188.

⁷⁾ Воинск. Арт., гл. XXI, ар. 189.

⁸⁾ Воинск. Арт., гл. I, ар. 3.

⁹⁾ Воинск. Арт., гл. XVII, ар. 143.

тельны быть не могутъ, но токмо тунѣ получать себѣ будутъ пропитаніе», и 29 марта 1753 г. положено было убійцъ жестоко наказывать кнутомъ, клеймить и ссылатъ въ вѣчную каторгу. Въ проектѣ Уложенія 1754 г. членовредительныхъ наказаній нѣтъ, ихъ замѣнили кнутомъ. Сохранились только сѣченіе языка и ноздрей.

Рѣзали языкъ государственнымъ преступникамъ, заговорщикамъ, бунтовщикамъ. При Петрѣ такъ наказали Поклонскаго по дѣлу царевича Алексѣя: его лишили языка, ушей и носа ¹⁾. При Биронѣ, по свидѣтельству саксонскаго посланника Зума, Волынскому передъ казней отрѣзали секретно въ тюрьмѣ языкъ, закрыли сму ротъ намордникомъ и завязали на головѣ, чтобы не текла кровь ²⁾. При Елизаветѣ это же наказаніе опредѣлили Лопухиной, Бестужевой и другимъ ³⁾.

Рванье ноздрей въ то время особенно часто практиковалось; оно обычно соединялось съ торговой казнью, клейменіемъ и ссылкой на каторгу. Указъ Петра 1705 г. гласилъ: «колодниковъ, всякихъ чиновъ людей, которые въ Его Государевыхъ дѣлахъ, и въ татѣбахъ и въ разбояхъ и во всякихъ воровствахъ, кражѣ, смертоубійствѣ и бунтовщиковъ.... смертію не казнить.... чинить имъ жестокое наказаніе и пятнать новымъ пятномъ, вырѣзать у носа ноздри и ссылатъ на каторгу въ вѣчныя работы» ⁴⁾. Въ 1724 г. правительство, замѣтивъ, что у многихъ каторжанъ «ноздри вынуты малознотно» предписало ихъ «вынуть до кости» ⁵⁾.

Поролисъ ноздри за притворство больнымъ, съ цѣлью уклониться отъ службы; или, какъ это было, напр., со школьникомъ Лукьяномъ Васильевымъ,—за пьяныя слова про Государя (ему выпули клешнями ноздри, дали 30 ударовъ кнутомъ и сослали въ каторгу на вѣчныя времена) ⁶⁾. Въ 1733 г. постановили за неправильное взиманіе откуповъ, сборовъ и подрядовъ или казнить смертію или вырѣзать ноздри и сослать на вѣчныя каторжныя работы въ Сибирь ⁷⁾. Въ томъ же году за ложное слово и дѣло священникамъ, старымъ и негоднымъ къ военной службѣ указали, вырѣзывать ноздри и ссылатъ на вѣчныя каторжныя работы ⁸⁾. При Елизаветѣ такъ наказывали рекрутовъ,

¹⁾ Валишевскій: „Петръ Великій“.

²⁾ В. Гольцовъ: „Нравы русскаго об-ва въ XVIII ст.“, Юридическій Вѣстникъ, 1886 г. I.

³⁾ См. ниже.

⁴⁾ Тимофеевъ: „Ист. тѣлесныхъ наказаній въ русск. правѣ“, стр. 138—139.

⁵⁾ П. С. З. VIII, 15 Янв. 1724 г.

⁶⁾ Семевскій: „Слово и дѣло при Петрѣ въ XVIII вѣкѣ“.

⁷⁾ Карновича: „Герцогъ Виронъ“. Отечественныя записки 1873 г., кн. 10—11.

⁸⁾ Тамъ-же.

сильно уязвившихъ себя; ихъ ссылали потомъ въ каторжныя работы ¹⁾. То-же полагалось за продажу бѣглыхъ солдатъ.

Въ 1754 г. началось ограниченіе этого наказанія, именно запретили вырѣзывать ноздри у ссыльныхъ женщинъ; — указъ гласилъ: «ноздрей у нихъ не вынимать и знаковъ не ставить для того, что колодникамъ мужеска пола ноздри вырѣзать и знаки ставить положено въ томъ разсужденіи, чтобы они изъ ссылки... побѣговъ чинить и, непоставленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь въ такія воровства поступать не дерзали; а женска пола изъ такихъ отдаленныхъ въ Сибири мѣстъ и побѣговъ и воровства чинить не можетъ» ²⁾.

Господство *кну́та* въ карательной системѣ XVIII-го вѣка продолжалось въ прежнихъ размѣрахъ. Торговую казнь назначали самымъ разнообразнымъ преступникамъ, государственнымъ заговорщикамъ, взяточникамъ, ворами, учинившимъ разбой безъ смертоубійства, отдающимъ въ рекруты бѣглыхъ солдатъ ³⁾, понаровщикамъ, укрывателямъ ⁴⁾, раскольникамъ, бѣжавшимъ изъ Сибири ⁵⁾. Били кнутомъ воеводъ, нарушившихъ инструкціи, данныхъ при отправленіи на должность ⁶⁾, пищихъ, просящихъ милостыню по мѣстамъ, по міру въ Москвѣ ⁷⁾; къ этому наказанію приговаривали также людей, бьющихъ скотъ въ неуказанномъ мѣстѣ ⁸⁾ и т. д.

Въ 1712 г. виновнымъ въ убійствѣ начальника Камчатки Атласова — Григорія Шибана и Андрея Петровыхъ учинили такое наказаніе: «клали на плаху», затѣмъ сняли, и великій государь пожаловалъ ихъ: «для ихъ прежнихъ службъ смертию казнить не велѣлъ, а показнили у нихъ 2 малыхъ пальца у лѣвыхъ рукъ и на козлѣ они биты кнутомъ, и въ проводку по улицамъ вожены» ⁹⁾.

Къ 20 годамъ XVIII-го столѣтія въ Россіи кореннымъ образомъ перемѣнился взглядъ на публичную торговую казнь. Исчезло безразличное отношеніе къ этому наказанію: — на него стали смотрѣть, какъ на нѣчто позорное, лишающее чести провинившагося. Сначала позорность подобныхъ экзекуцій признавалась только для военныхъ. Объ этомъ ясно говоритъ указъ 1745 г.: «кто кнутомъ не сѣченъ, годныхъ

¹⁾ Указъ о рекрутахъ при объявленіи войны со Швеціей въ 1742 г.

²⁾ П. С. З. 10. 686 г.

³⁾ Ук. о рекрутахъ 1742 г.

⁴⁾ П. С. З. 3514 г., 1718; 3837 г., 1721 г.

⁵⁾ П. С. О.: 4109 г. 1722 г. 1757 г.

⁶⁾ П. С. З.: 3291 ук., 1719 г.

⁷⁾ Доклады Правительствующаго Сената, т. I, № 203.

⁸⁾ Тимофеевъ: стр. 158.

⁹⁾ Отписка Камчатскаго приказчика Василя Колосова въ іюні 1713 г. Нам. Сиб. Ист. I № 123.

Утро стрельбой казпн. — Картина Сурикова.

написать въ Астраханскій гарнизонъ, а которые къ службѣ не годны *или кнутомъ съчены* возвращать помѣщикамъ или записать въ подушный окладъ, гдѣ они жить пожелаютъ» ¹⁾). Еще раньше, при Аннѣ Іоанновнѣ постановили, что, кто скажетъ доносъ по первымъ двумъ пунктамъ въ пьяномъ видѣ, тѣхъ писать въ солдаты и бить плетью, а кто не годенъ итти въ солдаты, тѣхъ бить кнутомъ ²⁾). Слѣдовательно, это наказаніе лишало возможности поступить на военную службу. Съ теченіемъ времени такое отношеніе къ торговой казни прочно укрѣпилось. Постепенно и другія тѣлесныя наказанія стали считаться позорными.

Послѣ отмѣны смертной казни (1753 г.) наказаніе кнутомъ съ вырѣзываніемъ ноздрей и вѣчной ссылкой стало самой тяжелой уголовной карой для преступниковъ. Оно налагалось за всѣ преступленія, за которыя раньше слѣдовала казнь, при этомъ оно сопровождалось опредѣленнымъ обрядомъ: наказываемаго ввели на эшафотъ клали его голову на плаху, потомъ били кнутомъ, накладывали клеймо и только послѣ этого ссылали въ вѣчную каторгу. За менѣ важные проступки назначали кнутъ, безъ обряда смертной казни, съ каторжными работами на урочное время.

Съ начала XVIII-го в. Петръ ввелъ у насъ нѣмецкіе *шпицрутены* — гибкіе прутья, длиной около сажени и нѣсколько меньше вершка въ діаметрѣ ³⁾). Процедура наказанія этимъ орудіемъ была крайнѣ жестокая. Разставляли два длинныхъ ряда солдатъ и каждому давали въ руки шпицрутень. Осужденному обнажали спину до пояса, привязывали его руки къ ружью, повернутому къ нему штыкомъ, и за это ружье водили его по рядамъ. Удары сыпались на него справа и слѣва, бѣжать отъ нихъ онъ не могъ: острый штыкъ заставлялъ его медленно шествовать; — трещалъ барабанъ, стоналъ и просилъ пощады несчастный.

Въ законахъ шпицрутены впервые упоминаются въ 1701 г., въ Краткомъ Артикулѣ. Въ 1712 г. сенатъ предписалъ бѣглымъ рекрутѣмъ чинить наказаніе по артикулу шпицрутенами. До 20-хъ годовъ они были мало распространены. Но уже Воинскій Артикулъ Петра назначалъ ихъ за самыя разнообразныя преступленія ⁴⁾, за чернокнижество, чародѣйство и идолопоклонство, если при этомъ виновный никому не причинилъ никакого вреда или вступилъ въ обязательство

¹⁾ Тимофеевъ.

²⁾ П. С. З. № 5528.

³⁾ Такой образецъ шпицрутенъ былъ присланъ изъ Петербурга въ 1831 г. для наказанія военныхъ поселенъ, см. А. А. Сѣряковъ: „Моя трудовая жизнь“. Рус. Стар. 1875 г. т. 141, ст. 160.

⁴⁾ В. Ар. гл. II, ар. 37; гл. VI, ар. 59; гл. XII, ар. 96; гл. XVII, ар. 133.

съ сатаной ¹⁾, за поношеніе Матери Божьей и Святыхъ во второй разъ, но по легкомыслію ²⁾, за прелюбодѣянiе ³⁾ и многое другое.

Истязаніе шпицрутенами, по силѣ и жестокости, не уступало кнуту: но оно не лишало преступника его добраго имени, его чести. Въ то время, какъ послѣ торговой казни, солдатъ не могъ продолжать свою службу, считаясь на вѣкъ опозореннымъ, — наказаніе шпицрутенами оставляло за нимъ всѣ права. Вотъ что говоритъ объ этомъ указъ 1721 г.: «которые офицеры... и рядовые приговорены будутъ на каторгу въ вѣчную работу съ наказаніемъ, тѣхъ бить кнутомъ, а которые на урочные годы, тѣхъ гонять шпицрутенѣмъ, а кнутомъ не бить... для того, что ежели, по прошествію урочныхъ лѣтъ, они освободятся, то за такимъ порокомъ, что были въ катскихъ рукахъ невозможно ихъ въ прежнюю употреблять службу». Немного позже, въ царствованіе Елизаветы, въ 1751 г. солдатамъ за корчемство вмѣсто кнута назначали шпицрутены, «дабы они будучи на службѣ могли тѣ свои вины заслужить» ⁴⁾, гласитъ указъ. Еще опредѣленнѣе говоритъ постановленіе 1757 г., въ которомъ генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутскихъ наборахъ приказано приказчиковъ и старостъ за отдачу въ рекруты чужого крестьянина «гонять жестоко шпицрутенами и опредѣлять въ С.-Петербургскій гарнизонъ въ солдаты вѣчно, негодныхъ бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри ссылатъ въ Охотскъ» ⁵⁾.

Менѣе болѣзненнымъ, чѣмъ шпицрутены, считалось наказаніе кошками и линьками, введенными Петромъ Великимъ для флота.

Кошки — четырехвостныя плети съ узелками на концахъ. Впервые въ законахъ онѣ встрѣчаются въ 1720 г., въ Морскомъ Уставѣ ⁶⁾. Скоро это наказаніе у насъ очень распространилось; кошками стали бить не только въ одномъ флотѣ: — такъ, съ 1724 г. ими наказывали извозчиковъ, когда они ѣздили на невзнузданныхъ лошадяхъ, съ 1725 г. нечестныхъ продавцовъ хлѣба и скупщиковъ, мѣшавшихъ пріобрѣтать товары для домовыхъ нуждъ ⁷⁾; съ 1739 г. — торговцевъ овощами и

¹⁾ Воинск. Ар. гл. I, ар. 1.

²⁾ Воинск. Ар. гл. II, ар. 6.

³⁾ Воинск. Ар. гл. X, ар. 170.

⁴⁾ П. С. З. 9912 г. 1751.

⁵⁾ П. С. З. 10786 г. 1757, 1, 6, 8.

⁶⁾ Въ этомъ памятникѣ кошки назначались за многія преступленія вмѣсто шпицрутеновъ. М. Пыляевъ и В. Короленко считаютъ, что кошки — кнуты съ желѣзными лапами. (М. Пыляевъ: Застѣнокъ, пытки и палачи. Трудъ 1890. I, В. Короленко: „Русская пытка“, Русское богатство 1912, I). Это опредѣленіе совершенно невѣрно.

⁷⁾ П. С. З. 4634 г. 1725.

фруктами на улицѣ, такъ какъ эта привилегія давалась исключительно женщинамъ и дѣтямъ ¹⁾).

Стали наказывать кошками, при Аннѣ Іоанновнѣ, и проститутокъ. Во времена Московской Руси и при Петрѣ проституцію преслѣдовали у насъ батогами и кнутомъ. Со времени-же Анны Іоанновны законъ нѣсколько мягче сталъ относиться къ падшимъ женщинамъ. Одинъ изъ указовъ ея царствованія гласилъ въ отношеніи проститутокъ слѣдующее: «сенату извѣстно учинилось, что во многихъ вольныхъ домахъ чинятся многіе непорядки, а особливо многіе вольнодумцы содержатъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ, что весьма противно христіанскому благочестивому закону, того ради смотрѣть ежели гдѣ такія непотребныя женки и дѣвки окажутся, тѣхъ высѣчь кошками и изъ тѣхъ домовъ ихъ выбить вонъ» ²⁾).

Кошками били еще укрывателей бѣглыхъ и всевозможныхъ преступниковъ въ Тайной Канцеляріи и полиціи. По Елизаветинскому указу 1754 г. предписано ими бить и за нарушеніе постановленій о чистотѣ въ адмиралтействѣ. Кошками наказали въ 1754 г. крѣпостныхъ майора Евреинова, которые помогали своему барину выкрасть дѣвку для блуда ³⁾).

Линьки представляли собой простые куски каната съ узлами. Это наказаніе не выпло за предѣлы флота; оно примѣнялось, почти всецѣло, къ матросамъ за дисциплинарныя провинности.

Кромѣ этихъ орудій, въ началѣ XVIII ст. по прежнему наказывали *батогами*. Но ужъ къ этой эпохѣ они стали понемногу вымирать и вытѣсняться плетью ⁴⁾. Во времена Петра В. батогами били за нарушеніе предписаній полиціи. Въ инструкціи Оберъ-Полицеймейстеру Грекову отъ 9 іюля 1722 г. ими предписали наказывать «знатныхъ домовъ управителей за топку печей лѣтомъ въ неуказанное время» ⁵⁾, если они нарушали этотъ указъ въ четвертый разъ, «всякаго званія людей, кто будетъ соръ и всякій помѣстъ на рѣку возить и мстать», и ослушниковъ, продающихъ харчи безъ соблюденія чистоты, не въ указанномъ платьѣ ⁶⁾. Били батогами недорослей за неявку на смотръ ⁷⁾, рекрутовъ за бѣгство ⁸⁾, и государственныхъ преступниковъ. Помѣщика Хар-

¹⁾ П. С. З. 7825 г. 1739.

²⁾ С. С. Шашковъ: „Исторія русской женщины“ стр. 871.

³⁾ Тимофеевъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“, стр. 202.

⁴⁾ Петръ В. отмѣнилъ правѣжь. Вновь на короткое время его возстановилъ Биронъ и, наконецъ, совершенно уничтожила его Елизавета.

⁵⁾ Дозволялось топить всего два раза въ подѣлю.

⁶⁾ П. С. З. VI, № 4047.

⁷⁾ Док. и пр. Сената III, 2, № 1010.

⁸⁾ Тамъ-же II, I, № 153.

ламова, напр., били батогами за его дерзкія слова: «въ Санктъ-Петербургѣ и Государь вретъ» ¹⁾). По указу 1732 г., «для многолѣтняго Ея Императорскаго Величества здравія, учинить наказаніе не по уложенію, а просто бить батогами» помѣщика Бобнева за двойную продажу имѣнія. Такую милость Бобневу оказали по причинѣ его старости ²⁾). Били батогами вмѣсто кнута и надсмотрщиковъ крѣпостныхъ дѣлъ ³⁾).

Иногда это наказаніе употреблялось вмѣсто штрафа. Такъ, въ 1733 г. приказано было продавать сало, медъ, масло, смолу и другіе товары въ тонкихъ бочкахъ и кадкахъ. Если кто не исполнялъ этого правила, съ того брали штрафъ — 1 рубль, а кому нечѣмъ было платить, наказывали на торговыхъ мѣстахъ нещадно батожемъ ⁴⁾).

При Елизаветѣ, въ проектѣ Уложенія 1754 г. батоги опредѣлили за кровосмѣшеніе въ дальней степени родства, а также за прелюбодѣяніе и за блудодѣяніе, учиненное подлыми людьми ⁵⁾).

Плети въ XVII-мъ вѣкѣ служили для расправы лишь въ семейномъ быту и среди духовенства. Впервые въ государственныхъ законахъ мы ихъ находимъ съ 1696 г.: въ Преображенскомъ князь Горчаковъ вмѣсто кнута бить плетью ⁶⁾). Съ этихъ поръ постановленіе «бить плетями» часто попадаетъ. Понемногу онѣ замѣнили батоги и отчасти кнутъ.

Плетями наказывали за преступленія «Государева слова и дѣла», за лихоимство, за укрывательство бѣглыхъ ⁷⁾ и другія. За непомѣрное возвышеніе торговыхъ припасовъ приказано: «сѣчь въ лѣсныхъ и прочихъ рядахъ при собраніи старѣйшихъ людей плетями нещадно» ⁸⁾). Въ 1708 г. били плетями нещадно рыбака, виновнаго въ волшебствѣ ⁹⁾). Въ 1730 г. Семенъ Сорокинъ въ донесеніи сенату сдѣлалъ описку; вмѣсто словъ: «блаженные и вѣчно достойныя памяти Петръ Первый» написалъ «Пертъ Первый». Хотя онъ объяснилъ, что написалъ такъ по недосмотру, сенатъ, тѣмъ не менѣе, постановилъ избить его плетями ¹⁰⁾). Одинъ солдатъ какъ-то рассказывалъ другому, что онъ былъ на караулѣ во дворцѣ наканунѣ восшествія на престолъ Елизаветы Петровны. И вотъ она вышла на крыльцо и пѣла пѣсню «охъ житіе мое, житіе

¹⁾ Семевскій: „Слово и дѣло при Петрѣ въ XVIII вѣкѣ“.

²⁾ П. С. З. № 6073.

³⁾ П. С. З. № 5594.

⁴⁾ П. С. З. № 6298.

⁵⁾ Проектъ 1754 г. 48, 4250.

⁶⁾ Желябужскій: Записки, стр. 47.

⁷⁾ П. С. З. 8926. г. 1744;

⁸⁾ П. С. З. 10023 г. 1752.

⁹⁾ Есиповъ: „Колдовство въ древней Россіи“. Древн. и Нов. Россія 1878 г. т. 3-й.

¹⁰⁾ А. Безродный. Р. Старина 1896 г.

бѣдное». На эти слова товарища другой солдатъ возразилъ: «что вы смотрите? баба, бабѣ и поетъ». Подслушали, донесли и высѣкли солдатъ нещадно плетми ¹⁾. Въ проектѣ Уложенія 1754 г. плети назначались за важнѣйшія провинности, какъ-то: за ложное слово и дѣло, за убійство, за неискусное писаніе царскихъ портретовъ и др.

Появились въ законахъ и *розги*. По Воинскому и Морскому Уставу это наказаніе назначали только младенцамъ до 15-ти лѣтъ «дабы заранѣе отъ всего отучить».

Къ сравнительно легкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ принадлежали въ началѣ XVIII-го в. введенные Петромъ *хожденіе по кольямъ* или сажаніе на коня и *пошеніе передъ строемъ мушкетовъ, пики, карабиновъ и стовелъ*. Въ Воинскихъ Процессахъ они причислены къ обыкновеннымъ тѣлеснымъ наказаніямъ и упоминаются на ряду съ заключеніемъ, питаніемъ хлѣбомъ и водой, батогами и т. д. Хожденіе по кольямъ служило наказаніемъ преимущественно для штрафныхъ солдатъ; въ Петропавловской крѣпости съ этой цѣлью была поставлена деревянная лошадь съ острою спиной, причемъ рядомъ были воткнуты спицы и помѣщался столбъ съ цѣпью;—преступниковъ приковывали къ цѣпи и ставили на спицы или сажали на спину лошади ²⁾.

Этимъ еще не исчерпываются тѣлесныя наказанія по Петровскимъ законамъ. Часто назначали просто «наказать на тѣлѣ», «учинить жестокое наказаніе». Подъ этими терминами подразумѣвались тотъ-же кнутъ, шпирютены или другія орудія, выбираемые по усмотрѣнію исполнителя правосудія.

Не ограничиваясь одними физическими страданіями, законодатели, начиная съ XVIII-го столѣтія стремились еще нравственно опозорить преступниковъ. По постановленіямъ Петра, если кто кого ударить по щекѣ, долженъ былъ подвергнуться передъ всей ротой заоплеушеніемъ палачомъ, т. е. ударомъ профоса по щекѣ ³⁾. За ложную божбу въ сердцахъ, изъ ревности служебной ⁴⁾, за ложную божбу съ умысломъ или въ пьяномъ видѣ ⁵⁾, рядовому за неявку въ первый и второй разъ на богослуженіе ⁶⁾ полагалось передъ полкомъ посить пики, карабины и мушкеты. Непотребныхъ женщинъ, пойманныхъ въ полку, палачъ раздѣвалъ и выгонялъ нагими на улицу. «Никакія блудницы при полкахъ терпимы не будутъ, но ежели оныя найдутся, имѣютъ оныя безъ разсмотрѣнія особъ чрезъ профоса раздѣты и явно

¹⁾ Есиповъ: „Государево слово и дѣло“. Древняя и Новая Россія 1880 г.

²⁾ См. отдѣлъ „Исторія пытки“.

³⁾ В. Арт. гл. XVII ст. 145.

⁴⁾ В. Арт. гл. II ст. 7.

⁵⁾ В. Арт. гл. II ст. 8.

⁶⁾ В. Арт. гл. II ст. 10.

выгнаны быть»¹⁾. Будь это простая мѣщанка или какая-нибудь случайно согрѣшившая важная дама, — для законодателя было безразлично, — онъ всѣхъ обрекалъ одинаковому позору.

Тѣла самоубійцъ полагалось выдавать палачу, который протаскивалъ ихъ за ноги въ безчестное мѣсто для погребенія²⁾.

Съ этого-же времени большую популярность въ нашей карательной системѣ получило *клеименіе* преступниковъ. Со времени Петра Великаго обычно клеймили всѣхъ подвергавшихся торговой казни и ссылавшихся на каторгу. Съ 1703 г. такъ наказывали воровъ и разбойниковъ, не совершившихъ убійствъ. Небывало-строгій законъ, назначавшій за порубку лѣса смертную казнь, былъ отмѣненъ въ 1720 г., и вмѣсто нея за это преступленіе установили пятнать и ссылатъ на вѣкъ въ каторжныя работы³⁾. Въ 1746 г. указъ назначалъ клеймить всѣхъ воровъ, разбойниковъ и другихъ уголовныхъ преступниковъ, чтобы они «отъ прочихъ добрыхъ людей были отличны, и когда... учинятъ утечку... таковыхъ къ поимкѣ чрезъ то клейменіе удобный способъ быть можетъ»⁴⁾. При отмѣнѣ смертной казни въ 1753 г. самыхъ тяжкихъ преступниковъ стали бить кнутомъ, ссылатъ на вѣкъ въ Сибирь и пятнать⁵⁾.

Измѣнилась и форма клейма при Петрѣ. Нѣкоторое время въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го стол. «орлили» преступниковъ, т. е. накладывали знакъ орла. Корбъ рассказываетъ, что запорожскіе казаки имѣли на щекахъ выжженного орла. Но эта печать не удержалась. Мы видимъ, что въ 1705 г. опять стали ставить букву «В». Съ 1746 г. вытѣсняли четыре буквы В. О. Р. Тъ, а съ 1754 г. накладывали на лбу «В», на щекахъ «О» и «Р».

Въ началѣ XVIII-го в. больше не клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Къ пластинкамъ придѣлывали стальные иглы; при наложеніи знаковъ палачъ ударялъ по пластинкѣ, иглы вонзались въ тѣло преступника, и, чтобы ранка осталась на всю жизнь, ее натирали порохомъ.

Въ Петровскія времена въ Петербургѣ обычнымъ мѣстомъ казней и расправъ съ осужденными были Троицкая или Сенатская площадь. При Биронѣ наказывали на Петербургской сторонѣ, на площади у Сытнаго рынка. Истязали, впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ, напр., въ Петербургѣ экзекуціи иногда совершались на площади Двѣнадцати коллегій⁶⁾ и у Знаменья.

¹⁾ Воинск. Ар. XX ст. 175.

²⁾ Учебникъ уголовного права Бернера, переводъ Неклюдова.

³⁾ П. С. З. № 3509 г. 1720.

⁴⁾ П. С. З. № 9293 г. 1746.

⁵⁾ П. С. З. № 10086 г. 1753.

⁶⁾ Теперь Университетъ.

Какъ мы видѣли, тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ къ началу XVIII-го вѣка необычайно умножились. Ихъ назначали теперь не только за важныя преступленія, но и за всѣ проступки вообще, не жалѣя ни живого, ни мертвого. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда назначалась преступнику смертная казнь, эта послѣдняя не исключала какого-либо предварительнаго или послѣдующаго тѣлеснаго истязанія или надругательства; напр. за богохульство полагалось сначала прожечь языкъ, за покушеніе на самоубійство или убійство на дуэли тѣла казенныхъ волочили за ноги въ безчестное мѣсто и пр.

Наконецъ количество тѣлесныхъ наказаній по русскимъ законамъ увеличивалось еще фактически самоличною расправой властимущихъ съ тѣми, кого они признавали виновными. Высшіе сановники, какъ и державные владыки, не гнушались иногда прибѣгать къ такому усугубленію и безъ того строгихъ порядковъ. У князя Меншикова, напр., служилъ на побѣгушкахъ Девьеръ ¹⁾. Вставъ на ноги и достигнувъ чина поручика, онъ вздумалъ домогаться у князя руки его сестры. Но тотъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ высѣчь зазнавапшагося жениха ²⁾.

Петръ Великій. Подобныя расправы совершались на каждомъ шагу въ то время. Извѣстна коллекція дубинокъ Петра Великаго, которыми онъ часто наказывалъ даже самихъ сановниковъ.

Не разъ испыталъ на себѣ и князь Меншиковъ тяжелую руку монарха. Однажды за то, что Меншиковъ посмѣлъ танцевать въ саблѣ, Петръ такъ сильно ударилъ своего любимца, что у него брызнула кровь ³⁾. Въ другой разъ онъ его билъ по лицу, пока тотъ не упалъ замертво ⁴⁾; Лефорта за несвоевременный совѣтъ царь оттолкнулъ отъ себя кулакомъ ⁵⁾; его-же Петръ бросилъ на полъ и топталъ ногами ⁶⁾. Онъ далъ пощечину одному боярину, который посмѣлъ лишь посовѣтовать въ отсутствіи Петра оставить управлять въ Москвѣ Шереметева ⁷⁾. Случалось, что въ гнѣвѣ царь забивалъ на смерть непокорныхъ. Поплатился, напр., жизнью придворный служитель, не успѣвшій снять передъ монархомъ шляпы:—егохватила по головѣ знаменитая дубинка ⁸⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи занимавшій должность Петербургскаго генераль-полицеймейстера.

²⁾ Письма, выписки изъ писемъ С.-Петербургскаго генераль-полицеймейстера Девьера къ кн. Меншикову. Рус. Архивъ 1865 г. 3.

³⁾ Корбъ стр. 102.

⁴⁾ Корбъ стр. 173.

⁵⁾ Корбъ, стр. 105.

⁶⁾ Корбъ, стр. 92.

⁷⁾ Корбъ, стр. 151.

⁸⁾ Н. А. Поповъ: „Татищевъ и его время“ стр. 541.

Та же участь постигла одного солдата за кражу куса мѣди въ горѣвшей церкви ¹⁾).

Монарху повидимому доставляло иногда особое удовольствіе самому раздѣлываться со своими врагами! Такъ, если вѣрить Корбу, онъ собственноручно казнилъ 80 стрѣльцовъ, заставивъ боярина Плетнева держать при этомъ преступниковъ за волосы ²⁾). Хладнокровно раздѣлался великій преобразователь и со своимъ сыномъ, самъ присутствуя и допрашивая его во время пытокъ въ Трубецкомъ бастионѣ ³⁾).

Ни жалости, ни состраданія не зналъ этотъ суровый человѣкъ!— Женщинъ при немъ сѣкли наравнѣ съ мужчинами. Приревновавъ свою любовницу, дочь сенатора, юстицъ коллегіи президента, графа Андрея Артамонова Матвѣева, Петръ прибилъ ее на чердакъ въ Екатерингофѣ и, противъ воли родителей, выдалъ замужъ за Румянцева ⁴⁾). Жестоко высѣкли публично кнутомъ и одну знатную даму изъ фамиліи Троекуровыхъ, замѣшанную въ заговорѣ царевича Алексѣя ⁵⁾). По этому же дѣлу дочь стараго князя Прозоровскаго, супругу князя Голицына, разложили на плеточномъ дворѣ въ Преображенскомъ, обнажили ей спину, окружили сотней солдатъ и очень больно избили батогами ⁶⁾). Безъ всякаго суда, по одному приказу Монарха, не мало знатныхъ красавицъ подверглось тяжелому позору и сѣченію. Императрица сильно благоволила къ нѣкоему Монсу; подозревали даже между ними черезчуръ близкія отношенія. Монса арестовали и отрубили ему голову. Сестру-же Монса, генеральшу Балкъ, заподозрѣнную въ помощи брату, привели на Сенатскую площадь, въ Петербургѣ, обнажили и ударили 4 раза кнутомъ ⁷⁾).

Не поцеремонился Петръ и съ самой красивой и привлекательной женщиной при дворѣ—фрейлиной Маріей Гамильтонъ. Несомнѣнно, Петръ надѣлялъ ее милостями; весьма вѣроятно, что между ними существовала и связь; но... Гамильтонъ сошлась съ императорскимъ деньщикомъ Орловымъ.

Нужно замѣтить, что въ то время деньщики при дворѣ были очень вліятельные люди. Ихъ набирали изъ незнатныхъ, но красивыхъ и видныхъ дворянъ. Они исправляли самыя различныя обязанности: должны были служить при столѣ Государя, иногда исполняли важныя порученія, производили слѣдствіе, исполняли роль палачей, сѣкли палками сенаторовъ и знатныхъ вельможъ, а также развѣдывали о дѣй-

¹⁾ Собр. Ист. О-ва, стр. 339.

²⁾ Корбъ, стр. 143.

³⁾ О дѣлѣ Царевича Алексѣя см. подробно статью „Ист. пытки“.

⁴⁾ „Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст.“. Р. Стар. 1840, II.

⁵⁾ Устряловъ: „Исторія Петра Великаго“, т. 6-й.

⁶⁾ Тамъ-же.

⁷⁾ Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца.

ствіяхъ генераль-губернаторовъ и военныхъ начальниковъ. Однако и сами они не избѣгали тяжелой дубинки монарха, какъ это видно, напр. изъ случая съ однажды провинившимся въ чемъ то кумомъ и деньщикомъ Петра I-го Аѳанасіемъ Даниловичемъ Татищевымъ, котораго было приказано нещадно отодрать батожемъ передъ окнами дворца. Все было готово для экзекуціи, но Татищевъ вздумалъ избавиться отъ порки и, когда изъ дворца выбѣжалъ на дворъ кабинетскій секретарь Замятинъ, деньщикъ схватилъ его и закричалъ: «куда ты засунулся, Государь тебя уже нѣсколько разъ спрашивалъ и крайне гнѣвается; я ищу тебя, ступай скорѣй». Замятина привели. Случилось такъ, что Петръ былъ очень занятъ; онъ едва выглянулъ въ окно и закричалъ «раздѣвать». Служители стояли въ недоумѣніи; но не посмѣли послушаться и принялись съѣчь секретаря. Государь торопился. Онъ вскорѣ закричалъ «полно», не разглядѣвъ ошибки. Татищевъ, зная, что рано или поздно все откроется, обратился къ Екатеринѣ, прося защиты. «Вѣдь Государь узнастъ, онъ расчѣтетъ тебя», сказала та въ ужасѣ, но все-таки обѣщала свое ходатайство. И дѣйствительно, въ удобную минуту уладила дѣло.

И такъ, деньщики при дворѣ въ то время имѣли большую власть, и для знатной дамы было не унижительно сойтись съ такимъ человекомъ, тѣмъ болѣе, если онъ былъ молодъ, красивъ и былъ страстнымъ любовникомъ. У Гамильтонъ родился отъ Орлова ребенокъ. Она его умертвила и при помощи служанки скрыла слѣды преступленія. Но при дворѣ стали ходить разные слухи. Орловъ много разъ допрашивалъ свою любовницу. Она всякій разъ отпѣкивалась, приписывая нездоровье менструаціямъ. Совершенно неожиданно все дѣло выплыло наружу.

У Царя пропала важная бумага; онъ заподозрилъ Орлова, призвалъ его къ себѣ и сталъ допрашивать. Скоро выяснилась его совершенная невинность, но зато открылась его связь съ фрейлиной Гамильтонъ. Пошли разспросы и пытки. По подозрѣнію въ убійствѣ младенца и кражѣ у императрицы драгоценностей Марію арестовали и пытали два раза. Самъ царь допрашивалъ свою бывшую любовницу. По существовавшимъ законамъ, ее слѣдовало обезглавить. Казнь была пазначена на Троицкой площади. Гамильтонъ, ожидая помилованья, нарядилась въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами. Когда явился Императоръ, она бросилась умолять его о пощадѣ; но тотъ шепнулъ что то палачу, отвернулся, и голова преступницы скатилась на землю. Петръ поднялъ ее, поцѣловалъ, перекрестился и уѣхалъ. Голова эта положена была въ спиртъ и долго сохранялась въ академіи наукъ ¹⁾. Такъ расправлялся монархъ съ бывшими любовницами.

¹⁾ „Фрейлина Марія Гамильтонъ“, М. Семеvскій, Современникъ 1860 г. 9.

Порой, ради оригинальности или для забавы, великій преобразователь придумывалъ удивительно странныя наказанія. Онъ выдалъ насильно замужъ одну дѣвушку за своего деньщика. Та все уклонялась отъ ласкъ нелюбимаго мужа подъ предлогомъ, что у нея болятъ зубы. Петръ узналъ объ этомъ. «У тебя болитъ зубъ?» обратился онъ къ женщинѣ, — «давай я его вылѣчу», и вытащилъ ей совершенно здоровый зубъ ¹⁾).

Въ дни великихъ празднествъ всѣ обязаны были напиваться, ослушниковъ тащили въ сенатъ и насильно поили почти до потери сознанія ²⁾).

Вообще Петръ не переносилъ никакого противорѣчія ни въ чемъ. Онъ любилъ насиловать волю своихъ приближенныхъ и не стѣснялся доставлять имъ разнообразныя физическія и нравственныя муки. Такъ, послѣ жестокой расправы надъ Гагаринымъ, онъ пригласилъ на празднество всѣхъ его родственниковъ, и тѣ обязаны были придти подъ страхомъ суроваго наказанія ³⁾).

Монарха бѣсило, когда его приближенные смѣли выражать свои вкусы и желанія. И вотъ, сановнику, который не терпѣлъ уксуса, опъ приказалъ однажды влить въ ротъ цѣлый флаконъ этой жидкости ⁴⁾. Старый Головинъ ни за что не хотѣлъ рядиться въ шуты и мазаться сажей; его раздѣли до нага, преобразили въ демона и поставили на невскій ледъ ⁵⁾. Другіе, питавшіе отвращеніе и страхъ передъ покойниками, должны были ходить въ анатомическій театръ и разрывать зубами мускулы труповъ ⁶⁾).

Несмотря, однако, на жестокія издѣвательства надъ людьми, Петра I-го врядъ ли можно назвать садистомъ, подобнымъ Іоанну Грозному. Правда, расправы Великаго Преобразователя ужасны, его забавы подчасъ отвратительны и циничны, но таковъ былъ вѣкъ, таковы были нравы. «Петръ усвоилъ себѣ манеру одѣваться, питаться, развлекаться какъ онъ считалъ наиболѣе подходящимъ ему, которая уже тѣмъ самымъ, что была подходяща ему, должна была быть подходяща всѣмъ. Это былъ его способъ толкованія, его самодержавная власть и его роль реформатора. Уксусъ для него часть государственныхъ законовъ, и тотъ, кто... отказывался отъ этой приправы, или какъ другіе

¹⁾ Либровичъ: „Петръ Великій и женщины“.

²⁾ Берхгольдъ: I. стр. 212—213.

³⁾ Берхгольдъ: I, стр. 144.

⁴⁾ Валишевскій: „Петръ Великій“.

⁵⁾ Семевскій: „Слово и дѣло при Петрѣ въ XVIII вѣкѣ“ стр. 199, прим. первое.

⁶⁾ Цекарьскій: „Наука и Литература“, стр. 9, 10.

отъ сыра, устрицъ, прованскаго масла, того Петръ никогда не опускалъ случая напичкать этимъ» ¹⁾).

Правда, онъ не церемонился съ женщинами, собственноручно истязалъ своихъ бывшихъ любовницъ, приказывалъ ихъ стѣчь плетми, батогами, кошками. Но едва-ли Петръ наслаждался при этомъ. Пожалуй онъ мстилъ красавицамъ за измѣну, утолялъ свою ревность, или просто каралъ и исправлялъ на свой ладъ. Императоръ былъ слишкомъ грубой и здоровой натурой, онъ слишкомъ былъ погруженъ въ свои дѣла, чтобы предаваться утонченнымъ эмоціямъ садистовъ.

Ужасенъ поступокъ его съ царевичемъ. Но и тутъ безпощадный реформаторъ дѣйствовалъ просто, убѣжденно затушивъ въ себѣ всѣ отцовскія чувства, какъ лишнюю сантиментальность. Онъ всюду только мстилъ своимъ врагамъ и искоренялъ смуту, быть можетъ поневолѣ являя современникамъ ликъ кровожадной свирѣпости. Это была своего рода политика: чтобы другимъ не повадно было...

Время Анны Іоанновны и Елизаветы надъ приближенными, была конечно въ обращеніи

Петровны. съ ферулой неизмѣримо легкомысленнѣе. Достаточно указать на нѣсколько примѣровъ. Такъ, однажды, она заставила долго, безъ отдыха пѣть двухъ фрейлинъ, и когда тѣ, наконецъ, осмѣлились доложить, что устали, Императрица собственноручно ихъ прибила и отправила на прачешный дворъ на недѣлю стирать бѣлье ²⁾. Пощечинами наградила Анна и двухъ знатныхъ дѣвушекъ, которыя должны были танцевать передъ монархиней и оробѣли ³⁾. Случалось, что знатные вельможи по самому ничтожному поводу превращались въ шутовъ. Такъ напр., этому позору подвергся графъ Апраксинъ, за переходъ въ католицизмъ, и камергеръ Волконскій, за ненависть Анны къ его женѣ ⁴⁾. Поэтъ Тредьяковскій рассказывалъ съ рабымъ умиленіемъ, какъ онъ однажды на колѣняхъ читалъ Государынѣ свои новые стихи «немного игриваго свойства» и по окончаніи чтенія «удостоился получить изъ Собственныхъ Ея Императорскаго Величества рукъ всемилостивѣйшую оплеушину» ⁵⁾.

Всѣми дѣлами у Анны завѣдывалъ герцогъ Биронъ. Историки рисуютъ намъ его время въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

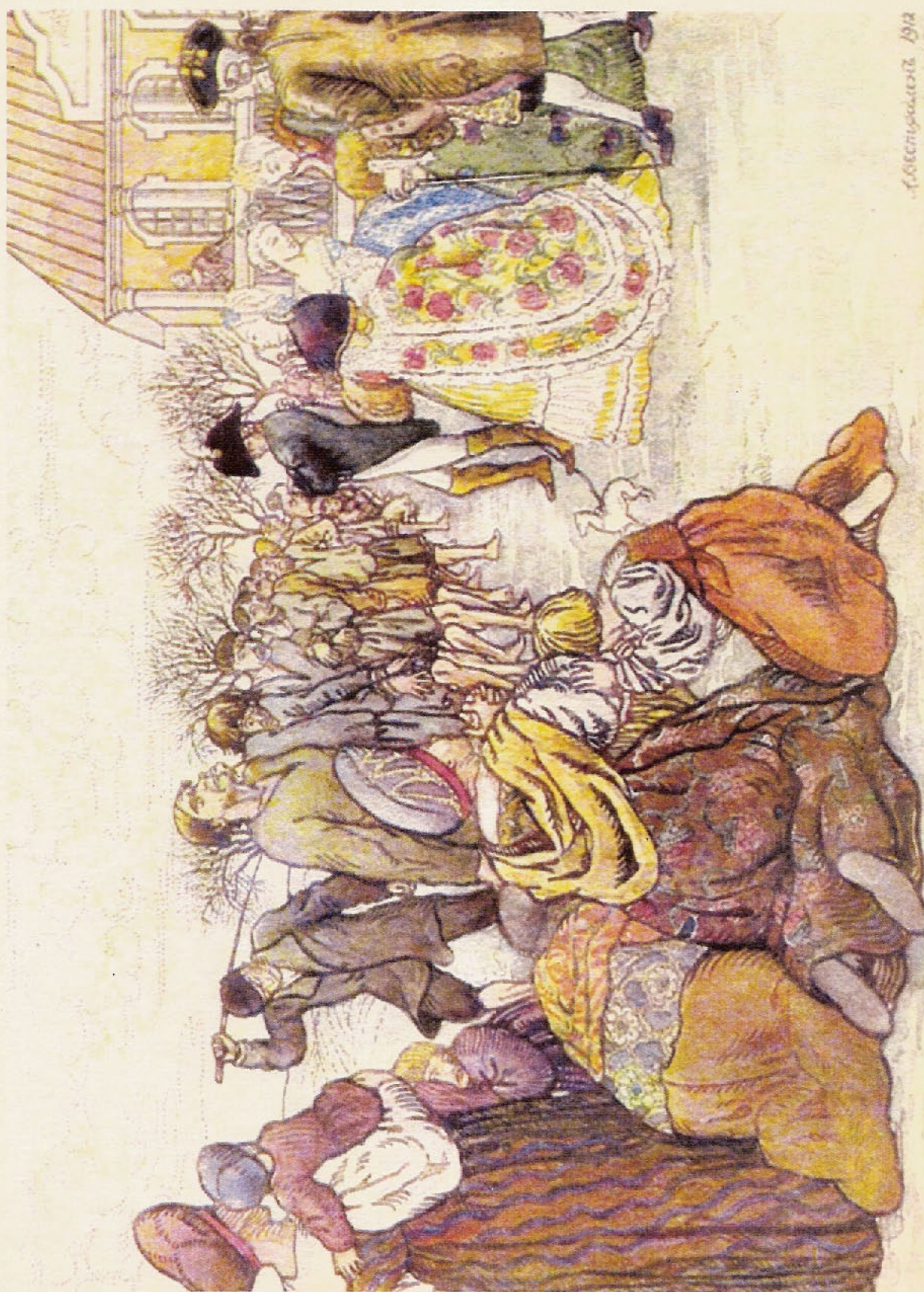
¹⁾ Валишевскій: „Петръ Великій“, стр. 78—79.

²⁾ Шубинскій: „Императрица Анна Іоанновна придворный бытъ и забавы“, 1 стр. 1875 г.

³⁾ С. С. Шашковъ: „Исторія русской женщины“.

⁴⁾ В. Гольцевъ: „Нравы русск. об-ва въ XVIII ст.“, Юридическій Вѣстникъ, 1886 г. I.

⁵⁾ Тамъ-же.

Правежъ при Биронѣ.

«Даже издали, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ -хъ вѣковъ, странно представить это ужасное, мрачное, тяжелое время, — говорить Чистяковъ, — съ его допросами, очными ставками, съ желѣзами и пытками. Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія; вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Москву, въ Петербургъ, неизвѣстно куда? за что? Когда-то, года два назадъ онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ. О чемъ они разговаривали, вотъ изъ-за чего вся тревога, страхи, пытки. Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что ложась спать вечеромъ нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины» ¹⁾).

Огромно количество жертвъ бироновскаго режима. Сенатору Мусину-Пушкину вырѣзали языкъ и назначили Сибирь ²⁾. Секретарь Волынскаго Зуда, переведшій для Волынскаго нѣсколько историческихъ книгъ, былъ жестоко избитъ плетью ³⁾. Самого Волынскаго, какъ извѣстно, послѣ страшныхъ истязаній, предали казни. Приближеннаго цесаревны Елизаветы — сержанта Семеновскаго полка Алксѣя Алексѣевича Шубина, — засадили въ каменный мѣшокъ, пытали, сѣкли кнутомъ, потомъ сослали въ Сибирь, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ ⁴⁾ и т. д. и т. д. «Страхъ, уныніе и отчаяніе обладали душами всѣхъ, никто не былъ безопасенъ о свободѣ и жизни своей. Знатные лишались свободы, чести, имѣнія и жизни, а простолюдины и крестьяне отъ неслосьныхъ налоговъ, безвременнаго, жестокаго праведжа недоимокъ.... изъ отечества спасались бѣгствомъ за границу» ⁵⁾. Вотъ безрадостная картина той эпохи.

Снова воскресли порядки Московской Руси: крестьяне были разорены, имъ негѣмъ было платить подати. Чтобы помочь этой бѣдѣ, Биронъ возобновилъ праведжъ и сталъ подвергать неплательщиковъ жестокимъ истязаніямъ. Прикащиковъ, старостъ, помѣщиковъ, за то, что они плохо собирали деньги, забирали въ тюрьму, часто били ихъ кнутомъ, вырѣзывали поздри, ссылали на каторгу. Въ деревни отправлялись воеводы съ командой солдатъ для расправы. Они хватали лучшихъ мужиковъ, ставили ихъ каждый день длинными рядами босикомъ на снѣгъ и жестоко били палками по икрамъ и пяткамъ. Били долгое время, пока несчастные не выплачивали долги. Многіе крестьяне, не вытерпѣвъ такого порядка, бѣжали. Деревни буквально вымирали. Нужно было

¹⁾ Чистяковъ: «Евдофъ Прокоповичъ и его время» стр. 353—54.

²⁾ Максимовъ: «Сибирь и каторга», стр. 376.

³⁾ Тамъ-же, стр. 346.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 3745.

⁵⁾ Мильгинъ: «Зерцало Россійскихъ Государей», изд. 1791 г.

принять какія-нибудь мѣры. Правительство, во главѣ съ Бирономъ признало за самое дѣйствительное средство хватать всѣхъ подозрительныхъ, державшихъ на умѣ сокровенныя мысли о побѣгѣ. Ихъ опять таки жестоко били, истязали, подымали на дыбу¹⁾. «По деревнямъ слышенъ былъ стукъ ударовъ палочныхъ по почамъ, крикъ сихъ мучимыхъ и плачь женщинъ и дѣтей, томимыхъ голодомъ и жаждою»²⁾.

Биронъ, страстный любитель лошадей, устроилъ для своей забавы прекрасно-оборудованный манежъ. При немъ была особая комната для расправы надъ провинившимися конюхами. Тамъ посрединѣ помѣщалась широкая скамейка; наказываемыхъ раздѣвали до гола и привязывали къ ней веревками. Биронъ всегда присутствовалъ самъ при наказаніи, считая удары; иногда на него находили дикія безумства, онъ подбѣгалъ, ударомъ поги отталкивалъ палача и самъ принимался неистово стегать несчастныхъ кнутомъ. Особенно его бѣсило, когда осужденный молча переносилъ свои страданія; его гнѣвъ, казалось, не зналъ въ эти минуты предѣла. Подъ его зоркимъ взглядомъ палачи истязали, не жалѣя силъ. Если Бирону почему-либо казалось, что палачъ сантиментальничалъ, не достаточно терзалъ провинившагося, его самого потомъ били кнутомъ³⁾.

При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ все осталось безъ перемѣнъ. Правда, въ это царствованіе была отмѣнена смертная казнь, но по

¹⁾ Дубасовъ: „Очерки Тамбовскаго края“ вып. 4-й. Стр. 178.

²⁾ Ив. Прыжовъ: „Исторія кабаковъ въ Россіи“.

³⁾ А. Лебедевъ „Бироновщина“.

Но не всѣ историки такъ мрачно смотрятъ на эту эпоху. Совершенно въ другомъ свѣтѣ ее представляетъ Карновичъ („Герцогъ Биронъ“ Отечественныя Записки 1873, кн. 10—11). Онъ говоритъ:—„Въ такъ называемую бироновщину ни казни, ни пытки не представляли ничего такого, что бы ни было въ употребленіи или прежде, или послѣ этой эпохи. Бироновщина, не придумывая ничего новаго для мучительствъ и истязаній, получила какъ-бы по послѣдству самыя разнообразныя для этого способы, которые и были лишь продолженіемъ того, что существовало и прежде этой поры, выставленной какимъ то исключительнымъ временемъ безмѣрной жестокости“. Еще категоричнѣе высказывается Строевъ:—„Биронъ былъ козломъ отпущенія за всѣ грѣхи дряблага, деморализованнаго деспотизмомъ общества—говоритъ онъ—его роль напоминаетъ роль тѣхъ мальчиковъ, которыхъ сѣкли за провинности принцевъ“ (В. Строевъ: „Бироновщина и кабинетъ министровъ“ ч. 1-я стр. 175). Биронъ, по мнѣнію Строева, не былъ злымъ и мстительнымъ человѣкомъ. Сохранилось дѣло одного монаха, который закричалъ „если Биронъ на престолѣ паряду смѣнилъ, то стало быть онъ ее своимъ ...ъ крестилъ“. За эти слова его приговорили, какъ обычно, къ кнуту, рванью ноздрей и Сибири. Но Биронъ отмѣнилъ приговоръ, ограничившись лишь ссылкой въ дальній монастырь „дабы безъ пути не шатался“. (Тамъ же стр. 46-я).

прежнему сѣкли кнутомъ до смерти, пытали въ застѣнкахъ, и въ приговорахъ надъ преступниками тѣлесныя наказанія играли все ту же первенствующую роль. Взять хотя-бы такой примѣръ:—за дерзкія рѣчи противъ Государыни прапорщику преображенскаго полка Ивашкину, сержанту Сновидову и камеръ-лакею Ал. Дм. Турчанинову выдрали ноздри, высѣкли кнутомъ и угнали ихъ въ ссылку; камеръ-лакей, какъ самый дерзкій, лишился кромѣ того языка ¹⁾).

Достаточно извѣстенъ также эпизодъ съ камергершей, статсъ-дамой Наталіей Ѳедоровной Лопухиной которая по повелѣнію императрицы была публично наказана кнутомъ. Любопытно отмѣтить, что Наталія Ѳедоровна была дочерью генералыши Балкъ, тоже сѣченной (на Сенатской площади при Петрѣ). Это была замѣчательная красавица. Бантышевъ-Каменскій про нее писалъ: «толпа вздыхателей, увлеченныхъ фантазіей, постоянно окружала красавицу Наталю; съ кѣмъ танцевала она, кого удостаивала разговоромъ, на кого бросала даже взглядъ, тотъ считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Молодые люди восхищались ея прелестями, любезностями, пріятнымъ и живымъ разговоромъ, старики также старались ей нравиться; красавицы замѣчали пристально какое платье украшала она... старушки рвались съ досады, ворчали на мужей своихъ, бранили дочекъ» ²⁾).

Наталія Ѳедоровна мирно проживала въ Петербургѣ, веселилась, флиртовала, занималась сплетнями. Въ то время первое мѣсто при императрицѣ занималъ придворный врачъ Лестоукъ. Этотъ сановникъ, чтобы упрочить свою власть, не нашелъ ничего лучше, какъ всюду выискивать государственныхъ преступниковъ. Неудобныхъ ему лицъ онъ объявлялъ измѣнниками престола, раскрывалъ миѣическіе заговоры, участниковъ предавалъ жестокимъ казнямъ, а самъ выдвигался, какъ спаситель отечества ³⁾).

Стариннымъ врагомъ Лестока былъ оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ; его надо было погубить. Для этой цѣли послужила Наталія Ѳедоровна. У нея имѣлся любовникъ, графъ Левенвольдъ, сосланный за что-то въ Соликамскъ. Какъ-то разъ къ нему отправляли новаго офицера. Лопухина воспользовалась случаемъ, просила офицера черезъ сына передать Левенвольду, «чтобы графъ не унывалъ, а надѣялся-бы на лучшія времена». Эти слова дошли до Лестока и были для него

¹⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“ стр. 376.

²⁾ Бантышевъ-Каменскій. Приведено у Семевскаго „Н. Ѳ. Лопухина“. Русскій Вѣстникъ 1860. Т. 29.

³⁾ Впослѣдствіи Лестоукъ не избѣгъ участи своихъ жертвъ; его обвинили въ государственной измѣнѣ, нѣсколько разъ пытали, высѣкли кнутомъ и отправили въ Сибирь. (Нѣмецкіе источники).

достаточнымъ основаніемъ, чтобы объявить государственный заговоръ. Взяли въ застѣнокъ Лопухину, Бестужеву, ихъ мужей и многихъ другихъ. Долго длилось слѣдствіе; не обошлось конечно безъ пытки. Судъ призналъ ихъ преступленіе доказаннымъ и приговорилъ всѣхъ

Наказаніе кнутомъ Лопухиной.

къ жесточайшимъ казнямъ: Лопухину, оберъ-гофмаршалышу Бестужеву и ихъ мужей должны были, вырѣзавъ имъ языки, колесовать, другихъ участниковъ четвертовать, нѣкоторымъ отрубить голову и т. д. Но въ видѣ особой милости наказаніе смягчили: вмѣсто смертной казни, имъ

назначили кнутъ, съ вырываніемъ языка и ссылкой въ Сибирь на каторгу.

29-го августа 1743 г. кортежъ гвардейской команды прошелъ по улицамъ Петербурга и оповѣстилъ всѣхъ о готовящейся казни. Построили эшафотъ у зданія Двѣнадцати коллегій ¹⁾, на берегу канала.

Съ ранняго утра 1 сентября народъ заполнилъ всю площадь, крыши, заборы и галереи находившагося здѣсь гостинаго двора. Привели осужденныхъ, прочитали приговоръ и началась расправа. Первую истязали Наталію Ѳедоровну. «Одинъ изъ палачей приблизился къ Лопухиной и сорвалъ съ нея мантилью... Наталія Ѳедоровна поблѣднѣла и заплакала, силилась прикрыться отъ безчисленныхъ взоровъ, устремленныхъ на нее. Но она боролась напрасно. Говоръ сожалѣнія и состраданія пронесся въ толпѣ при видѣ слабой и прекрасной женщины, отданной въ распоряженіе заплечнымъ мастерамъ. Одинъ изъ нихъ, взявъ за обѣ руки бышшую статсъ-даму, круто повернулся и вскинулъ ее себѣ на спину.... Страшный вопль огласилъ площадь.... Почти безъ чувствъ, полумертвая Наталія Ѳедоровна была спущена на земь. По приговору ей вырѣзали или вырвали часть языка, сдѣлали перевязку и усадили въ телѣгу» ²⁾. Затѣмъ наказали Бестужева. Когда палачъ раздѣвалъ ее, она сняла съ себя драгоценный крестъ и подарила ему. За это ее били не такъ сильно и вырвали только маленькій кусочекъ языка, такъ что она не потеряла способности изъясняться.

Лопухина-же на всю жизнь осталась полу-нѣмой. Черезъ 20 лѣтъ, при Петрѣ III, она вернулась въ Петербургъ и, изуродованная, явилась при дворѣ, возбуждая всеобщее любопытство.

Въ эту эпоху, когда тѣлесныя наказанія такъ неограниченно господствовали въ нашемъ правѣ и такъ широко примѣнялись въ жизни, уже начала проскальзывать *тенденція ихъ нѣсколько сократить*.

Уже Петръ Великій позаботился дать привилегіи офицерскимъ чинамъ. За одно и то-же преступленіе рядовой получалъ шпичрутену, а офицеръ всего на всего лишался чина ³⁾. За преступленія по службѣ офицера обычно наказывали только штрафомъ, заключеніемъ, отставленіемъ отъ службы, солдата-же за то-же самое истязали. Часто законодатель въ своихъ постановленіяхъ ограничивался заявленіями: наказать «смотря по чину» ⁴⁾, «смотря по состоянію» ⁵⁾, или-же просто указывалъ, что за такія-то провинности слѣдуютъ такія-то кары, а

¹⁾ Теперешній университетъ.

²⁾ Семевскій: „Н. Ѳ. Лопухина“. Р. Вѣстникъ 1860 г. т. 29.

³⁾ Арт. гл. XIV, ст. 114.

⁴⁾ Арт. гл. 4. Ар. 58 и 47.

⁵⁾ Арт. ст. 21.

судья, по аналогіи, долженъ былъ назначать тѣлесныя наказанія лишь нижнимъ чинамъ.

По гражданскимъ дѣламъ льготы полагались преступникамъ, виновнымъ въ убійствѣ по неосторожности и виновнымъ въ прелюбодѣянніи; имъ «смотря по дѣлу и состоянію виновнаго» назначали жестокое заключеніе, шпицрутены, штрафъ, отставленіе отъ службы, ссылку на срочныя каторжныя работы ¹⁾. За подачу ложныхъ челобитенъ нижнихъ чиновъ сѣкли кнутами, а высшихъ всего на всего лишали имѣнія. Въ 1740 г. еще разъ подтвердили это постановленіе Петра Великаго. Знатныхъ вельможъ, подвергшихся опалѣ, по волѣ Государя иногда ссылали, не наказавъ предварительно кнутомъ. Такой милости удостоились Меньшиковъ, Девьеръ, Остерманъ, Биронъ и другіе. Въ указѣ 1711 г. объ этомъ сказано: «тѣхъ высшихъ чиновъ дворянства быть въ его Великаго Государя гнѣвѣ, а нижнимъ въ жестокомъ истязаніи». За кормчество съ 1750 г. подлыхъ били кнутомъ, а знатныхъ только лишали имѣнія.

Беременныхъ разрѣшалось наказывать тѣлесно лишь черезъ 40 дней послѣ родовъ ²⁾. Съ дѣтьми — преступниками до семилѣтняго возраста должны были справляться сами родители ³⁾. Кромѣ того указомъ 24 августа 1749 г. постановлено было въ праздничные дни экзекуцій не чинить.

Вотъ и все, что сдѣлало законодательство въ первую половину XVIII-го в. для сокращенія тѣлесныхъ наказаній. Эти незначительныя поблажки совершенно терялись на мрачномъ фонѣ всеобщаго битья и отнюдь не нарушали господствующаго принципа: бить, калѣчить за все елико возможно.

IV.

Эпоха сокращенія тѣлесныхъ наказаній.

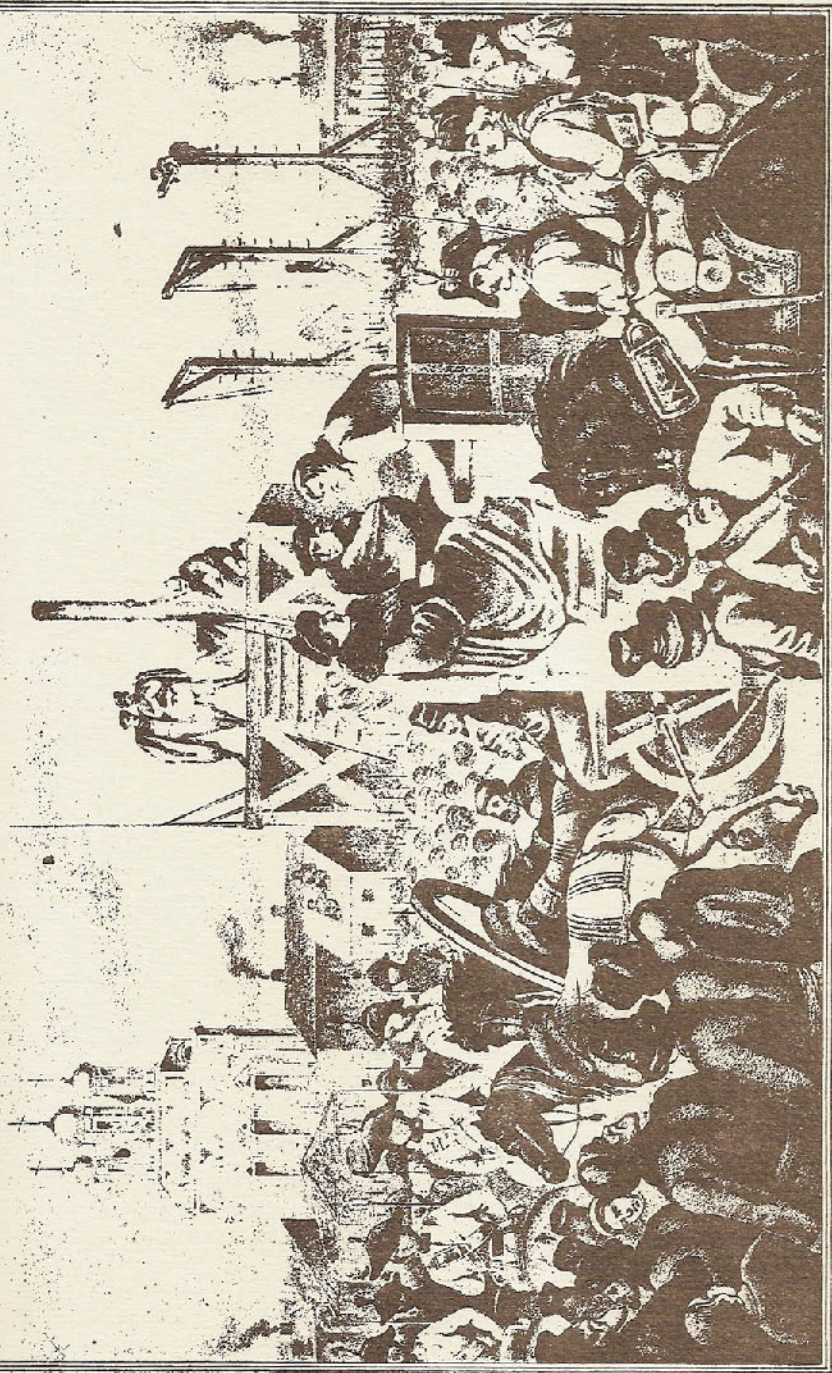
Отъ Петра III-го до Александра I-го.

Въ 60-хъ г. XVIII-го ст. Екатерина Великая приступила, наконецъ, къ ясному и опредѣленному сокращенію тѣлесныхъ наказаній. Слѣдуя политикѣ Петра, Императрица стремилась приравнять наше отечество къ другимъ Государствамъ западной Европы. Съ понятіемъ просвѣщенной страны плохо вязались дикіе обычаи и варварскія истязанія русскаго права. Однако, съ другой стороны, казалось неосмотрительнымъ, даже

¹⁾ Ар. гл. XIX. Ар. 158 и гл. XX, Ар. 170.

²⁾ П. С. З. 1697 г. № 1612, 29.

³⁾ Арт. гл. XXI, стр. 195.

Казнь Емельки Пугачева въ Москвѣ 10 января 1775 г.

[illegible]

опаснымъ прибѣгать къ рѣшительнымъ новшествамъ. Правительство, поэтому, крайне осторожно приступило къ реформированью законодательства, въ части, касающейся тѣлесныхъ наказаній, дѣйствуя зачастую лишь подѣ влияніемъ крайней необходимости и въ чисто личныхъ интересахъ.

Еще въ кратковременное царствованіе Петра III было издано два указа, нѣсколько смягчившихъ жестокость нашихъ обычаевъ. 9 марта 1762 г. установлено было солдатъ и матросовъ «не штрафовать безчестнымъ наказаніемъ какъ батожами или кошками, но токмо палкою или тростию». Какъ ни ничтожно казалось такое облегченіе, но законодатель счелъ нужнымъ прибавить далѣе: «мы увѣрены, что милосердіе наше возбудитъ паче благонравіе, а не умножитъ отнюдь продерзостей, ибо великія преступленія тѣмъ не менѣе по всей строгости законовъ наказаны будутъ» ¹⁾.

21 февраля 1762 г. былъ отмѣненъ обычай «Государева слова и дѣла». «И если кто отнынѣ оно употреблять въ пьянствѣ, или драктѣ, или избѣгая побоевъ и наказаній, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ въ полиціи наказываются озорники и безчестники» постановлено въ указѣ. Положенъ былъ конецъ безконечнымъ доносамъ, прекратился источникъ самыхъ ужасныхъ пытокъ и истязаній подчасъ невинныхъ жертвъ. Разсказываютъ, что фискалы-любители ни за что не хотѣли примириться съ указомъ 1762 г.; запрещено было слово и дѣло, они стали кричать «секретъ». За это ихъ били съ паставленіемъ: «коли знаешь секретъ, то и держи его въ тайнѣ» ²⁾.

Эпоха Екатерины II. Важную роль въ исторіи русскаго права сыгралъ *Наказъ* Императрицы Екатерины II. Подѣ влияніемъ французскихъ энциклопедистовъ, Великая Монархиня проводила въ немъ совершенно неизвѣстный до тѣхъ поръ въ русскомъ правѣ взглядъ на преступленіе и наказаніе: преступленіемъ не можетъ быть названо только непослушаніе царскому указу и неисполненіе религіозныхъ правилъ, преступленіе есть все то, что нарушаетъ спокойствіе общества ³⁾. Наказаніе не должно имѣть цѣлью устрашать преступниковъ, т. к. извѣстно, что страхъ притупляется по мѣрѣ усиленія жестокости наказанія; оно должно исправлять ихъ, возвращать заблудшіе умы на путь правый. Наказаніе есть только необходимое зло. Поэтому надо побольше обращать вниманія на предупредительныя мѣры, надо развивать въ гражданахъ свойства, которыя лучше всего могутъ удержатъ отъ преступ-

¹⁾ В. Гольцевъ: „Нравы русск. об-ва въ XVIII-мъ в.“. Юр. вѣстн. 1886, 3 стр. 284.

²⁾ К. Н. В. Провинціальная канцелярія и чорты народной жизни.

³⁾ Наказъ Екатерины II, гл. VI стр. 41.

ленія, т. е. любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ ¹⁾). Такими предупредительными мѣрами будутъ: 1) распространеніе просвѣщенія ²⁾, 2) усовершенствованіе воспитанія ³⁾, 3) награжденіе добродѣтелей ⁴⁾, 4) изданіе хорошихъ законовъ ⁵⁾, 5) внушеніе людямъ уваженія къ закону ⁶⁾, 6) огражденіе закономъ всѣхъ гражданъ вообще, а не склоненіе правосудія въ сторону тѣхъ или другихъ чиновъ или сословій ⁷⁾).

«Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить» ⁸⁾), провозгласила Екатерина въ томъ-же наказѣ.

Всѣ эти высокія мысли шли въ разрѣзъ съ дѣйствительностью того времени. Если-бы даже Императрица захотѣла, ей-бы не удалось провести свои взгляды цѣликомъ въ жизнь; слишкомъ еще русское общество во второй половинѣ XVIII-го вѣка было некультурно. Екатерина это очень скоро поняла. Продолжая официально порицать кнутъ и казни, она признала ихъ въ экстренныхъ случаяхъ, какъ зло, безъ котораго не обойтись.

Съ самыхъ первыхъ годовъ своего правленія Государыня принялась сокращать у насъ истязанія. Въ 1765 г. ограничили наказанія для малолѣтнихъ: «которые малолѣтніе подлежатъ тѣлесному наказанію тѣмъ безъ представленія въ Сенатъ чинить наказаніе: отъ 15—17 лѣтъ плетми, отъ 10—15 лѣтъ розгами, а отъ 10-ти и менѣе отдавать для наказанія отцамъ, матерямъ, или помѣщикамъ» ⁹⁾). Въ 1778 г. несовершеннолѣтнихъ за поджогъ приказано наказывать только розгами, причемъ обязательно доискиваться, не совершено ли преступленіе по чьему-либо наущенію ¹⁰⁾).

Другой важной мѣрой Екатерины II-ой была совершенная отмѣна тѣлесныхъ наказаній для привилегированныхъ сословій. До тѣхъ поръ, пока тѣлесныя наказанія не считалось позорнымъ, высшіе слои общества съ ними легко мирились. Ко второй половинѣ XVIII-го вѣка отношеніе къ публичной казни совершенно измѣнилось. Образованному богатому вельможѣ подвергнуться избіенію на площади рукой палача стало крайне унижительно; это позорило его на всю жизнь. Разъ установился такой взглядъ, тѣлесное наказаніе стало нестерпимымъ для достоинства дворянъ и они всячески стремились отъ него освободиться, начавъ хлопоты въ этомъ направленіи еще въ Елизаветинскія времена.

¹⁾ Наказъ гл. VIII, ст. 81 стр. 213.

²⁾ Наказъ гл. X, ст. 245 стр. 237.

³⁾ Наказъ гл. X, стр. 248.

⁴⁾ Наказъ гл. X, стр. 247.

⁵⁾ Тамъ-же стр. 246.

⁶⁾ Тамъ-же стр. 244.

⁷⁾ Тамъ-же.

⁸⁾ Гл. X, ст. 211.

⁹⁾ П. С. З. т. XVII, № 12424.

¹⁰⁾ П. С. З. т. XX, № 14828.

Въ дворянскихъ же наказахъ въ Екатерининскую законодательную комиссію это требованіе повторялось постоянно. Въ Калужскомъ наказѣ дворяне просили избавить ихъ «какъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ во всякомъ состояніи, вездѣ и всегда отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ» ¹⁾. Объ этомъ же говорили Кашинскій и Трубчевскій наказы ²⁾.

Императрица очень сочувственно отнеслась къ этимъ требованіямъ. — Дворяне были главной опорой ся престола, и она желала ихъ задобрить. Въ 1785 г. въ жалованной грамотѣ дворянству тѣлесныя наказанія для нихъ отмѣнялись. «Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго» гласить указъ ³⁾. Чтобы освободиться отъ истязанія, провинившемуся дворянину нужно было только до суда доказать свою принадлежность къ этому сословію ⁴⁾.

За дворянами послѣдовали льготы и другимъ; избавили отъ тѣлесныхъ наказаній купцовъ двухъ первыхъ гильдій и почетныхъ гражданъ ⁵⁾; также іеромонаховъ ⁶⁾, священно-служителей, протодьяконовъ, іеродьяконовъ, дьяковъ ⁷⁾, по постановленіямъ духовнаго суда. Принятіе христіанства также освобождало отъ тѣлеснаго наказанія ⁸⁾.

Кромѣ того было постановлено «чтобы содержащихся нынѣ и впредь пойманныхъ однопорцевъ и черносотныхъ крестьянъ и старыхъ служебъ служилыхъ людей, кои даютъ рекрутовъ на службу годныхъ, по слѣдствію оказавшихся въ кражахъ, не превосходящихъ 20 рублей, кнутомъ не наказывать, а чиня имъ наказаніе плетью, писать въ солдаты». Пойманныхъ-же въ кражахъ свыше 20 рублей попрежнему били кнутомъ ⁹⁾.

Изданъ былъ также рядъ указовъ, подчеркивавшихъ «позорность» этого наказанія; — такъ, преступникамъ, обезчещеннымъ публичной тѣлесной экзекуціей, запрещено было жить въ столицѣ ¹⁰⁾, ихъ отсылали въ

¹⁾ Собраніе Русск. ист. об-ва т. VI, стр. 462.

²⁾ В. Н. Латкинъ: „Законодательная комиссія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“.

³⁾ П. С. З. т. XXII, № 16187.

⁴⁾ П. С. З. т. XXII, № 16566.

⁵⁾ П. С. З. т. XXII, № 16188, ст. 107, 113, 136.

⁶⁾ Указъ 1767 г., XVIII, № 12909.

⁷⁾ Указъ 1771 г., т. XIX, № 13609.

⁸⁾ Указъ 1743 г.

⁹⁾ П. С. З. т. XIX, № 13951.

¹⁰⁾ Въ предыдущую эпоху, во времена Бирона, когда жители столицы массами высылались на далекія окраины, пустѣли дома, и торговля предпріятія падали, правительство издало указъ „не высыпать изъ Петербурга всѣхъ людей, публично наказанныхъ, кромѣ тѣхъ, которые наказаны за важнѣйшія вины по дѣламъ канцеляріи тайныхъ различныхъ дѣлъ; въ особенности же не высыпать такихъ, которые жили въ Петербургѣ своими домами“.

уѣздные города и вписывали тамъ въ сословіе торговыхъ людей ¹⁾; позже ихъ назначали на казенныя и частныя работы ²⁾.

Въ это же время былъ отмѣненъ дикій обычай при публичномъ тѣлесномъ наказаніи хватать кого-нибудь ихъ толпы и, помимо его желанія, заставлятъ помогать палачу ³⁾.

Далѣе этихъ смягченій русскаго права правительство не пошло.

Итакъ, привилегированныя сословія и дѣти не могли больше подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ, т. е. небольшая сравнительно группа лицъ была гарантирована отъ истязаній рукой палача. Конечно, это былъ шагъ впередъ сравнительно съ прошлымъ временемъ. Но едва ли фактически въ Россіи послѣ этихъ мѣропріятій уменьшились жестокости. Большинство населенія по старому жило подъ страхомъ кнута, по старому преступниковъ предавали медленной казни посредствомъ публичнаго сѣченія.

Безъ жалости пороли участниковъ пугачевского бунта, безъ жалости предавали преступниковъ и другимъ казнямъ; напр. въ Тамбовской губ. былъ такой случай: въ селѣ Перевозъ, во время богослуженія, вопелъ въ церковь съ обнаженной шапкой дворовый челоѣкъ Семенъ Ивановъ, который взобрался на амвопъ и громко провозгласилъ: «православные, Государыни у насъ нѣтъ, а есть Государь Петръ III-й!». Старушка, помѣщица Бѣлякова запротестовала. Ивановъ бросился на нее и избилъ ее. По конфирмаціи графа Панина, бунтовщика предали казни: ему отрубили руки, потомъ ноги, а потомъ уже голову. Отрубленные части воткнули, для острастки, въ деревнѣ на колья ⁴⁾.

Императрица въ своемъ наказѣ категорически высказалась противъ членовредительныхъ наказаній; однако, за тяжкія провинности осталось въ обычѣ вырывать ноздри. Узнавъ о страшныхъ разбояхъ въ Орловской губ., сенатъ постановилъ «наискрѣпчайше подтвердить въ губерніи, провинціальныя и воеводскія канцеляріи о точнѣйшемъ исполненіи относительно искорепенія воровъ и разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы посылающимся въ каторжную работу на вѣкъ вырѣзать ноздри до костей и ставить на лбу и на щекахъ литера, чтобы они сразу были замѣтны, а не такимъ образомъ, какъ нынѣ у пойманныхъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ разбойниковъ, на которыхъ вырѣзаніе ноздрей почти не замѣтно, а литеръ и вовсе не видно» ⁵⁾.

¹⁾ П. С. З. т. XX, № 13545, и т. XXII, № 16566.

²⁾ П. С. З. т. XXIII, № 16910. Указъ 1790 г.

³⁾ В. Гольцевъ: „Правы русскаго об-ва въ XVIII вѣкѣ“. Юридич. Вѣстникъ 1886 г., 3 стр. 430.

⁴⁾ И. Дубасовъ; „Очерки Тамбовскаго края“, вып. 5-й стр. 178.

⁵⁾ Рус. Старина 1897. кн. 1—3. Замѣтка Танкова.

Въ Полышѣ барскимъ конфедератамъ рубили руки и ноги ¹⁾).

Жестоко расправлялись и съ взбунтовавшимися крестьянами. Графъ Панинъ, напр., усмиривъ крестьянъ въ имѣніи графа Шувалова, написалъ владѣльцу письмо (отъ октября 1774 г.), въ которомъ просилъ, чтобы Шуваловъ «пожаловалъ, не прогнѣвался, что попу его срубилъ голову, а у нѣсколькихъ другихъ сдѣлалъ поменьше ушей» ²⁾).

Самыхъ тяжкихъ преступниковъ обычно били кнутомъ, вырѣзывали имъ ноздри и клѣмили. Такъ наказали, какъ извѣстно, сообщниковъ Пугачева ³⁾, участниковъ чумнаго бунта ⁴⁾, изобрѣтателей фальшивыхъ ассигнацій ⁵⁾. Вотъ что писалъ кн. Щербатовъ: «Протчіе-же убійца у насъ осуждаются быть биты кнутомъ, а иногда съ щетомъ ударовъ, отъ трехъ сотъ и болѣе, но все такое число, чтобы несчастный почти естественнымъ образомъ снести безъ смерти сего наказанія не могъ. Таковыхъ осужденныхъ, однако, не считаютъ, чтобы они были на смерть осуждены, возятъ виновныхъ съ нѣкимъ обрядомъ по разнымъ частямъ города и повсюду имъ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ. Нѣкоторое изъ сихъ въ жесточайшемъ страданіи, нежели усѣченіе главы или виселица или и самое пятереніе умираютъ» ⁶⁾. Слова князя Щербатова подтверждаются сообщеніемъ Георга Конисскаго. Онъ рассказывалъ, что въ 1762 г. нѣкоторые казаки не пожелали нести пикерной службы, и за это они «свожены были по всѣмъ мѣстечкамъ въ пикерномъ полку и въ каждомъ биты безъ лошады кнутомъ» ⁷⁾.

Итакъ, облегченія были только для дворянъ, а простыхъ все такъ-же нещадно пороли кнутомъ. Извѣстно напр., что крѣпостного человѣка прославленной Салтычихи, содѣйствовавшаго раскрытію ея злодѣяній, Сенатъ приговорилъ къ кнуту за ложный доносъ въ виду того, что онъ невѣрно назвалъ имя одной изъ замученныхъ жертвъ помѣщицы ⁸⁾.

Женщинъ за одни только разговоры о самозванцахъ «во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію—учиня публичное съ барабаннымъ боемъ жестокое плетью наказаніе и подрѣзавъ платье, яко нетерпимыхъ въ обществѣ, черезъ профосовъ

¹⁾ Максимовъ: „Сибирь и ваторга“ стр. 322.

²⁾ Пугачевскій бунтъ. Рус. Архивъ 1871, кн. I.

³⁾ Чтеніе об-ва исторіи и древности 1860, II.

⁴⁾ П. С. З. 18695 г. 1771;

⁵⁾ П. С. З. 17262 1794 г.

⁶⁾ Кн. Щербатовъ „Разсужденіе противъ смертной казни“ Чтеніе об-ва ист. и древн. 1860. I.

⁷⁾ Г. Конисскій „Исторія руссовъ“ стр. 254.

⁸⁾ Ист. Правительств. сената за двѣсти лѣтъ т. II, стр. 658.

выгоняли за городъ метлами» ¹⁾. По указу 1766 г. плети полагались за отдачу въ военную службу бѣглыхъ, членовредителей, негодныхъ къ службѣ и за составленіе подложныхъ паспортовъ ²⁾. Съ 1781 г. это-же наказаніе слѣдовало вмѣсто кнута мелкимъ ворами за кражу до 20 р., хотя-бы совершенную и неоднократно; такихъ воровъ при этомъ заключали въ рабочіе дома. Плетями карали также за распространіе всякаго вранья, сплетенъ, нелѣпныхъ слуховъ. Въ 1771 г. Императрица писала Волконскому въ Москву «...но какъ нынѣ въ Москвѣ вранья было безъ конца и счету, того дня, если все усмотрите, что сіи врали не унимаются, прикажите враля другого, по изслѣдованіи что врали, выстѣчь плетями публично, сказавъ въ сентенціи, что то

Наказаніе плетями въ Тайной Канцеляріи.
(Изъ собранія Дашкова).

дѣлается для воздержанія вралей отъ вранья». Въ другомъ письмѣ читаемъ: «здѣсь слышно, что на Москвѣ опять враки есть. Пожалуй, не пропустите оныхъ мимо ушей, такъ какъ я уже вамъ писала, но

¹⁾ Мордовцевъ: „Самозванцы“ II стр. 94.

²⁾ П. С. З. 12748 г. 1766.

прикажете отъ человѣка до человѣка и кто отъ кого слышалъ, добратся до выдумщика и того же по мѣрѣ его вины велите наказать публично. Ей-же-ей въ томъ нужда въ теперешнемъ положеніи» ¹⁾).

Прибѣгли иной разъ и къ батогамъ; хотя въ это время это орудіе наказанія стало замѣтно выводиться. Извѣстно только, что наказали батогами съ лишеніемъ чина одного служащаго въ Тамбовской губерніи. Этотъ чиновникъ, по фамиліи Буткинъ, выдумалъ оригинальный способъ наживы: въ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ онъ проживалъ, онъ принялся собирать пожертвованія на строеніе какого-то корабля, вмѣсто стараго, потонувшаго отъ «головокруженія». «Отчего-же съ тѣмъ кораблемъ сдѣлалось головокруженіе?» спрашивали любопытные люди. «Богъ его знаетъ, завертѣлся, да вдругъ и потонулъ». «Чей-же корабль, нашъ или чужой?» не унимались собесѣдники—«Про это въ указѣ не сказано, и деньги велѣно собрать не на людей, а на корабль». Ему вѣрили и давали ²⁾).

Но зато къ половинѣ XVIII-го в. все чаще стали наказывать розгами. Въ Малороссіи били розгами «у столпа» за сводничество и за воровство малолѣтнихъ ³⁾. Въ Прибалтійскомъ краѣ розгами наказывали всѣхъ преступниковъ, даже самыхъ тяжкихъ. Кнутъ тамъ никогда не употреблялся. Ясно подтверждаетъ это слѣдующее дѣло: въ 1784 г. въ Остзейской губ. нѣкой дѣвкѣ Лено присудили отрубить голову. Но такъ какъ смертная казнь была отмѣнена, то ее нужно было наказывать кнутомъ. Генераль-губернаторъ обратился за разъясненіемъ къ сенату о томъ, какъ ему поступать съ самыми тяжкими преступниками. Онъ писалъ, что «сіе кнутомъ сѣченіе не было въ обычаѣ, и людей къ такому экзекуціямъ употребляемыхъ тамъ нѣтъ, а при томъ наказаніе прутьями тяжкихъ преступниковъ подтверждено», а посему не слѣдуетъ ли вмѣсто торговой казни, «по введенному тамъ издревле обыкновенію... вмѣняя на мѣстѣ казни розги». Сенатъ разрѣшалъ въ Прибалтійскихъ губ. употреблять только розги ⁴⁾).

Но нужно замѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ это наказаніе не было легче нашего кнута. Важнѣйшимъ преступникамъ обычно полагалось сразу 40 паръ прутьевъ, по 3 удара каждой парой. Дѣтямъ назначали меньше. Одинъ крестьянскій мальчикъ за скотоложство въ 1765 г., вмѣсто смертной казни, былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, церковному покаянію и году публичныхъ работъ; ему опредѣлили только 10 паръ прутьевъ, причемъ наказаніе было раздѣлено на три

¹⁾ А. Корсаковъ: „Ст. Ив. Шешковскій“. Ист. Вѣстн. 1885. 12.

²⁾ И. Дубасовъ. „Очерки Тамбовскаго края“, вып. 4-й стр. 164.

³⁾ Права, по кот. судится малорусскій народъ. XXI ар. 7, XXIV ар. 10.

⁴⁾ Тимофеевъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“ стр. 159.

воскресенья. Императрица признала приговоръ слишкомъ суровымъ и приказала совѣстному суду это дѣло пересмотрѣть ¹⁾. Въ 1784 г. необычайно жестокое розгосѣченіе въ Прибалтійскихъ губ. обратило на себя даже вниманіе высшихъ властей. По заявленію генераль-губернатора, сенатъ постановилъ для всѣхъ вообще растягивать его на три воскресенья, такъ какъ по словамъ этого начальника и раздѣльное наказаніе «для страха другимъ и къ чувствованію погрѣшностей и раскаянья преступника совершенно довольнымъ быть можетъ», а «такое великое наказаніе въ одинъ день, обезувѣчивая челоуѣчество, дѣлаетъ преступниковъ впредь къ публичному употребленію совѣмъ негодными» ²⁾.

По русскому праву розги по прежнему назначались дѣтямъ; для взрослыхъ эта кара считалась слишкомъ незначительной. Впрочемъ, намъ извѣстно, что сама Государыня пользовалась этимъ наказаніемъ для своихъ придворныхъ. Вотъ какой случай произошелъ однажды. Монархиня жестоко преслѣдовала всякую насмѣшку надъ своей особой и надъ приближенными вельможами; двѣ фрейлины парисовали довольно смѣшную и рискованную карикатуру на Екатерину и на Потемкина. За это ихъ публично высѣкли розгами ³⁾. Рассказываютъ, будто бы заставъ графиню Брюсъ на свиданіи съ однимъ придворнымъ, Императрица въ своемъ присутствіи приказала разложить ихъ обоихъ, обнажить извѣстныя части тѣла и высѣчь ⁴⁾.

Нѣсколько иной характеръ, чѣмъ раньше, носило въ эту эпоху клейменіе преступниковъ. По мнѣнію Екатерины, это наказаніе прежде всего должно было причинять вѣчный позоръ преступнику, всю жизнь напоминая ему о его злодѣяніи; поэтому вовсе не обязательно, чтобы клейменіе всегда сопровождало торговую казнь, оно могло назначаться и совершенно самостоятельно. Также вовсе не обязательно клеймить всѣхъ одинаково, даже лучше, чтобы всякій разъ это наказаніе носило, такъ сказать, индивидуальный характеръ, точнѣе обозначая злодѣяніе осужденнаго. И мы видимъ, что за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій Сергѣя Пушкина въ 1762 г. заклеили въ лобъ буквой «В» и заключили на вѣкъ въ крѣпость. За то же преступленіе въ 1794 г. офицеру Фейнбергу и барону Гумпрехту, вмѣсто смертной казни, назначили, лишивъ ихъ чиновъ и дворянства, публичное въ Петербургѣ подъ висѣлицей пятнаніе обѣихъ рукъ первыми буквами словъ «воръ и сочинитель фальшивыхъ ассигнацій» и ссылку на вѣчныя времена въ Нер-

¹⁾ Тимофеевъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“, стр. 213.

²⁾ Ц. С. З. 16019 г. 1784.

³⁾ Masson: „Memoires secretes sur la Russie“.

⁴⁾ За достовѣрность приведеннаго факта не ручаемся: онъ подчерпнутъ изъ нѣмецкихъ источниковъ.

чинскъ. Букву «У» (убійца) накладывали подъ висѣлицей прапорщицѣ Авдуловой за убійство мужа, поручику Лескову, убившему бѣлаго челоука, нѣкому Родіонову, засѣкшаго на смерть 14-лѣтнюю дѣвочку ¹⁾ и др. Регистратора Шапкаго въ 1782 г. за подлогъ постановили «лишить чиновъ и заклеить подъ висѣлицей на правой рукѣ первой буквой слова «лжець» и сослать въ каторгу вѣчно» ²⁾.

Императрица Екатерина, такъ энергично громившая тѣлесныя наказанія, какъ видно, не нашла возможнымъ ихъ исключить изъ жизни. Она сама прибѣгала къ жестокостямъ и въ томъ же духѣ поощряла своихъ администраторовъ. Особеннымъ пристрастіемъ къ крутымъ мѣрамъ отличался начальникъ тайной экспедиціи *Степанъ Ивановичъ Шешковскій*. Кулачная расправа, плети, палки—были необходимы ему какъ воздухъ. Современники боялись его, какъ огня. И неслучайно,—Степанъ Ивановичъ былъ дѣйствительно мастеръ помучить. Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ такъ и привѣтствовалъ его: «каково кнутабойничаешь?» «Помаленьку, Ваша Свѣтлость, помаленьку-съ» отзывался онъ, добродушно посмѣиваясь.

Въ тайной экспедиціи Шешковскій устроилъ въ одной изъ комнатъ «экзекуціонное кресло», совсѣмъ своеобразной конструкціи:—пронизившихся, ничего не подозревавшихъ, сажали въ это кресло, посредствомъ особаго механизма спускали подъ полъ, а тамъ дежурившіе служителя, освободивъ свою жертву отъ лишнихъ покрововъ, пороли ее безъ помѣхи. Исторія передаетъ, будто однажды призвали посидѣть въ этомъ креслѣ кого-то, кто уже разъ испыталъ подобное удовольствіе. Очутившись вдвоемъ съ Шешковскимъ въ знаменитой комнатѣ, сей умудренный опытомъ мужъ поспѣшно усадилъ въ кресло самого изобрѣтателя, отправилъ его внизъ, а самъ удралъ ³⁾.

Обычно Степанъ Ивановичъ начиналъ допросъ свой съ того, что хваталъ со всей силой виновнаго палкой подъ самый подбородокъ ⁴⁾. Никто не смѣлъ защищаться подъ угрозой кнута. Самъ онъ сѣкъ съ необычайнымъ мастерствомъ, какъ настоящий артистъ. Но этой чести онъ удостоивалъ только знатныхъ; съ людьми же низшихъ классовъ расправлялись его помощники. Шешковскій былъ чрезвычайно богомоленъ. Даже комната въ тайной экспедиціи, гдѣ производилась расправа, была сплошь уставлена иконами, передъ которыми, подъ стоны тер-

¹⁾ Арх. Сен., Имен. Высоч. Ук. и повел. кн. 142, 21 марта 1749 г.

²⁾ Тимофеевъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“ стр. 145.

³⁾ Рус. Стар., 1871 г., 8, стр. 784—785.

⁴⁾ В. Гольцевъ: „Правы рус. об-ва въ XVIII ст.“, Юридическій Вѣстникъ, 1886 г., 3, стр. 431.

заемыхъ, Шешковскій съ умиленіемъ читалъ акаѳисты Сладчайшему Иисусу ¹⁾).

Многіе не выживали экзекуціи и тутъ-же испускали духъ, со всѣхъ-же прочихъ ревностный инквизиторъ бралъ подписку, подтвержденную клятвой, что они обязуются никому ни при какихъ обстоятельствахъ не передавать о томъ, что съ ними дѣлали въ Тайной экспедиціи, а если проговорятся, то должны будутъ снова подвергнуться безотвѣтно наказанію ²⁾). Знаменитый ученый Радищевъ, попавшій въ лапы къ Шешковскому, дошелъ въ тайной экспедиціи до того, что заявилъ будто писалъ свою книгу «по сумасбродству» ³⁾). Дерзость этого палача была неслыханна. Иногда, напр., онъ расхаживалъ со своей командой по частнымъ домамъ и сѣкъ хозяевъ, попавшихся въ какой-нибудь либеральной болтовнѣ ⁴⁾).

Зато и ненавидѣли его современники отъ всей души. Селивановъ въ своихъ запискахъ приводитъ любопытный инцидентъ изъ жизни этого исключительнаго кнутафила. Старикъ-отецъ Селиванова рассказывалъ одному совѣтнику, какъ въ одинъ прекрасный день кадеты памѣревались высѣчь Степана Ивановича: «Не помню по какому случаю, было-ли у насъ гулянье, но только Шешковскій появился у насъ въ саду. Какъ теперь помню его небольшую мозглявую фигурку, одѣтую въ сѣрый спортукъ, застегнутый на всѣ пуговицы и съ заложенными назадъ руками. Чловѣкъ сорокъ кадетовъ нарѣзали жидкихъ хлыстовъ, заткнули ихъ подъ спинки мундировъ и стали слѣдить Шешковского въ аллеяхъ сада. Вѣроятно онъ усмотрѣлъ что-нибудь недоброе, сталъ торопливо пробираться къ воротамъ и уѣхалъ. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, кадеты, видя свою неудачу, выхватили хлысты и, махая въ воздухъ кричали ему вдогонку: «Счастливъ твой богъ, что ушелъ». — «А у насъ — перебилъ собесѣдникъ Селиванова, Андрей Николаевичъ Соковнинъ, — въ пажескомъ корпусѣ такъ и высѣкли какъ слѣдуетъ в.; поймали, растянули и... Государыня была недовольна, нѣсколько пажей наказали жестоко и исключили изъ корпуса» ⁵⁾).

Это было вполне послѣдовательно, т. к. императрица всячески поощряла дѣятельность Степана Ивановича, котораго она одаривала и деньгами, и орденами, — Степана Ивановича, который вполне оправдывалъ ея довѣріе, когда она отправляла кого-нибудь въ тайную экспе-

¹⁾ Корсаковъ въ своей статьѣ о Шешковскомъ въ Истор. Вѣстн. предполагаетъ, что отсюда произошла поговорка: притянуть къ Иисусу.

²⁾ Записки Ал. Мих. Тургенева Рус. Старина 1886, 10.

³⁾ С. С. Пашковъ: Русская реакція.

⁴⁾ С. С. Пашковъ: „Русская реакція.“

⁵⁾ Рус. Архивъ 1889, стр. 164—165.

дицію поучить за провинности. Изъ исторіи ихъ взаимоотношеній приведемъ здѣсь такой характерный случай: однажды Государынѣ донесли, что жена генералт-маіора Кожина позволила себѣ произнести въ обществѣ нѣсколько неосторожныхъ словъ. Екатерина, рѣшивъ ее наказать, прибѣгла не къ суду, не къ личному внушенію, или другому какому-либо способу воздѣйствія, а просто написала Шенковскому: «она (Кожина) всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскарадѣ, пожалуйте сами и, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, тѣлесно накажите и обратно туда-же доставьте со всей благопристойностью» ¹⁾).

Но всѣ эти расправы производились подѣ шумокъ. Официально Императрица всячески старалась убѣдить всѣхъ, что русская карательная система вовсе не изобилуетъ тѣлесными наказаніями. Нѣкій аббатъ Шаппѣ, посѣтившій Россію въ 1761 г., выпустилъ книгу подѣ заглавіемъ «Voyage en Siberie en 1761», гдѣ онѣ рассказывалъ между прочимъ о русскихъ наказаніяхъ, о суровости жизни и нравовъ. Многое въ его сочиненіи было крайне непріятно Екатеринѣ. Она выпустила противъ него цѣлый трактатъ подѣ названіемъ «*Антидотъ или противоядіе*», гдѣ изобличала аббата во лжи, въ пристрастіи и въ незнаніи Россіи.

На одной изъ страницъ Шаппѣ передаетъ, что онѣ видѣлъ однажды, какъ сѣкли на улицѣ дѣвушку 14-ти или 15-ти лѣтъ; онѣ добавляетъ: «русскіе увѣряютъ, что вынуждены обращаться такимъ образомъ со своими слугами, для того, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность. Это обращеніе имѣетъ слѣдствіемъ, что эти несчастные рабы, находя въ своихъ господахъ лишь мелкихъ тирановъ, заставляютъ ихъ жить въ постоянномъ страхѣ; и это до такой степени, что и въ средѣ своего семейства, они постоянно должны остерегаться всякаго кто къ нимъ подходитъ». «Не такъ думаютъ всѣ русскіе,—пишетъ на это Екатерина,—и если ссть между ними таковыя, тѣмъ хуже для нихъ. Они достаточно наказаны за свое неумѣренное обращеніе со своими слугами такими же людьми, какъ и они сами, если, какъ повѣствуетъ аббатъ, они проводятъ свои дни въ постоянномъ недовѣріи ко всѣмъ своимъ приближеннымъ» ²⁾).

Аббатъ рассказываетъ, что казнь въ Россіи отмѣнена со времени имп. Елизаветы, что съ этихъ порѣ наказаніе ограничивается только кнутомъ и батогами. На это Императрица заявляетъ, что «кнутъ считается позорной смертной казнью; она назначается лишь за самыя большія преступленія. Батоги употребляются какъ и удары палкой въ Германіи и во Франціи...» ³⁾).

¹⁾ В. Гольцевъ: „Права русскаго о-ва въ XVIII с.“ Юр. Вѣст. 3.

²⁾ „Антидотъ“. Осмнадцатый вѣкъ Бартонова, стр. 458.

³⁾ „Антидотъ“ стр. 447.

Такъ какъ имп. Елизавета, при восшествіи своемъ на престолъ, запретила судебнымъ мѣстамъ приговаривать къ смертной казни, то тюрьмы переполнились до того, что въ 1750 г. Сенатъ сдѣлалъ Ея Величеству представленіе объ устраненіи этого неудобства. Онъ предложилъ употреблять преступниковъ виновныхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, подвергнувши ихъ тѣлесному наказанію, къ работѣ въ рудникахъ и къ другимъ тяжкимъ общественнымъ работамъ, и отсылать въ самыя отдаленныя поселенія тѣхъ, коихъ преступленія менѣе значительны. Представленіе это было одобрено ¹⁾. Слѣдовательно, по мнѣнію Государыни, переполненіе тюремъ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для примѣненія тѣлеснаго наказанія, тѣмъ болѣе, что кнутъ вѣдь считается позорнымъ, а палками и батогами сѣкутъ и въ западной Европѣ. Чего же, кажется, еще нужно? въ чемъ можно упрекнуть Россію?

«На стр. 368, — продолжаетъ Екатерина, — аббатъ объявляетъ, что онъ не бывалъ свидѣтелемъ наказанія кнутомъ, но что, гуляя по Петербургу, онъ получилъ свѣдѣнія по этому предмету отъ иностранца. Г. Шаппъ нашелъ этотъ разсказъ столь пріятнымъ, что съ наслажденіемъ угощаетъ имъ читателя. Но такъ какъ мы нашли въ немъ столько-же желчи и злобы, сколько и лжи, то воздержимся отъ того, чтобы надѣдать читателю опроверженіемъ картины столь-же непріятной, какъ и преувеличенной. Г. Шаппъ не можетъ разстаться съ кнутомъ; онъ говоритъ о немъ на протяженіи трехъ страницъ, предметъ этотъ несказанно ему нравится. Онъ говоритъ на стр. 369, что наказаніе простымъ кнутомъ не приноситъ безчестія, ибо при этомъ деспотическомъ правительствѣ всякое частное лицо можетъ подвергнуться этой случайности, которая часто бывала слѣдствіемъ простыхъ дворскихъ интригъ. Онъ говоритъ это съ увѣренностью, и однако-же это неправда: наказаніе кнутомъ приноситъ безчестіе и дворяне ему болѣе не подвергаются. Затѣмъ аббатъ смѣшиваетъ чрезвычайную пытку съ кнутомъ; ибо то, что онъ называетъ большимъ кнутомъ, есть ничто иное, какъ эта чрезвычайная пытка. Онъ не зналъ, что послѣ его отѣзда уничтожены всѣ пытки» ²⁾.

Также пристрастно, по мнѣнію Екатерины, передаетъ аббатъ о жизни каторжныхъ. Невѣрно его сообщеніе, что всѣ каторжные скованы за ноги; сковываютъ лишь самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Онъ говоритъ: «извѣстное количество солдатъ опредѣлено на то, чтобы стеречь и

¹⁾ „Антидотъ“ стр. 460.

²⁾ „Антидотъ“ стр. 458. Отсылаемъ читателя къ отд. „Ист. пытки“ и предоставляемъ ему самому судить, насколько справедливо это замѣчаніе Императрицы.

отводить на рудники и прочія общественныя работы; при этомъ съ ними обращаются весьма жестоко». «Столь-же жестоко, какъ на галерахъ, г. академикъ,—возражаетъ авторъ Антидота,—но за то между ними нѣтъ ни одного, котораго-бы не повѣсили во всякой странѣ, кромѣ Россіи, гдѣ болѣе не вѣшаютъ» ¹⁾).

Убѣдительно-ли всѣ эти опроверженія Императрицы? Могли-ли они кого разуверить, что русскіе законы и обычаи не отличались жестокостію? Намъ думается, что нѣтъ, и, какъ ни старалась Монархиня, она не могла скрыть подъ прекрасными словами суровой дѣйствительности.

Итакъ, вотъ что намъ дало это царствованіе: съ одной стороны высокогуманныя фразы, полныя осужденія жестокихъ наказаній, съ другой рядъ осторожныхъ указовъ, не столько сократившихъ тѣлесное наказаніе, сколько избавившихъ отъ нихъ, по личнымъ соображеніямъ, избранное сословіе; надъ всѣмъ-же прочимъ людомъ по прежнему оставленъ въ силѣ кнутъ, розги и другія истязанія. Можно-ли во всемъ этомъ упрекнуть Правительницу? Не были-ли эти жестокости вынуждены обстоятельствами, исключительность которыхъ неизбежно обуславливала компромиссъ между теоріей и практикой? Нессомнѣнно, суровыя мѣры были сначала противны Екатеринѣ и, если потомъ она втянулась въ нихъ, то лишь въ виду несвоевременности ихъ замѣны. И все-таки ея царствованіе имѣло большое значеніе въ исторіи отмиранія у насъ тѣлеснаго наказанія. Она положила начало, и ея преемники должны, казалось-бы, продолжить это дѣло.

Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Павла I. Однако, вскорѣ по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ I уничтожилъ привилегіи, дарованныя благороднымъ его Великой Предшественницей. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее: 1 декабря 1796 г., рассмотрѣвъ докладъ Сената по уголовному дѣлу коллежскаго протоколита Чулкова, обвинявшагося въ буйствѣ, раненіи ножомъ караульнаго и оскорбленіи намѣстника, Государь положилъ резолюцію: «коллежскаго протоколита Григорія Чулкова, лиша чиновъ и сопряженнаго съ оными дворянскаго достоинства, наказать кнутомъ на мѣстѣ преступленія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу» ²⁾).

Какъ видно, эта резолюція явно игнорировала жалованную грамоту. Ее пожалуй можно было-бы даже принять за случайность и недоразумѣніе. Но вскорѣ послѣдовала другая, аналогичная первой: «губернскаго секретаря Андрея Суркова, лиша чиновъ и сопряженнаго съ оными личнаго дворянскаго достоинства, яко обличеннаго и при-

¹⁾ „Антидотъ“ стр. 461—462.

²⁾ Арх. Сен., Имѣн. Высоч. указы и повел., кн. 185, л. 7.

знавшася въ неоднократныхъ разныхъ разбояхъ, грабсжахъ и въ смертномъ десяти человѣкъ убійствѣ, наказать кнутомъ и съ постановленіемъ безчестныхъ знаковъ сослать вѣчно въ Сибирь на тяжкую работу» ¹⁾. А 3 января 1897 г. на дѣлѣ прапорщика Ивана Рожнова, обвиненнаго въ святотатствѣ, Государь уже совершенно опредѣленно постановилъ: «какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается. По чему и впредь поступать» ²⁾. Послѣ этой резолюціи Сенатъ снова сталъ приговаривать къ тѣлесному наказанію дворянъ ³⁾, не исключая и женщинъ ⁴⁾.

Крайне придирчивый, мелочный Павелъ нещадно каралъ всякое непослушаніе и ничтожнос уклоненіе отъ своихъ указовъ. Напримѣръ, при встрѣчѣ съ Государемъ, всѣ должны были выходить изъ экипажей, сняявъ предварительно верхнее платье; и когда сынъ одного богатаго купца этого не исполнилъ, его отодрали кнутомъ, давъ 50 ударовъ полностью ⁵⁾. Однажды какой то офицеръ такъ увлекся разговоромъ съ дамой, что не замѣтилъ Павла. Тогда государь приказалъ разговаривавшихъ поставить на запятки кареты и катать ихъ цѣлый день по городу; потомъ офицера сослали въ Сибирь; его начальниковъ для острасти арестовали на мѣсяцъ, а мужа дамы, виднаго гражданскаго чиновника, высѣкли ⁶⁾.

Во времена Грознаго и Петра мы ужасались жестокостію правителей; тутъ-же насъ поражаетъ безмысленность истязанія. Все зависѣло даже не отъ случая, а отъ минутнаго каприза, дѣтской прихоти владыки. Какой-то старикъ, мирно проживавшій въ своемъ тихомъ провинціальномъ городкѣ, что-то взболтнулъ о курносыхъ. Нашлись доброжелатели, — донесли. Къ ошеломленному простофилѣ явились фельдшера, отвезли его въ Петербургъ прямо въ Тайную, гдѣ и посѣкли ⁷⁾. Императоръ не переносилъ быстрой ѣзды. Однажды онъ узналъ изъ рапорта Петербургскаго военнаго губернатора, что карета князя Щербатова, мчавшаяся во весь духъ, задавила семилѣтняго мальчика; онъ немедленно приказалъ «бывшихъ въ то время кучера, лакея и форейтора взять и судить уголовнымъ судомъ, яко смертоубійцы и по наказанію кнутомъ сослать въ каторгу» ⁸⁾. Для собственной расправы у монарха

¹⁾ Тамъ-же, кн. 185, л. 428.

²⁾ Арх. Сен., Имѣн. Высоч. указы и повел. кн. 187, л. 36.

³⁾ Тамъ-же кн. 194, л. 58; кн. 206, л. 94; кн. 211, л. 231; кн. 215, л. 175; кн. 216, л. 105; кн. 217, л. 157; кн. 222, л. 247; кн. 224, л. 12 и др.

⁴⁾ Тамъ-же кн. 227, л. 22, кн. 192, л. 247.

⁵⁾ Русск. Арх. 1878 г. кн. I.

⁶⁾ „Смерть Павла I-го“ изд. Исторической бібліотеки стр. 17.

⁷⁾ Рус. Арх. 1869, стр. 168.

⁸⁾ „Им. Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ“ Рус. Стар. 1909 кн. 10—12

служила трость изъ воловьихъ жилъ. Прогнѣвавшись однажды на своего любимца гр. Кутайсова, Павелъ приказалъ ему снять ленту и отсчитать сорокъ ударовъ этой тростью на спинѣ злосчастнаго сановника ¹⁾).

При такомъ режимѣ естественно должно было процвѣтать шпіонство. И дѣйствительно, не мало можно насчитать въ это время пострадавшихъ изъ-за ложныхъ доносовъ. Такъ, рассказываютъ одинъ инцидентъ, къ счастью окончившійся совершенно благополучно: сообщили Императору, что нѣкій дворянинъ N. поносилъ его дерзкими словами. Страшно разсердившись и не разобравъ въ чемъ дѣло, внѣ себя монархъ закричалъ: «сквозь строй!» Капитанъ Свѣчинъ, обязанный исполнить экзекуцію, умолялъ пощадить несчастнаго, отдать его сначала подъ судъ. Павелъ и слышать ничего не хотѣлъ. Тогда Свѣчинъ рѣшилъ распорядиться собственной властью. Когда насталъ моментъ экзекуціи и привели блѣднаго, дрожащаго N, капитанъ отдалъ приказъ: «Именемъ Императора я прощаю». Само собою разумѣется, монарху сейчасъ-же донесли объ этой дерзости, но онъ не промолвилъ ни слова, и Свѣчинъ не заплатилъ за свое самовольство ²⁾). Но такой исходъ — исключеніе.

Немногимъ легче была участь заподозрѣнныхъ, когда ихъ отдавали подъ судъ. Зачастую Императоръ самъ предписывалъ тѣ или иные приговоры, и судьямъ оставалось только исполнять его волю. Недаромъ въ хвалебной одѣ этому монарху стихотворецъ отмѣчаетъ, что онъ

«Назначилъ вору и воришку
Одну награду и, безъ лишку,
Одинъ нелицемерный кнутъ» ³⁾).

Крайне характернымъ и вопіющимъ дѣломъ этого царствованія былъ судъ надъ пасторомъ Зейдеромъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. И. Гречъ рассказываетъ: «Одинъ польскій пасторъ въ Лифляндіи, Зейдеръ, содержащій лѣтъ за десять до того нѣмецкую библіотеку для чтенія, просилъ, чрезъ газеты бывшихъ своихъ подписчиковъ, чтобы они возвратили ему находящіяся у нихъ книги, и, между прочимъ, повѣсть Лафонтена: «Die Gewalt der Liebe». Туманскій ⁴⁾ донесъ императору Павлу, что такой-то пасторъ, какъ явствуетъ изъ газетъ, содержитъ публичную библіотеку для чтенія, а о ней правительству неизвѣстно. Зейдера привезли въ Петербургъ и предали уголовному

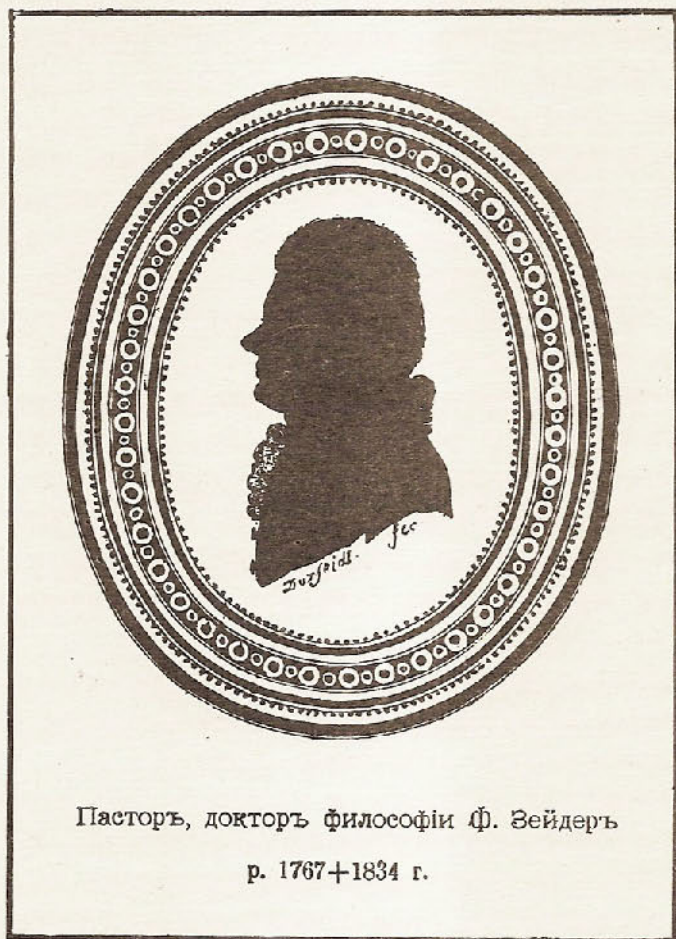
¹⁾ Рассказы кн. Котлубицкаго. Рус. Арх. 1866 г. стр. 1324.

²⁾ Рус. Арх. 1871 стр. 1535.

³⁾ Изъ оды Государю Императору Павлу Петровичу Степана Руссова. Осмнадцатый вѣкъ П. Б. Вартеновъ, кн. 4.

⁴⁾ Рижскій цензоръ, одинъ изъ ревностныхъ сподвижниковъ Императора Павла.

суду, какъ государственнаго преступника. Палатѣ осталось только при-
брать наказаніе, а именно приговорить его къ кнуту и каторгѣ. Это и
было исполнено. Только генераль-губернаторъ графъ Паленъ при-
казалъ, привязавъ преступника къ столбу, бить кнутомъ не по спинѣ,
а по столбу» ¹⁾).

(Изъ «Русской Старины» 1878 г. т. XXI).

Пасторъ Зейдеръ былъ глубоко-образованный, нравственный, тихій, кроткій человѣкъ. Даже въ тѣ времена его осужденіе казалось возмутительнымъ; оно глубоко взволновало многихъ. Можетъ быть все это и побудило графа Палена дать такое распоряженіе. Сохранились воспоминанія Зейдера о всемъ пережитомъ. Въ одномъ письмѣ къ другу онъ описываетъ свою казнь: его привели на площадь, посерединѣ стоялъ позорный столбъ, «...я самъ раздѣлся, простоялъ нѣсколько минутъ голый и затѣмъ меня повели къ позор-

¹⁾ Рус. Арх. 1873 г. 5 стр. 684—685.

ному столбу. Прежде всего мнѣ связали руки и ноги. Я перенесъ это довольно спокойно; когда-же палачъ перекинулъ ремень черезъ шею, чтобы привязать мнѣ голову, то онъ затянулъ ее такъ крѣпко, что я громко вскрикнулъ. Наконецъ меня привязали къ машинѣ ¹⁾. Съ первымъ ударомъ я ожидалъ смерти; мнѣ казалось, что душа моя покинула свою смертную оболочку. Еще разъ вспомнилъ я о женѣ и ребенкѣ, и прощался уже съ землею, услышавъ какъ страшное орудіе снова засвистѣло въ воздухѣ. Не касаясь моего тѣла, каждый ударъ скользилъ по кушаку моихъ брюкъ» ²⁾. Такимъ образомъ, только человеколюбіе (можетъ быть вынужденное) графа Палена спасло отъ жестокихъ истязаній совершенно невиннаго, всѣми уважаемаго пастора. Императоръ Александръ, по восшествіи на престолъ, сейчасъ-же возвратилъ его изъ ссылки и возстановилъ во всѣхъ правахъ.

Дѣло пастора Зейдера вовсе не единичный случай; во времена Павла расправа всюду была до крайности жестокая и подчасъ совершенно безмысленная. Словно всѣ обрадовались, что можно снова бить и истязать какъ угодно и кого угодно безъ всякой отвѣтственности. Когда полковника Грузинова, непрестойно выражившагося объ Императорѣ, наказывали въ Новочеркасскѣ кнутомъ, то экзекуція началась при восходѣ солнца, а кончилась въ два часа пополудни, причемъ три палача буквально выбились изъ силъ. Разумѣется, несчастный тутъ-же умеръ ³⁾.

Тѣмъ не менѣе, и въ эти годы реакціи и жестокихъ расправъ постепенное сокращеніе тѣлеснаго наказанія въ законахъ продолжалось. Въ 1796 г. окончательно отмѣнили экзекуціи для духовныхъ ⁴⁾, а въ 1796 г. запретили истязанія и клейменія преступниковъ старше 70-ти лѣтъ ⁵⁾. Нѣсколько ограничили и торговую казнь. Такъ, съ 1798 г. эту послѣднюю назначали только виновнымъ въ смертоубійствѣ и грабежѣ; за воровство же били плетью, отсылая потомъ въ рекруты, а негодныхъ къ военной службѣ въ Сибирь. Изданіе этого указа было вызвано чисто утилитарными соображеніями: извѣстно, что послѣ торговой казни нельзя было поступать въ солдаты. И вотъ многіе, чтобы избѣжать рекрутчины, учиняли кражу и подвергались сѣченію ⁶⁾.

Чисто формальной хатактеръ носятъ два другихъ указа о тѣлесныхъ наказаніяхъ временъ Павла I. Было постановлено 1) «прогнанныхъ

¹⁾ Т. е. къ кобылѣ.

²⁾ Письмо пастора Зейдера, писанное въ ссылкѣ. Рус. Стар. 1878 т. XXI стр. 480.

³⁾ „Казнь братьевъ Грузиновыхъ“, Русская Старина, 1873 г. кн. 4—5.

⁴⁾ II. С. З. 17624 г. 1796.

⁵⁾ II. С. З. 18758, г. 1798.

⁶⁾ Тимофеевъ: стр. 197.

сквозь строй, хотя бы одинъ разъ, кирасиръ писать уже въ извошники, а не въ кирасиры» ¹⁾, и 2) впредь виновныхъ и приговариваемыхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ никогда не назначать въ воинскую службу ²⁾). Ясно, что этими постановленіями правительство хотѣло возвысить честь военнаго сословія и укрѣпить взглядъ на позорность публичной экзекуціи. Но, при тогдашнемъ обиліи расправъ, невозможно допустить, чтобы эти указы всегда исполнялись. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ было перевести въ извошники большую половину солдатъ.

Еще остается отмѣтить, что къ этому же царствованію относится постановленіе, чтобы преступниковъ, подвергшихся членовредительнымъ наказаніямъ, ни въ коемъ случаѣ не оставлять на мѣстѣ, но ссылатъ ихъ на каторгу ³⁾).

Все это, однако, были лишь вынужденныя поблажки духу времени. Онѣ тонули въ морѣ жестокихъ экзекуцій, которымъ подвергали въ концѣ XVIII-го вѣка правыхъ и неправыхъ.

V.

Тѣлесныя наказанія во времена Александра I-го и Николая I-го.

Гнетущая атмосфера Павловскаго времени, къ счастью для Россіи, продолжалась недолго. Въ 1801 г. Императора не стало; воцарился новый Монархъ, и снова пробудилась у всѣхъ надежда на лучшее будущее. «Мы должны быть благодарны судьбѣ, которая избавила насъ, наконецъ, отъ бѣдствій прошлаго царствованія,—писалъ Воронцову Заводовскій,—залѣчиваются старыя раны. Кнутъ и топоръ не возродятся вновь. Кроткій и милостивый ангелъ паритъ надъ нами. Мы на опытѣ узнали, какіе ужасы существовали во времена Іоанна Грознаго. Ты можешь себѣ представить нашу общую радость. Снова духъ воспріялъ» ⁴⁾).

Истязанія въ началѣ XIX в. Съ первыхъ же шаговъ своего царствованія Александръ I постарался оправдать возложенныя на него упованія; онъ сразу приступилъ къ смягченію жестокихъ порядковъ его предшественника. Начать съ того, что было приказано убрать въ городахъ висѣлицы, всюду красовавшіяся при Павлѣ на площадяхъ. Далѣе были возстановлены указы Екатерины Великой: отъ тѣлеснаго наказанія въ 1801 г. вторично освободили дворянъ. Эту же льготу вскорѣ получили священники и дьяконы «чтобы укоренить въ нихъ

¹⁾ П. С. З. 18530 г. 1798.

²⁾ П. С. З. 18898 г. 1799.

³⁾ Тимофеевъ, стр. 141.

⁴⁾ Изъ брошюры „Смерть Павла I“, изд. истор. библ.

чувство почтенія къ себѣ и ужась къ порокамъ, который симъ служителямъ Всевышняго должно быть свойственно» ¹⁾). Изъяли отъ тѣлесныхъ наказаній также купцовъ первыхъ двухъ гильдій, по введенному вновь екатерининскому городовому положенію ²⁾, женъ священниковъ, въ 1808 г., ³⁾ и простыхъ монаховъ, въ 1811 г. ⁴⁾.

По стремленія лучшихъ русскихъ людей шли гораздо дальше этихъ незначительныхъ облегченій русскаго права; многіе выражали желаніе урегулированія и даже совершенной отміны торговой казни и членовредительства. Извѣстно, напримѣръ, мнѣніе графа С. Румянцева, который, узнавъ о двухъ невинно осужденныхъ крестьянахъ, заявилъ, что «торговая казнь, драніе носовъ и штемпелеваніе по лицу» должны производиться лишь по меморіи сената ⁵⁾.

Самъ Императоръ сочувствовалъ этимъ взглядамъ, но не рѣшался сразу приступить къ коренной реформѣ и издалъ лишь рядъ указовъ, нѣсколько облегчившихъ наказаніе кнутомъ. Какъ извѣстно, до самаго конца XVIII-го вѣка, у насъ не было въ обычаѣ въ официальныхъ постановленіяхъ, при назначеніи преступникамъ торговой казни, опредѣленно указывать слѣдующее число ударовъ. Были лишь два слова: «нещадно» и «жестоко»; а далѣе полагались на исполнителей; въ рукахъ этихъ послѣднихъ было сохранить жизнь и здоровіе виновному или засѣчь его на смерть.

Александръ положилъ конецъ этому произволу. Разъ навсегда было запрещено употреблять выраженія «нещадно» и «жестоко», приказано было въ приговорахъ точно обозначать число ударовъ кнута, и эти приговоры обязательно шли на утвержденіе генераль-губернатора ⁶⁾). Вслѣдъ за торговой казнью это постановленіе въ 1812 г. было проведено и для публичной экзекуціи плетью, число ударовъ которыми въ гражданскихъ дѣлахъ полагалось опредѣлять генералу-губернатору, а въ приговорахъ военныхъ судовъ Генераль-аудитору ⁷⁾.

Это, казалось-бы, незначительное мѣропріятіе было все-таки извѣстнымъ смягченіемъ публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Во-первыхъ экзекуціи стали гораздо больше координироваться съ величиной преступленія и во-вторыхъ количество ударовъ кнута или плети съ этихъ поръ нѣсколько уменьшилось. Раньше, напр., за убійство давали обычно 150 ударовъ кнутомъ, теперь-же стали назначать 25—40.

¹⁾ П. С. З. 19901 г. 1801.

²⁾ П. С. З. т. XXVI, 19856, 19885, 19920.

³⁾ П. С. З. 23027 г. 1808.

⁴⁾ П. С. З. 24739 г. 1811.

⁵⁾ Тимофеевъ: „Исторія тѣлеснаго наказанія въ русскомъ правѣ“, стр. 89.

⁶⁾ П. С. З. 20115 г. 1802; 23279 г. 1808.

⁷⁾ П. С. З. т. XXX № 25115.

Однако, необходимо замѣтить, что въ особо-экстренныхъ случаяхъ въ годы царствованія Александра I-го жестокость торговой казни не уступала прошедшимъ временамъ. Безпощадно истязали крестьянъ, замѣшанныхъ въ убійствѣ любовницы гр. Аракчеева Н. Минкиной; женщина-преступница получила 125 ударовъ, остальные 170, 120, а главный виновникъ 300 ударовъ, т. е. предѣльную норму, за которую въ Россіи еще никогда не переступали¹⁾. Такое чудовищное количество въ ту эпоху было уже рѣдкимъ исключеніемъ. Что касается *minimum'a* ударовъ, то въ проектѣ Уложенія 1813 г. онъ равнялся 5-ти, причемъ торговую казнь, соединенную съ ксьменіемъ и вырѣзываніемъ ноздрей, опредѣлили за всѣ преступленія, влекушія каторжныя работы. Извѣстенъ кромѣ того одинъ случай, когда назначили всего одинъ ударъ кнутомъ: такъ наказали 64-хъ-лѣтнюю старуху Лашкову за кражу 24-хъ копѣекъ церковныхъ денегъ.—Очевидно, судьи намѣревались лишь попугать, осрамить старуху, но не причинять ей физическихъ страданій²⁾.

Послѣ окончанія тяжелой войны, когда жизнь вошла въ норму, и правительство приступило къ внутреннимъ преобразованіямъ, опять поднялся вопросъ о сокращеніи жестокихъ истязаній. На этотъ разъ стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ 1817 г. въ Москвѣ былъ учрежденъ комитетъ, которому поручено разсмотрѣть, возможно-ли и желательнѣе-ли отмѣнить въ данное время членовредительныя истязанія и торговую казнь. На открытіи засѣданій этого комитета гр. Тормасовъ заявилъ слѣдующее: «Государь Императоръ, обращая вниманіе на употребленіе до нынѣ тѣлеснаго наказанія кнутомъ и рваніе ноздрей съ постановленіемъ знаковъ, и находя, что сіе наказаніе сопровождалось съ безчеловѣчною жестокостью, какового нѣтъ примѣра ни въ одномъ Европейскомъ Государствѣ, что жестокость сія, будучи отдана, такъ сказать, на произволъ палача, не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія, которое при опредѣленіи наказанія требуетъ, чтобы оно было въ точной соразмѣрности съ преступленіемъ, но большей частью находится съ оной въ противоположности и наконецъ, что такое ужасное наказаніе, отъ котораго преступникъ нерѣдко въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ оканчиваетъ жизнь, явно противорѣчитъ уничтоженію смертной казни, повелѣлъ войти въ разсмотрѣніе, какимъ образомъ эти наказанья

¹⁾ Н. О. Минкина. Рус. стар. 1884 г. т. 41.

Всесильный графъ пустилъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы наказать достойнымъ образомъ убійцу любимой имъ женщины. Дѣло велось съ безпощадной жестокостью; пострадала масса невинныхъ. Исправникъ Лялинъ и засѣдатель Мусинъ-Пушкинъ „за умышенное ходатайство за преступницу Константинову“, т. е. за то, что видя ее беременною, требовали отсрочки торговой казни, были подвергнуты строгому преслѣдованію и преданы суду. (Р. Стар. 1871 г. IX).

²⁾ Чтеніе об-ва ист. и древ. 1871. II. Смѣсь.

можно было-бы замѣнить другими, которыя, не имѣя въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того удерживали бы преступленіе и служили-бы для другихъ предохранительнымъ примѣромъ».

По окончаніи своей работы, комитетъ пришелъ къ заключенію, что торговую казнь непременно слѣдуетъ уничтожить, замѣнивъ наказаніемъ плетью рукой палача съ предварительнымъ выставленіемъ у позорнаго столба. При этомъ комитетъ полагалъ, что это наказаніе даже будетъ производить на зрителей болѣе сильное впечатлѣніе: оно не будетъ вызывать жалость къ преступнику, а только одно омерзеніе. Но съ другой стороны, отмѣнять торговую казнь и клейменіе отдѣльнымъ указомъ—опасно: народъ можетъ, чего добраго, еще вообразить, что всякое наказаніе отмѣняется. Поэтому нужно отложить эту реформу до изданія новаго Уложенія, въ которомъ она можетъ пройти незамѣтно. Что-же касается рванія ноздрей, то это наказаніе возможно отмѣнить и сейчасъ. Въ прежнія времена оно было введено съ чисто полицейской цѣлью—отмѣтить злодѣевъ. «Находя при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи таковое усугубленіе наказанія излишнимъ, мы отмѣняемъ оное, яко безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое», говорится въ указѣ ¹⁾.

Изъ опубликованій этого постановленія, уродованье преступниковъ у насъ прекратилось. Въ Московской Руси на каждомъ шагу можно было наткнуться на человѣка съ отрубаннымъ носомъ, ушамъ, безъ языка. Въ XVIII-мъ вѣкѣ стали считать лицезрѣніе такихъ несчастныхъ отвратительнымъ, ихъ упрягивали подальше, въ Сибирь. И вотъ, наконецъ, дожидая Россія до времени, когда изъ русскихъ законовъ изыали это безобразное истязаніе.

Но сохранилась еще торговая казнь. Ея попрежнему назначали за самыя различныя провинности. Такъ наказывали государственныхъ преступниковъ, воровъ, убійцъ и пр. Извѣстенъ, напр., такой случай, происшедшій въ началѣ XIX-го вѣка. Какой-то отставной рядовой надѣлъ офицерскій мундиръ съ орденами и сталъ разъѣзжать по Нижегородской губ., объявляя всюду, что онъ незаконнорожденный сынъ Екатерины II-ой, что его послала вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна оповѣстить всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ о переходѣ ихъ въ казенные. Разумѣется, самозванца скоро арестовали, судили, приговорили къ кнуту, вырѣзыванію ноздрей ²⁾, клейменію и ссылкѣ ³⁾.

¹⁾ П. С. З. 27197 г. 1817.

²⁾ Дѣло было до указа 1817 г.

³⁾ Рус. Архивъ 1898 г.

Однажды назначили торговую казнь даже бездыханному трупу. Въ Москвѣ, во время Отѣчественной войны нѣкій Верещагинъ перевелъ изъ иностранныхъ газетъ прокламацію Наполеона. Растопчинъ его арестовалъ, вывелъ на крыльцо своего дома, объявилъ собравшемуся народу, что онъ измѣнникъ, велѣлъ солдатамъ рубить Верещагина саблями, затѣмъ полуживого бросилъ его толпѣ, которая добила его трепещущее тѣло, привязала за ноги къ лошади и съ дикимъ ревомъ поволокла по улицѣ. Тѣло мертваго Верещагина поступило въ снать. Его присудили къ 25-ти ударамъ кнута и вѣчной каторгѣ ¹⁾.

Процедура торговой казни производилась попрежнему ужасно жестоко. Такъ, напр., былъ обычай наказывать кнутомъ на самомъ мѣстѣ совершенія злодѣянія. Предположимъ, что преступникъ учинилъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько грабежей и убійствъ; тогда его таскали окровавленнаго, еле живого, по этимъ именно мѣстамъ (городамъ, селамъ) и всюду били.

Въ 20-хъ годахъ такую экзекуцію назначили надъ татарами, виновными въ нѣсколькихъ грабежахъ и убійствахъ; на рыночныхъ площадяхъ ихъ выставляли у позорнаго столба, продѣвали голову въ особое кольцо, зажимали ее такъ, что наказываемый не могъ кричать, а руки и ноги крѣпко связывали. Читался приговоръ и палачъ приступалъ къ дѣлу. Наградивъ опредѣленнымъ числомъ ударовъ, татаръ отвязывали, обклеивали пластырями и клали на телѣгу, гдѣ они ожидали окончанія порки надъ товарищами. Потомъ ихъ везли въ другой городъ. Тамъ опять повторялось то-же самое: привязывали къ столбу, сдирали пластыри и истязали. Уже во второмъ городѣ одинъ изъ татаръ умеръ, и никто изъ нихъ не дожилъ до послѣдняго мѣста наказанія ²⁾.

Въ 1822 г. такое многократное сѣченіе отмѣнили. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, виновнаго въ нѣсколькихъ злодѣяніяхъ было положено наказывать только въ одномъ, многолюднѣйшемъ городѣ и въ ссылку отправлять его только послѣ совершеннаго исцѣленія.

Такъ шло шагъ за шагомъ въ XIX-омъ вѣкѣ сокращеніе варварскихъ наказаній нашего «средневѣковья». Избѣгая коренныхъ реформъ, правители незначительными поправками стремились смягчить жестокіе законы.

Все чаще истязаніе кнутомъ стали замѣнять плетью. Въ проектѣ Уложенія 1813 г. публичное наказаніе плетью отъ 5 до 100 ударовъ,

¹⁾ С. С. Шашковъ: „Русская реакція“. Полн. собр. сочин. т. II, стр. 351—352.

²⁾ Этотъ эпизодъ приведенъ въ книгѣ д-ра Купера: „Исторія розги во всѣхъ странахъ“, статья д-ра А. З-мъ, стр. 195—196.

сопровожаемое ссылкой на поселение или тюремным заключением, опредѣлили преступникамъ лишь за участіе въ смертоубійствѣ или дракѣ ¹⁾, за истребленіе плода ²⁾, за тѣлесное поврежденіе ³⁾, изнасилованіе ⁴⁾ и немногія другія подобныя преступленія. Съ 1815 года били плетью и ссылали на каторгу еще смертоубійцы, сознавшихся въ своихъ злодѣяніяхъ ⁵⁾.

Въ это-же время отложили для женщинъ, кормящихъ грудью, производство экзекуціи на полтора года со времени разрѣшенія ихъ отъ беременія ⁶⁾.

Наказаніе утратило также съ этихъ поръ свой случайный, деспотическій оттѣнокъ. Извѣстно, съ какой жестокостью карались въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ преступленія «Государево слово и дѣло», какими ужасными пытками и казнями преслѣдовали малѣйшій непочтительный отзывъ о монархѣ и его приближенныхъ. Преступленія эти были отмѣнены еще Петромъ III, но суровое наказаніе уличенныхъ въ этихъ дѣлахъ продолжалось. Съ начала XIX-го вѣка, проявилось иное отношеніе.

Впервые Александръ I приказалъ оправдать одного татарина, приговореннаго за непочтительный отзывъ о Государѣ, казанской уголовной палатой и сенатомъ, къ 20-ти ударамъ кнута, клейменію и вѣчнымъ каторжнымъ работамъ ⁷⁾. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губ. Ермолаевъ, за непристойныя рѣчи противъ Государя приговоренъ былъ палатой къ 40 ударамъ кнута, вырѣзыванію поздрей и ссылке. Тверской губернаторъ Всеволожскій это отмѣнилъ; — крестьянинъ ругался съ пьяна, и его, по мнѣнію губернатора достаточно было побить на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. За такое послабленіе губернаторъ получилъ выговоръ отъ сената; рѣшеніе палатой было утверждено, за исключеніемъ вырѣзанія поздрей, которое уже по закону больше не примѣнялось. Государь на этомъ дѣлѣ постановилъ такую резолюцію «Быть по сему. А крестьянину Ермолаеву, объявя ему приговоръ, простить» ⁸⁾.

Подобнымъ же образомъ поступалъ съ такими преступниками и Николай Павловичъ. Въ 1828 г. въ гор. Бѣляевѣ обязанности дьячка одной церкви исполнялъ Калужскій мѣщанинъ Рыбниковъ. Во время сутубой

¹⁾ Проектъ 1813 г. Гл. I, ар. V, § 346, 356.

²⁾ Проектъ 1813 г. Гл. I, ар. V, § 390.

³⁾ Проектъ 1813 г. Гл. I, ар. V, § 463.

⁴⁾ Проектъ 1813 г. Гл. I, ар. V, § 479.

⁵⁾ П. С. З. 325, 891, г. 1815.

⁶⁾ П. С. З. XXXII, 29773.

⁷⁾ Чтеніе об-ва ист. и древн. 1871 г. 2. Смѣсь.

⁸⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“, стр. 379.

экте́ни онъ вдругъ не захотѣлъ пѣть «Господи помилуй» и закричалъ «Самъ ты пой, а я не хочу, что такое за Императоръ и что за Николай Павловичъ. По нашему Никола, и не Императоръ, а просто Государь». Рыбникова отдали подъ судъ. Магистратъ опредѣлилъ его наказывать плетью и отдать въ общество. Но Императоръ простилъ его ¹⁾).

Однажды пьяный мужикъ, войдя въ харчевню, не снялъ шапки, сталъ кричать и браниться. Хозяинъ сказалъ ему: «что ты дуракъ орешь и шапку не снимаешь, не видишь, чей портретъ здѣсь виситъ». Мужикъ взглянулъ на изображеніе Государя, плюнулъ и закричалъ «плюю на тебя, да и на портретъ тоже». Въ прежнія времена его-бы подвергли великимъ истязаніямъ за такую дерзость. Да и теперь судъ приговорилъ мужика къ кнуту и каторгѣ. Но Государь отмѣнилъ это, написавъ только «вмѣсто наказанія сказать мужику, что и я плюю на него» ²⁾).

Въ самомъ концѣ царствованія Александра I, въ 1824 году, снова возникъ вопросъ о совершенной отмѣнѣ торговой казни и клейменія. На этотъ разъ его обсуждали въ Государственномъ совѣтѣ. Адмиралъ Мордвиновъ подалъ записку противъ этихъ истязаній:

«Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздражаетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, рѣжетъ по воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣческое; мученіе лютѣйшее всѣхъ другихъ, ибо всѣ другія, сколько-бы болѣзненны опи ни были, всегда менѣе бываютъ продолжительны, тогда какъ для 20-ти ударовъ кнутомъ потребенъ цѣлый часъ и когда извѣстно, что при многочисленіи ударовъ мученіе несчастнаго преступника, иногда невиннаго, продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца. Зрителей менѣе-бы угнетало «когда-бы видѣли острый ножъ въ рукахъ палача, которымъ-бы онъ разрѣзывалъ тѣло человѣческое на полосы вмѣсто того, что онъ просѣкаетъ полосы ударами терзающаго кнута». Мордвиновъ полагалъ, что торговая казнь потому только у насъ такъ долго существуетъ, что правительственные лица никогда при ней не присутствовали. Пока сохраняется кнутъ, бесполезно реформировать наши законы: правосудіе будетъ всегда оставаться въ рукахъ палача. Необходимо какъ можно скорѣй отмѣнить это кровавое зрѣлище, карая преступниковъ выставленіемъ у позорнаго столба въ цѣпяхъ и особыхъ одеждахъ ³⁾).

Также необходимо отмѣнить клейменіе. «Лицо человѣка Всевышній Творецъ оживотворилъ чувствами души и знаменіемъ ума», поэтому

¹⁾ Рус. Архивъ, 1907 г. 2.

²⁾ Разказы о Николаѣ I. Рус. Старина 1891 г. 7.

³⁾ Мнѣніе Адмирала Мордвинова о наказаніи кнутомъ. Читаніе Им. об-ва ист. и древн. 1869 г. 4.

ему «не долженствовало-бы быть мѣстомъ поруганія». Еще можно, въ крайнемъ случаѣ, допустить клейменіе въ руку или плечо. Но при бдительномъ и благоустроенномъ правительствѣ эта мѣра совершенно излишня и предосудительна для уголовного устава. Кромѣ того преступники-злодѣи отыскиваютъ способы уничтожать клейма, «пострадавшіе-же невинно повинуются смиренно страдальческой своей участи и остаются на вѣки съ знаками претерпѣннаго имъ мученія»¹⁾.

Въ Государственномъ Совѣтѣ, при голосованіи отмѣны кнута и клейменія, 13 членовъ высказались въ пользу этой реформы, четверо было противъ, одинъ воздержался. Но варварскія истязанія послѣ такого рѣшенія Государственного Совѣта не уничтожились. Оно оставалось лишь на бумагѣ, не имѣя никакого практическаго значенія.

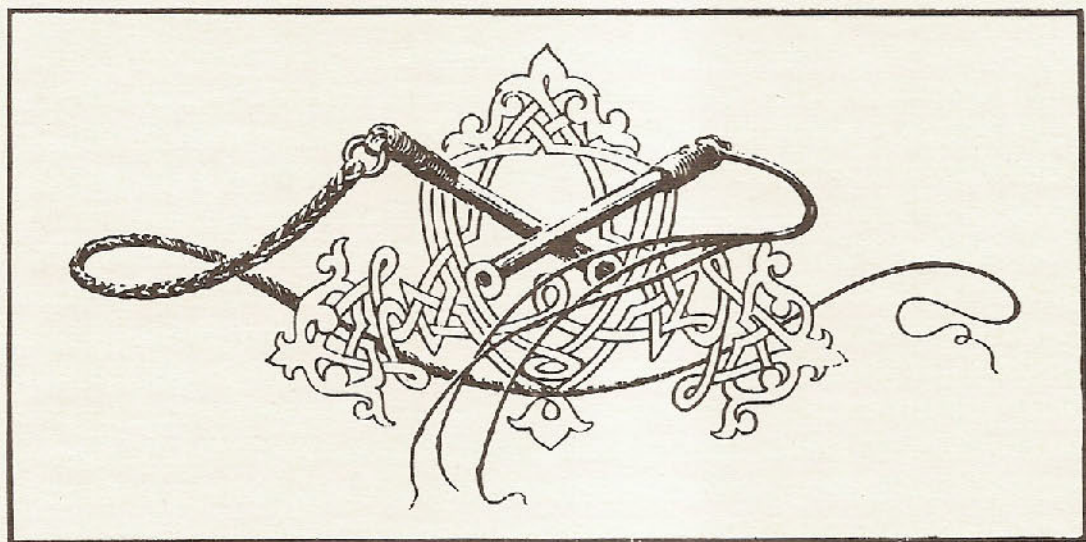

Рис. изъ изд. Сяткина «Великая реформа».

**Сводъ Законовъ
1832 г.**

Находимъ торговую казнь и въ Сводѣ Законовъ 1832 г., гдѣ она встрѣчается въ пятидесяти случаяхъ. Кругъ преступленій, ведущихъ къ кнуту, съ этого времени строго ограничили самыми крупными злодѣянiями, каравшимися до 1753 года смертной казнью.

Кнутъ всегда сопровождался, по своду, клейменіемъ и ссылкой на каторжныя работы. Такъ наказывали: за умышленное богохульство, за богохульство по легкомыслію, совершенное въ третій разъ²⁾, за святотатство³⁾, за преступленія противъ Высочайшихъ особъ⁴⁾, за бунтъ⁵⁾,

¹⁾ Мнѣніе Ад. Мордвинова о клейменіи. Чтеніе Им. об-ва ист. и др. 1859 г. 4

²⁾ Св. Зак. т. XV ст. 182, 183.

³⁾ Св. Зак. т. XV ст. 206.

⁴⁾ Св. Зак. т. XV ст. 217, 218.

⁵⁾ Св. Зак. т. XV ст. 224.

за сочиненіе пасквиля ¹⁾, за поборы и взятки ²⁾, за умышленное смертоубійство ³⁾, за кражу младенцевъ ⁴⁾, за мужеложество съ насиліемъ ⁵⁾, за воровство и грабежъ ⁶⁾.

Число ударовъ въ это время было строго ограничено. Николай I въ 1830 году постановилъ, секретнымъ указомъ не назначать больше 50 ударовъ ⁷⁾. Но очевидно это плохо исполняли непривычные къ

Публичная казнь.
(Изъ собранія Дашкова).

такому милосердію чиновники, такъ какъ съ 1835 года за каждый лишній ударъ судьи должны были платить штрафъ въ 200 рублей ⁸⁾.

Посмотримъ теперь, какъ производилась эта экзекуція въ XIX-мъ вѣкѣ.

¹⁾ Св. Зак. т. XV ст. 238.

²⁾ Св. Зак. т. XV ст. 314.

³⁾ Св. Зак. т. XV ст. 332.

⁴⁾ Св. Зак. т. XV ст. 390.

⁵⁾ Св. Зак. т. XV ст. 677.

⁶⁾ Св. Зак. т. XV ст. 727.

⁷⁾ Тимофеевъ: „Ист. тѣл. нак. въ русск. правѣ“, стр. 170.

⁸⁾ Ц. С. З. 7783, 21 янв. Сенатскій.

Во времена сѣдой древности, какъ извѣстно, преступниковъ просто взваливали на спину помощника палача, или-же водили его по всему городу въ проводку. Все это отошло теперь въ область преданія. Для наказанія былъ приспособленъ особый инструментъ, называвшійся кобыла. Это — толстая доска въ человѣческой ростъ съ тремя отверстиями для шеи и рукъ преступника. Однимъ концомъ кобыла врывалась въ землю. Обнажали преступника до пояса, клали на доску, просовывали его руки въ отверстия, на другой сторонѣ прикручивали ихъ ремнемъ, притягивали къ доскѣ шею, завязывали ноги и начинали наказаніе. Такой способъ сѣченія былъ очень удобенъ; спина преступника на кобылѣ выгибалась впередъ, кожа натягивалась и разсѣкалась подъ первыми-же ударами палача.

Кнутъ, какъ и прежде, готовили изъ ремней бычачьей или коровьей шкуры, тонко нарезанной и заостренной. Для болышей упругости ремни мочили въ молоко, вываривали въ уксусѣ, а затѣмъ сушили на солнцѣ. Иногда, для усиленія боли, кнутъ обтягивали проволокой, закапчивавшейся небольшимъ крючкомъ. Такимъ инструментомъ палачи истязали несчастныхъ, ударяя имъ по тѣлу ¹⁾. У тучныхъ субъектовъ раны образовывались послѣ первыхъ же ударовъ.

Одинъ очевидецъ такъ описываетъ это наказаніе: «Дѣло было очень раннимъ утромъ; тѣмъ не менѣе, когда мы пришли на конную площадь, гдѣ назначено было совершеніе казни, народу было уже тамъ видимо-невидимо. Толпа состояла изъ людей всякаго званія, но преобладало простонародіе. Были тутъ-же и дѣти, которыхъ старшіе поднимали на руки, чтобы имъ было видно. Съ нашего мѣста можно было разглядѣть вдали высокій помостъ, на которомъ стояла «кобыла», а около нея человѣкъ въ красной рубахѣ съ засученными рукавами. Разсмотрѣть лицо его я не могъ за дальностью разстоянія и съ бѣніемъ сердца вслушивался въ раздававшіяся обрывочныя фразы ближайшихъ сосѣдей. Говорили объ искусствѣ палача, что онъ умѣетъ, если захочетъ, однимъ ударомъ забить человѣка на смерть. Гулъ головъ то крѣпчалъ, то ослабѣвалъ; мнѣ чувствовалось въ немъ возбужденное настроеніе собравшейся здѣсь массы людей. Вдругъ гулъ затихъ... Вскорѣ мы замѣтили, что на помостѣ произошло какое то замѣшательство, потомъ все какъ будто пришло въ порядокъ и стало видно, что на кобылѣ распростертъ человѣкъ съ обнаженной спиной. Палачъ, отступивъ отъ него, поправилъ свой засученный рукавъ, издалъ какой-то рѣзкій звукъ и взмахнулъ кнутомъ. Я невольно зажмурился и.... услышалъ отчаянный, пронзительный вопль» ²⁾.

¹⁾ Др. Куперъ: „Исторія розги во всѣхъ странахъ“.

²⁾ „Былое изъ воспоминаній“, Рус. Старина 1901 г. 11.

При усмирении въ 1831 г. бунта военныхъ поселенцевъ экзекуціи кнутомъ подверглись многіе участники. «Приговоренныхъ клали на кобылу по очереди, такъ что въ то время когда одного наказывали, всѣ остальные стояли тутъ-же и ждали своей очереди. Перваго положили изъ тѣхъ, которому назначили 101 ударъ. Палачъ отошелъ шаговъ на 15 отъ кобылы, потомъ медленнымъ шагомъ сталъ приближаться къ наказываемому; кнутъ тащился межъ ногъ палача по снѣгу. Когда палачъ подходилъ на близкое разстояніе отъ кобылы, то высоко взмахивалъ правой рукой кнутъ, раздавался въ воздухѣ свистъ и затѣмъ ударъ... Первые удары дѣлались крестъ на крестъ, съ праваго плеча по ребрамъ подъ лѣвый бокъ, и слѣва направо, а потомъ начинали бить вдоль и поперекъ спины... Во время самаго дѣла, отсчитавши напр. ударовъ 20 или 30, подходилъ къ стоявшему тутъ-же на снѣгу полуштофу, наливалъ стаканъ водки, выпивалъ и опять принимался за работу... Когда наказанный не издавалъ ни стона, никакого звука, не замѣчалось даже признаковъ жизни, тогда ему развязывали руки и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Когда при этомъ находили, что человѣкъ еще живъ, его опять приводили къ кобылѣ и продолжали наказывать» ¹⁾.

Ужасомъ вѣетъ отъ этихъ страницъ. Какія страданія должны были переносить несчастные, пока смерть не приходила ихъ выручать. Отъ жестокаго мороза обнаженные тѣла ихъ кочепѣли, раны растревались, кровь замерзала, или вѣтеръ поднималъ столбы пыли, обсылая обнаженное мясо. Подумать только, что такимъ истязаніямъ подвергали зачастую и женщинъ, и больныхъ, и стариковъ!

Менѣе тяжкимъ наказаніемъ считалась *экзекуція плетми* рукой палача. По своду она назначалась въ 29 статьяхъ за преступленія, которыя раньше карались торговой казнью. Плетми били: за оскорбленіе чиновъ и служителей во время исполненія ихъ обязанностей ²⁾, за сопротивленіе законнымъ властямъ ³⁾, за тяжкія раны и увѣчья ⁴⁾, за скотоложство ⁵⁾, за лживую присягу ⁶⁾, злостное банкротство ⁷⁾ и др.

Это же наказаніе часто употреблялось для усмирения бунтовщиковъ.

Публичное наказаніе плетми обычно назначали съ ссылкой на поселеніе, отдачею въ арестантскія роты, рабочіе и смиренныя дома. Сѣченіе этимъ орудіемъ также было очень мучительно. Кнутъ прорѣзывалъ мясо, а отъ плети тѣло наказываемаго пухло и вздыма-

¹⁾ Воспоминанія Сѣрякова. Рус. Старина 1875 г. сент.

²⁾ Св. З. т. XV, ст. 230.

³⁾ Св. З. т. XV, ст. 243.

⁴⁾ Св. З. т. XV, ст. 362.

⁵⁾ Св. З. т. XV, ст. 678.

⁶⁾ Св. З. т. XV, ст. 751.

⁷⁾ Св. З. т. XV, ст. 743.

лось. Говорятъ, опытный палачъ съ двухъ—трехъ ударовъ могъ довести преступника до потери сознанія.

Чтобы имѣть ясное представленіе объ этомъ инструментѣ, опишемъ его подробно.—Плеть состояла изъ трехъ частей: къ деревянной ручкѣ съ одной стороны было придѣлано желѣзное кольцо, отъ котораго шелъ ременный цилиндръ, длиной около 5 вершковъ, заканчивавшійся тоже кольцомъ, къ которому привязывали два «хвостика» изъ сыромятной кожи. Хвостики постепенно утончались въ діаметрѣ и на концѣ уже были не толще мизинца взрослого человѣка. Въ окончанія хвостиковъ, для увеличенія боли, вдѣлывали свинцовыя пульки или завязывали узлы.

Битье плетью при полиціи считалось исправительнымъ наказаніемъ. По своду 1832 г. оно слѣдовало за неосторожное самоубійство ¹⁾, за дерзость, буйство, безчиніе и побой, гдѣ родительская власть явно оскорбляется ²⁾, за кражу включительно до 100 рублей ³⁾, за тайный ввозъ иностранныхъ товаровъ ⁴⁾ и за другіе проступки.

Кромѣ плетей, исправительнымъ наказаніемъ считалось также *стичіе розгамъ*.

Вообще въ XIX-мъ столѣтіи розги стали у насъ наиболѣе распространеннымъ орудіемъ тѣлесныхъ наказаній. Ихъ употребляли всюду и вслѣдѣ: въ участкѣхъ, въ тюрьмахъ, въ школахъ, въ войскахъ. Это было излюбленное орудіе нашихъ администраторовъ, щедро расточавшееся ими всѣмъ провинившимся. Розги также назначали избивавшимся крестьянамъ по постановленіямъ военныхъ судовъ.

Розги дѣлались изъ тонкихъ прутьевъ, каждый въ 1½ арш. длины. Чтобы ударъ былъ крѣпкій и болѣзненный,—путья брали не слишкомъ свѣжіе, но и не сухіе. Обычно для этого ихъ сохраняли въ сырости мѣстѣ. Розгу дѣлали изъ 10-ти, 15-ти такихъ прутьевъ, связывая ихъ веревкой. Каждая розга хватала только на 10 ударовъ, потомъ она становилась негодной, и ее мѣняли ⁵⁾.

Въ сводѣ законовъ, кромѣ перечисленныхъ орудій тѣлесныхъ наказаній, еще упоминается о *битіи палками, веревками и плеткой по одеждѣ*. Палки замѣнили исчезнувшіе батоги. Въ памятникахъ эти инструменты рѣдко упоминаются.

Итакъ, въ сводѣ законовъ тѣлесныя наказанія занимаютъ самое выдающееся мѣсто. По прежнему они жестоки, разнообразны, обильны. Правда, группы лицъ, избавленныхъ отъ этой кары значительно увели-

¹⁾ Св. З. т. XV, ст. 336.

²⁾ Св. З. т. XV, 658.

³⁾ Св. З. т. XV, 724, 710, 711, 725.

⁴⁾ Св. З. т. XV, 508, 509, 538.

⁵⁾ Студенкинъ: „Запечные мастера“ Рус. Старина 1873 г.

чились. Тѣлесному наказанію по своду 1835 г. и позднѣйшему изданію 1842 г. не подлежали: всѣ дворяне (потомственные¹⁾, личные²⁾, ихъ дѣти³⁾, дворяне иностранные⁴⁾); султаны Сибирскихъ киргизовъ⁵⁾, почетные граждане, купцы первыхъ двухъ гильдій съ женами и дѣтьми при нихъ состоящими⁶⁾; духовенство греко-россійское⁷⁾, ихъ дѣти⁸⁾, жены, вдовы, которыя не перемѣнили своего званія при вступленіи въ новый бракъ⁹⁾, монахи¹⁰⁾, духовныя лица другихъ вѣроисповѣданій¹¹⁾; высшіе чины магометанскаго таврическаго исповѣданія¹²⁾, глава еврейскаго духовенства — Гахамъ¹³⁾. Мѣщане и купцы 3-ей гильдіи могли быть наказаны тѣлесно лишь по приговору уголовного суда¹⁴⁾. Освобождались также нѣжинскіе греки, лица свободнаго податнаго состоянія, окончившія курсъ реальныхъ классовъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческую школу практической экономіи, казенные воспитанники технологическаго института, опредѣленные сельскія должностныя лица и нижніе чины.

Нѣкоторыя облегченія получили еще дѣти. До 17-ти лѣтняго возраста ихъ не могли наказывать публично кнутомъ или плетью. Въ самыхъ важныхъ преступленіяхъ лишь сенатъ имѣлъ право писать малолѣтнимъ приговоры; въ менѣе значительныхъ злодѣяніяхъ эти приговоры постановляли уголовная палата и совѣстные суды. Было опредѣлено отъ 10 до 15 лѣтъ наказывать дѣтей только розгами, а 15—17 лѣтъ плетью. До десятилѣтняго возраста отдавали на исправленіе помѣщикамъ и родителямъ¹⁵⁾. Старики, начиная съ 70 лѣтъ, какъ и прежде, избавлялись отъ истязанія¹⁶⁾.

Все остальное безправное населеніе подвергалось прежнимъ наказаніямъ.

¹⁾ Св. З. 1835 г. т. XV, ст. 82.

²⁾ Св. З. 1835 г. т. XV, ст. 84.

³⁾ Св. З. 1842 г. т. XV, ст. 82.

⁴⁾ Св. З. 1835 г. т. XV, ст. 85.

⁵⁾ Св. З. 1835 г. т. XV, ст. 86.

⁶⁾ Св. З. изд. 1835 г. т. XV, ст. 93.

⁷⁾ Св. З. изд. 1835 г. т. XV, ст. 87.

⁸⁾ Св. З. изд. 1842 г. т. XV, ст. 87.

⁹⁾ Св. З. изд. 1842 г. т. XV, ст. 88.

¹⁰⁾ Св. З. 1835 г. т. XV, ст. 89.

¹¹⁾ См. рѣчь объ угол. нак. Максимовича.

¹²⁾ Св. З. 1835 г. т. XV, ст. 91.

¹³⁾ Св. З. 1842 г. т. XV, ст. 93.

¹⁴⁾ Св. З. 1833 г. т. XV, ст. 93—96 и др.

¹⁵⁾ Св. З. 1833 г. ст. 97—101.

¹⁶⁾ Подробное перечисленіе всѣхъ группъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній см. у Ступина „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи“.

Особенно тягостна была торговая казнь. Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ правительство рѣшило ее отмѣнить, признавъ это наказаніе за вредную и ненужную жестокость; а между тѣмъ на практикѣ ничто не измѣнилось. Въ 40-хъ годахъ подготовляли изданіе новаго Уложенія. Представлялся случай разъ навсегда изъять кнутъ изъ русскаго права.

Вопросъ этотъ горячо обсуждался въ «сферахъ». Нашлись и защитники торговой казни. Знаменитый реакціонеръ графъ Панинъ и нѣкоторые другіе выражали опасенія, что съ отмѣной кнута злодѣи потеряютъ всякій страхъ, что наказаніе это дѣйствительнѣе плети и производитъ на зрителей большее впечатлѣніе. Находились другіе, которые проектировали ввести у насъ для самыхъ тяжкихъ преступниковъ наказаніе связками лозъ, подобно тому, какъ это дѣлалось въ Остзейскихъ губерніяхъ. Велись страстные дебаты. Наконецъ, по волѣ Императора, окончательно постановили исключить торговую казнь изъ новаго Уложенія, замѣнивъ ее увеличеннымъ числомъ ударовъ плетей.

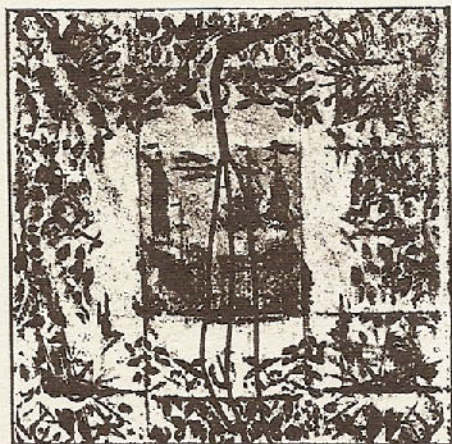
Уложение 1845 г. *(Ѹ изданіемъ Уложенія 1845 г. прекратилось въ Россіи истязаніе кнутомъ).* Это было великое событіе для всего народа, важный шагъ впередъ на пути совершенной отмѣны у насъ тѣлесныхъ наказаній. Рѣзкій свистъ кнута, раздававшійся по утрамъ на площадяхъ городовъ, прекратился навсегда. Палачамъ приказано было зарыть всюду въ землю эти орудія, чтобы самый видъ ихъ не возбуждалъ въ памяти мрачныя картины недавняго прошлаго.

По Уложенію 1845 года самымъ тяжкимъ наказаніемъ была публичная экзекуція плетью, сопровождавшаяся клеймсіемъ и ссылкой на каторгу. Она назначалась за всѣ тѣ вины, за которыя прежде наказывали кнутомъ: за воровство, убійство и т. п.

Удивительная точность въ опредѣленіи наказаній характеризуетъ законы того времени. По Уложенію было намѣчено 7 степеней наказанія. — За самыя значительныя преступленія число ударовъ плетью доходило до 100 и сопровождалось безсрочной каторгой. Далѣе, по степенямъ, количество ударовъ понижалось и доходило въ низшей степени до 30, 40 въ соединеніи съ работами на заводахъ отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ. При замѣнѣ кнута плетью правительство стремилось быть какъ можно пунктуальнѣе и справедливѣе. Разсчитали, что одинъ ударъ кнута въ два, два съ половиной разъ тяжеле одного удара плетью, поэтому вмѣсто 40—50 ударовъ кнутомъ давали 100 плетью.

Но едва ли такое дѣленіе имѣло основаніе. Вѣдь все въ концѣ концовъ зависѣло отъ исполнителя. Если палачъ привязывалъ преступника плотно къ кобылѣ, такъ, что онъ не могъ поднимать плечей, то на 4-мъ или на 5-мъ ударѣ наказываемый умиралъ отъ паралича

сердца. Если-же привязывали слабо, то безъ всякой опасности можно было перенести 99 ударовъ. Зависѣло и отъ силы удара: опытный палачъ могъ и послѣ двухъ взмаховъ плетью лишить чувствъ преступника. Само это орудіе приобрѣло теперь нѣсколько иной видъ. Съ 40-хъ годовъ вмѣсто двухвостки стали дѣлать плеть о трехъ концахъ ¹⁾).

Плеть для наказанія въ XVIII в.
(Изъ исторіи «Прославской мануфактуры»).

съ надписью, крупными бѣлыми буквами, его злодѣянія. (Говорятъ, что отцеубійцамъ и матереубійцамъ накидывали кромѣ того на голову черное покрывало). Потомъ два служителя тюремной команды усаживали преступника на колесницу спиной къ лошадамъ и привязывали его руки и ноги къ скамейкѣ ремнемъ. Затѣмъ кортежъ двигался въ путь. Впереди выступалъ жандармскій унтеръ-офицеръ, за нимъ полувзводъ солдатъ съ барабанщикомъ, далѣе колесница, окруженная жандармами, по два съ каждой стороны; наконецъ другой полувзводъ замыкалъ шествіе.

На мѣстѣ казни къ тому времени былъ ужъ воздвигнутъ высокій помостъ, на которомъ красовался позорный, черный столбъ съ цѣпью и кобыла. Кругомъ тѣснился народъ, ожидая любопытное зрѣлище. Вотъ привезли въ особомъ фургонѣ палачей.... Вслѣдъ за ними подѣзжала колесница съ осужденнымъ. Начиналось съ того, что его подводили къ

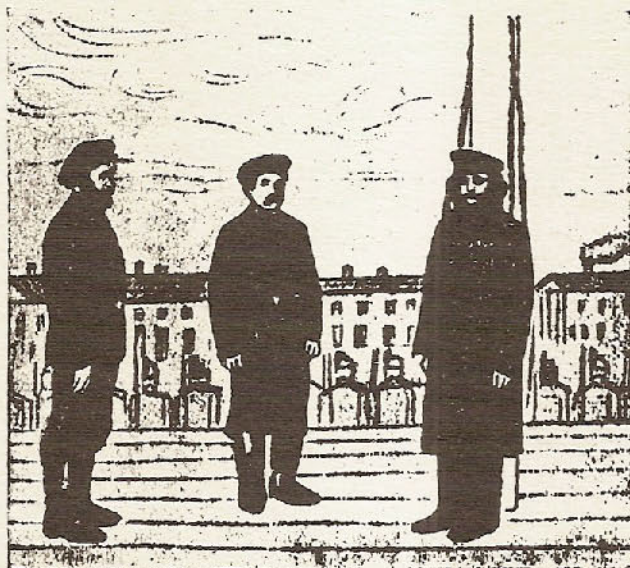
Процедура публичной экзекуціи

совершалась тогда въ слѣдующемъ порядкѣ. Послѣ объявленія приговора, осужденнаго заковывали въ кандалы и отводили въ особую камеру, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ пребывалъ въ одиночествѣ и занимался душеполезными бесѣдами со священникомъ. Въ ночь передъ казнью привозили въ тюрьму позорную колесницу. Рано утромъ въ тюремной конторѣ надѣвали на осужденнаго чистое бѣлье, длинный, черный, суконный кафтанъ и такую же шапку. На

грудь вѣшали деревянную доску

¹⁾ Главный инициаторъ этого нововведенія былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій. Оно совпало съ переводомъ счета денегъ съ ассигнацій на серебро, а, какъ извѣстно, каждый новый серебряный рубль сталъ въ $3\frac{1}{2}$ раза больше рубля ассигнаціоннаго. Это дало поводъ острить, что Перовскій кнутъ съ ассигнацій перевелъ на серебро.

эшафоту и снимали съ него шапку. Онъ слушалъ напутственные слова священника и прикладывался къ кресту. Потомъ поднимался на эшафотъ. По прочтении приговора, на руки осужденнаго, выше локтей, накладывались цѣпи и минутъ на десять выставляли его у позорнаго столба.

Чернышевскій у позорнаго столба.
(Съ рисунка очевидца).

Но вотъ приближался моментъ самой экзекуціи.... Изъ рукъ служителей жертва переходила въ руки палачей. По обычаю требовалось разрывать рубаху осужденнаго до пояса; полуобнаженнаго, его крѣпко прикручивали ремнями къ кобылѣ. Плети давно уже лежали приготовленныя подъ рогожей, въ углу эшафота. Палачи вооружались ими и становились въ ногахъ преступника, ожидая команды. Давали знакъ. Палачъ, стоявшій съ лѣвой стороны, медленно поднималъ плеть, какъ какую-нибудь тяжесть, и съ крикомъ «берегись, ожгу» наносилъ ударъ; за нимъ размахивался его сосѣдъ.

Отсчитавъ на тѣлѣ положенное число ударовъ, палачи прикрывали израненную спину рубахой, накладывали клейма и снова передавали жертву тюремнымъ служителямъ. Теперь оставалось на наказаннаго накинуть халатъ, свести его съ эшафота и уложить на матрацъ, который клался въ фургонъ. Сопровождаемаго стражей, преступника увозили въ больницу ¹⁾.

¹⁾ Г. И. Студенкинъ: „Заплечные мастера“, Русская Старина 1873 г. Липовскій: „Судоустройство и судопроизводство въ Россіи“.

Такимъ порядкомъ по уставу должна была совершаться процедура наказанія. Въ точности ее исполняли, по всей вѣроятности, только въ столицѣ. Въ остальныхъ мѣстахъ она совершалась нѣсколько проще. Заглянемъ опять въ воспоминанія современниковъ.

«Показалась пара заморенныхъ клячъ, запряженныхъ въ дышло и тащившихъ за собою черную, дребезжавшую, на четырехъ колесахъ, телѣгу. На козлахъ сидѣлъ возница въ сѣромъ одѣяніи и сѣрой круглой шапкѣ. Позади возницы, на другомъ сидѣніи, значительно выше, — не менѣе арипина, — спиной къ лошадямъ, сидѣлъ мертвенно-блѣдный человѣкъ въ сѣромъ халатѣ и сѣромъ кругломъ малахатѣ (шапкѣ), съ болтающимися наушниками. Обѣ его руки, въ локтевыхъ суставахъ, были привязаны къ столбикамъ, торчавшимъ по бокамъ сидѣнья. Помню и теперь его блѣдное лицо съ закрытыми глазами, русой окладистой бородой, русыми мокрыми усами. На груди его, на ремешкѣ черезъ шею, висѣла квадратная черная дощечка съ надписью бѣлыми буквами «убійца». На телѣгѣ, у ногъ убійцы, сидѣлъ не менѣе блѣдный священникъ, съ крестомъ въ рукѣ. Позади телѣги шелъ высокій, коренастый, сѣдоватый мужчина въ плисовой потертой поддевкѣ и широкихъ шароварахъ (палатѣ). На головѣ у него надѣта была черная круглая мерлушковая шапка. Черезъ правое плечо на ремнѣ висѣлъ длинный деревянный ящикъ, формой похожій на небольшой гробикъ.

«Грѣшника ведутъ! Грѣшника ведутъ!» — пронеслось шепотомъ въ толпѣ. Грянула барабанная дробь, раздалась какая-то воинская команда, задвигались солдаты, и жандармы на высокихъ лошадяхъ обступили съ трехъ сторонъ двигающуюся телѣгу, на которой, на высокомъ сидѣньи, болтался изъ стороны въ сторону, блѣдно-сѣрый человѣкъ. Двое солдатъ барабанщиковъ пошли впередъ лошадей, саженой на десять и, не переставая, выбивали барабанную дробь...

Съ грохотомъ подъѣхала черная телѣга къ эшафотной лѣсенкѣ и остановилась. Блѣдный батюшка, сидѣвшій у ногъ несчастнаго, торопливо поднесъ къ губамъ «грѣшника» святое распятіе, соскочилъ съ телѣги и скрылся въ толпѣ. На мѣсто батюшки на телѣгу поднялся тотъ здоровенный, высокій, сѣдоватый человѣкъ, съ коробкой черезъ плечо, который все время неотступно слѣдовалъ за телѣгой осужденнаго. Онъ казался громаднымъ темнымъ столбомъ сравнительно съ скрючившимся, съжившимся, привязаннымъ за локти сѣрымъ человекомъ. Руки были быстро отвязаны и, поддерживаемый палачомъ, путаясь въ полахъ сѣраго арестантскаго одѣянія, сошелъ или скорѣе, сползъ онъ на землю и по лѣсенкѣ взведенъ на эшафотъ.

Раздалась воинская команда: солдаты быстро размѣстились по всѣмъ сторонамъ эшафота въ разстояніи отъ него сажени на три. Позади цѣпи солдатъ, по два на каждой сторонѣ, на своихъ высокихъ лошадяхъ

выстроились жандармы съ обнаженными саблями. Барабанная дробь замолкла. Слѣдомъ за палачомъ и осужденнымъ на эшафотъ, по той-же лѣсенкѣ, взошелъ человекъ въ форменной одеждѣ со шпагой у лѣваго бока. Посрединѣ эшафота эта группа изъ трехъ лицъ остановилась: палачъ и осужденный стояли рядомъ, лицомъ къ лѣсенкѣ, а человекъ въ формѣ впереди.

Раздалась громкая команда, брякнули ружья,—народъ обнажилъ головы. Снялъ свою шапку и палачъ, онъ-же снялъ съ головы осужденнаго его сѣрый малахай, съ болтающимися наушниками, и бросилъ его на платформу эшафота. Показалось русское, круглое, со впалыми щеками, лицо съ коротко стриженными, русыми волосами; сѣрые мертвенно-блѣдные глаза его были закрыты: онъ, видимо не вполне сознавалъ происходящее съ нимъ и едва-ли что нибудь видѣлъ...

«По указу Его Императорскаго Величества»...—началъ читать громкимъ голосомъ форменный человекъ, держа въ рукѣ бумагу. Чтеніе приговора продолжалось не менѣе пяти или семи минутъ. Въ приговорѣ была прописана вина подсудимаго, «убійство», за каковое крестьянину такой-то приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ и наказанію плетью, чрезъ палача, восьмидесятью ударами.

Во все время чтенія приговора и ранѣе, лишь только осужденный взошелъ на помостъ эшафота,—сквозь ряды солдатъ, рѣдкой цѣпью окружавшихъ эшафотъ, приходили десятки и сотни мужскихъ и женскихъ фигуръ изъ простонародья и, приближаясь къ платформѣ, клали мѣдные пятаки, трешки, копѣйки, грошники. Большинство при этомъ сбѣняло себя крестнымъ знаменіемъ. Побрякиваніе мѣди о помостъ одно только нарушало мертвую тишину.

Чтеніе приговора кончилось, форменная фигура сбѣжала съ эшафота. Палачъ взялъ за руки осужденнаго, снялъ съ него сѣрый халатъ, бросилъ на помостъ, подвелъ къ столбу и поставилъ къ нему спиною. Цѣпями, висѣвшими на крюкѣ у столба, приковалъ онъ его за локти.

Окончивъ это дѣло, палачъ снялъ коробку, висѣвшую черезъ плечо, скинулъ съ себя черную, длинную поддевку и очутился въ красной, кумачевой рубахѣ, подпоясанной чернымъ поясомъ. Коробку и поддевку онъ положилъ на помостъ. Затѣмъ онъ снялъ съ своей головы шапку, подъ которой оказался надѣтый на волосы узенькій ремешокъ, чтобы волосы не падали на глаза. Поднявши съ пола деревянную коробку, онъ подошелъ съ ней къ правой сторонѣ платформы и показалъ ее стоявшему тамъ полицейскому чиновнику. Тотъ молча кивнулъ головой. Палачъ отошелъ на середину, раздвинулъ крышку коробки и вынулъ изъ нея два длинныхъ ремня съ пряжками по концамъ и ременную,

крученную трехвостную плеть съ круглой, объемистой, короткой деревянной ручкой,—положилъ ихъ на помость. Движенія его были медленны, размѣрны, неторопливы.

Взмахомъ одной руки онъ поднялъ вдѣланную посреди помоста подвижную доску («кобылу») на 40—50 градусовъ наклона и укрѣпилъ подпоркой, придѣланной съ внутренней стороны на шарнирѣ. Поднявъ затѣмъ съ помоста сѣрый халатъ преступника, онъ разостлалъ его на кобылѣ, внутренней стороною кверху. Несторопливо подошелъ онъ затѣмъ къ стоявшему у столба, отомкнулъ его прикованныя руки, подвелъ къ кобылѣ, снялъ съ него арестантскую куртку и положивъ его на кобылу спиной кверху, началъ припутывать ремнями ноги и руки. Окончивъ это, палачъ опустилъ кобылу съ привязаннымъ къ ней человѣкомъ не болѣе аршина отъ помоста, въ наклонномъ-же положеніи, завернулъ рубаху привязаннаго до головы, опустилъ шаровары и порты до колѣнъ оголилъ спину и заднюю часть... Жутко-мертвая тишина стояла надъ многочисленною базарною толпою. Тихо, какъ мертвые стояли солдаты и жандармы, потупивъ свои суровыя усатыя лица.

Палачъ взялъ въ правую руку плеть, распустилъ концы ея по помосту, наступилъ лѣвой ногой, продернулъ подъ подолшвой, отступилъ шага на два и быстро, съ прискачкою подбѣжавъ вплотную, ударилъ... Ударъ отчетливо и рѣзко раздался въ тишинѣ. Душу раздражающій, пчеловѣческій, дикій, животный вой огласилъ базарную площадь—О-о-о-ой! О-о-о-ой! Ба-т-ю-ш-ки, от-ц-ы, ро-о-д-ные, помилосердствуйте!

Разъ!—воскликнулъ чей-то громкій отчетливый голосъ.

Раздался или, скорѣе, шлепнулся второй ударъ плети по живому тѣлу, и тотъ-же дикій вой огласилъ площадь...

Передъ глазами тысячъ людей на приподнятой эшафотной кобылѣ лежало прикрученное, распростертое тѣло; ни звука, ни стопа...

Чернѣла, какъ уголь, оголенная нижняя часть лежавшаго, и струйки теплой крови медленно стекали на эшафотъ. Палачъ взялъ изъ коробки какой то блеснувшій предметъ, лѣвой рукой приставилъ его ко лбу лежавшаго и, размахнувши правой, ударилъ—голова откатнулась кверху.

Быстро продѣлалъ онъ тоже самое съ правымъ и лѣвымъ вискомъ... Окончивъ «наложеніе клеймъ», палачъ сталъ развязывать ремни, прикручивавшіе лежащаго. Явились два человѣка въ сѣрыхъ курткахъ, подняли несчастнаго, набросили на него его-же халатъ, лежавшій подъ нимъ, сняли съ эшафота, уложили въ приготовленную четырехколесную телѣгу и увезли, уже безъ всякой помпы, должно быть—въ больницу, а можетъ быть, и на кладбище...

Раздалась воинская команда. Солдаты и жандармы повернулись отъ помоста, выстроились и пошли мѣрнымъ шагомъ, но безъ барабаннаго боя.

Масса народа подвинулась къ стѣнкамъ эшафота и жадно слѣдила за всѣми движеніями палача, одиноко оставшагося на платформѣ.

Опять-таки медленно, не торопясь, собиралъ онъ свои орудія казни, валявшіяся на помостѣ, и бережно, даже какъ-бы рисуясь передъ толпой, укладывалъ въ коробку. Надѣвъ скинутую поддевку и шапку, онъ началъ собирать мѣдные пятаки, копейки и гривны, набросанные «несчастному» народомъ. Собравъ ихъ, онъ сосчиталъ и положилъ въ карманъ своихъ широкихъ шароваровъ. Затѣмъ спустился, держа подъ лѣвой мышкой коробку съ инструментами, по лѣстницѣ на землю, гдѣ поджидалъ полицейскій служитель въ форменной сѣрой шинели; съ нимъ онъ и скрылся изъ глазъ толпы ¹⁾».

По обычаю, одна половина бросаемыхъ на эшафотъ подаяній, шла преступнику, другая палачу. Въ Сибири для удобства палачъ всегда растилалъ на помостѣ платокъ, куда падали монеты ²⁾.

Въ серединѣ XIX-го вѣка, передъ самой реформой 1863-го года, замѣчается стремленіе у властей смягчить публичную экзекуцію: удары плетью были спущены со спины на болѣе мягкія части, такъ какъ на этомъ мѣстѣ они были менѣ чувствительны.

Нѣсколько иначе совершалась процедура наказанія въ Лифляндской губерніи. Что касается, въ частности, женщинъ, то Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій генералъ-губернаторы въ концѣ 50 годовъ доносилъ, что въ Лифляндской губ. уголовное наказаніе женщинъ производилось чрезъ палача, на устроенномъ въ публичномъ мѣстѣ эшафотѣ, прутьями, въ Ригѣ только въ будни, утромъ въ 8 часовъ, а въ другихъ мѣстахъ и въ воскресные дни, но по окончаніи богослуженія. При наказаніи преступница становилась у позорнаго столба и поднималась руками вверхъ, спереди прикрывалась передникомъ и получала удары по обнаженной спинѣ, а въ Дерптѣ по задней части и ляжкамъ ³⁾. Къ сожалѣнію не извѣстно, что это былъ за передникъ. Можно думать, однако, что онъ былъ подобенъ фартуку, употреблявшемуся нѣкоторыми помѣщиками Остзейской губ. при наказаніи женщинъ. Этотъ фартукъ, какъ намъ сообщила Л. Кельтъ, дѣлался изъ зеленой матеріи и имѣлъ форму треугольника.

Публичная экзекуція сопровождалась *клеименіемъ*. Въмѣсто прежнихъ знаковъ накладывали теперь буквы К. А. Т. Для прочности натирали ранки особой смѣсью индиго съ тушью.

Вообще, по справедливому замѣчанію кн. Мещерскаго, эта операція была похожа на татуировку индѣйцевъ. Клеили тоже въ Сибири за побѣги ссыльно-каторжныхъ (буквой С. К.), ссыльно-

¹⁾ В. Я. Кокосовъ: „Разсказы о карійской каторгѣ“ стр. 85—96.

²⁾ М. Пыляевъ: „Застѣнокъ, пытки и палачи“. Трудъ 1890. I.

³⁾ В. Л. Винштокъ. „Изъ недавняго прошлаго“ стр. 78.

поселенцевъ (С. П.) и бродягъ (Б.). Имъ накладывали знаки на руки, безъ всякой торжественности, въ тюрьмахъ. Въ 1845 г. 21 июля Государственный Совѣтъ постановилъ, чтобы на бѣглыхъ, на ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцахъ клейменіе производилось—бы однимъ изъ фельдшеровъ, состоящихъ при врачебной управѣ, въ присутствіи чиновника полиціи, уѣзднаго стряпчаго и врача, который былъ отвѣтственъ за правильное наложеніе клеймъ. Въ 1848 году медицинскимъ совѣтомъ была составлена инструкція фельдшерамъ для наложенія клеймъ. Но несмотря на то, что врачи и фельдшера обязаны были надзирать за этой операціей, знаки часто стирались; это дало поводъ возбудить вопросъ: не слѣдуетъ ли такихъ преступниковъ клеймить вторично. Однако, Правительствующій Сенатъ не нашелъ основаній для повторенія подобнаго наказанія ¹⁾).

Итакъ, за самыя тяжкія преступленія, по Уложенію 1845 г., назначались плети, сопровождавшіяся клейменіемъ и ссылкой. Болѣе легкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ были *розги*. Ими сѣкли за все то, за что раньше полагалась плеть, давая за каждые 10 ударовъ плетью 20 розгами, за каждые 40 плетью 100 розгами. За нѣкоторые проступки розги назначались самостоятельно, напр. за перевозъ черезъ рѣку въ опасное время, за разореніе птичьихъ гнѣздъ и т. д. За другія провинности послѣ розогъ отдавали въ арестантскія роты или военную службу. Maximum ударовъ этимъ орудіемъ по Уложенію было 100; далѣе по степенямъ слѣдовало пониженіе, въ каждой степени на 10 ударовъ меньше, чѣмъ въ предыдущей ²⁾).

Кромѣ того розгой могли замѣняться другія взысканія. Напр. дозволялось высѣчь осужденнаго, если заключеніе въ тюрьму, въ смиренныя и рабочіе дома влекло за собой его разореніе; причемъ вмѣсто 3-хъ лѣтъ заключенія въ рабочемъ домѣ назначали 100 ударовъ, 3-хъ лѣтъ въ смиренномъ—80 ударовъ, 2-хъ лѣтъ тюрьмы—60 ударовъ, 3-хъ мѣсяцевъ ареста—30 ударовъ. Отрѣшеніе отъ должности, вычетъ изъ времени службы точно также дозволялось замѣнять поркой ³⁾. Вмѣсто денежнаго штрафа давали отъ 3 до 40 ударовъ малолѣтнимъ ⁴⁾. Для лицъ, неизбѣжныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, по временнымъ правиламъ 23 ноября 1853 г., судебныя и полицейскія мѣста, при выборѣ между нѣсколькими взысканіями, всегда должны были назначать розги ⁵⁾.

¹⁾ Отношеніе Министра Внутреннихъ дѣлъ къ Главноуправляющему II отд по вопросу объ участіи врачей въ наложеніи на преступниковъ клеймъ.

²⁾ Тимофеевъ стр. 215.

³⁾ М. Ступинъ. „Ист. тѣл. нак. въ Россіи“ стр. 76, 77.

⁴⁾ Улож. 1857 г. ст. 96.

⁵⁾ Улож. 1857 г. приложеніе къ ст. 358 § 1. п. 1.

Наказаніе это производилось въ полицейскихъ участкахъ и въ тюрьмахъ, въ присутствіи начальствующихъ лицъ. Сѣкли наказываемыхъ служителя, держали ихъ, одинаково какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, арестанты, или тѣ же служителя. Въ одной только Варшавской уголовной тюрьмѣ при экзекуціи надъ женщинами наказываемыхъ держали только женщины изъ тюремной прислуги или арестантокъ ¹⁾).

Къ лицамъ, раньше избавлявшимся отъ тѣлеснаго наказанія, по Уложенію 1854 г. и позднѣйшей редакціи 1857 г., еще прибавили: литераторовъ, ихъ вдовъ, иностранныхъ гостей, вдовъ потомственныхъ дворянъ, вышедшихъ замужъ за лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, мѣщанъ, станціонныхъ смотрителей и др.

Особенное вниманіе было обращено на освобожденіе отъ этого позора лицъ, получившихъ извѣстное образованіе. Государственный Совѣтъ находилъ, что хотя эти послѣдніе и не принадлежали къ привилегированнымъ сословіямъ, но «по своему положенію въ обществѣ и воспитанію не могли быть подвергнуты сему наказанію безъ тяжкаго для нихъ посрамленія». Поэтому изъяли отъ тѣлесныхъ наказаній окончившихъ гимназіи, среднеучебныя заведенія, высшія учебныя заведенія, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, оставившихъ ихъ не по своей винѣ, домашнихъ учителей, лицъ удостоенныхъ ученой степени, а также семинаристовъ на основаніи того, что они «могутъ быть священниками и учителями или поступить въ гражданскую службу, т. е. для поддержанія въ народѣ уваженія къ духовному сану и для возвышенія въ нихъ самихъ чувства собственнаго достоинства» ²⁾). Освободили также женщинъ, получившихъ званіе домашнихъ учительницъ, или окончившихъ заведенія, состоящія подъ покровительствомъ Государыни Императрицы и членовъ Императорскаго дома. Интересно отмѣтить, что инициатива этого закона принадлежитъ гр. Панину, который впослѣдствіи такъ упорно отстаивалъ сохраненіе для женщинъ тѣлесныхъ наказаній.

Эту же льготу даровало Уложеніе тяжело больнымъ грудной жабой, падучей, грыжей и другими болѣзнями ³⁾). Всѣмъ не достигшимъ 21 года дѣлались различныя послабленія; такъ, дѣти до 7-ми лѣтъ совершенно не подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ. Отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ расправлялись съ ними родители и помѣщики, а всѣхъ остальныхъ могли сѣчь только розгами при полиціи.

Но какъ ни многочисленна была въ рассматриваемую эпоху группа лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, эти послѣднія все-таки были

¹⁾ Матеріалы для исторіи отмѣны тѣл. нак. В. Л. Виницковъ. Юр. Вѣстн. 1892 г.

²⁾ Замѣчаніе членовъ Государственнаго Совѣта.

³⁾ Подробный перечень изъятыхъ лицъ по Ул. 46, 57 г.г. см. у Стуцина.

очень распространены въ то время. Плети и розги постоянно назначались простыми судами; кромѣ того многіе преступники подвергались наказанію *шпицрутенами* по постановленію военныхъ судовъ. Въ Закавказскомъ-же краѣ, гдѣ не было въ обычаѣ подвергать женщинъ публичнымъ экзекуціямъ, по ходатайству главноначальствующаго князя Циціанова, съ 1803 г. *всѣхъ* важнѣйшихъ злодѣевъ, вмѣсто торговой казни, стали гонять сквозь строй ¹⁾.

Въ остальныхъ областяхъ Россіи шпицрутены назначались исключительно по постановленіямъ военныхъ судовъ. Съ 1826 г. этимъ судамъ стали подлежать всѣ лица, замѣшанные въ бунтѣ, и съ этихъ поръ этому наказанію постоянно подвергались взбунтовавшіеся крестьяне. О крестьянскихъ волненіяхъ мы будемъ говорить подробно въ отдѣлѣ административныхъ тѣлесныхъ наказаній, а пока замѣтимъ лишь, что ни одно болѣе или менѣе значительное возмущеніе въ деревняхъ въ эпоху Николая I и отчасти Александра II не обходилось безъ шпицрутенъ и розогъ. Такъ, за холерный бунтъ 1831 г. этому наказанію подвергли 1559 человекъ, изъ нихъ 191 къ 4,000 ударовъ ²⁾. Въ 1861 г. въ Пензенской губ. по постановленію военно-судной комиссіи, подъ начальствомъ ген. Дренякина, 111 бунтовщиковъ прогнали черезъ 100 солдатъ, отъ 2-хъ до 7-ми разъ ³⁾.

Въ областяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, такому тѣлесному наказанію подвергали за всевозможныя преступленія. Вотъ, напримѣръ, воспоминаніе очевидца объ экзекуціи на Уральскихъ заводахъ, произведенной надъ однимъ убійцей; его прогнали сквозь 400 человекъ:

«Помню, день казни Матвѣя былъ теплый, солнечный. Его привели тогда угнетеннаго, въ арестантскомъ одѣяніи на базарную площадь, гдѣ выстроены были улицей два ряда солдатъ по 50-ти человекъ на каждой сторонѣ, съ длиннымъ, около 3-хъ аршинъ, въ правой рукѣ у каждаго солдата прутомъ изъ тальника. Эта постановка солдатъ называлась въ народѣ зеленой улицей. Вотъ по этой-то зеленой улицѣ Матвѣю предстояло пройти съ привязанными къ прикладамъ двухъ ружей руками, съ обнаженной спиной, впередъ и обратно цѣлыхъ три ряда. А между тѣмъ, говорятъ, бывали случаи, что солдаты, по внушенію начальства, забивали преступника на смерть только съ 300 ударовъ...

По приводѣ Матвѣя на площадь, гдѣ кромѣ отряда солдатъ собралась уже огромная толпа народа, былъ прочитанъ при полнѣйшей тишинѣ приговоръ; затѣмъ съ осужденнаго былъ снятъ арестантскій халатъ и

¹⁾ П. С. З. № 20472. 1803 г.

²⁾ Таганцевъ „Русское уголовное право“ ч. II.

³⁾ Рус. Старина 1885, 4.

рубашка. Докторъ освидѣтельствовалъ состояніе его здоровья... Офицеръ скомандовалъ «подать ружья и нагрудникъ». Нагрудникомъ тотчасъ-же повязали грудь Матвѣя. Полицеймейстеръ приказалъ ему приготовиться и дать руки для привязки ихъ къ двумъ поданнымъ, сложеннымъ крестъ на крестъ двумя солдатами ружейнымъ прикладамъ. Матвѣй перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны народу и протянулъ руки къ прикладамъ ружей...

Раздался барабанный бой, а вслѣдъ за нимъ стоны Матвѣя, шедшаго, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, съ привязанными къ прикладамъ ружей руками по зеленой улицѣ. Время отъ времени Матвѣй вскрикивалъ «помилосердствуйте», вѣроятно послѣ сильнаго удара кого-либо изъ солдатъ». Вскорѣ послѣ наказанія онъ умеръ въ госпиталѣ отъ чахотки» ¹⁾).

Порція въ 4000 ударовъ, которую получилъ несчастный мужикъ, еще считали очень умеренной; зачастую назначали больше, доходя до 6000, даже до 11 и 12 тысячъ. Мало кто переносилъ такое наказаніе. Прогнанный въ 50 годахъ въ Москвѣ сквозь строй мѣщанинъ Васильевъ умеръ на третьи сутки послѣ экзекуціи ²⁾). И это случалось сплошь и рядомъ. Иные старательные администраторы додумались до чисто инквизиторскихъ приемовъ. Такъ, въ 1831 г. при усмирении бунта военныхъ поселянъ сѣкли до выпаденія кипека ³⁾). Одного еврея—контрабандиста наказывали шпицрутенами не по спинѣ, а по головѣ ⁴⁾). Трудно вообразить, какія муки испытывалъ несчастный: при каждомъ ударѣ черепъ у него трещалъ, вся кровь прилиwała къ мозгу, глаза вытѣзали изъ орбитъ.

Отъ страшныхъ страданій преступники зачастую подъ ударами теряли сознаніе, ихъ вваливали на телѣжку и продолжали везти дальше сквозь строй.

Разбойниковъ Быкова и Чайкина, долго устрашавшихъ въ 40-хъ годахъ Казанскую губернію своими ужасными злодѣянiями, постановили прогнать одного черезъ 12000, другого черезъ 11000 шпицрутеновъ. Экзекуція производилась при исключительно тяжкихъ условіяхъ. Для наказанія были заготовлены особыя толстыя палки. «Первого повели Быкова, а спустя нѣкоторое время Чайкина, такъ что оба шли другъ за другомъ и, получая удары шпицрутенами, испускали раздрающіе душу крики и стоны. Уже послѣ первой тысячи спины ихъ побагровѣли, покрылись лоскутьями изрубленнаго мяса и спекшейся крови и вспухли. Крики прекратились, слѣлались слабѣе, голосъ какъ-бы

¹⁾ Коеп, Е. К. Савельевъ „Ист. Вѣст.“ 1903 г. 7.

²⁾ Джаншиевъ: „Эпоха Великихъ реформъ“ стр. 187.

³⁾ Джаншиевъ: „Эпоха Великихъ реформъ“ стр. 188, прим. I.

⁴⁾ Тамъ-же.

отказывался имъ служить, и во рту у нихъ пересохло. Несмотря, однако, на все это, полковникъ постоянно побуждалъ исполнявшихъ экзекуцію солдатъ бить преступниковъ сильнѣе. Онъ кричалъ во все горло: «бейте крѣпче, негодяямъ нѣтъ пощады». Тѣхъ-же солдатъ, которыхъ замѣчалъ, немедленно отставлялъ изъ фронта, замѣняя ихъ другими, а виновныхъ въ слабости наносимыхъ преступникамъ ударовъ тутъ-же наказывали тесакомъ по ягодицамъ, приподнявъ фалды мундира.... Быковъ и Чайкинъ извивались подобно змѣямъ, желая облегчить страшную силу сыпавшихся на нихъ ударовъ, но мощныя руки ведшихъ ихъ мускулистыхъ солдатъ удерживали эти порывы». Послѣ 5000 ударовъ докторъ осмотрѣлъ Быкова и нашелъ нужнымъ положить его на телѣжку; солдаты везли ее сквозь строй, и экзекуція продолжалась. Такъ дали ему еще 1000 ударовъ шпицрутенювъ. Чайкинъ вынесъ только 3000 ударовъ, да на телѣжкѣ прибавили ему еще 500. Сама погода не благопріятствовала преступникамъ: сильный вѣтеръ гналъ столбъ пыли и засыпалъ раны несчастныхъ. Оба они умерли въ тотъ-же день»¹⁾.

Вообще, смертныя исходы послѣ такого наказанія были обычнымъ явленіемъ.

По закону, смертная казнь давно была отмѣнена въ Россіи. Императоръ Николай I въ 1827 г. отказался подписать смертный приговоръ двумъ евреямъ, тайно перешедшимъ черезъ Прутъ; онъ постановилъ: «виновныхъ прогнать сквозь тысячу человѣкъ 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ вводить ее». Жалкой ироніей звучать эти слова. Всѣмъ извѣстно, что порція 12000 палокъ была выше силъ человѣческихъ. Въмѣсто того, чтобы предать виновнаго моментальной смерти разстрѣляніемъ или повѣшеніемъ, ему милостиво даровали жизнь, обрекая на адскія муки и долгую мучительную кончину.

Извѣстно, что и другія тѣлесныя наказанія также сплошь и рядомъ оканчивались смертью преступниковъ. Не мало, напримѣръ, злодѣевъ испустили свое послѣднее дыханіе подъ ударами кнута, на кобылѣ. Такъ, между прочимъ, кончилъ свою бурную жизнь и разбойникъ Гусевъ. Онъ бѣжалъ изъ Сибири въ Россію, ограбилъ въ Саратовѣ церковь и былъ приговоренъ къ кнуту. Его привели на торговую площадь, палачъ хотѣлъ его привязать къ кобылѣ, но разбойникъ въ это время закричалъ на весь собравшійся народъ: «Эй, кобылка, кобылка! вывозила ты меня ни одинъ разъ, ну-ка выведи опять». — Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, замѣтилъ палачъ, теперь она тебя не вывезетъ! — Затѣмъ онъ положилъ Гусева на скамейку и съ проме-

¹⁾ „Воспоминанія о пережитомъ“ д-ра А. И. Ильинскаго Рус. Старина 1894, I.

жутками секундъ на 6 началъ съ прискокомъ давать удары. Когда преступника сняли съ кобылы, онъ былъ уже мертвъ. По обычаю все-таки наложили на него клейма, но натирать порохомъ ихъ уже не имѣло смысла ¹⁾).

Спрашивается, какая разница между такими наказаніями и смертной казнью? Возможно ли было сказать, что эта послѣдняя въ Россіи не существовала?

Выживали и благополучно излѣчивались послѣ экзекуціи немногіе, но рѣдко кто оправлялся совершенно. Обычно у наказанныхъ надрывалось здоровье; нѣкоторые послѣ экзекуціи медленно гнили, другіе заражались чахоткой; у женщинъ побой вліяли на половые органы.

Конечно, встрѣчались исключительныя личности, которымъ перенесенныя страданія сходили, какъ говорится, какъ съ гуся вода. Такъ напр. одного арестанта четыре раза гоняли по зеленой улицѣ. Онъ совершенно оправлялся послѣ наказанія и готовился перенести его еще въ пятый разъ ²⁾).

Поистинѣ феноменальную выносливость къ тѣлеснымъ наказаніямъ проявилъ нѣкій арестантъ Василій Брягинъ. Въ теченіе девяти лѣтъ его сѣкли одиннадцать разъ, сѣкли каждый годъ, по два и по три раза въ годъ. Въ первый разъ, когда Брягину было 32 года, онъ «штрахованъ» былъ въ 1774 г. за воровство у Вергніера пожитковъ — плетью; у крестьянина овчиннаго тулупа — батожьямъ; изъ торговой лавки сапоговъ, — плетью и содержаніемъ подъ карауломъ одну недѣлю; въ 1776 году: за кражу разныхъ пожитковъ плетью, и у крестьянина саней и войлоковъ — батогами; въ 1777 году: за полученную отъ невольничества венерическую болѣзнь — батогами; въ 1778 г.: за воровство лошади — плетью; въ 1779 г.: за покражу съ лошади наборнаго хомута — кошками; въ 1780 г.: за воровство изъ лавки денегъ и товаровъ — гоняемъ шпицрутенюмъ черезъ тысячу человекъ восемь разъ; въ 1781 и 1782 г.: за побѣги изъ службы, чинимые въ оныхъ у разныхъ людей воровства, по заключенной въ воинскомъ судѣ сентенціи, приговоренъ къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и посылкѣ въ Томскій заводъ въ каторжную работу вѣчно; а по резолюціи начальника заводовъ, по молодости его лѣтъ, наказаніе кнутомъ замѣнено полугодичнымъ содержаніемъ его подъ карауломъ скованнаго съ употребленіемъ въ работу. За покражу у Вергніерова, Степанова и Завьялова денегъ и пожитковъ на 93 руб. 21¹/₄ коп. (ассигнаціями) и за побѣгъ изъ-подъ караула, по указу изъ кабинета Ея Императорскаго Величества, отъ 17 марта 1785 г. наказанъ прогнаніемъ шпицрутенюмъ

¹⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“ стр. 245.

²⁾ „Мысли и воспоминанія поляка“ Русская Старина 1903, 3.

чрезъ тысячу человѣкъ восемь разъ,—и въ разсужденіи, гдѣ онъ находился уже и прежде въ побѣгахъ и разныхъ воровствахъ и за то наказанъ, однако же, въ раскаяніе оттого не пришелъ и покусился пока впасть въ такія же преступленія, чего ради, дабы восчувствовалъ онъ совершенную жестокость наказанія, отослать въ каторжную работу вѣчно въ Нерчинскіе рудники»¹⁾).

Несомнѣнно Брягинъ страдалъ клептоманіей; но откуда бралъ онъ столько силъ вынести безконечныя сѣченія, какъ не отбили у него легкихъ, какъ не сгнилъ онъ отъ язвъ? Казалось, его тѣло было совершенно нечувствительно къ поркѣ. Испытавъ семь экзекуцій, онъ, ничтоже сумняшеся, польстившись на хомутъ, преспокойно опять подставилъ свою спину подъ новые удары.

Распространеніе Итакъ, по Уложенію 1845 и 1857 г.г., тѣлесныя тѣлесныхъ наказа- экзекуціи вовсе не занимаютъ послѣдняго мѣста. Неній при Николаѣ I. смотря на нѣкоторые сокращенія и изъятія, они еще очень и очень обильно примѣнялись передъ реформой 1863 г.

Этому обстоятельству не мало способствовали также судебныя учрежденія, прославившіяся въ Николаевскія времена своей деморализованностью, взяточничествомъ, волокитствомъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Однажды лихачъ-извозчикъ посадилъ нѣкую дѣвицу легкаго поведенія Боброву. По дорогѣ они разговорились, извозчикъ пробовалъ напрашиваться въ гости, но получилъ отказъ, тогда онъ потребовалъ плату за проѣздъ, но и на это дѣвица не соглашалась. Онъ разсердился, заспорилъ, сорвалъ съ Бобровой платокъ; та не осталась въ долгу, схватила съ него шапку и кромѣ того подала на него въ судъ. Благодаря старанію полицейскаго, покровителя Бобровой, дѣла для извозчика сложились крайне скверно. За сорванный платокъ его публично наказали плетью и сослали въ Сибирь²⁾).

Одного отставного стараго солдата, не имѣвшаго ни копѣйки денегъ, согнали съ квартиры. На послѣдніе гроши онъ пошелъ купить свѣчку, чтобъ поставить передъ иконою. Но, на грѣхъ, соблазнился фарфоровымъ яйцомъ и свѣчей и взялъ ихъ себѣ. Яйцо у него выскользнуло. Его арестовали. Судъ вынесъ приговоръ: лишить всѣхъ правъ состоянія, 20 ударовъ плетью. Несчастный старикъ послѣ второго удара умеръ³⁾).

Дворника Морозова судили по подозрѣнію въ убійствѣ товарища. Онъ былъ невинентъ и ему удалось оправдаться. Но вскорѣ на него

¹⁾ Предписаніе кабинета Нерчинскому горному управленію отъ 29 ноября 1788 г. № 305.

²⁾ „Старый судъ“. Русская Старина 1887 г., 4.

³⁾ Русская Старина, 1874 г., т. 9.

свалилось другое дѣло. Его обвинили въ убійствѣ баронессы Розенъ, скрывшейся безъ вѣсти. Уликъ было мало. Поэтому уголовная палата постановила выслать только Морозова на родину съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу и оставить его подъ сильнѣйшимъ подозрѣніемъ. Но Высочайше приказано «дать Морозову въ тюремномъ замкѣ 4000 шпицрутенонъ и сослать на 4 года въ арестантскія роты, а потомъ на поселеніе». Приговоръ былъ исполненъ. Вдругъ мнимоубитая баронесса разыскалась. Она оказалась жива и невредима. Морозовъ отбывалъ въ то время въ ротахъ послѣдній годъ. Палата представила на Высочайшее Имя ходатайство объ его помилованіи и вознагражденіи за безвинное наказаніе. На это послѣдовало рѣшеніе: «для Морозова сдѣлать не могу ничего, потому что здѣсь видно рука Провидѣнія. Если онъ не виновенъ въ убійствѣ баронессы Розенъ, то по всей вѣроятности виновенъ въ убійствѣ своего товарища. Отъ арестантскихъ ротъ немедленно освободить и выслать на казенный счетъ на родину» ¹⁾).

Могутъ сказать, конечно, что судебныя ошибки случаются всегда и вездѣ. Но въ данномъ случаѣ мы скорѣе имѣемъ дѣло съ личной волей Монарха, чѣмъ съ судомъ. А подумать только, что вынесъ этотъ несчастный, пройдя безвинно черезъ 4000 палокъ и изнывая 3 года въ Сибири...

Не мало и другихъ примѣровъ о невинно наказанныхъ. Особенно интересенъ слѣдующій:— Въ Красноярскѣ убили однажды сидѣльца въ кабакѣ. Мальчикъ-подносчикъ въ ночь, когда совершилось преступленіе, какъ разъ не почевалъ дома. Его заподозрили, арестовали и допрашивали. Мальчикъ сказалъ, что ночевалъ у дяди. На самомъ дѣлѣ онъ былъ въ гостяхъ у одной купеческой дочки, но, не желая срамить дѣвушку, скрылъ истину. Его ложь обнаружилась, судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ кнуту и ссылке. Позже поймали бродягъ-поджигателей; двое изъ нихъ сознались въ убійствѣ кабатчика. Мальчика вернули, заплативъ ему по 5 р. ассигнаціями за каждый напрасный ударъ кнутомъ ²⁾).

Судебные приговоры изобиловали тѣлесными наказаніями:

Секретарь дѣла обдѣлывалъ.

Разрѣшалъ: бить или не бить ³⁾).

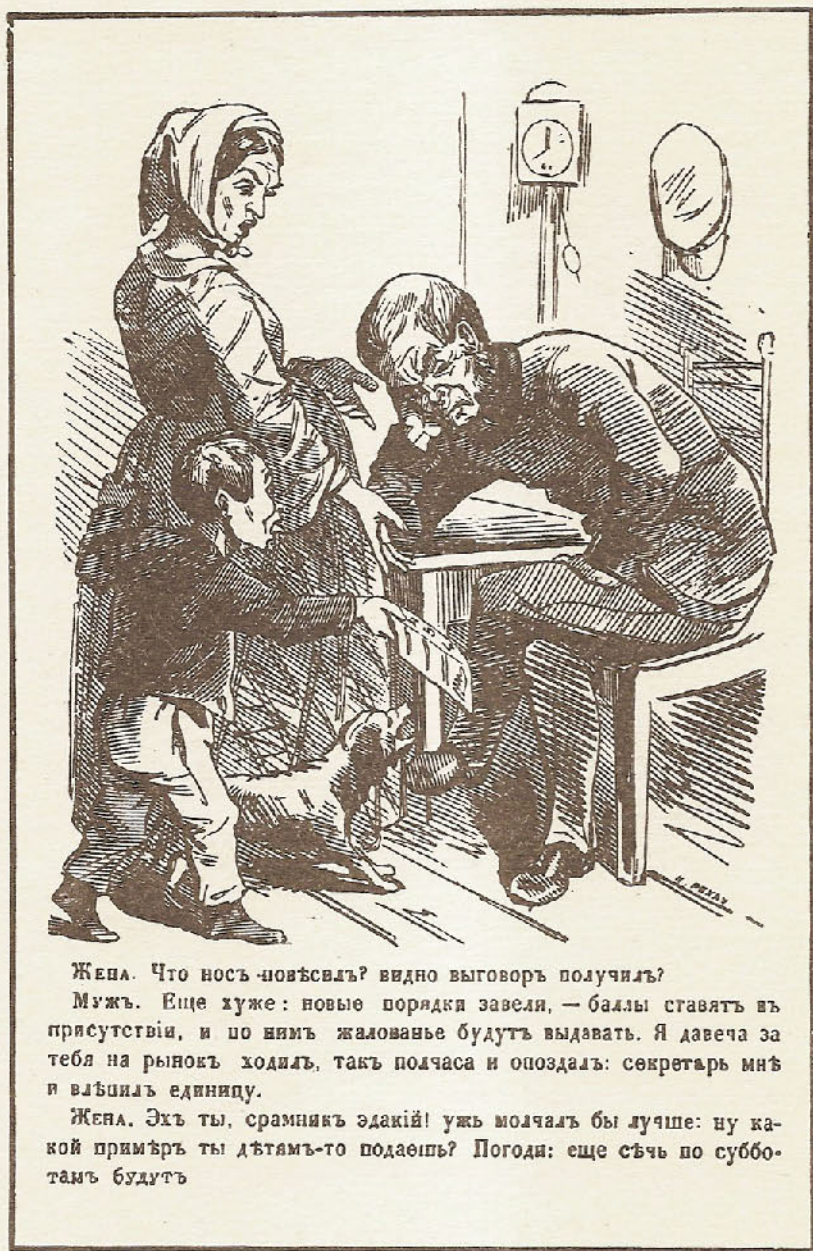
мѣтко выразился какой то поэтъ про юстицію Николаевскаго времени.

¹⁾ Русская Старина, 1874 г. т., 9.

²⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“, стр. 132.

³⁾ Гудакъ, 1862 г., № 36.

Сантиментальничать было тогда не въ модѣ. На начальниковъ, избѣгавшихъ утверждать приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ, смотрѣли какъ на чудаковъ, ихъ вышучивали, высмѣивали. Существовалъ, на примѣръ, анекдотъ про Калужскаго губернатора графа Толстого.

Жена. Что нось новѣсиль? видно выговоръ получилъ?

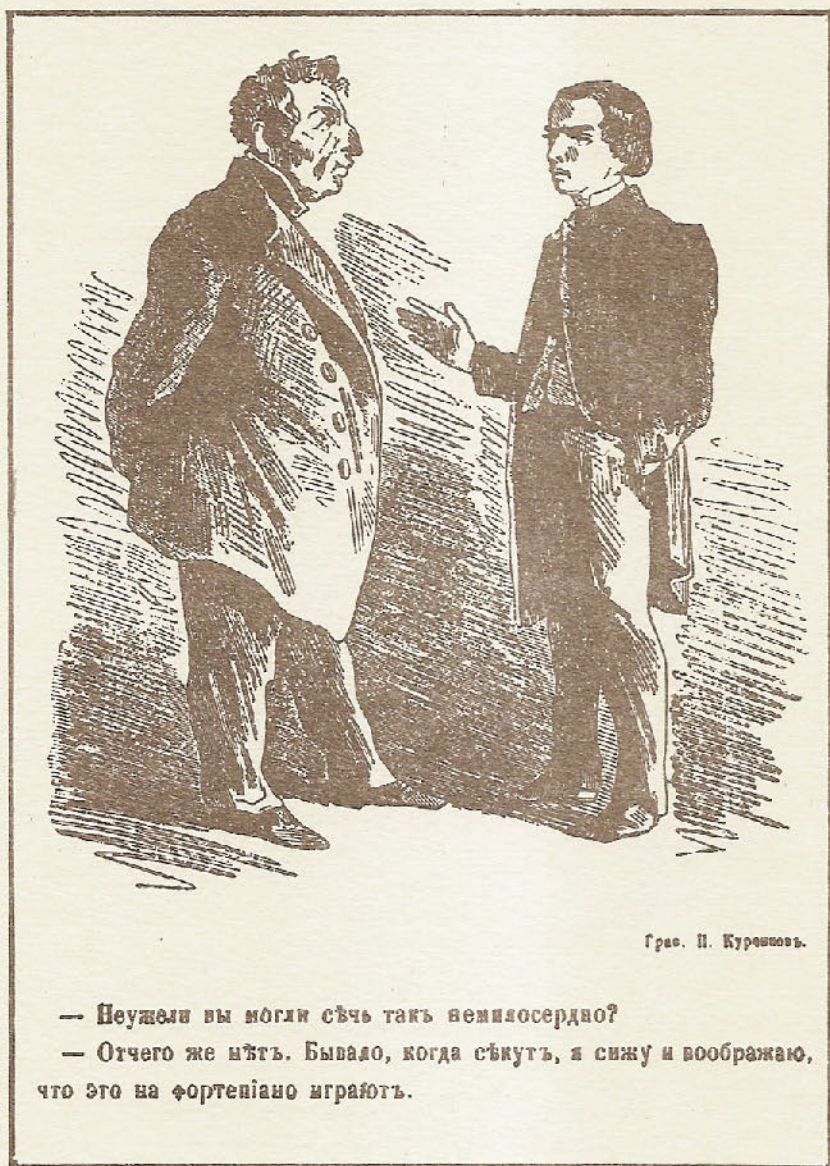
Мужъ. Еще хуже: новые порядки завели, — баллы ставятъ въ присутствіи, и по нимъ жалованье будутъ выдавать. Я давеча за тебя на рынокъ ходилъ, такъ полчаса и опоздалъ: секретарь мнѣ и вѣшилъ единицу.

Жена. Эхъ ты, срамникъ эдакій! ужъ молчалъ бы лучше: ну какой примѣръ ты дѣтямъ-то подаешь? Погоди: еще съѣхъ по субботамъ будутъ

Карикатура изъ „Развлеченья“ 1861 г., № 12.

Однажды на ревизіи, просматривая дѣла, онъ поразился необычайнымъ количествомъ въ приговорахъ розогъ и огромной величинѣ назначаемыхъ ударовъ. Графъ спросилъ дѣлопроизводителя: «можетъ ли чело-

вѣкъ столько вынести)? Тотъ не сумѣлъ ему ничего на это отвѣтить. Тогда губернаторъ рѣшилъ это собственнымъ опытомъ. Онъ отправился въ баню, велѣлъ банщику принести розги и выстѣчь себя. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ закричалъ: «довольно, будетъ». Очень до-

Рисунокъ изъ „Искры“ 1862 г., № 4.

вольный вернулся домой и съ тѣхъ поръ никогда въ приговорахъ не утверждалъ количество ударовъ розгами, превышавшее его собственный опытъ ¹⁾).

¹⁾ Обнинскій: „Розга какъ карательная мѣра“. Юрид. Вѣстн., 1891 г. 5.

Пользуясь своей властью, Императоръ, случалось, разрѣшалъ съѣзды даже лицъ знатнаго происхожденія, по закону не подлежащихъ тѣлесному наказанію.—Въ Петербургѣ, подъ аркой генеральнаго штаба, однажды произошло какое-то замѣшательство, столпилось много экипажей. Въ одномъ изъ нихъ сидѣлъ священникъ, который ѣхалъ съ дарами напутствовать умирающаго. Вдругъ къ нему подлетѣлъ какой то молодой человѣкъ и закричалъ: «батюшка, погоняй». Тотъ ему возразилъ, что не онъ причина задержки. Но юноша не желалъ ничего слушать, схватилъ хлыстъ и ударилъ имъ священника. Исполнивъ свое дѣло, этотъ послѣдній отправился во дворецъ жаловаться Императору. Обидчикъ оказался сыномъ графа К.; Николай Павловичъ собирался сослать его въ Сибирь. Но священникъ заступился за юношу; — не желая губить его, онъ просилъ предать молодого человѣка лишь отеческому взысканію. Графъ К. согласился, Императоръ разрѣшилъ, и юношу высѣкли ¹⁾).

Очевидно, у многихъ людей въ Николаевскія времена отношеніе къ тѣлеснымъ экзекуціямъ почти не отличалось отъ отношенія къ нимъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Все также порку считали нужной, полезной и предпочитали ее всѣмъ остальнымъ карамъ. Томительно долгая эволюція суждена была въ Россіи тѣлеснымъ наказаніямъ!...—Неограниченно господствовали кнутъ и жестокія членовредительства въ Московской Руси. Петръ присоединилъ къ нимъ нѣмецкіе шпицрутены. Далѣе выступаютъ на сцену плети. Онѣ вытѣсняють постепенно батоги, вытѣсняють и кнутъ, и къ половинѣ XIX-го вѣка вмѣстѣ съ розгами начинаютъ играть ту-же роль, которая раньше принадлежала торговой казни и палкамъ. Къ этому времени уже вымирають членовредительства, зарывается въ землю кнутъ, но нисколько не сокращаются все же жестокія и позорныя расправы съ преступниками. «Кнутъ мало по малу сокращался въ числѣ ударовъ, а въ послѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя, въ свою очередь, сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвошены, и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части» ¹⁾), замѣчаетъ Д. А. Ровинскій. И по старому этимъ «усовершенствованнымъ» орудіемъ забивали на смерть такъ-же, какъ и шпицрутенами, по старому публично обнажали женщинъ, и лишь немногіе избранные избавлялись отъ розогъ и трехвостки.

Далѣе станешь ты уличнымъ воромъ,
Будешь захваченъ ты ночью дозоромъ,
Крѣпко тебя за почетный твой трудъ
Руки скрутятъ и въ острогъ отведутъ.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1884 г., 4.

²⁾ Д. А. Ровинскій: „Русскія народныя картины“, т. V.

Тутъ, можетъ быть, тебя другъ мой сердечный
Плетью отпотчуетъ мастеръ заплечный.
И побредешь ты извѣстнымъ путемъ
Въ сѣрой сермягѣ съ бубновымъ тузомъ ¹⁾,

говорится въ одномъ малоизвѣстномъ стихотвореніи.

О количествѣ тѣлесныхъ экзекуцій передъ реформой лучше всего можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: за 1856, 1857, 1858 г.г. было наказано публично плетью однѣхъ только женщинъ въ Московской губерніи 5, въ Петербургской и столицѣ 2, въ Виленской, Гродненской, Ковенской — 21; въ Кіевской, Подольской, Волынской — 13, въ Новороссійской и Бессарабской — 18, въ Оренбургской и Самарской — 8 ²⁾. О жестокости этихъ экзекуцій мы уже довольно говорили. Многіе такую расправу считали необходимой, но многихъ она глубоко возмущала. Избиваемому сочувствовали, жалѣли его и попутно выражали свое недовольство. Само правительство уже ясно сознавало необходимость коренной реформы.

VI.

Исторія отміны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

Указы, предше- Мы видѣли выше, что процессъ отміны въ рус-
ствовавшіе рефор- скомъ правѣ жестокихъ истязаній начался еще во
мѣ 1863 г. времена Императрицы Екатерины II. Совершался онъ
до крайности медленно, съ большими задержками. Несмотря на явную
потребность общества въ коренной реформѣ карательной системы, пра-
вительство приступало къ этому дѣлу боязливо и пожалуй черезчуръ
осмотрительно.

Не мало труда положили передовые люди того времени, чтобы
добиться отміны кнута. Вскорѣ за этимъ, въ 1848 г., министръ вну-
треннихъ дѣлъ приказалъ (но совершенно секретнымъ образомъ), чтобы
при сильныхъ морозахъ, напр. превышающихъ 10°, особенно когда при-
томъ бывасть вьюга или сильный вѣтеръ, «не наказывать» ³⁾. Въ 1851 г.
постановлено, чтобы при экзекуціи всегда находился врачъ, который-бы
въ случаѣ надобности откладывалъ наказаніе ⁴⁾.

¹⁾ К. Ивановъ: „Одинъ изъ многихъ“, Развлеченіе, 1862 г. № 12.

²⁾ В. Л. Винштокъ: „Матеріалы для исторіи отміны тѣл. нак. въ Россіи“. Юрид. Вѣст. 1892 г., 7—8.

³⁾ Предписаніе Управы благочинія 5 іюня 1846 г. Студенкинъ: „Заплечные мастера“. Рус. Стар., 1873 г.

⁴⁾ П. С. З. 25740, г. 1856.

21 февраля 1855 г., по инициативѣ попечительницы тюремнаго комитета Потемкиной, было *отмѣнено тѣлесное наказаніе для осталь сла-
босильныхъ*.

Послѣ этого сталъ на очереди вопросъ объ изъятіи отъ тѣлеснаго наказанія женщинъ. Любопытно еще разъ отмѣтить, что на Кавказѣ

Карикатура изъ журнала „Гудокъ“ 1862 г., № 15.

женщины никогда не подвергались публичной поркѣ, а формально она было тамъ отмѣнена для нихъ лишь въ 1841 г.

Первый заговорилъ у насъ о необходимости этой реформы министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской. Онъ подалъ записку во II-ое отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи. Въ ней Ланской писалъ, «Въ

законодательствѣ нашемъ, при освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія преступниковъ, приняты во вниманіе какъ физическія силы, не всегда достаточныя для перенесенія тягостнаго наказанія, а именно: малолѣтство, старость или болѣзненное состояніе, такъ и общественное ихъ положеніе. Гораздо менѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано для женщинъ-преступницъ, которыя и по естественной слабости своего организма и особенно по общественному положенію своему заслуживаютъ болѣе вниманія. Между тѣмъ наказаніе женщинъ по существующему порядку производится точно такъ-же, какъ и наказаніе мужчинъ. По исполненіи позорнаго обряда (выставленіе на эшафотѣ) преступница раздѣвается палачами до самаго пояса и затѣмъ по голому тѣлу полуобнаженная, получаетъ опредѣленное число ударовъ плетми. Нельзя не сознаться, что обычай выставять взорамъ многочисленной толпы полуголую женщину, иногда дѣвицу, представляется оскорбительнымъ для женскаго цѣломудрія и несовмѣстнымъ съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ женщина въ современномъ обществѣ. И если законъ освобождаетъ женщину отъ наложенія клеймъ ¹⁾, что вовсе не заключаетъ въ себѣ столь сильнаго посрамленія, то скорѣе слѣдовало-бы освободить ихъ отъ публичнаго наказанія чрезъ палачей, замѣнивъ это наказаніе хотя-бы наложеніемъ клеймъ, которое менѣе позорно, чѣмъ публичное наказаніе полунагихъ чрезъ палачей» ²⁾.

II-е отдѣленіе не раздѣляло мнѣніе Ланскаго. Ему возражали, что народъ сроднился съ публичной экзекуціей, которой караются осужденныя въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, что затруднительно придумать, чѣмъ можно замѣнить ее. Клейменіе не можетъ быть восстановлено для женщинъ. Послѣ наказанія въ Сибири она можетъ вступить въ бракъ, а знаки на лицѣ ее осрамятъ на всю жизнь. Но допустимъ, что клеймо можно накладывать на лопатки, тогда придется обнажать преступницъ какъ и при тѣлесномъ наказаніи. Во всякомъ случаѣ, для проведенія этой мѣры необходимо собрать мнѣнія начальниковъ губерній. Что и было исполнено.

Полученные отвѣты крайне интересны. Всѣ безъ исключенія согласились съ Ланскимъ, что отмѣна публичнаго тѣлеснаго наказанія для женщинъ необходима. Петербургскій и Новороссійскій генералъ-губернаторы шли еще дальше, выражая желаніе, чтобы отмѣна эта простиралась и на мужчинъ; хотя ее возможно провести только при условіи уничтоженія крѣпостнаго права ³⁾, устройства исправительныхъ заве-

¹⁾ Какъ извѣстно, женщинъ перестали клеймить еще въ половинѣ XVIII-го вѣка.

²⁾ Бинштокъ: „Матеріалы для отмѣны тѣлеснаго наказанія“, Юрид. Вѣстн. 1892 г. 7—8.

³⁾ Мнѣніе Новороссійскаго ген.-губ.

лений и одиночных заключений, гдѣ бы преступники могли работать ¹⁾).

Остальные правители губерній были скромнѣе въ своихъ желаніяхъ. Большинство изъ нихъ стояло даже за сохраненіе исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній для женщинъ. Что-же касается публичныхъ истязаній,—согласились, что они должны быть уничтожены. (Ихъ предполагали замѣнить увеличеніемъ срока работъ, сѣченіемъ розгами при полиціи ²⁾), или-же по старому привозить ихъ на площадь, но только для выслушиванія приговора и выставленія у позорнаго столба ³⁾).

Московскій генераль-губернаторъ писалъ: «Наказаніе плетью, особенно женщинъ не имѣетъ на публику; не исключая и лицъ высшаго сословія, такого впечатлѣнія, которое могло-бы удержать отъ преступленія. Во многихъ наказаніе это возбуждаетъ состраданіе, производитъ грустное впечатлѣніе и они становятся на сторону преступника, который по ихъ мнѣнію наказывается слишкомъ жестоко. Публичное-же наказаніе женщинъ въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ производится, оскорбляетъ чувство стыдливости въ самой публикѣ, когда на эшафотъ является женщина и публично обнажаютъ тѣ части ея тѣла, которыя бывають всегда скрыты».

«Между простымъ народомъ есть много людей, которые считаютъ за стыдъ и грѣхъ смотрѣть на публичное наказаніе женщинъ,—писалъ С.-Петербургскій правитель губерніи,—изъ толпы при каждомъ публичномъ наказаніи бросаютъ на эшафотъ деньги, и нерѣдко бывали случаи, что старались подкупить палачей, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить участь преступника. Изъ двухъ преступницъ, наказанныхъ въ С.-Петербургской губерніи въ теченіе 1855, 56, 57 г. публично, крестьянская дѣвушка деревни Мензоши Матрена Васильева приговорена была за умерщвленіе плода къ наказанію 10 ударовъ плетью черезъ палача и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Приготовленіе къ наказанію ея произвели чрезвычайное волненіе въ народѣ. Нѣсколько крестьянъ приходили въ земскій судъ просить ее въ замужество, полагая этимъ избавить ее отъ наказанія рукой палача. Люди эти совершенно не знали Васильеву, и только одно состраданіе побудило ихъ къ подобной просьбѣ».

Кіевскій губернаторъ докладывалъ, что это наказаніе можетъ произвести впечатлѣніе только на честныхъ людей, впадающихъ нечаянно въ преступленіе, а закоренѣлыхъ преступниковъ оно заставляетъ только быть осторожнѣе.

Генераль-губернаторы Новороссійскій и Бессарабскій говорили, что публичное наказаніе сначала вызываетъ у зрителей страхъ, потомъ,

¹⁾ Мнѣніе Петербургскаго ген.-губ.

²⁾ Мнѣніе Московскаго ген.-губ.

³⁾ Гродненскаго, Ковенскаго.

Графъ В. И. Панинъ.

когда преступника выставляют у позорного столба, онъ смѣняется отвращеніемъ, и наконецъ во время самаго наказанія пробуждается у зрителей жалость, особенно, если бьютъ женщину.

Генераль-губернаторы Западной и Восточной Сибири признавали вполне цѣлесообразнымъ отмѣнить публичное тѣлесное наказаніе также и для ссыльныхъ женщинъ. Эта мѣра, по ихъ мнѣнію, должна была послужить къ исправленію самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ. «Одно уже отрадное чувство, что они не получаютъ тѣлеснаго наказанія, подвергающее ихъ въ глубокое униженіе, можетъ пробудить въ нихъ уваженіе къ самой себѣ и подавить въ нихъ порочныя склонности»¹⁾. «Взамѣнъ этого наказанія можно привязывать провинившуюся къ позорному столбу съ поднятыми надъ ней орудіями наказанія, прочитать приговоръ, затѣмъ въ тюрьмѣ, въ присутствіи арестантовъ, а главнымъ образомъ арестантокъ, наказывать плетью»²⁾.

Эти отзывы начальниковъ губерній представляютъ огромный интересъ. Реакціонеры кричали, что безъ порки обойтись невозможно. А представители администраціи, которыхъ казалось-бы нельзя упрекнуть въ излишнемъ либерализмѣ, съ неопровержимой ясностью доказали, насколько тягостно было для всѣхъ позорное истязаніе, какъ всѣ ждали реформы и насколько она была неотложна.

Ланской представилъ Государю всѣ эти мнѣнія вмѣстѣ съ собственной запиской о необходимости отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Александръ II-ой 6-го іюля 1861 г. приказалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ представить свои соображенія по этому вопросу.

Наряду съ этимъ, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній дебатировался у насъ въ связи съ крестьянской реформой. Въ 1858 г. Я. И. Ростовцевъ заявилъ Александру II-му, что въ новомъ положеніи о крестьянахъ «о наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: это было бы пятномъ настоящаго законодательства». Нѣкоторые дворянскіе комитеты также стояли за совершенную отмѣну розги среди крестьянъ. Меньшинство Московскаго комитета, оба Владимірскіе, стояли за немедленное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній во всѣхъ его видахъ. Однако, многіе были и противъ. Самарскій комитетъ предложилъ представить крестьянамъ право откупаться отъ розогъ, считая по 30-ти к. за каждый ударъ. Но главную оппозицію этой реформѣ выразилъ предсѣдатель Редакціонной комиссіи В. И. Панинъ. Онъ горячо отстаивалъ сохраненіе тѣлеснаго наказанія въ крестьянской средѣ не только

¹⁾ Мнѣніе ген.-губ. Западной Сибири.

²⁾ Мнѣніе ген.-губ. Восточной Сибири. См. В. Л. Бинштокъ „Матеріалы для отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи“. Юрид. Вѣстн.

для мужчинъ, но и для женщинъ. Въ доказательство онъ, между прочимъ, привелъ примѣръ, какъ одна крестьянка не допустила мужа къ половому сношенію, а «какъ-же не посѣчь такую женщину» ¹⁾. Старанія гр. Панина увѣнчались успѣхомъ: крестьяне освободились отъ крѣпостной зависимости, но розга сохранилась въ ихъ средѣ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ ²⁾.

Реформа 17-го апрѣля 1863 г.

19 февраля 1861 г. Русь освободилась отъ рабства. Теперь стала на очереди отмѣна въ Россіи тѣлесныхъ наказаній. Почва для этой реформы была достаточно подготовлена. Вопросъ назрѣлъ. Требовался лишь внѣшній толчекъ для его разрѣшенія.

Кн. Н. А. Орловъ.

Въ мартѣ 1861-го г. кн. Н. А. Орловъ подалъ Государю записку объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и Царствѣ Польскомъ. Основныя положенія этой записки слѣдующія: въ Россіи тѣлесное наказаніе служитъ фундаментомъ всей карательной системы, между тѣмъ оно есть зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніи. Философы, юристы, государственные люди всѣхъ

¹⁾ „Матеріалы для ист. управл. крѣп. пр.“. Т. III, стр. 80.

²⁾ Въ Редакціонномъ комитетѣ это прошло большинствомъ одного голоса.

временъ признавали тѣлесное наказаніе безнравственнымъ и бесполезнымъ истязаніемъ, а «у насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить». Въ Россіи дальнѣйшее сохраненіе тѣлеснаго наказанія прямо опасно, «мы не далеки отъ того времени, когда оно будетъ приводить къ сопротивленію или самоубійству. Плети, клейменіе и розги должны быть отмѣнены». Въ настоящее время изъ челоуѣколюбія стараются уменьшить въ приговорахъ число ударовъ розгами; этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему уничтожаютъ достоинство челоуѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Въ войскѣ тѣлесное наказаніе тоже должно быть отмѣнено. «Прогнаніе шпицрутенами... ссть такая же квалифицированная смертная казнь, какъ колесованіе и четвертованіе... солдатамъ давно уже стала отвратительна роль палачей».

Государь передалъ записку Орлова въ комитетъ при II-мъ отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ и приступили къ ея обсужденію. Прежде всего нашли нужнымъ узнать мнѣніе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскѣ у военнаго и у морского министра. И тотъ и другой признавали эту реформу вполне своевременной. Военный министръ, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, соглашался немедленно отмѣнить шпицрутены, но стоялъ за сохраніе розги для солдатъ, до 300 ударъ.

Гораздо рѣшительнѣе высказался морской министръ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ немъ князь Орловъ нашелъ горячаго защитника и покровителя своихъ взглядовъ. «Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ-подъ личной зависимости помѣщиковъ, — писалъ онъ, — необходимо принять другую систему; это необходимо въ чувствахъ челоуѣчества, а именно: для предупрежденія конечной порчи нравственности, но и для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ... Ни жестокость тѣлесныхъ наказаній, ни частое употребленіе розогъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а напротивъ, жестокость ихъ и частое употребленіе ихъ могутъ ослабить силу военной дисциплины», и въ силу этого необходимо немедленно отмѣнить тѣлесное наказаніе какъ по военному, такъ и по гражданскому вѣдомству.

Комитетъ, съ своей стороны, вполне соглашался съ доводами князя Орлова; онъ полагалъ слѣдующее: правительство не имѣетъ цѣлью теперь только устрашать преступниковъ, оно стремится ихъ исправить, а тѣлесныя наказанія не соответствуютъ ни достоинству челоуѣка, ни духу времени, ни успѣхамъ законодательства; статистика показываетъ, что съ отмѣной кнута преступленіе только уменьшилось. Поэтому комитетъ считалъ возможнымъ отмѣнить жестокія истязанія, оставивъ лишь розги, въ случаѣ если встанутъ какія либо непреодо-

лимья препятствія къ проведенію этой мѣры въ данный моментъ. Женщины должны быть изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, за исключеніемъ ссыльныхъ, подлежащихъ сѣченію розгами. Плети и клейма должно сохранить только для ссыльныхъ мужчинъ.

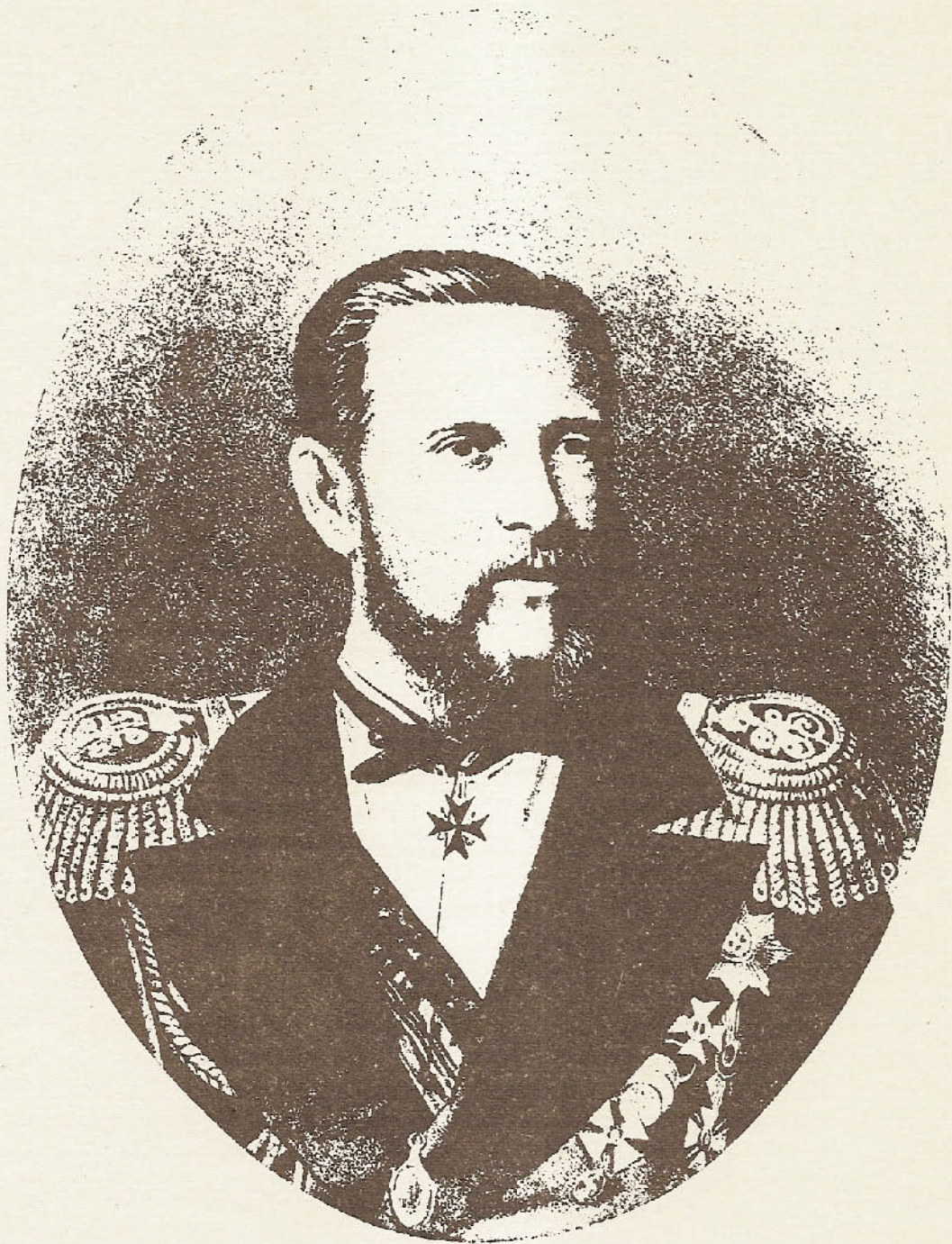
Это предложеніе комитета было разослано высшимъ должностнымъ лицамъ и министрамъ для оцѣнки.

Горячо воспротивились готовящейся реформѣ государственный контролеръ генераль-адъютантъ Анненковъ, министръ юстиціи графъ Панинъ, московскій митрополитъ Филаретъ и главно-управляющій путями сообщенія Чевкинъ.

Анненковъ, съ точки зрѣнія типичнаго реакціонера, органически пугающагося всякаго нововведенія, ненавидящаго все, что мало-мальски нарушаетъ привычный укладъ жизни, съ которымъ сроднились, заявилъ, что въ данный моментъ, когда идетъ преобразование всѣхъ сторонъ государственнаго быта, когда вслѣдствіе политической смуты нѣсколько губерній объявлено на военномъ положеніи, всякое измѣненіе уголовной системы и исправительныхъ наказаній несвоевременно. Даже всякое заявленіе по этому поводу правительства опасно и вредно, потому что возбужденные вопросы могутъ ослабить страхъ наказанія, поколебать власть и совершенно ее парализовать.

Графъ Панинъ уже не разъ заявлялъ себя горячимъ сторонникомъ самыхъ жестокихъ карательныхъ мѣръ; онъ остался вѣренъ себѣ и въ данномъ случаѣ. Его доводы сводятся къ слѣдующему: внезапный переходъ отъ болѣе жестокихъ мѣръ къ болѣе кроткимъ можетъ поколебать страхъ наказанія. Въ народномъ понятіи только одно тѣлесное наказаніе возбуждаетъ страхъ. Различныя сословія въ государствѣ пользуются разными правами; ради самой справедливости необходимо для людей низшихъ классовъ при ссылкѣ усилить наказаніе, такъ какъ они теряютъ меньше правъ. Мы помнимъ, какими убѣдительными доводами отстаивалъ графъ сохраненіе тѣлеснаго наказанія для женщинъ-крестьянокъ въ Редакціонной комиссіи. И тутъ его доказательства не менѣе убѣдительны. Говорятъ о нравственномъ посрамленіи женщины, когда ее выставляютъ полуголую для наказанія, но «женщины совершаютъ часто преступленія, обнаруживающія еще болѣе разврата въ лицахъ, къ ихъ полу принадлежащихъ, чѣмъ въ мужчинахъ, совершающихъ подобныя преступленія, или позволяютъ себѣ дѣйствія, явно свидѣтельствующія объ отсутствіи всякой стыдливости».

Тѣмъ не менѣе, и этотъ розголюбъ долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки. Онъ призналъ, что публичное тѣлесное наказаніе для женщинъ можно отмѣнить и наказывать ихъ на половину противъ мужчинъ изъ уваженія къ ихъ слабому сложенію. Шпирутены и плети для ссыльныхъ сохранить до новаго уложенія о ссыльныхъ, убавить

Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

количество ударовъ, нѣсколько сократить истязаніе розгой, клеймить лишь въ плечо. Вотъ и все, на что онъ могъ, скрѣпя сердце, согласиться.

Но всего любопытнѣе защищалъ тѣлесное наказаніе митрополитъ Филаретъ.—«Вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ, стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія... христіанство одобритъ сію кротость. Если Государство найдетъ неизбѣжнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, употребить тѣлесное наказаніе: христіанство не осудитъ сей строгости». Чтобы доказать неопровержимость своего взгляда, Филаретъ ссылается далѣе на законы.. Моисея. «Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесное наказаніе дѣйствуетъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ, чрезъ Моисея, узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: числомъ четыредесять ранъ да наложить ему (Втор. XXV. 3), съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа». Несправедливо полагаютъ, что тѣлесное наказаніе лишаетъ преступника чувства чести. «Тюремное заключеніе виновнаго не менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство чести, нежели тѣлесное наказаніе.... Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей, замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унижительное наказаніе, симъ удовлетвореніемъ правосудія укрѣпляются въ надсждѣ небснаго прошенія, и побуждаются къ исправленію... Апостолы, претерпѣвъ отъ Синедріона безвинно тѣлесное наказаніе, идяху радуящеся отъ лица Собора, яко за Имя Господа Іисуса сподобилися безчестіе пріяти (Дѣян. V. 41). Апостоль Павель пишетъ къ Коринѣянамъ: трижды палицами біенъ былъ (2 Кор. XI. 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя передъ ними». Говорятъ, что тѣлесное наказаніе можно замѣнить тюремнымъ заключеніемъ, но тогда «потребовалось бы построить и содержать почти городъ тюремный».

Страстные рѣчи почтеннаго іерарха невольно вызываютъ недоумѣніе: что побуждало его такъ яростно выступать въ защиту тѣлеснаго наказанія? Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, насилуетъ догматы христіанства, хватается за Ветхій завітъ, за примѣръ Апостоловъ. Это не есть трусливый лепетъ робкаго реакціонера, это не зlostные выкрики упрямаго розголюбца, это проповѣдь горячаго сердца, пылкаго темперамента, твердо вѣрующаго въ свою правоту.

Но перейдемъ къ другимъ отзывамъ. Громадное большинство высказало свою полную солидарность съ предложеніемъ комитета. Возражали лишь въ мелочахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, сановникъ очень умѣренныхъ взглядовъ, скорѣе консерваторъ, чѣмъ либераль, оказался всецѣло на сторонѣ лѣваго теченія. Онъ писалъ: «положеніе

человѣка, совершившаго преступленіе, есть положеніе ненормальное, только не въ физическомъ, а въ нравственномъ отношеніи, а потому и приведеніе такого человѣка въ нормальное состояніе т. е. исправленіе преступника должно быть не физическое, а нравственное.... Тѣлесныя же наказанія скорѣе ожесточаютъ, чѣмъ исправляютъ». Онъ стоялъ за совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній для женщинъ и особенно настаивалъ на прекращеніи клейменія.

Взгляды Великаго Князя Константина Николаевича извѣстны. Эта свѣтлая и гуманная личность всегда была на сторонѣ правды и прогресса. Онъ тоже считалъ, что женщины должны быть изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и говорилъ о необходимости предавать чиновниковъ суду за розги и побои.

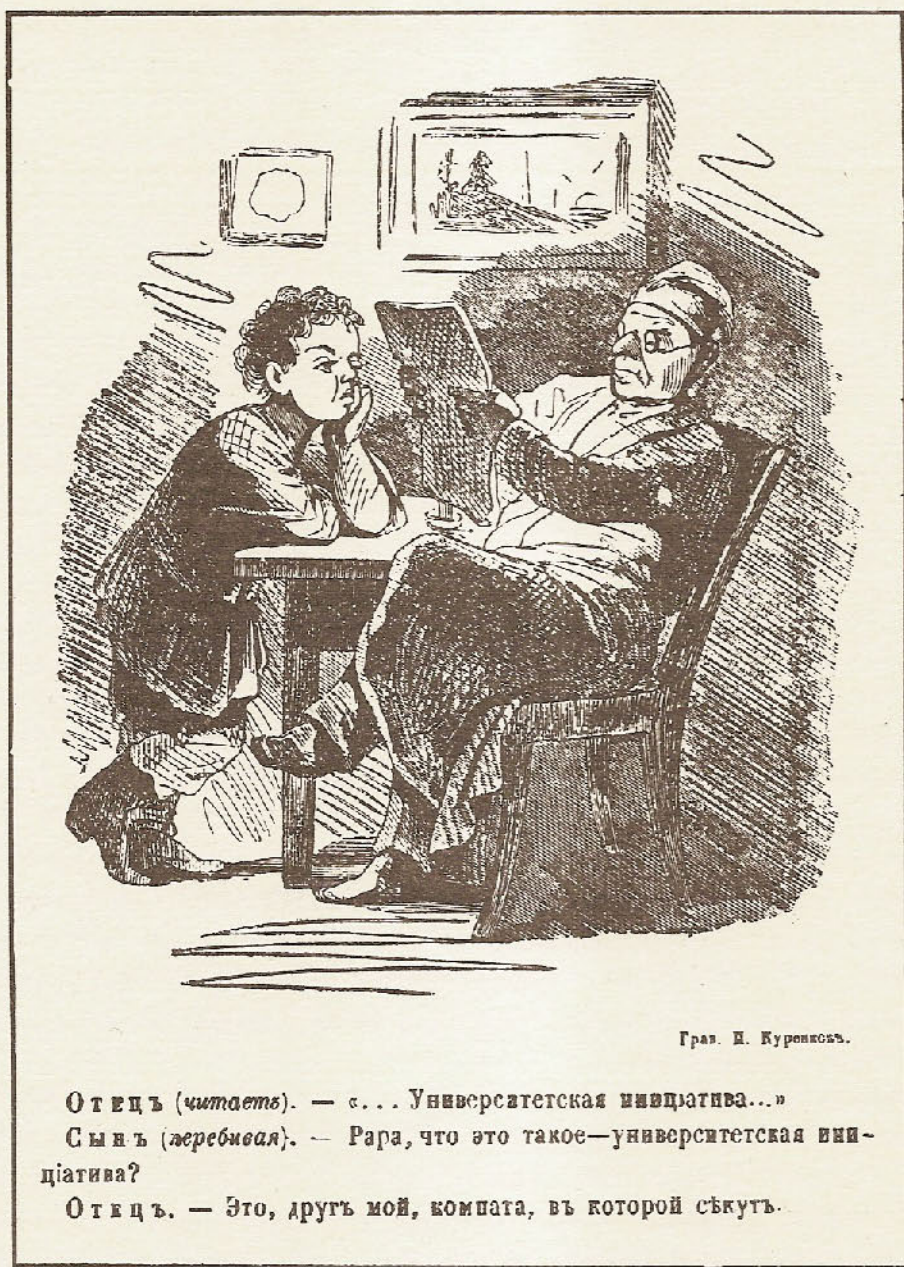
Оберъ-прокуроръ московскихъ департаментовъ сената Н. А. Буцковскій такъ опровергалъ доводы Панина о необходимости сохраненія тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ, какъ добавочной мѣры: — «Изъ двухъ лицъ, совершившихъ одинаковыя.... преступленія, кто болѣе виновенъ, тотъ-ли, кто посягнулъ на это преступленіе при полномъ свѣтѣ разума, развитаго образованіемъ и укрѣпленнаго воспитаніемъ, поправъ въ своемъ стремленіи къ злу всѣ эти духовныя силы, или тотъ, кто всю жизнь бродилъ впотьмахъ невѣжества и былъ столь-же бѣденъ духовными силами, сколько богатъ силами физическими?». По его мнѣнію, необходимо было совершенно отмѣнить розгу, которая въ незначительномъ количествѣ не составляетъ страданія для людей, привыкшихъ съ дѣтства къ побоямъ, и не исправляетъ преступника, который послѣ наказанія спокойно можетъ продолжать прежнія дѣла.

Разсмотрѣвъ присланныя мнѣнія сановниковъ, принявъ въ соображеніе нѣкоторыя замѣчанія, комитетъ приступилъ къ окончательной выработкѣ проекта реформы. Потомъ этотъ проектъ обсуждалъ государственный совѣтъ, а *17-го апрѣля 1863 г. былъ обнародованъ указъ «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ»*.

Напрасно было-бы ждать, что съ этихъ поръ тѣлесныя наказанія совершенно исчезли изъ русскаго права. Имъ былъ нанесенъ лишь тяжелый ударъ. Прекращено было публичное истязаніе плетью, клейменіе, истязаніе женщинъ всѣхъ сословій, исключая ссыльныхъ. Уничтожены шпичрутены, кошки; освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній солдаты, не находящіеся въ разрядѣ штрафныхъ.

Розгой теперь сѣкли только: 1) въ крестьянской средѣ по постановленіямъ волостныхъ судовъ (до 20-ти ударовъ), 2) отъ 3-хъ до 100 ударовъ при совершенной невозможности заключить виновнаго въ тюрьму, въ смиренныя, рабочіе дома, или подвергнуть его аресту, 3) въ войскѣ, въ видѣ дисциплинарнаго наказанія для солдатъ, состоя-

щихъ въ разрядѣ штрафныхъ (до 50-ти ударовъ), 4) во флотѣ (нижнихъ чиновъ) до 200 ударовъ, пока для нихъ не будетъ устроено достаточное количество тюремъ, 5) наконецъ, розга употреблялась

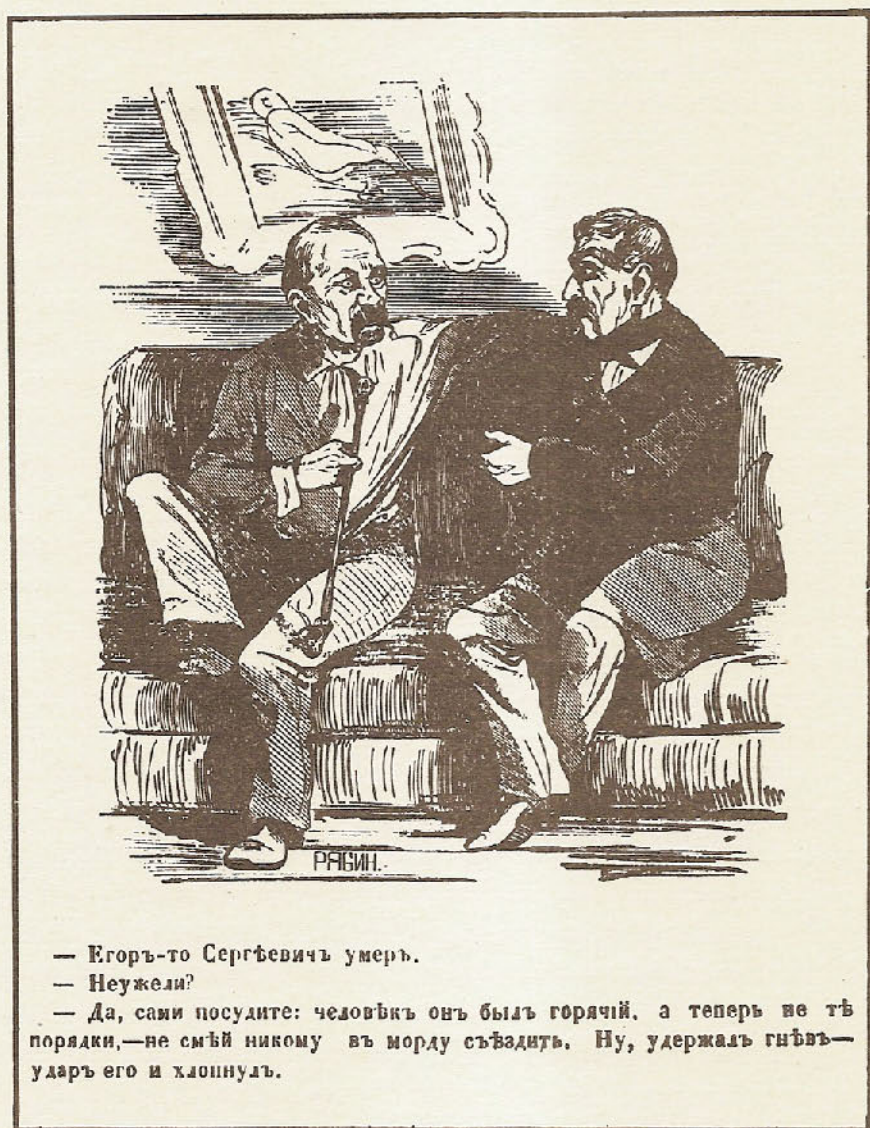
Отецъ (читаетъ). — «... Университетская инициатива...»
 Сынъ (херебивая). — Рара, что это такое—университетская инициатива?
 Отецъ. — Это, другъ мой, компата, въ которой съкутъ.

Карикатура изъ „Искры“ 1862 г. № 43.

также для наказанія ссыльныхъ женщинъ. Кромѣ того, для матросовъ, во время плаванья, осталось наказаніе линьками до 200 ударовъ.

По указу 17-го апрѣля оставлено наказаніе ссыльныхъ мужского пола шпиртунами. Но тогда военный министръ заявилъ, что выпол-

неніе этого наказанія оскорбительно для солдатъ и несовмѣстимо съ ихъ званіемъ. 30-го августа того-же года для ссыльныхъ шпицрутены были замѣнены плетью впродъ до пересмотра новаго закона о наказаніи ссыльныхъ; закономъ отъ 28-го октября 1871-го это было окончательно утверждено.

Карикатура изъ „Развлеченія“ 1867 г. № 4.

Какъ видно, при проведеніи реформы 1863 г., реакціонерамъ удалось одержать нѣкоторую побѣду. Насколько могли, они урѣзали проектъ князя Орлова. Но и въ сокращенномъ видѣ указъ этотъ имѣлъ громадное значеніе для всей культурной жизни Россіи. Прекратились безобразныя экзекуціи на площадяхъ, отошли въ область преданій

щпицрутены, значительно сократилась розга. Поистинѣ, русскіе люди могли вздохнуть свободно. Не вернуть было больше прошлаго времени, такъ краснорѣчиво изображеннаго Некрасовымъ въ слѣдующемъ четверостишѣ:

«Ты, думаю, охоту на двуногихъ,
Засталъ еще въ ребячествѣ своемъ,
Слыхалъ ты вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ, засѣкаемыхъ кнутомъ» ¹⁾).

Горячимъ восторгомъ привѣтствовалъ весь народъ новую эру. Одинъ очевидецъ этого событія пишетъ: «Когда я прочелъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ извѣщеніе... что Государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія... слезы брызнули изъ глазъ... и я послалъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе приговоровъ на прежнемъ основаніи» ²⁾. «17-го апрѣля—невыразимый народный энтузіазмъ въ Москвѣ. Народъ требовалъ, чтобы молебень былъ отслуженъ на площади противъ комнатъ дворца, гдѣ родился Александръ II-ой» — замѣчаетъ профессоръ Никитенко ³⁾.

VII.

Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ послѣ 17-го апрѣля 1863-го года.

Реформа 1863 г. прекратила навсегда въ Россіи жесточайшія истязанія; теперь оставалось только совершенно вычеркнуть ихъ изъ русскаго права. Наступила пора ихъ медленной и мучительной агоніи.

Въ 1864 г. 30-го августа отмѣнили тѣлесныя наказанія для Царства Польскаго. Въ этомъ-же году Государственный Совѣтъ разбиралъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Рѣшено было исключить тѣлесныя наказанія изъ этого устава, такъ какъ для большинства народа, съ дѣтства привыкшаго къ грубому обращенію, это наказаніе не могло быть страшно, между тѣмъ всѣми было признано, что оно

¹⁾ Некрасовъ: „Медвѣжья охота“.

²⁾ Записки сенатора Дена.

³⁾ По словамъ кн. Мещерскаго, въ 1863-мъ г. „радовались только тѣ, которые удерживались отъ пьянства и другихъ пороковъ розгами, скорбѣли прочіе, въ особенности старики, предчувствуя то горе, которое претерпѣли отъ первыхъ“. („Гражданинъ“ 1893 г. № 154). Только такія строки нашлись у князя о великомъ событіи 17-го апрѣля. Положимъ, что другое могъ сказать знаменитый консерваторъ?

въ высшей степени вредно, препятствуетъ смягченію нравовъ, не позволяетъ развиваться чувству чести и нравственнаго долга ¹⁾).

Рисунокъ изъ „Искры“ 1862 г. № 45.

Въ изданіи Уложенія 1886-го г. розга осталась только для бродягъ, не помнящихъ родства, за ложное показаніе (отъ 30-ти до 40 уда-

¹⁾ Т. LXIX. „Дѣло о преобразованіи суд. части въ Россіи“. Журн. Госуд. Совѣта. 30 сент. 1864 г.

— Вамъ самимъ не ловко, вы бы хотъ моего челоѣка заставили.

— При новыхъ то порядкахъ? Ухъ, ху, ху! Что вы, батюшка! Чтобъ оскорблялъ еще, какъ будто печально: нѣтъ, я *стан-тыкомъ* сталъ теперь и въ такихъ дѣлахъ не доѣряюсь лю-дамъ.

ровъ) ¹⁾, для малолѣтнихъ ремесленниковъ за самовольную отлучку отъ своихъ мастеровъ, за шалость, лѣность, неуваженіе къ мастеру и его семейству (отъ 5-ти до 10 ударовъ) ²⁾, и для корабельныхъ служителей-водоходцевъ (до 5-ти ударовъ хлыстомъ) ³⁾. Кромѣ этихъ несчастныхъ, тѣлесному наказанію по закону могли подвергаться въ Россіи лишь крестьяне мужского пола и ссыльные въ Сибири, какъ мушны, такъ и женщины.

Вопросъ объ уничтоженіи этого позора для преступницъ подняли уже вскорѣ послѣ 1863 г.; такъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ 1863 г., принципиально высказались за поголовное изъятіе всѣхъ безъ исключенія женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Однако, эту мѣру провели лишь черезъ 25 лѣтъ, 29-го марта 1893 г.: *Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта, чтобы женщины, присужденныя къ ссылкѣ на поселеніе и каторжныя работы, не подвергались тѣлеснымъ экзекуціямъ и прикованію къ тачкѣ.*

Итакъ, отнынѣ нельзя было, не нарушая закона, подвергнуть поркѣ женщину; для этихъ послѣднихъ тѣлесное наказаніе болѣе не существовало. Насколько это было въ дѣйствительности осуществлено, мы увидимъ ниже. Тѣмъ не менѣе этотъ указъ имѣлъ огромное значеніе для Россіи будучи крупнымъ шагомъ впередъ по пути смягченія нашихъ законовъ.

Конечно, неисправимый князь Мещерскій его привѣтствовалъ по своему: «отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ средѣ, гдѣ главнымъ двигателемъ есть страхъ его боли, имѣетъ одно только послѣдствіе, уничтоженіе страха, т. е. безконечно вредное и опасное послѣдствіе... Единственнымъ результатомъ этой отмѣны будетъ то, что ссыльныя женщины будутъ тѣлесно оскорблять свое начальство, приговаривая: «мы можемъ, а ты насъ пальцемъ не смѣешь тронуть» ⁴⁾.

Вскорѣ за вышеприведеннымъ указомъ послѣдовали также нѣкоторыя облегченія наказаній для ссыльныхъ мужчинъ. 12 іюня 1900 года отменена была порка для бродягъ, не помнящихъ родства ⁵⁾, а 2 іюня 1903 года уничтожены плети, прикованіе къ тѣлѣжкѣ и бритые головы для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Изъ тѣлесныхъ наказаній «въ мірѣ отверженныхъ» остались лишь розги, до 100 ударовъ, за мало-важные проступки.

¹⁾ Уложеніе 1885 г., ст. 952.

²⁾ Уложеніе 1885 г., ст. 1377.

³⁾ Уложеніе 1885 г., ст. 1261.

⁴⁾ Гражданинъ 1893 г., № 127.

⁵⁾ Ст. 952 Уложенія 1886 г.

Тѣлесныя наказанія. На каторгѣ, для преступниковъ, еще можно было среди крестьянъ, съ натяжкой объяснить примѣненіе тѣлесной экзекуціи, но совершенно непонятно, какимъ образомъ она сохранялась до самаго послѣдняго времени въ нашихъ деревняхъ. Реформы 1861 и 1863-го годовъ оставили розгу по постановленіямъ волостныхъ судовъ, съ оговоркой, что нельзя назначать больше 20 ударовъ и что это лишь временная мѣра, подлежащая скорой отмѣнѣ. Однако, еще многіе годы подвергались мужики тѣлесной расправѣ.

Первое время послѣ отмѣны крѣпостного права это наказаніе не тяготило крестьянъ. Помѣщики слишкомъ пріучили своихъ рабовъ къ жестокостямъ. Рассказываютъ, напр., такой случай: одинъ мировой посредникъ вздумалъ было обойтись безъ тѣлесныхъ наказаній и убѣждалъ волостные суды не назначать розгу преступникамъ. И вотъ, явились къ нему какъ то старшины съ просьбой: «прикажи намъ наказывать, а то молодежь совсѣмъ отъ рукъ отбилась». Услышавъ эти слова другой старшина и тутъ же повинился посреднику: «вѣдь мы не сказали тебѣ, отмѣнили свое слово и стали наказывать»¹⁾.

Большимъ пристрастіемъ къ тѣлеснымъ расправамъ отличались томскіе крестьяне. «Розга не мука, а впередъ наука», говорили они. «Безъ розогъ обойтись совсѣмъ нельзя — разсуждало большинство — потому что нонѣ народъ сталъ озорникъ; иной ни штрафа, ни ареста совсѣмъ не боится». «Какъ можно обойтись безъ розогъ? — говорилъ волостной судья; — иного ты ничѣмъ не урезонишь, такъ вотъ и лѣзетъ на стѣну! Ну а какъ розгами-то его маленько постегашь, онъ дѣлается маломальски понатуральнѣе»²⁾. Впрочемъ въ тѣхъ мѣстахъ, по свидѣтельству кн. Кострова, часто встрѣчались такіе личности, которымъ розга была рѣшительно ни по чемъ. Въ 1866 году Сузунскій волостной судъ приговорилъ одного мастероваго къ самой высшей мѣрѣ наказанія розгами — 20-ти ударамъ. Когда было приступлено къ исполненію рѣшенія, мастеровой сталъ упрашивать, чтобы отложили наказаніе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока состоится до десяти такихъ рѣшеній; ему-де гораздо пріятнѣе «за одинъ разъ выдержать наказаніе, нежели беспокоится и снимать штаны для такихъ пустяковъ, какъ 20 розогъ»!

Наказаніе розгами въ тѣхъ мѣстахъ вообще бывало не легкое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже жестокое. Въ декабрѣ 1863 года Змѣиногорскій волостной старшина Турбинъ и сельскій староста Клепиковъ безвинно наказали десять человѣкъ обывателей, давъ имъ отъ 90 до 300 ударовъ каждому. Въ маѣ 1865 года, въ деревнѣ Вѣлининой, были

¹⁾ Сводъ мѣстный объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи стр. 130, 131.

²⁾ Древн. и Нов. Россія, 1876 г. № 12.

наказаны двѣ дѣвушки за недоказанную кражу 12-ти рублей, и при-
томъ столь варварски, что одна изъ нихъ оказалась, по медицинскомъ

Рисунокъ изъ „Искры“ 1860 г. 50.

освидѣтельствующіи, изсѣченною отъ спины до пятъ, а въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ, особенно на ногахъ, кожа висѣла клочьями; ее привязывали
къ столбу и наказывали четыре раза, отъ 30 до 50 ударовъ въ каж-

дый; къ тому же она была беременная и вскорѣ послѣ того родила мертвого ребенка.

Иногда волостной судъ наказывалъ крестьянъ розгами, какъ кажется, единственно «для компаніи» съ другими. Такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1871 года, одинъ сотскій Зыряновскаго волостного правленія, вмѣсто того, чтобы караулить взятыхъ «для вырезвленія» трехъ обывателей, пропьянствовалъ съ ними цѣлую ночь. Волостной судъ приговорилъ его къ наказанію розгами, да «кстати» и двухъ другихъ сотскихъ, его товарищей, за то, что они, будучи трезвы, не удержали отъ пьянства собрата своего. Самымъ позорнымъ, обезчещающимъ наказаніемъ томскіе крестьяне считали экзекуцію розгами въ соединеніи со «срамотою», заключавшейся въ томъ, что преступника сверхъ наказанія водили еще по улицамъ ¹⁾. Такъ, одинъ воръ былъ приговоренъ къ 20-ти ударамъ розогъ, но съ тѣмъ, чтобы его въ теченіе двухъ праздниковъ водить по селенію съ надписью «воръ» ²⁾.

То же пристрастіе къ розгѣ въ первые годы послѣ освобожденія можно было наблюдать и въ другихъ мѣстахъ. Въ Кіевской губ., напр., писалъ П. Дашкевичъ, «розгу вначалѣ примѣняли иногда не только сверхъ мѣры, но даже распространяли ее на изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія женщинъ, которыхъ за всякіе пустяки продолжали сѣчь еще въ 1876 году» ³⁾. По мнѣнію этого автора, «щедрое расточеніе розгами можно объяснить рабскими наклонностями массы, вынесенными ею изъ крѣпостнаго ига, когда розга имѣла громаднѣйшее распространеніе. По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ на свободѣ стало пробуждаться чело-вѣческое достоинство, и какъ подростало новое нерабское поколѣніе, розга начала падать все болѣе и болѣе» ⁴⁾.

Отношеніе мужиковъ къ тѣлесному наказанію ярко характеризуетъ слѣдующій разговоръ, приведенный въ воспоминаніяхъ одного крестьянина. Въ волостномъ правленіи писарь, волостной старшина Андрей Михайловъ и волостной судья Гордѣй Даниловъ затѣяли споръ. «За самое важное преступленіе не смѣй дать больше двадцати ударовъ,—возмущался судья,—ну что за законъ? а еще новый выданъ! Самъ ты разсуди, Андрей Михайловичъ: что для нашего брата мужика—двадцать ударовъ? Плевое дѣло! Покрайности хотя бы серебромъ то. Вотъ по этому закону и изволь судить: штрафъ да арестъ, а самое большое—двадцать розогъ. Ну что на мужицкую спину двадцать? На нее и сотня съ хвостомъ уляжется». Старшина посмотрѣлъ на судью съ сожалѣніемъ;—

¹⁾ Подобіе наказанія „въ проводку по улицамъ“ Московской Руси.

²⁾ Древ. и Нов. Россія, 1876 г. № 12.

³⁾ П. Дашкевичъ „Волостной судъ и кассационная юстиція“ Юрид. Вѣст., 1892 г., 12.

⁴⁾ Ibid.

такъ этимъ-то тебѣ, Гордѣй Данилычъ, статья не кажется?—Ну, конечно, Андрей Михайловичъ, мало! отвѣтилъ судья.—А мнѣ, такъ она, статья эта, не кажется по другому: по моему разсудку, слѣдовало бы изъ нея розги совсѣмъ выкинуть. Зачѣмъ, скажи ты мнѣ, человѣкъ надъ человекомъ такъ надругается? Я всегда прошу господъ судей не приговаривать къ розгамъ,—Э, полно Андрей Михайловичъ, какъ это можно! Нашему брату, мужику, безъ розогъ—все одно, что каша безъ масла. И суду безъ розогъ быть не слѣдуетъ.—А что? правду вѣдь говоритъ Гордѣй-то Данилычъ, вмѣшался вдругъ писарь,—нельзя, чтобы въ судѣ розогъ не было. Не даромъ же она и въ Положеніи оставлена; нашего мужика безъ розогъ не уймешь.—Ну, полно, полно, дружокъ! ты еще молоденецъ! сказалъ старшина.—Что же такое Андрей Михайлычъ, что я молоденецъ? А меня то-же сызмальства съ розгами знакомили—знать уже безъ нихъ нельзя.—То-то ты изъ училища то недоучась и выскочилъ.—Да нѣтъ, Андрей Михайлычъ, началъ опять судья, ты что ни говори, только все же по Положенію вѣрно наказывать розгами, хоть маловато назначено. Ну, а вѣдь Положеніе писали умные люди.—Умные люди, Гордѣй Данилычъ, точно; да всѣ ли одномыслящіе? Я думаю, ты помнишь, что господа у насъ бывали всякіе: одни своихъ крестьянъ пороли, а иные нѣтъ, и выходило такъ, у которыхъ люди пороты бывали, тѣхъ они только боялись, а были или пьяницы, или сорви-голова; а который господинъ людей не билъ, у того люди лучше. Вотъ ты и знай, что розгами немного научишь человѣка жить»¹⁾.

Такія сужденія приходилось слышать у мужиковъ уже въ первые годы послѣ освобожденія. Очевидно, и въ тѣ времена вопросъ о розгѣ былъ для крестьянъ крайне болѣзненный, вызывалъ постоянныя обсужденія, споры, разногласія.

Въ 1872 г. члены комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ собрали крайне интересныя данныя о 12-ти губерніяхъ, касательно распространенія въ нихъ тѣлесныхъ наказаній. Оказалось, что уже въ 1872 г. розга преобладала лишь въ 4-хъ губерніяхъ, а въ 8-ми остальныхъ назначалась лишь довольно часто.

Тяжелые порядки крѣпостничества стали къ этому времени постепенно забываться мужиками, и розга начала замѣтно многихъ тяготить. Членамъ комиссіи удавалось слышать среди мужиковъ такіе разговоры: «лучше насъ совсѣмъ отъ побоевъ отвести, побоями можно человѣка погубить, пора совсѣмъ отъ розги освободить», или «худого человѣка розгой не исправишь, а хорошаго пожалуй испортишь». Однимъ словомъ забитыя твари начали понемногу оживать: въ нихъ пробуждалось сознаніе

¹⁾ Воспоминанія крестьянина Саввы Дерунова, Воскресный досугъ, т. III, № 61, стр. 174—175.

человѣческаго достоинства. Въ одной волости Бугурусланскаго уѣзда въ 1872 г. судья даже боялся приговаривать крестьянъ къ тѣлесному наказанію, такъ какъ «иной изъ злобы домъ подожжетъ, до смерти изобьетъ» ¹⁾. И шагъ за шагомъ, годъ отъ году, волостные суды все рѣже и рѣже назначали розгу.

Но вотъ 12-го іюля 1889 г. былъ учрежденъ институтъ земскихъ начальниковъ. На обязанности этихъ администраторовъ лежало утвержденіе всѣхъ приговоровъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Волостной судъ имѣлъ право назначать до 20-ти ударовъ розогъ всѣмъ лицамъ, не изъятымъ отъ экзекуцій ²⁾, но «рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію... исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ по правиламъ, означеннымъ въ ст. 41» (т. е. штрафъ до 30 р., независимо отъ ареста, и арестъ до 15-ти дней). Розгамъ могли подвергнуться только крестьяне отъ 10-ти до 60-ти лѣтъ, мужского пола, не окончившіе никакого училища, избавляющаго отъ тѣлесныхъ наказаній, не служившіе въ солдатахъ, не получившіе никакихъ знаковъ отличія, не служившіе въ деревнѣ въ какихъ-либо общественныхъ должностяхъ, не бывшіе лѣсными сторожами и не страдавшіе тяжкими болѣзнями; при этомъ надо замѣтить, что до 14-ти лѣтъ такихъ крестьянъ наказывали сами родители, а до 17-ти л. имъ могли дать не болѣе 10-ти ударовъ. Наказанный розгами лишается права въ будущемъ быть выбраннымъ на какую-нибудь должность.

Можно себѣ представить тягостное положеніе такого обездоленнаго, особенно чувствительное для него бокомъ о бокъ съ товарищами и близкими родственниками, избавленными отъ розги. Предположимъ, что «старуху мать обругали одновременно совершеннолѣтняя дочь, сынъ, вернувшійся изъ военной службы, другой сынъ, имѣющій ключъ отъ деревенскаго хлѣбнаго магазина, третій—окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ, четвертый—лѣсной сторожъ и пятый сынъ—золотушникъ, глухой, не способный ни на какія выборныя должности. Волостной судъ приговариваетъ первыхъ 5 къ штрафу или аресту, а 6-го къ розгамъ» ³⁾. Ни съ юридической, ни съ моральной стороны такая несправедливость не могла быть допустима.

Дѣло земскихъ начальниковъ было искоренять это зло елико возможно. Оказалось, однако, что со времени учрежденія этого института

¹⁾ „Свѣдѣнія коммисіи по преобразов. волостныхъ судовъ“. В. Семевскій. „Необходимость отмены тѣлесныхъ наказаній“. Р. Мысль. 1896, II.

²⁾ „Временныя правила о волостномъ судѣ“, ст. 33, п. 4.

³⁾ Дм. Жбанковъ и Вл. Яковенко „Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время“, стр. 34.

количество высѣченныхъ крестьянъ только возрастало. Земскіе начальники проявили себя съ первыхъ-же шаговъ какъ ревностные сторонники розги. Большинство неукоснительно, по «извѣстному» принципу, утверждали всѣ приговоры о поркѣ волостныхъ судовъ. На Тамбовскомъ сѣздѣ земскихъ начальниковъ, напримѣръ, разыгралась такая сцена: одинъ изъ членовъ сѣзда настаивалъ, чтобы были приведены въ исполненіе всѣ старые приговоры волостныхъ судовъ о розгѣ; товарищи этого земскаго начальника энергично поддержали его заявленіе: они въ азартѣ кричали «сѣчь, сѣчь!»¹⁾.

Порка — картина Орлова.

Такое рвеніе этихъ администраторовъ заставило даже правительство ихъ нѣсколько обуздать. Въ 1891 г. министерство внутреннихъ дѣлъ выпустило циркуляръ къ земскимъ начальникамъ: «къ приговорамъ волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи земскіе начальники должны относиться вообще съ большою осторожностью, наблюдать, чтобы они не являлись слѣдствіемъ пристрастнаго отношенія къ винов-

¹⁾ В. Семевскій: Р. Мысль. 1896, II.

ному и т. д. Исполнителями такихъ приговоровъ не должны быть молодые люди, на которыхъ подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Необходимо строго наблюдать, чтобы исполненіе означенныхъ приговоровъ не являлось потѣхой или зрѣлищемъ для праздно толпы, а особенно малолѣтнихъ. Возможно близкое вниманіе во всѣ дѣла и нужды деревни, а также частное вліятельное нравственное воздѣйствіе земскихъ начальниковъ можетъ совершенно устранить надобность въ крайнихъ мѣрахъ» ¹⁾).

Противъ злоупотребленій тѣлесными наказаніями земскихъ начальниковъ вооружилось также смоленское губернское присутствіе; — оно предложило земскимъ начальникамъ, чтобы при каждой волости велся списокъ лицъ, подвергнутыхъ розгѣ, и чтобы каждое назначеніе тѣлесной экзекуціи было изложено въ формѣ мотивированнаго постановленія въ особомъ нарядѣ ²⁾).

Къ удивленію, даже Нижегородскій губернаторъ Барановъ, зачастую въ силу административной власти прибѣгавшій къ розгамъ ³⁾), выпустилъ въ 1892 г. циркуляръ слѣдующаго содержанія: «До моего свѣдѣнія дошло, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ приступили къ собиранію свѣдѣній о неприведенныхъ въ исполненіе приговорахъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ, громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, будутъ приведены въ исполненіе. Считаю нужнымъ обратить вниманіе земскихъ начальниковъ на то, что одна изъ причинъ, вызвавшихъ самую реформу, была неудовлетворительность старыхъ волостныхъ судовъ... Способъ огульнаго исполненія приговоровъ старыхъ волостныхъ судовъ... очень вреденъ какъ для успѣха самого дѣла, такъ и для упроченія довѣрія населенія къ своему начальству. Поэтому покорнѣйше прошу земскихъ начальниковъ Нижегородской губ. смотрѣть на приговоры волостныхъ судовъ какъ на матеріалъ, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ крайней осмотрительностью, не упуская изъ виду статьи 29 Высочайше утвержденныхъ 12 іюля 1889 г. правилъ о волостномъ судѣ, дающей земскому начальнику право замѣнять опредѣленное волостнымъ судомъ тѣлесное наказаніе другой карательной мѣрой» ⁴⁾).

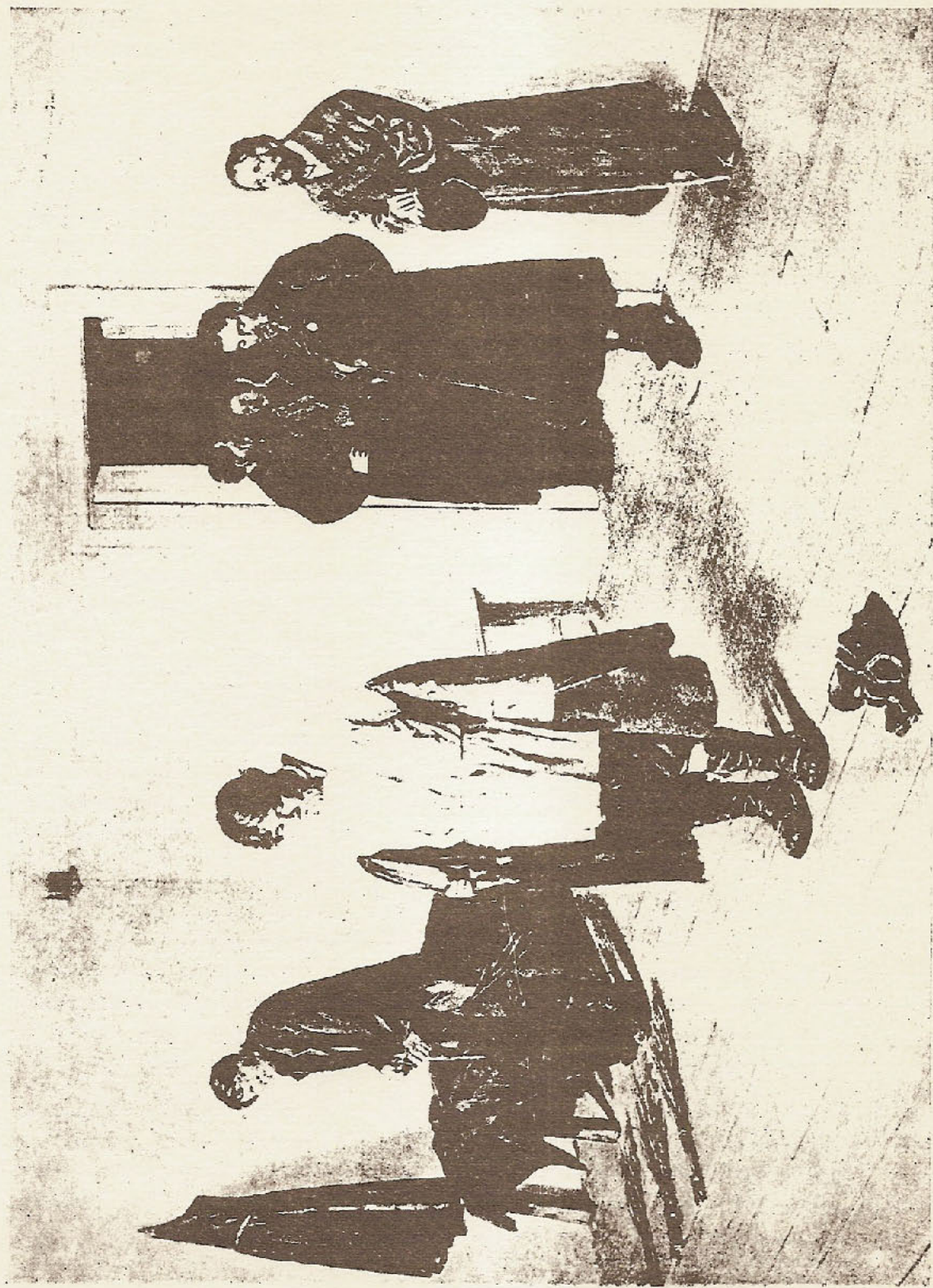
Защиту тактики земскихъ начальниковъ взялъ на себя «Гражданинъ». Мы читаемъ тамъ: «земскій начальникъ велитъ высѣчь озорника-парня, или розгами во время спасетъ цѣлую деревню отъ каторги и разстрѣливанья; весь синклитъ мѣстныхъ властей въ лихорадкѣ отъ страха

¹⁾ Вѣстн. Евр., 1891, Кн. IX, стр. 378.

²⁾ Дм. Жбанковъ и Вл. Яковенко, стр. 91.

³⁾ См. отдѣлъ «Административныя тѣлесныя наказанія».

⁴⁾ Вѣстн. Евр., 1892 г. № 11, стр. 392.

Приготовленіє къ наказанію розгами. – Картина Коровин

судебнаго вѣдомства и печати стоитъ растерянный передъ вопросомъ: преступникъ-ли этотъ земскій начальникъ, и ему надо подѣ судъ итти, или отличный начальникъ, коего наградить надо за находчивость и честное отношеніе къ дѣлу» ¹⁾).

Не такъ разсуждали въ обществѣ. Всюду слышались протесты противъ розги. Нѣкій мировой посредникъ писалъ: «для грубаго человѣка, въ которомъ не проснулись еще лучшіе инстинкты, тѣлесное наказаніе имѣетъ смыслъ только въ извѣстной степени физическихъ истязаній; но при установленной закономъ нормѣ (20 ударовъ) все это обращается въ отвратительную комедію. Въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе утратило свое значеніе. Тамъ же, гдѣ какія-нибудь случайныя жизненныя условія выдвинули крестьянъ изъ этого мрака, пробудили въ немъ человѣческую жизнь, вызвали въ его душѣ голосъ истины и сознаніе нравственныхъ достоинствъ, тамъ тѣлесное наказаніе влечетъ за собой деморализацію. Въ этихъ случаяхъ оно вредно» ²⁾).

Противъ «голыхъ экзекуцій» также возставали и нѣкоторые земскіе начальники (напр. въ Старооскольскомъ, Саратовскомъ и др. земскихъ собраніяхъ). Многіе земскіе начальники даже поставили себѣ за правило никогда не утверждать приговоровъ о сѣченіи. Среди своихъ собратьевъ особенно выдѣлился неутомимой борьбой противъ истязаній А. М. Черновъ, бывший земскимъ начальникомъ въ Гжатскомъ у. Смоленской губ. Въ брошюрѣ «Набросокъ соображеній. Изъ волостной юстиціи» онъ между прочимъ писалъ: «Чего ради держать въ судебно-карательномъ инвентарѣ такое орудіе, которое поражасть не за вину, а за случай, за такой или иной, отъ воли независимый виѣппій признакъ (размѣръ тѣла въ длину и ширину для воинской повинности), и которое имѣетъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обижень судьбою: узкогрудыхъ, хромоногихъ, единственныхъ труженниковъ на семью — сыновей-одинокъ и т. п. Не для того-же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы побудить послѣднихъ итти въ солдаты и выслужить тамъ быстро медаль съ надписью — «свободенъ отъ сѣченія»; не для того-же, чтобы выучить всѣхъ не изъятыхъ перестарковъ (свыше 45 л.) зачислиться безъ жалованья въ коллегіальные выборные смотрителя хлѣбныхъ и безхлѣбныхъ магазиновъ, или лѣсные сторожа, караулящіе лѣсъ и вырубки по очереди... и тѣмъ восполнить свой гражданственный пробѣлъ, черезъ полученіе диплома — «изъять отъ розги».

Протестовали противъ розги на всевозможныхъ собраніяхъ, главнымъ образомъ среди земскихъ дѣятелей. Уже съ начала 80-хъ годовъ

¹⁾ Гражданинъ. 1893 г., 16 января.

²⁾ Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Отзывы различныхъ лицъ. Семейскій. Русская Мысль. 1896, II.

земскія собранія стали предъявлять ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Одни требовали отмѣны экзекуцій для окончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ, другія, болѣе либеральныя—для всѣхъ вообще крестьянъ. Въ ходатайствахъ указывали на вредныя послѣдствія розги: она не исправляетъ провинившагося, а ожесточаетъ его или приводитъ къ отчаянью, апатіи къ жизни и труду ¹⁾, унижаетъ человѣческое достоинство, укрѣпляетъ грубость нравовъ ²⁾, развращаетъ людей ³⁾. Порка является, наконецъ, важнымъ тормазомъ въ развитіи сельскаго хозяйства, такъ какъ, благодаря существованію этого наказанія, изъ селеній уходятъ въ города и даже переходятъ въ другія состоянія всѣ тѣ грамотные крестьяне, которые сознаютъ свое человѣческое достоинство и всю нравственную тяжесть губительнаго тѣлеснаго наказанія ⁴⁾. Въ теченіи десяти лѣтъ 14 земскихъ собраній возбудили вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и къ чести ихъ нужно сказать, что лишь одно Сентилеевское земство въ Симбирской губ. высказало просьбу о сохраненіи розги ⁵⁾.

Ходатайства объ отмѣнѣ экзекуцій возбуждались въ дворянскихъ собраніяхъ, на сѣздахъ врачей, въ Вольно-экономическомъ обществѣ, въ петербургскомъ комитетѣ грамотности и др. ⁶⁾. Этотъ вопросъ

¹⁾ Псковск. губ. зем. соб. 9 дек. 1895 г.

²⁾ Новгородск. губ. собр. (протестъ нѣкоторыхъ гласныхъ въ 1896 г.).

³⁾ Нижегородск. губ. земск. собр. (4 дек. 1895 г.).

Официальное признаніе тѣлесныхъ расправъ давало поводъ къ ужаснымъ злоупотребленіямъ закона. Вотъ, напр., случай, ясно доказывающій развращающее вліяніе такихъ экзекуцій на населеніе: въ 1896—97 г. въ с. Туровкѣ Прилудскаго уѣзда лакей помѣщицы Е. Фрицъ, Августъ Варанъ, объявилъ себя мировымъ судьей, разбираетъ дѣла рабочихъ, приговаривая ихъ обычно къ тѣлесному наказанію, при которомъ давалось 25—40 ударовъ кнутомъ или пучкомъ розогъ изъ колючей акаціи. Исполнителями были два рабочихъ, называвшіеся „катами“; они насильно тащили провинившихся въ судъ и не желающихъ подчиниться приговору связывали и сѣкли. Экзекуціи бывали очень продолжительны, иногда около получаса. Подвергали такой расправѣ всѣхъ безъ изъятія, даже 16-ти лѣтнихъ дѣвушекъ. Варанъ всегда наблюдалъ порку; если онъ замѣчалъ, что ее исполняютъ съ недостаточнымъ усердіемъ, то самъ наказывалъ не только приговоренныхъ, но и катовъ. (Русск. Вѣдом. 1897 г., № 304). Лишь при существованіи освященныхъ закономъ тѣлесныхъ наказаній могли создаваться и процвѣтать подобныя явленія; темной крестьянской массѣ трудно было разобраться, кто имѣетъ право драть имъ спины, и кто не имѣетъ. Этимъ пользовались господа Бараны.

⁴⁾ Симферопольское уѣздное земство.

⁵⁾ Для болѣе подробнаго ознакомленія съ этими ходатайствами земскихъ собраній отсылаемъ къ книгѣ Дм. Жбанкова и Вл. Яковенко „Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время“.

⁶⁾ Дм. Жбанковъ и Вл. Яковенко.

постоянно обсуждался въ печати¹⁾, его возбуждали иногда и отдѣльныя личности. Такъ, степной генералъ-губернаторъ М. А. Таубе ходатайствовалъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянскаго населенія управляемой имъ области²⁾. Ту же просьбу предъявилъ въ 1895 г. Туркестанскій генералъ-губернаторъ А. Б. Вревскій для избавленія русскихъ переселенцевъ въ Туркестанской области³⁾.

Къ этимъ протестамъ присоединились еще голоса самихъ мужиковъ. Къ 90-мъ годамъ большинство изъ нихъ уже крайне отрицательно относилось къ экзекуціямъ, тяготилось розгой и не чаяло какъ избавиться отъ ея гнета. Въ Черниговской губ., напр., вся крестьянская молодежь задабривала судей и писарей водкой, чтобы не приговаривали къ розгамъ, подвергнуться которымъ считалось страшнымъ позоромъ⁴⁾.

Вотъ характерная бесѣда четырехъ пожилыхъ крестьянъ, подслушанная корреспондентомъ «Сына Отечества» на станціи Лозово—Севастопольской жел. дор. «Нахмуренныя лица, строго сосредоточенный видъ всѣхъ собесѣдниковъ, прорывающаяся изрѣдка въ отдѣльныхъ словахъ и фразахъ нотка затаенной горечи ясно показали, что собесѣдники не праздно «калякаютъ», а высказываютъ наболѣвшія думы о наболѣвшемъ вопросѣ невеселаго жизненнаго обихода. «Какъ посѣкли, такъ и померь», говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ. «Ну, это ужъ все одно: померь-ли или нѣтъ, а погибъ человекъ», отвѣчаетъ другой крестьянинъ. «Вѣрно твое слово, Акимъ Петровъ», заговариваютъ въ одинъ голосъ два другихъ собесѣдника, видимо, односельчане, «вотъ, може помнишь Прокопа Смирдина; работный былъ мужикъ, тихій да покойный, а какъ случился съ нимъ грѣхъ, да и посѣкли его, такъ не узнаешь ты прежняго Прокопа... пьеть и бабу свою лупить. Такъ и кричить на все село: въ гробъ вколочу бабу, потому никто, какъ она, проклятая довела до гибели, за нее, за ея грѣхи заслужилъ розгу. А гдѣ ужъ тамъ у женки грѣхи: одно слово помѣшался Прокопъ... А все же нонѣче у насъ куды какъ меньше розги»... «Да меньше-то меньше, а все вотъ въ позапрошломъ году на сѣченія-то присудили 80 дулъ въ нашей губерніи», возразилъ тотъ изъ крестьянъ, котораго собесѣдники называли Акимъ Петровъ⁵⁾. «Знамо мы мужики! нешто насъ за настоящихъ людей считаютъ; насъ и судятъ не поровну», говорили про себя мужики⁶⁾.

¹⁾ Дм. Жбанковъ и Вл. Яковенко.

²⁾ Кіевское Слово 1896 г., № 2876.

³⁾ Кіевское Слово 1896 г., № 2869.

⁴⁾ Вѣстн. Евр. 1890. Кн. XII, стр. 843.

⁵⁾ Сынъ Отечества 1898 г., № 190.

⁶⁾ А. М. Черновъ „Набросокъ соображеній. Изъ волостной юстиціи“, стр. 87.

Порой, крестьяне собирались скопомъ и пытались избавить отъ розогъ приговореннаго односельчанина. Былъ такой случай: въ селѣ Привольномъ, Самарской губ., въ волостномъ правленіи сидѣлъ арестованный Генрихъ Триппель, котораго должны были съч. 19 января 1890 г. пріѣхали въ волостное правленіе старшина и сельскія власти для производства надъ арестантомъ приговора. Этотъ послѣдній заперся изнутри своей камеры, и, когда стали взламывать дверь, онъ выбилъ кирпичемъ окно и крикнулъ о помощи. Сбѣжалось до 300 человѣкъ, которые съ кольями и полѣньями бросились въ правленіе, чтобы помѣшать экзекуціи. Толпа только тогда успокоилась, когда полиція дала обѣщаніе, что Триппеля не будутъ наказывать. Его снова судили и приговорили вмѣстѣ съ 3-мя другими бунтовщиками къ арестантскимъ ротамъ ¹⁾).

Подвергавшіеся экзекуціи крестьяне бѣжали отъ позора на сторону; иные становились завсегдатаями кабаковъ: «теперь ребятишки засмѣютъ; тяжело людямъ показаться, стыдно... Выпить надо! безъ водки не стерпѣть позора... а тамъ уже и пошло, и пропалъ человѣкъ» ²⁾).

Зачастую въ деревняхъ кулаки и міроѣды пользовались тѣлеснымъ наказаніемъ какъ средствомъ, чтобы избавиться отъ неспріятныхъ имъ односельчанъ. Темная деревенская сила буквально сживала со свѣту розгой всякаго, кто осмѣливался изобличать ея плутни. Такъ, въ 80-хъ годахъ грамотнаго и развитаго столяра Трещалова, по проискамъ кабатчика и волостного старшины, приговорили къ 14-ти ударамъ розогъ. Исполненіе этого постановленія отложили на нѣкоторое время. Но тутъ ввели институтъ земскихъ начальниковъ, и расправа надъ мужикомъ была произведена. Столяра разложили; онъ оказалъ сопротивленіе и поплатился гораздо строже. Трещалова судили, присяжные приговорили его къ арестантскимъ ротамъ и къ лишенію всѣхъ правъ ³⁾).

Не рѣдкость, что мужики предпочитали смерть тѣлесному наказанію. Намъ извѣстно не мало такихъ фактовъ. Вотъ, напр., крестьянинъ Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, села Парзова, Алексѣй Мальцевъ, зажиточный домохозяинъ; за пьянство и мотовство онъ былъ приговоренъ въ 1893 г. къ тѣлесному наказанію. Мальцевъ подавалъ жалобу въ сѣздъ, но тамъ ее не приняли по какимъ то формальнымъ опущеніямъ. Тогда онъ наложилъ на себя руки—повѣсился въ хлѣву ⁴⁾).

Въ селѣ Столповѣ, Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., проживала крестьянка Маріанна. Послѣднее время она стала замѣчать, что ея

¹⁾ Вѣст. Евр. 1890 г., 12, стр. 844—845.

²⁾ Дм. Жбанковъ. Вл. Яковенко, стр. 169.

³⁾ Русскія Вѣдомости, 1895 г., № 85.

⁴⁾ Джаңшіевъ: „Эпоха великихъ реформъ“, стр. 235, 3).

мужъ, Никифоръ Соплякъ, сталъ холоденъ съ ней. По совѣту сосѣдей женщина пожаловалась старостѣ. И вотъ, однажды, этотъ начальникъ съ сотскимъ и 7 крестьянами пришелъ въ домъ къ Сопляку и заявилъ хозяину, что намѣренъ дать ему 15 ударовъ розогъ. Соплякъ поду-

Она. Слава Богу, теперь значить становому фига: драгъ насъ не станетъ, а если что, такъ....

Она. Такъ значить и насъ тоже?

Онъ. Васъ?—не знаю, о васъ-то ничего не говорится, а говорится о крестьянахъ, такъ стало вы должны ждать череду.

Рисунокъ изъ журнала „Гудокъ“ 1862 г. № 15.

малъ сначала, что староста его просто пугаетъ, но когда приговоръ начали приводить въ исполненіе, то онъ оказалъ отчаянное сопротивленіе. Ему дали два удара. Съ этого дня Соплякъ затосковалъ, какъ то соби-
рался повѣситься, но ему помѣшалъ братъ. Черезъ нѣсколько дней онъ

возобновилъ попытку; его нашли уже мертвымъ на крюкѣ въ собственной хатѣ ¹⁾).

На многихъ тѣлесная экзекуція такъ вліяла, что они теряли разумъ. И этому не мало примѣровъ. Въ 1895 году крестьянинъ села Русскихъ Липяговъ, Иванъ Никитинъ, былъ приговоренъ къ розгамъ. Черезъ двѣ недѣли его доставили въ Самарскую больницу съ признаками буйнаго помѣшательства ²⁾. Крестьянинъ Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ., села Ржаксы, С. П—въ, 37 лѣтъ, поступилъ въ Тамбовскую психіатрическую лечебницу въ 1896 г. для испытанія умственныхъ способностей, такъ какъ обвинялся въ «оскорбленіи святыни». Оказалось, что въ 1884 г. онъ былъ наказанъ розгами, послѣ чего рѣзко измѣнился: изъ старательнаго работника превратился въ нерадиваго и забросилъ хозяйство. Въ больницѣ выяснили, что онъ страдалъ первичнымъ помѣшательствомъ съ религіознымъ бредомъ ³⁾.

А вотъ какой случай сообщилъ ветеринарный врачъ П. Возіановъ: въ одномъ селѣ Екатеринославской губ. жилъ крестьянинъ Х, лѣтъ 50, отецъ довольно многочисленнаго семейства. Это былъ крайне симпатичный, деликатный человекъ, всѣми уважаемый, бывший въ теченіе 15 лѣтъ смотрителемъ общественныхъ магазиновъ и 2—3 трехлѣтія сборщикомъ податей. Сынъ сосѣда Х, рассчитывая осенью раздѣлиться съ отцомъ, хотѣлъ у него предварительно тайно взять нѣсколько мѣшковъ съ пшеницей и просилъ Х спрятать ихъ у себя. Послѣдній отказалъ, но черезъ недѣлю къ нему явились съ обыскомъ власти и нашли пшеницу. Х судили за кражу и приговорили къ розгамъ. Это такъ подѣйствовало на почтеннаго мужика, что онъ сейчасъ же слегъ въ постель и вскорѣ умеръ ⁴⁾. «Весь ужасъ закона и доказывается съ особенною ясностью приведеннымъ и подобными ему случаями; не было бы закона о тѣлесномъ наказаніи, не было бы приговора, и не было бы этой смерти. Часто важно не примѣненіе закона, не физическая боль, а то мученіе нравственное, тотъ ужасный стыдъ, униженіе и позоръ, которые приходится испытать человеку и притомъ, какъ въ данномъ случаѣ, съ сильно развитымъ нравственнымъ чувствомъ» объясняетъ Возіановъ.

Лишь недоразумѣніемъ, случайностью, или геройскими усиліями реакціонеровъ, крѣпко цѣпляющихся за эти послѣдніе остатки ихъ излюбленнаго наказанія, можно объяснить такое упорное сохраненіе

¹⁾ Виржевыя Вѣдомости, 1897 г. 20 окт. № 286.

²⁾ Журналъ Херсонскаго губернскаго земскаго собранія, 1895 г., записка гласнаго П. А. Зеленаго „объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія“.

³⁾ Медицинскій отчетъ за 1896 г., по Тамбовской лечебницѣ для душевныхъ больныхъ, стр. 48.

⁴⁾ Иббанковъ и Яковенко, стр. 193—194.

розги среди крестьянъ. Ходатайство земскихъ собраний, другихъ обществъ, наконецъ, протесты крестьянъ должны были какъ ни какъ оказать вліяніе на земскихъ начальниковъ; и они все чаще стали отмѣнять приговоры объ экзекуціяхъ. Сами обстоятельства вынуждали порой ихъ къ такимъ поступкамъ: сѣченіе вызывало среди мужиковъ иногда явные протесты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не находилось охотниковъ исполнять обязанности палачей ¹⁾).

Однако, еще въ 90-хъ годахъ тѣлесныя наказанія среди крестьянъ широко примѣнялись. Приведемъ нѣсколько цифръ. За 1896 г. въ Вологодской губ. къ розгѣ было приговорено всего 699 человекъ, — 7,9% всѣхъ обвинительныхъ актовъ, — изъ нихъ земскими начальниками утверждено 310. Въ Новгородской губ. приговоровъ было 510, (4%), приведено въ исполненіе 310. Въ Нижегородской 193 приговора (3%), утвержденныхъ 50. Въ Таврической губ. количество наказанныхъ значительно меньше: тамъ приговоровъ было всего 80 (0,8%), а утвержденныхъ — 5 ²⁾. Зато къ началу XX-го ст. цифры эти замѣтно падаютъ. Такъ въ Нижегородской губ. за 1901 г. было всего 37 приговоровъ къ экзекуціямъ, изъ нихъ приведено въ исполненіе 8 ³⁾. А въ слѣдующемъ, 1902 г. въ этой губерніи розга вовсе не примѣнялась ⁴⁾.

Мы видимъ, что тѣлесная расправа сама по себѣ постепенно вымирала. Но можно-ли было ждать, чтобы она прекратилась естественнымъ путемъ? Положимъ, въ нѣкоторыхъ участкахъ земскіе начальники поставили себѣ за правило никогда не утверждать приговоровъ къ розгѣ, но рядомъ съ ними находились другіе, весьма охотно назначавшіе порку. Требовалось категорическое постановленіе Высшей Власти объ исключеніи изъ нашихъ законовъ тѣлесной экзекуціи.

И вотъ, послѣ долгихъ и томительныхъ ожиданій, появился наконецъ 11-го августа 1904 г. Высочайшій манифестъ, даровавшій крестьянамъ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній. «Издавна принятая въ нашемъ законодательствѣ наказанія этого рода постепенно изволеніемъ Государственныхъ Нашихъ Предпосланныхъ исключены были изъ числа общихъ карательныхъ мѣръ. Пытѣ, въ довершеніе намѣреній Незабвенныхъ Дѣда и Родителя Нашихъ Мы признаемъ за благо повелѣть отмѣнить и для сельскихъ обывателей и инородческихъ управленій тѣлесныя наказанія. Да послужить сіе къ вѣщему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ и уваженія къ законнымъ правамъ каждаго», гласитъ манифестъ.

¹⁾ Русское Богатство 1892, 8.

²⁾ См. объ этомъ подробно у Жбанкова и Яковенко.

³⁾ Право 1902 г., № 31.

⁴⁾ Изъ отчетовъ земскихъ начальниковъ, № 13.

Такъ, послѣ сорокалѣтняго ожиданія, завершилась крестьянская реформа 60-хъ годовъ: сельскіе обыватели были пенитенціарно уравнены съ другими сословіями. Но и теперь, конечно, нашлись ревнители тѣлесныхъ наказаній, возставшіе противъ дарованныхъ льготъ. Нѣкоторые изъ этихъ неисправимыхъ реакціонеровъ возбуждаютъ даже ходатайства о возстановленіи тѣлесныхъ наказаній.

Осенью 1912 г. этотъ вопросъ дебатировался на многихъ земскихъ собраніяхъ по поводу развившагося хулиганства въ деревнѣ. Такъ, въ рыльскомъ земскомъ собраніи, въ октябрѣ мѣсяцѣ, членъ управы г. Пузановъ, ссылаясь на примѣры изъ древне-римской и изъ отечественной исторіи временъ в. кн. Владиміра доказывалъ, «что въ борьбѣ съ хулиганствомъ нужно практиковать тѣлесное наказаніе». И земское собраніе постановило возбудить соотвѣтствующее ходатайство ¹⁾. На собра-

Карикатура изъ „Искры“ 1863 г. № 8.

ніи великолукцаго земства, посвященнаго вопросу борьбы съ хулиганствомъ, гласный г. Орловъ также предложилъ ходатайствовать о возстановленіи порки. Великолукцкіе земцы—по словамъ «Рус. Вѣд.»,—ухватились за эту мысль. Г. Голенищевъ-Кутузовъ заявилъ, что «вопреки

¹⁾ Русск. Вѣд. 1912 г. № 266.

существующей модѣ отстаивать свободу сѣдалищной части тѣла», онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ тѣлеснаго наказанія, тѣмъ болѣе, что розги дешево обходятся государству. Большинствомъ всѣхъ противъ одного рѣшили возбудить это ходатайство ¹⁾).

Въ иныхъ мѣстахъ реакціонеры терпѣли поражение. Такъ, «въ зданіи рязанскаго уѣзднаго съѣзда подѣ председательствомъ и. д. уѣзднаго предводителя дворянства Кульчицкаго, состоялось особое совѣщаніе о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ въ деревнѣ. Въ совѣщаніи присутствовали всѣ земскіе начальники, много волостныхъ старшинъ, нѣсколько священниковъ, председатель рязанской уѣздной земской управы Кученевъ и др. должностныя лица... Въ совѣщаніи было констатировано, что хулиганство въ деревнѣ все растетъ и растетъ. По вопросу, какими мѣрами бороться съ этимъ печальнымъ явленіемъ современной деревни, было указано на недостатокъ школъ, на слабое распространеніе просвѣщенія, на отсутствіе внѣшкольнаго образованія, разумныхъ развлеченій для народа и т. д. Со всѣмъ этимъ большинство присутствовавшихъ согласилось. Тогда попросилъ слова рязанскій помѣщикъ, гласный уѣзднаго и губернскаго земства г. Календо. Онъ началъ съ того, что указалъ на паліативность всѣхъ предполагаемыхъ совѣщаніемъ мѣръ для борьбы съ хулиганствомъ.—Единственной дѣйствительной мѣрой, —заявилъ г. Календо,—было бы возстановленіе тѣлеснаго наказанія... Мысль оратора нашла живой откликъ у земскихъ начальниковъ г. г. Пера и Пинценскаго. Нашлось и еще нѣсколько «сочувствующихъ». Съ рѣзкой отповѣдью крѣпостникамъ выступилъ священникъ Озерскій и председатель управы Кученевъ. Собраніе устыдилось, и вопросъ о возстановленіи тѣлеснаго наказанія на баллотировку такъ и не былъ поставленъ» ²⁾). На верхнеднепровскомъ земскомъ собраніи въ Екатеринославской губ. этотъ вопросъ былъ также проваленъ. Предложеніе земскаго начальника Волкова о введеніи тѣлесныхъ наказаній было отклонено ³⁾).

Ходатайства земскихъ собраній о возстановленіи розги, горячіе и многочисленные дебаты этого вопроса являются фактомъ крайне характернымъ и знаменательнымъ для нашего времени. Какъ извѣстно, въ Западной Европѣ теперь находится не мало защитниковъ тѣлеснаго наказанія. Повидимому это «теченіе» нашло себѣ откликъ и въ Россіи. Наши розголюбы опять подняли голову и съ прежней энергіей, но къ счастью не всегда безъ прежняго успѣха, затянули свою старую пѣсню.

¹⁾ С.-Пет. Вѣд. 1912 г. № 256.

²⁾ Русское Слово 27 сент. 1912 г., № 222.

³⁾ День. 11 окт. 1912 г. № 10.

М. Меньшиковъ утверждаетъ, что повсемѣстное возбужденіе вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ есть просто на просто требованіе возвращенія къ рабству. Онъ доказываетъ далѣе насколько «это рабство» необходимо. «Какъ показываетъ опытъ борьбы съ хулиганствомъ въ просвѣщенныхъ странахъ, тѣлесное наказаніе дѣйствуетъ на негодьявъ благотворно: оно какъ бы возстановляетъ ослабленные у нихъ «задерживающіе центры» мозга. Страхъ боли и стыдъ наказанія впервые заставляють негодя воздержаться отъ дурного поступка, затѣмъ еще разъ воздержаться и еще. Повторныя (въ случаѣ нужды) наказанія влекутъ за собой повторныя упражненія негодя въ искусствѣ сдерживать себя, и эта нравственная гимнастика увѣнчивается, наконецъ, успѣхомъ. Недѣланіе дурного постепенно входитъ въ привычку, затѣмъ — въ стойкую потребность, и «хулиганъ» — если онъ не прирожденный преступникъ — становится порядочнымъ человѣкомъ... Для натуръ неуравновѣшенныхъ, склонныхъ къ преступности, тѣлесное наказаніе есть могучее исправительное средство, хотя и далекое, конечно, отъ того, чтобы быть панацеей... Недѣланіе (относительно порока)... должно культивироваться нѣкоторымъ насиліемъ, и если послѣднее является актомъ благородной и просвѣщенной воли (какою должна быть государственная власть), — то погибающій человѣкъ спасенъ. Такъ какъ подавляющее большинство народной вольницы не прирожденные преступники, а нравственно одичавшіе люди, то и тѣлесное наказаніе... явилось-бы для нихъ спасительнымъ» ¹⁾.

Но возвратимся къ манифесту 1904 г. — Кромѣ крестьянъ и инородцевъ, Императоръ Николай II, 11-го августа, освободилъ отъ тѣлеснаго наказанія еще корабельныхъ служителей и малолѣтнихъ ремесленниковъ ²⁾. Что касается тѣлеснаго наказанія въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ, то еще раньше изданія манифеста, 30-го іюля 1904 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, опубликованное 5-го августа по Военному вѣдомству, объ исключеніи тѣлесныхъ наказаній изъ числа послѣдствій перевода въ разрядъ штрафныхъ солдатъ и матросовъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время ³⁾.

По нынѣ дѣйствующимъ законамъ, къ розгѣ разрѣшается прибѣгать: 1) въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ до 50 ударовъ включительно, по отношенію къ лицамъ, принадлежавшимъ, до ихъ осужденія, къ разрядамъ населенія, не избавлявшимся до манифеста 11-го августа отъ тѣлесныхъ наказаній ⁴⁾; 2) въ Сибири для наказанія

¹⁾ Новое Время. 17 нояб. 1912 г. № 1378.

²⁾ Ул. 1885 г., ст. 1261 и 1377.

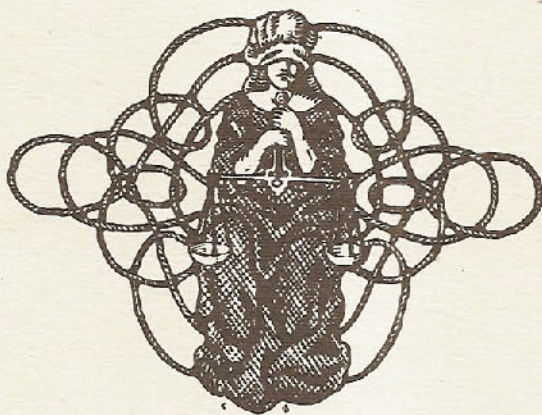
³⁾ Приказъ Военнаго вѣдомства 1904 г. за № 461.

⁴⁾ Ст. 397 Уст. Суд. подъ стр. по прод. 1906 г.

за различные проступки ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев до 100 ударов¹⁾ 3) въ военныхъ тюрьмахъ, въ видѣ дисциплинарнаго взысканія²⁾.

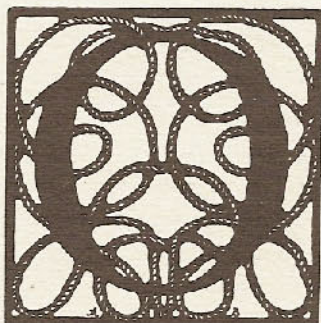
Итакъ, по офіціальнымъ постановленіямъ порки могутъ быть подвергнуты лишь преступники въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ военныхъ тюрьмахъ и на каторгѣ за новыя нарушенія законовъ. Въ сравненіи съ прежнимъ былымъ величіемъ истязаній въ Россіи несомнѣнно это лишь жалкій остатокъ. Надо надѣяться, что, въ ближайшее время и онъ канетъ въ вѣчность.

Ф. Ивановъ.

¹⁾ Ст. 238, 240, 241, 276 Уст. Ссылн. Изд. 1909 г.

²⁾ Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. XVII. Изд. 2-ое.

биліе тѣлесныхъ наказаній въ русской карательной системѣ недавняго прошлаго и постоянное назначеніе этихъ жестокихъ мѣръ воздѣйствія судебной властью могутъ дать лишь слабое представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ практиковавшихся въ Россіи экзекуцій.

Количество этихъ послѣднихъ невѣроятно умножалось благодаря стараніямъ нашихъ администраторовъ, ревностно «насаждавшихъ» порку и кулачную расправу. Даже въ эпоху Московской Руси и Петра Великаго, когда почти за каждыя провинности полагались кнутъ, плети и шпицрутены, начальники ухитрялись еще расширять ихъ примѣненіе. Къ жестокому, мелочному, но, какъ ни какъ, справедливому закону присоединялся тутъ личный произволъ его исполнителей, и не было границъ этому произволу. Когда-же, подъ вліяніемъ гуманитарныхъ началъ и чисто практическихъ соображеній, правительство приступило наконецъ къ смягченію жестокостей права наказанія, наши чиновники съ удивительнымъ консерватизмомъ все въ прежнихъ размѣрахъ продолжали истязать обывателей. Явно игнорируя законъ или прикрываясь всевозможными исключитель-

ными положеніями, они цѣпко держались за излюбленные приемы, привлекавшіе ихъ своею простотою, скоростью и дешевизною.

Нѣкоторые администраторы обладали, повидимому, болѣзненной склонностью мучить подвластное имъ населеніе. Какъ объяснить иначе факты, гдѣ обнаженіе обывателей, а главнымъ образомъ обывательницъ, связанное съ поркой и прочими видами мучительства, полны какого-то исключительно пристального интереса?

Но съ другой стороны, несомнѣнно, существовали и иные чиновники, точные исполнители монаршей воли и высочайшихъ указовъ. Ихъ дѣятельности мы не будемъ здѣсь касаться, — она относится къ области officialнаго права. Мы остановимся лишь на расправахъ правителей, безгранично распиравшихъ данныя имъ полномочія, правителей, отличавшихся совершенно особымъ, крайне своеобразнымъ толкованіемъ закона, создававшихъ на ряду съ officialными постановленіями свой особый, неписанный, кодексъ, свое право.

I.

Административныя взысканія въ XVII и XVIII в.в.

Разладъ этого административнаго кодекса съ государственнымъ законодательствомъ существовалъ еще въ древнѣйшія времена. Тѣлесныя наказанія въ Уложеніи 1649-го года и въ Воинскихъ Артикулахъ Петра занимали исключительно важное мѣсто; однако исполнители на практикѣ еще чаще пускали ихъ въ ходъ. Высшіе правители предписывали сѣчь всѣхъ за самыя малѣйшія прегрѣшенія, но сѣчь только виновныхъ. А неписанный кодексъ русскихъ администраторовъ рекомендовалъ истязать рѣшительно всѣхъ, съ кого нельзя было содрать взятку; допуская грабить жителей, позоря и попутно развратничая съ женщинами. Большинство провинціальныхъ начальниковъ и воеводъ такъ и поступало. Исторія сохранила не мало рассказовъ объ ихъ дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, въ городѣ Добромъ, Тамбовской губ., воевода Владиславъ Сербинъ смертнымъ боемъ билъ всѣхъ безъ всякой вины, увѣчилъ жителей, разорялъ ихъ, безчестилъ женщинъ и предавался съ ними безпутству. «И мы, Великій Государь, въ лѣтѣ и зимѣ то и дѣлаемъ, что калъ и навозъ за городъ воеводскихъ конюшенъ подгребаемъ и носимъ за городъ, а будетъ онъ, Владиславъ, увидить, гдѣ нечисто и нась, холопей твоихъ, бьетъ и увѣчить палкою и домишки наши жгетъ и дѣтей нашихъ тиранить», жаловался народъ царю¹⁾. Въ той-же Тамбовской губ. Кнобеевскій приказный человѣкъ Яковъ Рубцовъ разъ-

¹⁾ И. Дубасовъ: Очерки Тамбовскаго края вып. 4 стр. 55.

взжалъ по уѣзду съ конюхами и крестьянами, грабилъ и билъ старыхъ и малыхъ плетми, батожемъ ¹⁾).

Другіе администраторы особенно были склонны къ лицамъ женскаго пола. Понздѣваться, посѣчь, потиранить приглянувшихся красавицъ было ихъ главной утѣхой. Въ концѣ XVII ст. полковникъ гор. Острожска Кондрать Голоскокъ хваталъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ всѣхъ понравившихся ему женщинъ, держалъ у себя взаперти, а излишкомъ снабжалъ пріятелей. Однажды онъ велѣлъ схватить красавицу—дѣвушку Анастасію Сиверскую. Ее заперли въ кутузку. Полковникъ объявилъ несчастной, что ее заподозрѣли въ какомъ-то преступленіи, что ей грозитъ жестокое наказаніе, но онъ, по особому милосердію своему, соглашался ее взять себѣ на поруки. Потомъ въ качествѣ поручителя Голоскокъ счелъ себя въ правѣ распоряжаться дѣвушкой по своему усмотрѣнію, привелъ ее къ себѣ на дворъ и отправилъ ее къ генералу Григ. Касогову. Съ тѣхъ поръ Сиверская пропала безъ слѣда. Вспокошилась ея старуха — мать. Не долго думая она отправилась къ царю въ Москву искать защиты отъ насильника. Тамъ ей повезло—она возвратилась домой съ грамотой о смѣщеніи Голоскока. Сей послѣдній сейчасъ-же узналъ объ этомъ, явился на постоянный дворъ, гдѣ остановилась старуха и, какъ рассказывала она впоследствии, «выволокъ меня изъ избы и изъ двора на улицу за ноги, скинулъ порты свои, и сѣвъ естествомъ своимъ голымъ на ротъ, говорилъ такія слова: вотъ тебѣ грамота... и билъ и увѣчилъ и простоволосу учинилъ и поставилъ нагу меня середь улицы». Несчастная подала жалобу на Голоскока Черкасскому полковнику Сосѣ. Возникло дѣло. Сначала какъ будто-бы все складывалось благопріятно для Сиверской; но на сторонѣ Голоскока была сила: населеніе какъ ни какъ его боялось. При повальномъ допросѣ всѣ десятскіе полки показали, что ничего не знаютъ объ издѣвательствахъ полковника; за ними и другіе свидѣтели говорили то-же. Дѣло долго тянулось; конецъ его утерять, извѣстно только, что черезъ нѣсколько лѣтъ Сиверская должна была дать подписку о невыѣздѣ, а Голоскокъ продолжалъ управлять попрежнему ²⁾).

Такихъ фактовъ сколько угодно. Въ Архангельской губерніи надъ тремя городами Устюгомъ, Сольвычегодскомъ и Татмой злодѣйствовалъ въ началѣ XVIII ст. уѣздный предводитель Акишевъ. На улицѣ онъ любилъ раздѣвать до пага встрѣчавшихся женщинъ, водить ихъ такъ по городу, а послѣ насиловать ихъ. Также не безъ удовольствія увѣчилъ и билъ Акишевъ жителей, вымогая у нихъ взятки ³⁾).

¹⁾ „Очерки Тамбовскаго края“, выш. 4 стр. 66.

²⁾ Рус. Архивъ 1887, 3.

³⁾ Мрочекъ-Дроздовскій: Областное управленіе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.

Въ это время на противоположномъ концѣ Россіи, на югѣ, въ Малороссіи, подобнымъ-же образомъ издѣвался надъ казаками Гаврила Милорадовичъ, по прозванію полковникъ Македонскій. Избиваемые долго терпѣли, но наконецъ подали на Милорадовича жалобу съ перечисленіемъ своихъ обидъ: Нестора Доценко, казака, тирански истязалъ за то, что купилъ пиво у мужика; Ивана Осовика, казака, такъ билъ, что тотъ нѣсколько недѣль пролежалъ, а билъ за то, что, изволеніемъ Божьимъ поговѣлъ; Якова Хоменка, казака, безъ всякой вины билъ такъ, что кровь сквозь одежду выступила; Ирину, крестьянку, тирански истязалъ и вѣшалъ за руки къ сволюку за то только, что купила кварту водки у солдата (а не въ шинкѣ у Милорадовича); Дмитрія Свиначука «стремглавъ» повѣсилъ и по пяткамъ такъ билъ, что недѣли три лежалъ на колѣняхъ, пока раны не зажили, а билъ безъ всякой вины, и т. д. ¹⁾...

И не было защиты отъ своеволия деспотовъ, не у кого было искать правды. «До Бога высоко, до царя далеко» — учила русская пословица. Въ иныхъ мѣстахъ населеніе не выдерживало жестокаго обращенія и возставало. Такъ мы знаемъ, что уже при Петрѣ вспыхнулъ среди казаковъ, такъ называемый, Булавишскій бунтъ. Подзадоривая возстать народъ, атаманъ писалъ въ возваніи о тягостяхъ, которыя причиняетъ населенію князь Юрій Долгорукій со старшинами. Сии администраторы многія станицы «огнемъ выкигали и многихъ старожилыхъ казаковъ кнутомъ били, губы и носы рѣзали и младенцевъ по деревнямъ вѣшали, также женска полу и дѣвочки брали къ себѣ для блуднаго помысленія на постели» ²⁾.

Надо отдать справедливость Петру Великому; этотъ монархъ, принялся было сокращать царствовавшій въ странѣ произволъ, ограничивая мѣстныхъ правителей точными указами и налагая на нихъ строгія взысканія. Въ 1717-мъ г. имъ была даже назначена особая слѣдственная комиссія для разслѣдованія множества злоупотребленій, совершенныхъ управителями. Все это однако ни къ чему не повело. Петръ дѣйствовалъ непослѣдовательно: преслѣдуя съ одной стороны чиновниковъ, онъ съ другой — давалъ имъ все-таки необычайно широкія полномочія; — начальникамъ поручалось завѣдывать «судомъ и расправой и всякія дѣла управлять по Уложенію и по Новоуказаннымъ статьямъ, примѣняя оное къ наказамъ прежнихъ воеводъ, и по своему усмотрѣнію, усматривая лучшее» ³⁾. Это прибавленіе — управлять по собственному усмотрѣнію,

¹⁾ „Люди старой Малороссіи“. Кіевская старина 1882 г. 8.

²⁾ Изъ возванія атамана Войска-Донского къ кубанскимъ казакамъ. Р. Стар. 1876 г. II.

³⁾ П. С. З. № 2067.

усматривая лучшее, — конечно, давало широкую власть правителямъ распоряжаться безъ стѣсненія надъ населеніемъ, съѣзъ, насильничать, сколько Богъ на душу положить.

При такихъ широкихъ полномочіяхъ мѣстной власти, немудрено, что нарушеніе законовъ въ Россіи производилось попрежнему, и начальствующія лица не прекращали своихъ буйствъ. Въ Тамбовской губ. въ 30-хъ годахъ XVIII ст. свирѣпствовали воровскія шайки. Для водворенія порядка правительство отправило туда воинскія команды подъ начальствомъ Ребрикова. Однако, вмѣсто защиты жителей «тѣ Донскіе казаки дѣлали озорничество, ознобляли народъ на морозѣ и забивали многихъ плетями и саблями до смерти», иныхъ привѣшивали къ столбамъ и оставляли такъ висѣть цѣлыми днями ¹⁾. Тѣхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались отправиться съ доносомъ, правители подвергали жестокому наказанію. Въ 50 годахъ того-же вѣка насильничалъ въ Бѣлградѣ воевода Морозовъ. Нѣсколько купцовъ донесли на него, что онъ похищаетъ казенное добро. За это воевода билъ жалобщиковъ батогами и рѣзалъ нѣкоторымъ носы ²⁾.

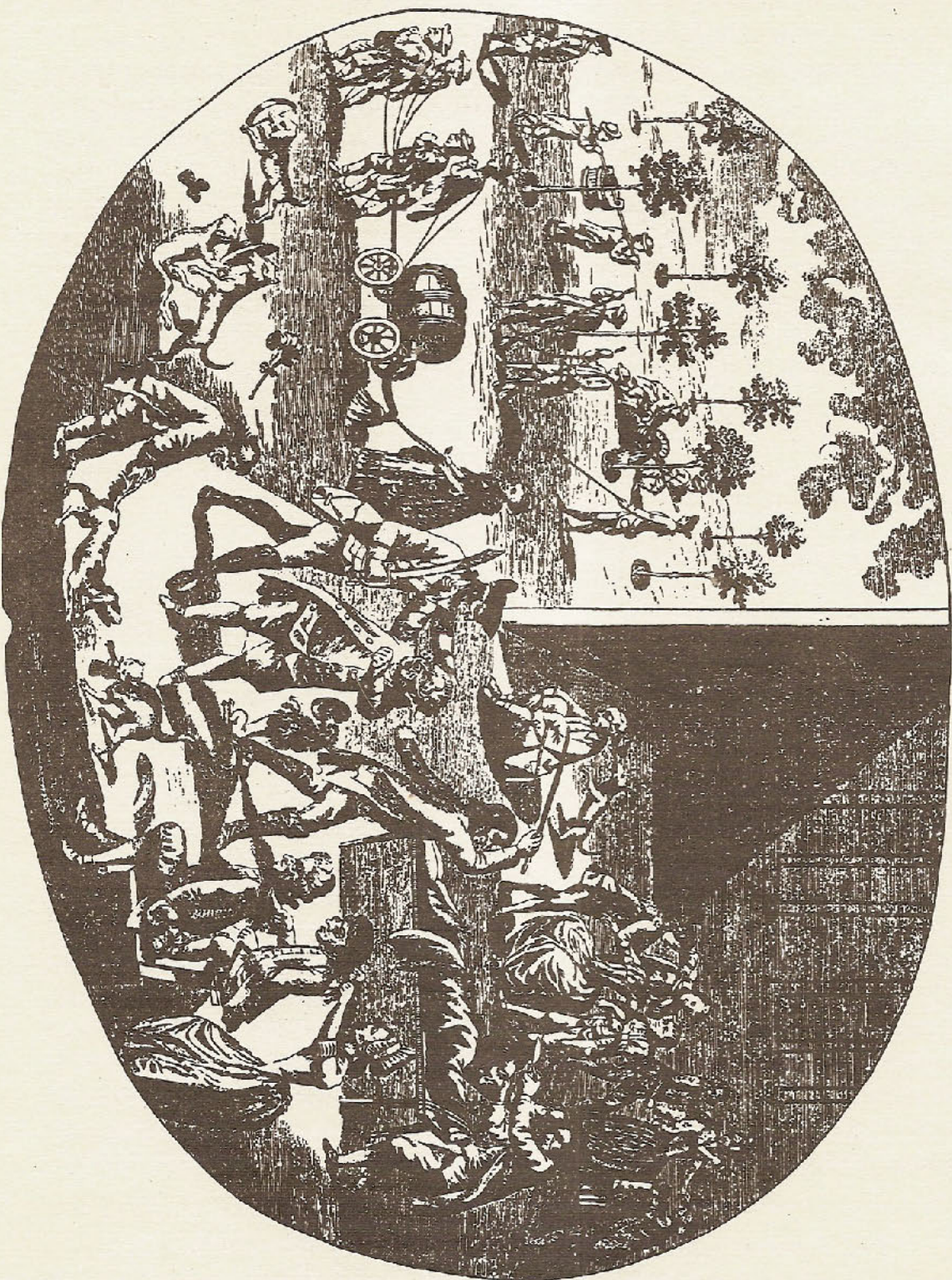
Но, конечно, бывали случаи, когда правосудіе торжествовало и насильниковъ подвергали отвѣтственности. Такъ, напримѣръ, въ 1754 г. Кольскаго воеводу Нечаева, который произвольно забиралъ людей подъ караулъ и безъ челобитья и приказной записи билъ батожемъ, судъ положилъ за безчестіе штрафовать ³⁾.

По примѣру Монарха, расправлявшагося собственноручно дубинкой съ приближенными, столичныя и мѣстныя власти немилосердно истязали низшихъ служащихъ, наказывая ихъ за провинности, или просто «здорово живешь» издѣваясь надъ ними безъ всякой причины. Вотъ какую жалобу написалъ Петровскій комендантъ Андрей Ивинскій на Астраханскаго губернатора Артемія Волынскаго: «А ноября во 2-й день бывшій посланникъ (А. Волынской) пріѣхалъ въ Петровскъ на отведенную себѣ квартиру со многолюдствомъ. И умысля злодѣйствомъ и лукавствомъ своимъ и обманомъ съ людьми и съ драгуны своими швецкой породы, гонялись за мной со шпагами и прокололи на мнѣ кафтанъ не въ одномъ мѣстѣ, и отбивъ у меня мою шпагу, напали на меня многолюдствомъ, били и за волосы тащили на дворъ къ подъячему моему, гдѣ онъ, посланникъ стоя, и притащивши оборвали съ меня платье, въ одной рубахѣ ругательски растянувши на землѣ били и мучили ослопъ-

¹⁾ И. Дубасовъ. „Очерки Тамбовскаго края“, выш. 3-й стр. 76.

²⁾ В. Гольцевъ: „Правы русскаго общества въ XVIII ст.“ Юридическ. вѣст. 1886. I.

³⁾ В. Лешковъ. Русскій Вѣстникъ 1868, кн. 16.

Наказани въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Пруссіи.

(Изъ кн. К. Нейнманн: «Reiter und Roßbespflöge in der deutschen Vergangenheit».)

ями ¹⁾ не малое время, и оныя ослопья переломали... и едва жива оставили на землѣ. И оный же Волынской мученаго меня еще топками и каблуками билъ же и сковавъ въ желѣза держали двое сутки ²⁾.

Этотъ Волынской, въ послѣдствіи такъ печально погибшій при Биронѣ, вообще отличался драчливымъ характеромъ. Будучи кабинетъ-министромъ, онъ однажды жестоко расправился съ поэтомъ Тредьяковскимъ, который донесъ объ этомъ Академіи Наукъ въ такихъ выраженіяхъ: «правое мое ухо оглушили, а лѣвый глазъ подбили, браня всячески (Волынской) велѣлъ съ меня снять шпагу и съ великой яростью всего оборвать и положить и бить палкой по голой спинѣ такъ жестоко немилосердно, что какъ мнѣ сказывали послѣ, дано мнѣ 70 ударовъ» ³⁾.

Вообще расправа тогда была скорая и простая; достаточно указать на инцидентъ, произошедшій съ учителемъ академической гимназіи Введенскимъ: изъ-за нехожденія въ классы Введенскаго взяли подъ караулъ, онъ былъ пьянъ, велъ себя подъ карауломъ неспокойно, и прапорщикъ Петръ Галль отхлесталъ его плеткой «какъ лошадей гоняютъ». Правда, за такую расправу Галль поплатился, онъ былъ смѣненъ съ академическаго караула и опредѣленъ по другимъ дѣламъ ⁴⁾.

Вѣкъ Екатерины Великой и Павла не принесть облегченія Россіи отъ административнаго насилія. Хотя законодатели въ это время и начали исподволь изгонять жестокія тѣлесныя наказанія, однако на практикѣ эти мѣропріятія сплошь и рядомъ игнорировались. Въ провинціи, въ глухихъ углахъ окраинъ царилъ свой законъ и правосудіе.

Сибирскіе администраторы. Сибирскій край въ этомъ отношеніи издавна славился своими администраторами. Еще въ XVII-мъ вѣкѣ протопопъ Аввакумъ писалъ: «начальники нечестивицы, а палки у нихъ большія, плети рѣжутъ кожу, и пытки у нихъ жестокія: огонь да дыба; люди-же голодаютъ и умираютъ, несчастные, сейчасъ-же послѣ пытки». Въ послѣдующія времена нравы сибирскихъ начальниковъ не измѣнились. Эпоха Императрицы Елизаветы, Великой Екатерины и даже Александра I-го оставила намъ цѣлый рядъ возмутительныхъ поступковъ тамошнихъ властителей. Не всѣ ихъ похождения дошли до насъ, многое забылось, утратилось, но и то, что мы знаемъ, рисуетъ яркую картину страшныхъ жестокостей.

¹⁾ Ослопъ—дубина, толстый конецъ который утыканъ желѣзными остріями или окованъ желѣзомъ.

²⁾ Изъ жалобы Петровскаго коменданта Андрея Ивинскаго на Астраханскаго губернатора Артемія Волынскаго, „Русскій Архивъ“ 1895.

³⁾ Изъ рапорта Тредьяковскаго къ Академіи Наукъ 1740 г. Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ т. XX стр. 475.

⁴⁾ В. Андреевъ. „Очерки изъ исторіи образованія и литературы въ Россіи“ стр. 116.

Въ началѣ XVIII-го в. десятиники въ сибирскихъ городахъ били обывательницъ «и заставляли по неволѣ говорить ложно на всякихъ добрыхъ людей блудное воровство и съ тѣхъ людей имали себѣ взятки великія; дѣвокъ разболокали до нага и груди давили до крови и всякое ругательство чинили» ¹⁾. При Елизаветѣ командировали въ Иркутскъ ревизора Крылова для разслѣдованія различныхъ злоупотребленій купечества по винокурению. При разборѣ дѣлъ этотъ чиновникъ подвергалъ купцовъ жесточайшимъ пыткамъ. Перваго иркутскаго капиталиста Бичевина сѣкъ и пыталъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, билъ его однажды кнутомъ на дыбѣ въ продолженіе многихъ часовъ; отъ истязанія Бичевинъ умеръ.

Крыловъ много пилъ и послѣ известной дозы алкоголя становился звѣремъ. Тогда онъ сѣкъ встрѣчнаго и поперечнаго или-же предавался необузданному половому изліществу. Пріѣхавъ въ Иркутскъ, этотъ ревизоръ насильно занялъ поправившійся ему домъ купца Мясникова. Съ этого дня хозяева не знали покоя;—они безприкословно исполняли все приказанія Крылова, а тотъ постоянно ругалъ ихъ, билъ, сѣкъ плетми, врывался въ ихъ квартиру и переворачивалъ все вверхъ дномъ. Жену хозяина, купчиху Мясникову, онъ постоянно преслѣдовалъ своими предложеніями; онъ «угрожалъ ей, билъ по щекамъ, таскалъ за косу, колотилъ головой о стѣнку, сѣкъ плетми и розгами; но Мясникова не сдавалась. Тогда Крыловъ призвалъ ее къ себѣ съ мужемъ, приказалъ последнему собственноручно сѣчь ее и при этомъ убѣждать, чтобы она отдалась Крылову. Мясниковъ явился образцомъ добродѣтельнаго повиновенія и безприкословно, хотя со слезами на глазахъ, началъ исполнять приказаніе грознаго ревизора... Каждую поправившуюся дѣвушку или женщину этотъ самодуръ забиралъ къ себѣ. Если онъ не отдавался добровольно, онъ ихъ насилдовалъ, принуждалъ къ любви, при помощи своихъ солдатъ, жестокими побоями и истязаніями. Не ограничиваясь взрослыми, онъ изнасилдовалъ нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ. Чтобы уберечься отъ жалобъ, Крыловъ перехватывалъ и прочитывалъ даже официальные пакеты вице-губернатора и никому не развѣщилъ, безъ особаго согласія своего, покидать городъ.

Крайне характерно отношеніе правительства къ этому чиновнику. Нахальство его дошло до того, что онъ арестовалъ самого вице-губернатора Вульфа. Тогда архіерей ѳ Вульфъ послали на него доносъ Императрицѣ. Въ 1760 г. Крылова арестовали и заковали въ кандалы. Сенатъ разслѣдовалъ его дѣло и постановилъ лишить этого иркутскаго героя чиновъ, однако не за грабежи, насилія, казнокрадство, пытки, не за умерщвленіе Бичевина, а за арестъ Вульфа и за то, что Крыловъ

¹⁾ С. С. Пашковъ „Ист. русской женщины“ т. I, стр. 793.

съ пьяныхъ глазъ велѣлъ приколотить къ государственному гербу на башнѣ дощечку со своей фамиліею. Но у Крылова была сильная поддержка и генераль-губернаторъ Глѣбовъ замялъ это дѣло. По ходатайству иркутскихъ купцовъ Императрица Екатерина его снова возобновила. На этотъ разъ Крылову былъ вынесенъ приговоръ: «вмѣсто заслуживаемой имъ смертной казни, высѣчь его въ городѣ Иркутскѣ кнутомъ и сослать на каторгу въ работы вѣчно». Однако, изъ Иркутской лѣтописи достовѣрно извѣстно, что Крылова кнутомъ не драли и на каторгѣ онъ не былъ: ѣздившіе въ столицу Иркутскіе купцы встрѣчали его тамъ здоровымъ и невредимымъ ¹⁾.

Какъ видно, насильничаніе и издѣвательство надъ жителями не считалось правительствомъ за особое преступленіе. Согласно своимъ гуманнымъ возрѣніямъ, Екатерина подвергла виновнаго жестокой карѣ, но лишь на бумагѣ:—никто не считалъ нужнымъ приводить въ исполненіе этотъ приговоръ. Подобныя истязанія въ тѣ времена считались чуть-ли не въ порядкѣ вещей. Самъ сибирскій губернаторъ Шеншинъ слѣдующимъ образомъ мучилъ польскихъ конфедератовъ, которымъ еще на родинѣ, т. е. до ссылки, отрѣзали уши и носы:—ихъ привязывали, по приказанію Шеншина, къ длиннымъ, толстымъ, круглымъ деревяннымъ колодамъ, по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, и сбрасывали съ Тобольскаго кремля. «Обрубокъ, катясь съ высокой горы, разбивалъ несчастнымъ головы и на лучшей конецъ сокрушалъ кости» ²⁾.

Другой начальникъ Милекинъ наводилъ такой страхъ на жителей, что при его появленіи на улицѣ всѣ разбѣгались и прятались по угламъ; кто не успѣвалъ скрыться—подвергался поркѣ. Съ любовникомъ своей жены, бывшимъ адъютантомъ, онъ расправился слѣдующимъ образомъ: приказалъ заковать его въ кандалы, посадить въ тюрьму, затѣмъ на эшафотѣ далъ ему 50 ударовъ кнутомъ, посыпавъ затѣмъ избитыя плечи ѣдкимъ напытыремъ; такая экзекуція была совершена два раза, собирались произвести ее и въ третій разъ, но другой начальникъ вырвалъ у Милекина жертву ³⁾. Или вотъ главный командиръ заводовъ Черницынъ. Куда бы онъ не отправлялся, всегда въ особомъ сундукѣ возилась у него нагайка, которой онъ билъ ямщика за всякія провинности. Разъ его лошади набѣжали на гололеду и, смутивъ ямщика, остановились. Черницынъ проснулся. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ внѣ себя заоралъ: «кнутовъ». Лошади приняли этотъ крикъ на свой счетъ, рванули и понесли. *Sapienti sat* такого раз-

¹⁾ С. С. Шашковъ: Иркутскій погромъ 1758—60 г. полн. собр. соч. т. II, стр. 658—665.

²⁾ Максимовъ; „Сибирь и каторга“ стр. 327.

³⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“, стр. 472.

сказа.... Этотъ Черницынъ засѣкъ до смерти крестьянина за то только, что тотъ, разговаривая въ присутствіи съ помощникомъ начальника, сталъ къ Черницыну спиной ¹⁾. Сравнительно съ этими типами почти незамѣтно проходитъ какой-нибудь бригадиръ Нѣмцовъ, который билъ постоянно подчиненныхъ своими руками, а нѣкого Бурцева вздумалъ привязать къ столбу и держать такъ нѣсколько дней ²⁾.

Какъ ни странно, но нельзя сказать, чтобы всѣ эти личности отличались особой звѣрской потребностью мучить другихъ, или особой грубостью и невѣжествомъ. Такіе утонченные садисты, какъ Крыловъ, исключеніе. Въ большинствѣ случаевъ это самые обычные люди, порою очень образованные. Горный начальникъ въ Сибири Рычковъ, напр., слылъ даже за умнѣйшаго и интеллигентнѣйшаго человѣка, что не мѣшало ему однако забивать до смерти подчиненныхъ ³⁾.

Либеральныя вѣянья въ передовыхъ слояхъ общества не оказывали ни малѣйшаго вліянія на нашихъ администраторовъ. Въ первые годы царствованія Александра I, когда правительство предприняло рядъ мѣръ къ сокращенію истязаній, когда на очереди стоялъ вопросъ объ отмѣнѣ торговой казни и вырѣзыванья ноздрей, въ далекой Сибири орудовалъ Пижне-Удинскій исправникъ Лоскутовъ. Совершаніе человѣческихъ страданій было самой насущной потребностью этого человѣка. Лоскутовъ, «всегда мрачный и грозный дѣлался еще мрачнѣе и суровѣе, когда долго не видалъ крови, не слышалъ стоновъ, развеселялся, когда кровавые ручьи и лужи обогряли землю и стоны наполняли воздухъ. Никакая жалость не проникала въ его желѣзное сердце. Во время тягчайшихъ истязаній, которыя едва могла выносить натура человѣческая, онъ кричалъ, неистовымъ голосомъ людоѣда: «Катай его, печестивца»..... Окруженный всегда казаками, вродѣ опричниковъ временъ Грознаго, Лоскутовъ возилъ всегда съ собой орудія казни: розги, палки, плети. Приѣздъ его въ селеніе былъ сигналомъ къ пролитію крови; тотчасъ начинались истязанія, въ которыхъ онъ доходилъ поистигѣ до адской утонченности».

¹⁾ Максимовъ, стр. 472.

²⁾ Тамъ же стр. 740, примѣчаніе.

Сохранилось въ сибирской лѣтописи воспоминаніе еще объ одномъ начальникѣ—Теодорѣ Фришѣ. Въ противоположность своимъ коллегамъ, этотъ администраторъ проявлялъ полный недостатокъ усердія къ дѣламъ управленія. Взаимнѣю орудовала его супруга, прозванная „Царицей Сибирской“. Эта дама совершенно самостоятельно распоряжалась чиновниками, дѣлымъ горнымъ округомъ и съ несказаннымъ удовольствіемъ наказывала своеручно крестьянъ и слугъ (Максимовъ стр. 472).

³⁾ Максимовъ: стр. 472.

У него было два приѣма сѣченія: обыкновенный и съ пересыпкой. Сначала били по спинѣ палками, а потомъ по свѣжимъ ранамъ всыпали порцію розогъ. Всюду этотъ звѣрь находилъ предлогъ для экзекуціи. «Плохо вспахана земля — сѣкли, нечисто на дворѣ или въ избѣ — сѣкли, прорѣхи на рубашкѣ или сорочкѣ — сѣкли. Сѣкли за все и про все». Крестьяне, прослышавъ о приѣздѣ исправника, приготавливали ему жертвы. «Толпы обреченныхъ къ наказанію были уже готовы и стояли на улицѣ; пуки розогъ и палокъ были разложены въ великомъ множествѣ. Не было пощады ни полу, ни возрасту, ни состоянію здоровья. Старики, дѣти, дѣвицы и беременныя женщины, больные и хилые — всѣ равно подвергались мученію. Вопли и стоны разрывали душу, кровь лилась потоками.... многіе умирали на мѣстѣ; другіе спустя день, два послѣ мученія!.... Если случалось въ деревнѣ пожаръ, особенно, если украли что у проезжаго или срѣзали ящикъ или тюкъ въ обозѣ, о! тогда сѣкли безъ пощады и безъ разбору все населеніе, съ мала до велика, пока не открывался виновный, это былъ уже великій праздникъ для кровожадной души губителя». Губернаторъ, находя очевидно, дѣятельность этого палача полезной и нужной для общества, покровительствовалъ ему; всѣ жалобы на Лоскутова оставались безъ послѣдствій. Лишь съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Сибири Сперанскаго Нижне-Удинскій исправникъ попалъ подъ судъ ¹⁾.

Даже на общемъ фонѣ царившаго въ ту эпоху административнаго произвола такія личности, какъ Крыловъ и Лоскутовъ, встрѣчались какъ рѣдкость. Не довольствуясь одними побоями, они со вкусомъ гастрономовъ упивались страданіями своихъ жертвъ. Средній русскій администраторъ, не избѣгавшій при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ прибѣгать къ собственноручной расправѣ, въ то же время отнюдь не отличался такой уже неумолимой потребностью созерцанія человѣческихъ мученій. Вообще въ тѣ времена, по выраженію Есипова, «убѣжденіе существовало полное, что произволъ и сила личностей выше всякаго закона. Боялись лицъ облеченныхъ правительственной властью безъ всякаго къ нимъ внутренняго уваженія, и то только тѣхъ, которые заявляли о себѣ какимъ-нибудь энергическимъ дѣйствіемъ, хотя бы и не вполне законнымъ» ²⁾.

¹⁾ Характерная черточка изъ жизни Лоскутова: боясь доноса Сперанскому онъ забралъ у крестьянъ чернила и бумагу и свезъ все это на сохраненіе въ волостное правленіе. „Записка Иркутскаго жителя“. „Р. Стар“. 1905. 7—9.

²⁾ Г. Есиповъ „Ванька Каинъ“ „Осмнадцатый вѣкъ“ сбор. П. Бартеневъ кн. 3-ья стр. 293 — 294.

II.

Полиція въ XVIII вѣкѣ и сыскной приказъ.

Произволь властей, ихъ беззаконныя дѣйствія особенно тяжело отражались на мелкомъ русскомъ людѣ, волей или неволей постоянно сталкивавшегося съ полиціей. Какъ и въ наши дни, на обязанности полицейскихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ лежало наблюдать за порядкомъ и тишиной. Мелкіе воришки, проститутки, пьяницы—все при «бдительномъ окѣ» отправлялись прежде всего въ кутузку. Туда-же волокли заболѣвшихъ венерическою болѣзью, «жидовъ», бродягъ или просто мирныхъ жителей, заподозрѣнныхъ въ неисполненіи какого-нибудь предписанія. Расправа надъ арестованными была заранее извѣстна: сѣкли всѣхъ безъ разбора и долгихъ разсужденій. Шелъ человекъ поздней порой безъ фонаря, его хватали въ участокъ и тамъ пороли; топилъ кто-нибудь печи больше указанного числа разъ,—его подвергали той же участи и т. д.

Передъ нами нѣсколько характерныхъ дѣлъ изъ архива Московской полиціи.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны 12 мая 1737 г. представленъ былъ въ участокъ крестьянинъ Боевъ съ курицей. На допросѣ выяснилось, что крестьянинъ шелъ изъ дома помѣщика своего и несъ курицу для продажи. Полицейскія власти не удовлетворились такимъ объясненіемъ; было постановлено: допросить подъ «кошками», не поймалъ ли онъ или не укралъ ли онъ гдѣ-нибудь курицы и не было ли съ нимъ кого-нибудь въ согласіи, а если не *извинится*, то отдать его помѣщику съ распискою ¹⁾.

Крестьянинъ Максимъ Лукьяновъ вотчины Спасо-Ярославскаго монастыря заявилъ полицеймейстерской канцеляріи, что когда онъ возвращался «въ часу другомъ» ночи изъ гостей, въ Ямской Коломенской слободѣ на него напали человекъ съ четверо воровскихъ людей и сняли съ него грабежомъ кафтанъ смурастрой, шубу нагольную, камзолъ со штанами и другія вещи; когда его грабили, онъ не смѣлъ кричать подъ угрозой грабителей. Спустя два дня Лукьяновъ нашелъ свой распоротый кафтанъ смурастрой, лежащимъ для продажи въ лавкѣ въ Бѣломъ городѣ на Неглинной. Поднялся споръ; пострадавшій оторвалъ рукавъ отъ своего кафтана и понесъ его на съѣзжій дворъ для объявленія, но тамъ не оказалось подъячаго. На другой день онъ снова отправился туда и рассказалъ о происшедшемъ. По этому извѣсту взяли хозяйку лавки,

¹⁾ Прот. пол. канц., „В. Каинъ“ „Осмнадцатый вѣкъ“ П. Бартевевъ кн. 3-ья.

въ которой нашелся кафтанъ. Лавочница отрицала свою вину. Между тѣмъ Лукьяновъ при осмотрѣ «оказался подозрительнымъ», на немъ были найдены знаки наказанія кнутомъ. Положимъ, онъ объяснилъ, что его сѣкли, пытая по подозрѣнію въ сорваніи замковъ съ одной лавки. Но это его не спасло; полицеймейстерская канцелярія приговорила въ искѣ Максиму отказать «того ради по всему видно, что означенный провидецъ такимъ поличнымъ ополчилъ и оклеветалъ ту женщину напрасно; понеже какъ въ вышеописанномъ кафтанѣ поимался,

Наказаніе женщинъ въ Вѣнѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ.

(Изъ кн. F. Heinemann «Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit»).

а караулъ не кричалъ и съ тѣмъ поличнымъ вышеописаннаго приводной женки мужа куда надлежить не привелъ, а и взятое будто-бы поличное принесъ на съѣзжій дворъ на другой день безъ всякаго свидѣтельства, да и о грабежѣ о себѣ показалъ, какъ его грабили въ то время караулъ не кричалъ; и за такія его, Максима, дерзости, что онъ въ народъ чинитъ нападкі и разоренія чинитъ ему наказаніе при барабанномъ боѣ, бить морскими кошками нещадно, дабы и впредь какъ ему, такъ и другимъ такимъ же подобнымъ ему, Максиму, дѣлать было

неповадно» ¹⁾). Скорое и простое рѣшеніе!—Лукьяновъ уже подвергался однажды тѣлесному наказанію—слѣдовательно, нельзя было придавать вѣры его словамъ,—онъ долженъ быть виноватъ.

Трудно было тогда найти правду «маленькому» человѣку. Боялись-ли полицейскіе чиновники оставить безнаказанно виновнаго, или находили они особое удовольствіе въ поркѣ, неизвѣстно; достовѣрно лишь то, что они буквально не пропускали случая произвести экзекуцію надъ несчастнымъ обывателемъ, попавшимъ къ нимъ въ руки.

Въ ноябрѣ 1741-го года въ Москворѣцкой слободѣ у одной крестьянки загорѣлась изба. Блюстители порядка заподозрѣли хозяйку въ намѣреніи поджечь свой домъ. Ее потянули къ допросу. Баба рассказала какъ было дѣло: «она усмотрѣла дымъ изъ чулана, хотѣла взойти, но при отвореніи двери ее отшибло поломемъ»; тогда она выбѣжала изъ дому. Но праведный судъ полицейскаго застѣнка рѣшилъ наказать женщину кошками за небрежное обращеніе съ огнемъ «понеже оная женка и сама показала, что тутъ пожаръ учинился въ чуланѣ и видимо (?), что она въ тотъ чуланъ ходила за чѣмъ съ огнемъ и уронила» ²⁾).

Или вотъ еще другое дѣло. Однажды въ 8 часовъ вечера полицейской часовой привелъ на сѣзжій дворъ крестьянина Ивана Васильева, а съ нимъ лошадь буланную съ саями, съ хомутомъ наборнымъ, съ полостью медвѣжьей, покрытую зеленымъ сукномъ, и плащъ суконный васильковаго цвѣта. По словамъ часового онъ арестовалъ крестьянина за то, что когда окликнулъ его: «кто идетъ», тотъ отвѣтилъ: «чертъ идетъ». Оказалось дѣло было въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Иванъ Васильевъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ ловили за Москворѣцкими воротами на Москвѣ-рѣкѣ рыбу. Баринъ послалъ Ивана Васильева домогъ съ лошадью за ключами и печатью. При возвращеніи у Арбатскихъ воротъ Ивана Васильева окликнулъ часовой, тотъ отвѣчалъ свое имя и никакого чорта не упоминалъ. Крестьянину, однако, не повѣрили: «хотя онъ въ распросѣ сказалъ, что чортомъ не назывался, и тому вѣрить не можно, а увѣряются болѣе караульными солдаты, въ чемъ и вѣрность чинится», поэтому Ивана Васильева слѣдуетъ наказать за чорта при барабанномъ боѣ морскими кошками ³⁾).

Беззастѣнчиво измываясь надъ обывателями, полицейскіе служащіе въ то же время постоянно устраивали скандалы, ссоры и побоища между собой, какъ-бы подтверждая пародическое мнѣніе Ницше, что воинъ въ мирное время нападаетъ на самого себя.

¹⁾ Протоколы полицейской канцеляріи. „Осмнадцатый вѣкъ“ П. Вартеновъ кн. 3-ья.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

Вотъ характерная сцена изъ тогдашняго быта: 28-го февраля 1728 г., часу въ 4-мъ ночи, сотскій Ѳеодоръ Рѣткинъ и десятскій Семень Ипатовъ привели къ рогаткѣ на Большой Хорошей улицѣ караульщика Ѳому Яковлева и неизвѣстно за что стали его избивать: «сотскій велѣлъ десятскому Ѳому наклонить, десятскій взялъ Ѳому за волосы, наклонилъ, и сотскій Рѣткинъ Ѳому билъ палкой по спинѣ и по бокамъ и прошибъ Ѳомѣ голову до крови, и во время битья десятскій говорилъ сотскому: «Бей его гораздо! Онъ, Ѳома, жирень!»! Караульщики, видя такой безвинный бой, уговаривали десятскаго и сотскаго, чтобы они напрасно Ѳому не били и хотѣли ударить въ трещетку, но десятскій и сотскій запретили имъ, угрожая и ихъ побить». Потерпѣвшій жаловался въ полицеймейстерскую канцелярію. Дѣло было на лицо, и виновные должны были понести наказаніе. Приговоръ гласилъ: «Въ показанномъ мѣстѣ у рогатки, собравъ тѣ команды сотскихъ и десятскихъ, учинить сотскому наказанье, бить кнутомъ, а десятскаго морскими кошками нещадно» ¹⁾).

При такихъ нравахъ блюстителей порядка, немудрено, что наши административныя учрежденія, обязанныя предохранять жителей отъ воровъ и мошенниковъ, сами зачастую служили пріютомъ разнымъ ловкимъ проходимцамъ. Не мало темныхъ личностей ютилось вокругъ полицейскихъ застѣнковъ, хитрыми продѣлками округляя свои капиталы;—достаточно сказать, что въ Московскомъ Сыскномъ приказѣ въ

Ванька Каинъ. 40-хъ годахъ XVIII в. состоялъ на службѣ для поимки мошенниковъ извѣстный разбойникъ и бродяга Ванька Каинъ, личность котораго настолько любопытна и характерна для быта того времени, что мы позволимъ себѣ остановиться на его біографіи нѣсколько подробнѣе.

Каинъ былъ сынъ крестьянина, принадлежавшаго купцу Филатьеву. Съ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ пристрастіе къ воровству, за что по его собственнымъ словамъ:

«несносные отъ него (Филатьева) побои получалъ» ²⁾).

Вскорѣ, однако, Ванька бѣжалъ отъ хозяина, но его вернули. Вотъ какъ повѣствуетъ Каинъ о своей дальнѣйшей участи:

«Въ то же время прикованъ на дворѣ былъ медвѣдь:
«близъ котораго и меня помѣщикъ приковать велѣлъ,
гдѣ я два дни не ѣвши прикованной сидѣлъ
(ибо помѣщикъ кормить меня не приказалъ).

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ „Жизнь Ваньки Каина, описанная имъ самимъ“ Об. „Къ волѣ“, состав. Н. Л. Бродскій.

Токмо по счастью моему,
 къ тому медвѣдю дѣвка ходила,
 которая его кормила:
 притомъ, по просьбѣ моей,
 и ко мнѣ тихонько что-нибудь приносила.
 Между тѣмъ мнѣ сказали,
 что, де, и помѣщикъ нашъ обстоитъ въ бѣдѣ,
 «Латминицкой ¹⁾ солдатъ сидитъ въ гостяхъ,
 «въ холодной избѣ,
 (т. е. мертвый брошенъ въ колодезь)».
 Потомъ помѣщикъ мой
 взялъ меня въ покой къ себѣ,
 и, скинувъ все платье,
 сѣчь меня приказалъ».

Тогда Каинъ сказалъ «слово и дѣло» на Филатьева. Каина отвели въ Тайную, гдѣ послѣ допроса выдали ему «вольное письмо». Очувтившись на свободѣ, Ванька образовалъ съ другими мошенниками разбойничью шайку; они разѣзжали по городамъ, грабили, убивали. Но вскорѣ Каинъ надумалъ устроиться удобнѣе: онъ явился въ сыскной приказъ и предложилъ услуги для поимки воровъ. Его съ охотою приняли. Съ этихъ поръ Каинъ пошелъ въ гору. Подробно освѣдомленный о всѣхъ тайныхъ притонахъ Москвы, онъ ежедневно ловилъ массу всякаго люда, приводилъ ихъ къ себѣ въ домъ, вымогалъ у нихъ деньги, а въ случаѣ отказа истязалъ плетью или отводилъ въ караульню. Начальство дорожило Каиномъ и жаловало его неограниченнымъ довѣріемъ. Пользуясь этимъ и задаривая чиновниковъ взятками, Ванька «вытворялъ» надъ жителями всевозможныя безобразія, насильничалъ, устраивалъ грандіозныя мошенническія продѣлки, всякій разъ ловко выходя сухимъ изъ воды.

Дѣла сыщика шли прекрасно. Изъ бездомнаго бродяги онъ превратился въ богатаго, уважаемаго человѣка, обзавелся въ Китай-городѣ домкомъ и задумалъ жениться. Онъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту — солдатскую вдову Арину Иванову. Но та и смотрѣть на него не хотѣла. Тогда Каинъ подъ предлогомъ, что солдатка знаетъ съ мошенниками, забралъ ее въ тюрьму. Арину Иванову допрашивали подъ плетями, но она не сознавалась. Ванька подослалъ къ ней женщину, которая передала Аринѣ, что ее будутъ непременно пытать, если она не согласится выйти за Каина замужъ. Пытка испугала солдатку, она приняла предложеніе. При помощи взятокъ сыщикъ заставилъ присутствующихъ Сыскаго приказа до дальняго дѣла не доводить, а наказать солдатку

¹⁾ т. е. Ландмилицкій.

кнутомъ и выпустить на волю потому, что «сколоченная посуда два вѣка живетъ». Такъ же былъ подкупленъ палачъ. Вскорѣ послѣ наказанія Арины Ивановны Ванька женился на ней. Зажили они прекрасно; жена оказалась вѣрной помощницей ему въ его продѣлкахъ.

Ловкій мошенникъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы нажиться, надувая начальство и терроризируя обывателѣй. Иногда Каинъ зазнавался, съ нимъ случались небольшія непріятности, отъ которыхъ онъ впрочемъ довольно благополучно отдѣлывался.

Одно время «власти» съ особенной энергіей стали преслѣдовать раскольниковъ. Ванька воспользовался этимъ. Среди старо-вѣровъ попадались богатые люди, и онъ нещадно вымогалъ у нихъ взятки. Такъ прослышалъ онъ, что у мужика Еремѣя Иванова была племянница раскольница. Въ сопровожденіи двухъ товарищей, Каинъ явился къ нему съ требованіемъ денегъ. Получивъ отказъ, онъ разбилъ ящикъ, забралъ выручку и увезъ къ себѣ въ домъ красивую раскольницу. Тамъ онъ заперъ несчастную дѣвушку въ комнату и ударами плети сталъ вымогать у нея сознаніе въ томъ, что она раскольница и ея дядя тоже раскольникъ.

Долго продолжалось истязаніе; жена Каина съ привычнымъ видомъ присутствовала при этой сценѣ, уговаривая «бить ее гораздо» и совѣтуя дѣвушкѣ сознаться: «скажешь, легче будетъ и бить не стануть». Но та только кричала. На другой день Ванька опять пришелъ къ Еремѣю, требуя выкупа за племянницу. Тотъ притворился, что согласенъ дать ему 20 рублей; самъ между тѣмъ донесъ въ тайную контору о продѣлкахъ сыщика. Пошли въ харчевню расплатиться при свидѣтеляхъ. Тутъ Ваньку арестовали, схватили его съ двумя товарищами, допрашивали, пытали. Каинъ вывернулся довольно благополучно: постановили, что «хотя бы онъ и подлежалъ жесточайшему наказанію кнутомъ, и дальней ссылки, однакоже дабы впредь въ сыскѣ разбойниковъ, воровъ и прочихъ подозрительныхъ людей имѣлъ онъ крѣпкое стараніе, того для оное ему нынѣ оставить, а дабы тѣ его воровства вовсе ему упущены не были и впредь-бы онъ отъ такого воровства и отъ прочихъ тому подобныхъ продерзости имѣлъ онъ воздержаніе и предосторожность, учинить ему, Каину, въ тайной конторѣ наказаніе: бить плетью нещадно». Товарищи его заплатились гораздо серьезнѣе: ихъ сослали въ дальніе города, предварительно вырѣзавъ одному изъ нихъ поздри.

А Ванька, какъ ни въ чемъ не бывало, опять принялся за старая дѣла. Наконецъ, онъ попался вторично. Къ тому времени прибылъ изъ Петербурга въ Москву генералъ-полицеймейстеръ Татищевъ, принявшійся энергично «наводить» порядокъ. Между прочимъ взялся онъ и за дѣло Каина. Ваньку посадили въ погребъ, но онъ закричалъ «слово и дѣло». Оказалось, однако, что никакого государственнаго

преступленія онъ не зналъ, а кричалъ, боясь умереть въ сыромъ погребѣ. По обычаю его высѣкли плетми и снова отправили въ старое помѣщеніе.

Тогда Каинъ, потерявъ надежду вывернуться, сталъ излагать Татищеву всѣ свои похождения. Образовалось колоссальное дѣло. Долго его разбирали. Наконецъ, вынесли Каину приговоръ: колесовать и отрубить ему голову. Но, по постановленію сената, ему даровали жизнь; Ваньку съ товарищемъ Алексѣемъ Шинкаркой высѣкли кнутомъ, вырѣзали имъ ноздри, заклеямили и сослали въ тяжкія работы ¹⁾).

Итакъ, мошенникъ не избѣжалъ наказанія за свои насилія. Но случилось это послѣ длиннаго ряда годовъ его «воровской» дѣятельности, послѣ безконечнаго числа избитыхъ имъ, ограбленныхъ и, можетъ быть, на смерть замученныхъ жертвъ. Похождения сыщика открылись почти что случайно. Не зарвисъ Ванька, не подвернись энергичнаго Татищева, — по всей вѣроятности подвиги этого Азефа XVIII-го столѣтія такъ и остались-бы похороненными въ полицейскихъ тайникахъ.

Насилія низшихъ чиновниковъ, втихомолку поколачивавшихъ обывателей, пахали себѣ законное оправданіе въ дѣйствіяхъ высшихъ начальниковъ, которые безъ всякаго стѣсненія и уже совершенно открыто расправлялись крутыми мѣрами съ провинившимися. Достаточно будетъ сказать, что петербургскій полицеймейстеръ Чичеринъ и московскій полицеймейстеръ Татищевъ, куда-бы не отправлялись, всегда брали съ собой плети, носившія названія «подлипки». Замѣтивъ на улицѣ какой-нибудь непорядокъ, они неукоснительно останавливались и сѣкли виновнаго ²⁾).

III.

Административные порядки дореформенной Россіи въ XIX вѣкѣ.

Домашнія расправы, производившіяся на глазахъ у всѣхъ начальными лицами, представляли собой въ XIX ст. почти ту-же обычную картину.

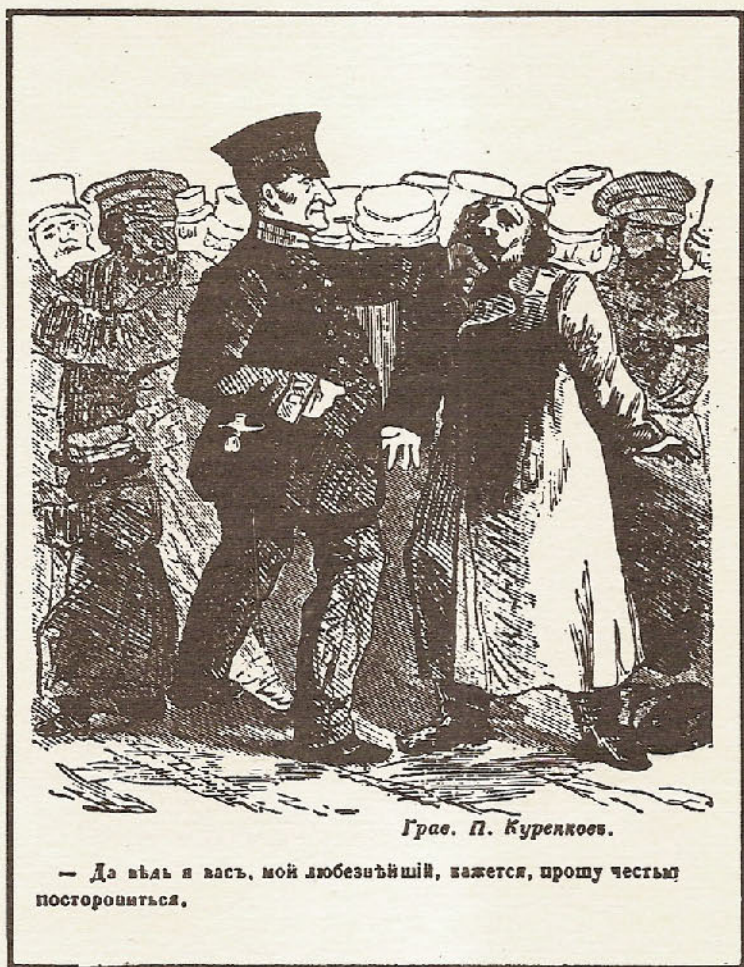
Кіевскій полицеймейстеръ Голяткинъ, напр., подобно Чичерину и Татищеву, обѣзжалъ городъ на тройкѣ лошадей въ сопровожденіи четырехъ казаковъ, которые всѣхъ провинившихся хватали, растягивали тутъ-же на землѣ, причемъ одинъ казакъ держалъ за голову, другой за ноги, третій сѣкъ, а четвертый въ это время держалъ лошадей ³⁾).

¹⁾ Г. Есиповъ: „Ванька Каинъ“, „Осмнадцатый вѣкъ“. П. Вартенева кн. 3-я

²⁾ Записки А. М. Тургенева. „Р. Стар.“ 1886 т. 52 стр. 58.

³⁾ „Провинціальныя нравы за послѣдніе полвѣка“ Ф. Лучинскаго. „Русск. Старина“ 1897.

Какъ видно, приемы блюстителей порядка прогрессировали лишь въ томъ отношеніи, что, не ограничиваясь иногда простой отеческой расправой наивными подлипиками, начальники XIX вѣка производили экзекуцію съ особой помпой, наводя тѣмъ большій страхъ и ужасъ на населеніе.

Карикатура изъ „Искры“ 1859 г. № 49.

Въ законодательной политикѣ императоровъ Александра I-го и Николая I-го ясно можно уловить тенденцію сокращенія тѣлесныхъ наказаній. Администраторы-же явно не намѣревались слѣдовать по этому пути. Экзекуціи, производившіяся ихъ руками, не только не сократились въ эту эпоху, но пожалуй даже возросли, и всюду царило прежнее беззаконіе. Одинъ городничій, подвизавшійся въ гор. Черкассахъ въ 50-хъ годахъ, простое упоминаніе о законѣ считалъ нетерпимымъ вольнодумствомъ. Разбирая дѣла въ участкахъ, этотъ начальникъ буквально сыпалъ затрещинами направо и налево. Но вотъ какой-нибудь

избываемый осмѣливался робко заявить о законѣ; — тогда городничій выходилъ изъ себя: «я тебѣ покажу законъ», оралъ онъ и награждалъ вольнодумца затрещиной, «вотъ тебѣ законъ, городъ Высочайше мнѣ ввѣренъ, а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ» и снова градъ пощечинъ ¹⁾).

Такіе начальники попадались сплошь и рядомъ. Городничіе, полицеймейстеры, исправники, губернаторы и низшіе служащіе за все и про все чинили свое кулачное правосудіе. Приведемъ наиболѣе характерные примѣры.

Въ 50-хъ годахъ губернаторомъ въ Костромѣ былъ генералъ-майоръ К-ій, извѣстный подъ именемъ «Ивана Грознаго». Крайне честный, неумолимый гонитель взяточниковъ, онъ въ то-же время былъ ревностнымъ сторонникомъ кулачной расправы. Въ Кострому «Ивана Грознаго» перевели изъ другой губерніи за то, что тамъ онъ далъ пощечину вице-губернатору. Это обстоятельство его, однако, не исправило. — Однажды какой-то обыватель, проходя мимо губернаторскаго дома, услышалъ стоны, раздававшіеся черезъ открытое окно. Заинтересовавшись этимъ обстоятельствомъ, онъ обратился за разъясненіемъ къ сторожу. Послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: «Сегодня самъ сердить — правителя канцеляріи неловко задѣлъ, зубъ вышибъ, вотъ онъ и охаетъ».

Другой отличительной чертой сего начальника было пристрастіе къ помпадуршамъ. Ежедневно въ 12 часовъ дня онъ отправлялся къ своей дамѣ, а въ 3 часа возвращался обратно. Въ это время никто не смѣлъ попадаться ему навстрѣчу; полиціи былъ отданъ строгій приказъ слѣдить за этимъ. Однажды не доглядѣли; какой-то шальной крестьянинъ тащился по улицѣ во время проѣзда губернатора. Разгнѣванный «Иванъ Грозный» сейчасъ-же отъ помпадурши послалъ за полицеймейстеромъ и у нея-же произвелъ надъ мужикомъ собственноручную расправу ²⁾).

Большую склонность къ «мордобойству» обнаружилъ также новгородскій губернаторъ Суковкинъ. Ревизія сенатора Княжина въ 1838 г. выяснила, что нерѣдки были случаи, когда, послѣ разговора наединѣ губернатора съ неугодными ему чиновниками, этимъ послѣднимъ приходилось оказывать медицинскую помощь ³⁾).

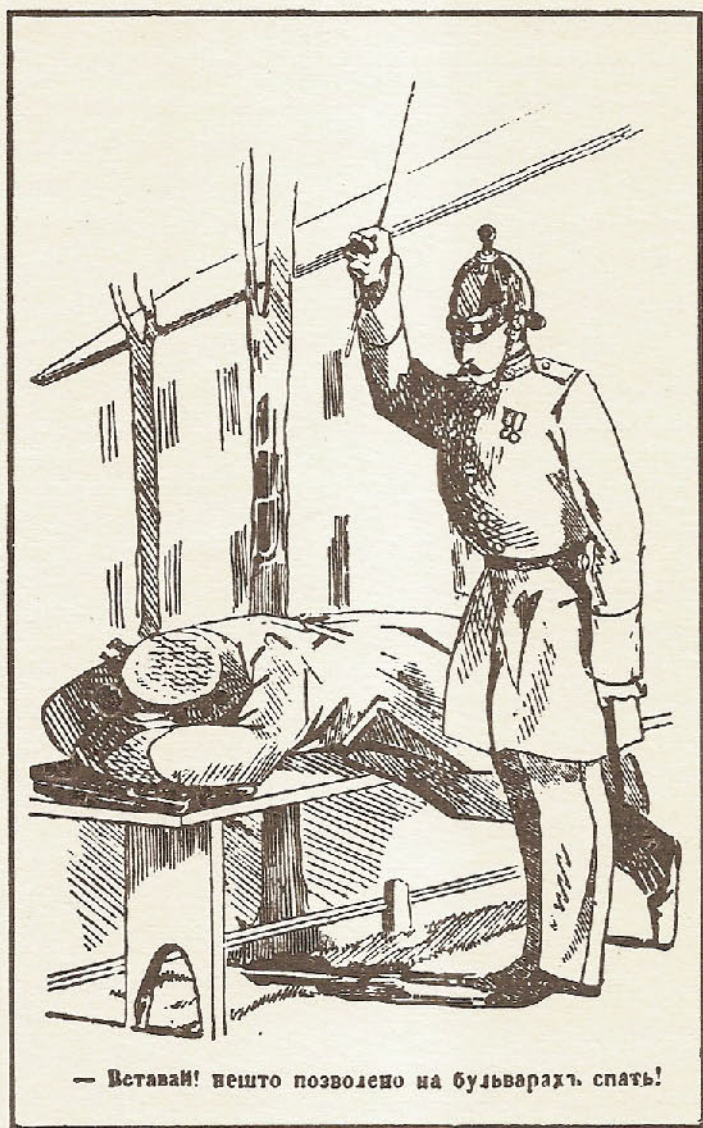
Прибѣгали къ тѣлесной расправѣ и самые либеральные администраторы. Въ нѣкій городъ Каршунскъ, на примѣръ, былъ назначенъ прогрессивный, свободомыслящій начальникъ. Его дѣятельность съ пер-

¹⁾ „Провинціальныя нравы за послѣдніе полвѣка“ Ф. Лучинскаго. „Рус. старина“ 1897 кн. 9—10.

²⁾ Н. П. Колюпановъ „Изъ прошлаго“ Рус. Обзор. 1835 г. 5.

³⁾ Ист. правительств. сената за двѣсти лѣтъ т. III, стр. 647—48 и т. IV, стр. 506.

выхъ-же шаговъ ознаменовалась грандіозной поркой кучеровъ. «Подъѣзжаетъ прогрессистъ вечеромъ къ дому нѣкотораго губернскаго сановника; у подъѣзда стоялъ рядъ экипажей. На зычный крикъ возницы, чувствовавшаго все достоинство сидѣвшаго за нимъ въ экипажѣ молодого воеводы, а также не менѣе и свое собственное достоинство —

Рисунокъ изъ „Развлеченья“ 1863 г. № 16.

послѣднее, какъ неизбежное слѣдствіе перваго, — на крикъ: «прочь съ дороги» одинъ кучеръ не поспѣшилъ отъѣхать и указалъ на дорогу около забора, да при этомъ еще, по обычаю русскаго человѣка, включилъ крѣпкое слово. Кучеръ былъ или радикалъ, или пьянъ, или просто въ темнотѣ вечера не рассмотрѣлъ, какой вальяжный баринъ валитъ къ

подъѣзду... Были слѣдствія равно дурныя, какъ для дерзкаго кучера, такъ заурядъ и для прочихъ его собратовъ, стоявшихъ съ экипажами у подъѣзда... Кучера не выдали своего товарища—не назвали его. Тогда переписаны были всѣ гости на вечерѣ указаннаго сановника и на другой день большую часть кучеровъ отодрали розгами при полиціи» ¹⁾).

Характеренъ для административныхъ расправъ того времени слѣдующій инцидентъ. Въ царствованіи Николая I одинъ полицейскій чиновникъ, проходя мимо оконъ какого-то магазина, услышалъ, какъ ругаются продавщицы. Виновницъ въ нарушеніи тишины онъ поташилъ въ участокъ и всыпалъ каждой 25 розогъ. Дѣвушки пожаловались хозяйкѣ, которая отправилась по этому поводу объясняться въ полицію. Результатъ этого посѣщенія былъ тотъ, что продавщицъ выдрали вторично. Энергичная дама пожаловалась высшему начальству. Тогда, чтобы отвязаться отъ надоѣдливой женщины, ее самое высѣкли ²⁾).

Несмотря на запрещенія закона наказывать безъ суда мѣщанъ, — въ петербургской полиціи постоянно сѣкли розгами ремесленниковъ, дворниковъ и кучеровъ изъ этого сословія. Въ полицейскихъ архивахъ сохранился одинъ крайне интересный документъ о предполагавшейся расправѣ надъ цѣлою семьей охтенскихъ мѣщанъ. Дѣло было въ 40-хъ годахъ: «Частный приставъ Рождественской части Ф. Т. Го-цевъ донесъ оберъ-полицеймейстеру С. А. Кокоскину, что въѣзженной ему командою арестованы охтенскій мѣщанинъ съ женою и двумя взрослыми дочерьми за то, что они вопреки запрещенію полиціи намѣревались перейти черезъ Неву по-льду, который еще не вездѣ остановился и едва не утонули. Для спасенія ихъ потребовалось послать людей, которые, съ большимъ трудомъ и явной опасностью, доставили утопавшихъ въ пріемный покой. На другой день донесеніе Го-цева было передано полицеймейстеру 2-го отдѣленія съ резолюціей о наказаніи охтянина розгами, его жены и обѣихъ дочерей. Резолюція и число ударовъ написаны были собственной рукою генералъ-адъютанта Кокоскина, который ослушникамъ не любилъ давать потачки. По прибытіи на мѣсто, полицеймейстеръ, разспросивъ арестанта и жену его о причинѣ, побудившей ихъ рисковать жизнью, узналъ, что они спѣшили на Охту къ неожиданно заболѣвшему сыну, и убѣдился, что оба они, по крайней мѣрѣ по костюму, далеко не походили на дюжинныхъ простолюдиновъ, для которыхъ розги не новость, а дочери ихъ это были два только что распустившихся цвѣточка; въ прелестныхъ глазахъ ихъ виднѣлась невин-

¹⁾ „Искра“ 1862 г. № 11.

²⁾ Не ручаясь за достовѣрность именно этого факта, взятаго нами изъ одного нѣмедкаго источника, мы тѣмъ не менѣе рѣшились его привести; изобиліе аналогичныхъ примѣровъ убѣждаютъ, что такіе эпизоды были не рѣдкость въ дореформенной Россіи.

ность, скромность и благородство. Не только высѣчь въ ихъ присутствіи отца и мать, а потомъ разложить и обнажить самихъ дѣвушекъ, но даже показать имъ солдатъ съ розгами—значило-бы убить ихъ наповаль. Не исполнить слишкомъ непріятное порученіе было для новичка—полицеймейстера по меньшей мѣрѣ, неловко. Однако-же, онъ рѣшился доложить Кокошкину о неудобствѣ примѣненія къ этимъ арестантамъ назначенной имъ строгой мѣры взысканія. Благоклонно выслушавъ полковника, оберъ-полицеймейстеръ поднялъ по обыкновенію очки свои, шутливо посмотрѣлъ ему въ лицо и съ улыбкой сказалъ: «Ну, да ужъ вы извѣстный сердечникъ». Взявъ обратно бумагу, онъ перечеркнулъ въ ней резолюцію и свое имя. Это почтенное семейство и послѣ освобожденія изъ—подъ ареста, конечно, не подозрѣвало какой страшной опасности подвергалось оно, а особенно двѣ молодые дѣвушки, неожиданная смерть которыхъ была-бы для родителей несравненно сноснѣе готовившейся имъ столько возмутительной, сколько и позорной пытки» ¹⁾.

Не всегда, однако, администраторы бывали столь милостивы. И не мало, должно быть «распустившихся цвѣточковъ» испытали въ то время сладость полицейскихъ розогъ.

Въ жандармскомъ управленіи у Тимашева въ Петербургѣ, близъ Цѣпного моста, былъ заведенъ стулъ, устроенный на подобіе кресла Ст. Ив. Шешковскаго. Сидящій на стулѣ, посредствомъ извѣстнаго механизма, спускался въ подвальный этажъ, гдѣ и подвергался сѣченію ²⁾. Вообще, зданіе у Цѣпного моста было извѣстно своими экзекуціями. Оно прославлено даже въ стихахъ:

О предпоследнемъ царствованіи.

Первые годы въ Петербургѣ.

У царя у нашего
Вѣрныхъ слугъ довольно:
Вотъ хоть у Тимашева
Высѣкутъ преобольно;
Влѣпятъ въ наказаніе
Такъ ударовъ со сто,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпного моста.

¹⁾ Рус. Старина 1874 т. 9.

²⁾ Показаніе англичанина Веллеслиа. „Военное дѣло при Александрѣ II“. „Историческій журналъ“ 1908 г. № 4 стр. 346.

Москва отъичаетъ:

У царя у нашего такъ все политично,
Что и безъ Тимашева выдерутъ отлично,
И къ чему тутъ зданіе у Цѣпного моста?
Выйдетъ приказаніе, отдерутъ и просто ¹⁾).

Рисунокъ изъ „Искры“ 1861 г. № 35.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1911 г. 10.

Если подобныя расправы могли имѣть мѣсто въ столицѣ, то, конечно, тѣмъ беззастѣнчивѣе были мѣропріятія нашихъ провинціальныхъ чиновниковъ. Для скучающихъ администраторовъ тѣлесныя экзекуціи, особенно надъ женщинами, были пріятнымъ развлеченіемъ въ ихъ однообразной жизни. Одинъ нѣмецкій писатель рассказываетъ, будто на австрійской границѣ двѣ молоденькія дочери всѣми уважаемаго, богатаго купца, зайдя на русскую сторону, долго тамъ промѣшкались, запоздали и собрались переходить границу, когда было уже очень поздно. У нихъ спросили видъ на жительство; паспортовъ не оказалось. Тогда несчастныхъ потащили въ полицію для выясненія личности. Австрійскаго купца и его дочерей всѣ прекрасно знали, выяснять въ сущности было нечего. Начальникамъ другое было нужно: представлялся удобный случай устроить себѣ даровое развлеченіе. Дѣвушекъ оставили ночевать въ участкѣ, а на другой день ихъ позорившимъ образомъ высѣкли ¹⁾).

Допустимъ, что это происшествіе лишь анекдотъ, выдуманный досужимъ иностранцемъ. Но картины прошлаго на каждомъ шагѣ преподносили намъ подобныя анекдоты. Порки и издѣвательство надъ лицами слабаго пола всевозможныхъ классовъ практиковались постоянно. Вспомнимъ только сценку изъ «Ревизора»: унтеръ-офицерша пришла жаловаться на городничаго, который такъ ее «отрапортовалъ», что она два дня сидѣть не могла. (Кстати сказать, теперь съ точностью извѣстно, что Гоголь вывелъ первоначально офицершу, но цензура потребовала измѣненія въ смыслѣ умаленія соціального положенія выпоротой женщины).

Драли порой даже беременныхъ.—Къ одному начальнику во время ярмарки явилась баба съ просьбой помѣститься на ярмарочной площади съ мѣняльнымъ столомъ. Но администраторъ почему-то въ озлобленіи выгналъ ее вонъ. Баба въ раздумьѣ остановилась на минутку и въ это время увидѣла, какъ къ начальнику прошли какія-то подозрительныя личности, съ которыми онъ разговаривалъ и даже вышелъ ихъ проводить. Замѣтивъ тутъ, что баба еще не ушла, сей блюститель порядка облаялъ ее снова крѣпкимъ словомъ и сталъ гнать съ глазъ долой. «Если вы позволяете имъ, этимъ мазурикамъ, торговать на ярмаркѣ—почему запрщаете мнѣ?» наивно спросила женщина. Эти слова вбѣсили администратора: «Такъ ты грубить вздумала, каналья?» заоралъ онъ—«мнѣ грубить? Эй! кто тамъ? взять ее въ кордегардію и всыпать хорошихъ горячихъ... Я сейчасъ самъ явлюсь туда». Баба была беременная. Это ничего не значило. Ее потащили и сѣкли до тѣхъ поръ, пока она не выкинула тутъ-же младенца ²⁾).

¹⁾ M. Sadow „Das prügelnnde Russland“.

²⁾ „Искра“, 1862 г. № 6.

Другой начальник выдралъ дряхлую старуху. Дѣло было такъ: въ 1856-мъ г. или 1857-мъ году въ г. Чернилинѣ много говорили объ ужасномъ наказаніи, которое Богъ ниспослалъ на одну женщину, совершившую тяжкій грѣхъ: въ день лѣтняго Николы она работала въ полѣ. За это будто къ ея груди прицѣпился ужъ, котораго никакой силой нельзя было отодрать. Особенно много о «наказаніи Божьемъ» толковала одна старуха, набожная и почтенная женщина. Главнымъ администраторомъ въ то время былъ въ городкѣ Григорій Павловичъ Кочень, слышій за безусловно честнаго исполнительнаго чиновника и обходительнаго человѣка. По сего приказанію привезли къ нему старуху. Онъ разубѣждалъ, угрожалъ упрямой; ничто не помогало. Она продолжала твердить свое: «бачила молодицю съ ужомъ на груди». Для вразумленія ее посадили «на строгую діету». Но и это не подѣйствовало. Когда упрямицу снова привели къ начальнику, она повторяла прежнія небылицы. Кочень не выдержалъ «Эй!»—закричалъ онъ служителю,—«къ завтрашнему дню приготовить возъ розогъ, цѣлый возъ съ верхомъ, слышишь». На другой день была произведена экзекуція, конечно, не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какъ пригрозилъ начальникъ наканунѣ, но послѣ порки женщину все-таки пришлось отвезти въ больницу ¹⁾).

Какъ видно, благородныя качества этого начальника не помѣшали ему прибѣгнуть къ поркѣ старухи. Николаевскіе чиновники считали это своимъ долгомъ, своей «святой обязанностью». Они сами-бы потеряли къ себѣ уваженіе, если-бы перестали искоренять неповиновеніе крутыми мѣрами.

Но въ чемъ-же могло выразиться неповиновеніе власти? На это трудно отвѣтить. Нѣкоторые администраторы вмѣшивались рѣшительно во все. Вотъ напримѣръ полицеймейстеръ Шепелевъ, управлявшій въ 50-хъ годахъ г. Омскомъ, слѣдилъ за порядкомъ въ городѣ, за нравами обывателей, за модами ихъ костюмовъ, вмѣшивался даже въ частную жизнь. Единственнымъ наказаніемъ за всѣ уголовныя преступленія были у него розги. Постоянно въ разныхъ частяхъ города можно было наблюдать сцены порки преступниковъ. Мужья, не поладившіе съ женами, шли къ полицеймейстеру, и тотъ «училъ» непокорныхъ. Одно время вошли въ моду какія-то особыя платья, не то кринолины, не то робы. Шепелевъ не одобрилъ этого фасона и всѣхъ модницъ мѣшаночекъ, шеголявшихъ въ обновкахъ, онъ заставлялъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца каждый день мыть полъ въ полициі. Любящіе кутнуть купеческіе сынки должны были въ самыхъ людныхъ мѣстахъ подмстать улицы и мосты, при чемъ на шеѣ у нихъ красовалась бляха съ надписью «пьяница» ²⁾).

¹⁾ „Искра“ 1862 г. № 8.

²⁾ „Русск. Архивъ“ 1911 г. 6. Въ честь этого героя въ Омскѣ даже названа улица.

Вообще начальники зачастую пользовались даровыми услугами арестантовъ, чтобы поддерживать чистоту города. Чего-же было лучше? и деньги цѣлы и ослушникъ наказанъ. Начальникъ Баклушинъ, съ цѣлью искоренить воровъ, издалъ постановленіе, чтобы никто не смѣлъ выходить на улицу позже 9-ти часовъ вечера. «Всякій, кто поймается, будь онъ врачъ, идущій къ опасному больному, или слуга спѣшащій въ аптеку за лекарствомъ, или почтенный гражданинъ, возвращавшійся послѣ долгой отлучки домой и по случаю сломанной оси въ его таран-

Мятепъщики и мятепъщиды.

(В. Stern: «Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Russland»).

тасъ принужденный тащить пѣшкомъ по городу; его раба Божьяго сейчасъ берутъ на сѣзжую и предлагаютъ тамъ ночлегъ вовсе не желанный... На другой день арестованный долженъ подметать улицу въ назиданіе всему іерихонскому міру. Говорятъ между подметающими случается видѣть и особъ изъ кринолиннаго міра» ¹⁾. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ: шикарная дама, засидѣвшаяся въ гостяхъ, убираетъ улицы въ своемъ изящномъ туалетѣ!...

¹⁾ „Искра“ 1862 г. № 4.

Однако, надъ женщинами обезпеченными, изъ высшихъ и среднихъ классовъ чиновники, боясь подвергнуться отвѣтственности, не всегда рѣшались издѣваться по своему вкусу; зато ужъ отводили они свою душу надъ простолюдниками и проститутками, продѣлывая съ ними все, что имъ было угодно.

Въ 50-хъ годахъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Бессарабской губерніи, нѣкому лицу понадобился городничій; въ канцеляріи онъ засталъ лишь секретаря. Этотъ секретарь считалъ себя законникомъ, человѣкомъ развитымъ, пописывалъ стишки на губернское начальство и по тогдашней модѣ состоялъ въ либералахъ. Онъ объяснилъ, что городничій сейчасъ въ кордегардіи занятъ, но, если есть спѣшное дѣло, то можно пойти къ нему въ кордегардію. «Кстати, теперь тамъ преинтересно», добавилъ секретарь. «Я только что оттуда... штукъ восемь набрали, а теперь «начальство» и забавляется». Собесѣдникъ недоумѣвалъ. «Видите въ чемъ дѣло, собрали ихъ на сегодня штукъ восемь нашихъ «ночныхъ бабочекъ», которыя уклоняются отъ медицинскаго осмотра... Вотъ ихъ за это и подсажаютъ. Нашъ городничій это любитъ... Не то чтобъ по жестокости, онъ вѣдь у насъ сердобольный, а такъ, для остротки ихъ, а себѣ для развлечения. Вѣдь онъ давно состоитъ въ нашихъ мышинныхъ жеребчикахъ,—вотъ и забавляется созерцаніемъ женскихъ красотъ, какъ есть въ натурѣ, не въ трико, какъ въ балетахъ, а велитъ разложить въ одной сорочкѣ, да и ту на голову подымутъ». Собесѣдникъ выразилъ удивленіе, какъ не возмущаютъ эти сцены секретаря; тотъ возразилъ: «я въ этомъ не вижу ничего возмутительнаго, а только смѣшное... Городничій приглашаетъ обыкновенно на это представленіе двухъ, трехъ пріятелей, любителей женскихъ тѣлесъ. Значитъ глазъ видить, а зубъ ужъ не беретъ» добавилъ секретарь ¹⁾.

И ужаснѣе всего то, что юридически начальники имѣли право устраивать такіе спектакли. Въ 30-хъ годахъ XIX ст. былъ изданъ указъ о физическомъ воздѣйствіи на проституттокъ, тайно промышлявшихъ развратомъ и уклонявшихся отъ осмотра. Несомнѣнно, къ 50-мъ годамъ этотъ указъ давно устарѣлъ, но фактически онъ не былъ отмѣненъ, и чиновники пользовались этимъ.

Чего только не выкидывали дореформенные начальники, чтобы потѣшить свою душу или показать свою власть!—Управляющие золотыми пріисками, напимѣръ, враждуя съ сосѣдними промыслами, пріѣзжали въ непріятельскій лагерь и вѣздили тамъ верхомъ на бабахъ ²⁾. Одинъ мелкій чиновникъ, производя ревизію, отъ всѣхъ требовалъ взятки, кто не

¹⁾ „За много лѣтъ“ Воспоминаніе неизвѣстнаго стр. 102—103.

²⁾ Максимовъ: „Сибирь и каторга“ стр. 125.

Принудительное мытье половъ.

давалъ ему, того онъ привязывалъ къ дугѣ своей таратайки и заставлялъ тащить вмѣстѣ съ лошадыю экипажъ. Какой-то староста, говорятъ, пробѣжалъ такъ болѣе 5-ти верстъ ¹⁾).

Но большинство начальниковъ не обладало даромъ изобрѣтательности; они просто сѣкли розгами на каждомъ шагу, сѣкли безнаказанно и беспощадно зачастую совершенно невинныхъ людей. Возьмемъ хотя-бы исправника Кронштейна, розги для котораго были излюбленнымъ наказаніемъ. Однажды ему надо было изловить вора. Для этого онъ пріѣхалъ въ деревню, гдѣ неуловимый мошенникъ постоянно находилъ себѣ пріютъ, собралъ мужиковъ и бабъ и высѣкъ всѣхъ по обнаженнымъ мягкимъ частямъ ²⁾). Или вотъ караульный офицеръ Тобольскаго острога, который счелъ возможнымъ всыпать 300 розгъ чиновнику, лишь за то, что тотъ опоздалъ вернуться къ сроку въ замокъ ³⁾).

Любопытно отмѣтить, что въ иныхъ мѣстахъ Россіи не хватало деревьевъ для прутьевъ. Въ 1849 г. Таврическое и Херсонское губернскаго правленіе обратилось къ Кіевскому съ просьбою присылать ежегодно для Таврической губ. 6,000 пучковъ березовыхъ розогъ, а для Херсонской 2,000, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ не было березовыхъ лѣсовъ, и не изъ чего было дѣлать розги ⁴⁾).

Иныя начальники, для упрощенія дѣла, устраивали у себя для сѣченія особыя машины. Разсказываютъ, будто такая машина была завсѣдена у одного должностнаго лица въ Варшавской губ. Въ нее ставили наказываемаго, и ремень равномерно хлесталъ его спину и заднія части ⁵⁾).

Какъ-же относилось правительство ко всѣмъ этимъ беззаконіямъ? Несомнѣнно, оно не могло не знать про нихъ: многое дѣлалось слишкомъ явно и въ слишкомъ чудовищныхъ размѣрахъ. Однако, должнымъ образомъ реагировать на произволъ значило-бъ ослаблять авторитетъ тѣхъ, фикцію непогрѣшимой строгости которыхъ было тогда въ интересахъ правительства выдавать народу за непреложную истину.

¹⁾ „Искра“ 1862. № 11.

²⁾ Записки Ростиславова. „Рус. Старина“ 1880 г. кн. 2-я.

³⁾ Максимовъ „Сибирь и каторга“ стр. 317.

⁴⁾ „Русскія Вѣдомости“ 1897. № 180.

⁵⁾ Нѣмецкіе источники.

По послѣднимъ извѣстіямъ машины проектируются теперь въ англійскихъ школахъ. Автоматъ долженъ сѣчь дѣтей подъ звукъ грамофона, который читаетъ имъ нотации. („Новое Время“ 19-го августа 1911 г. № 1272).

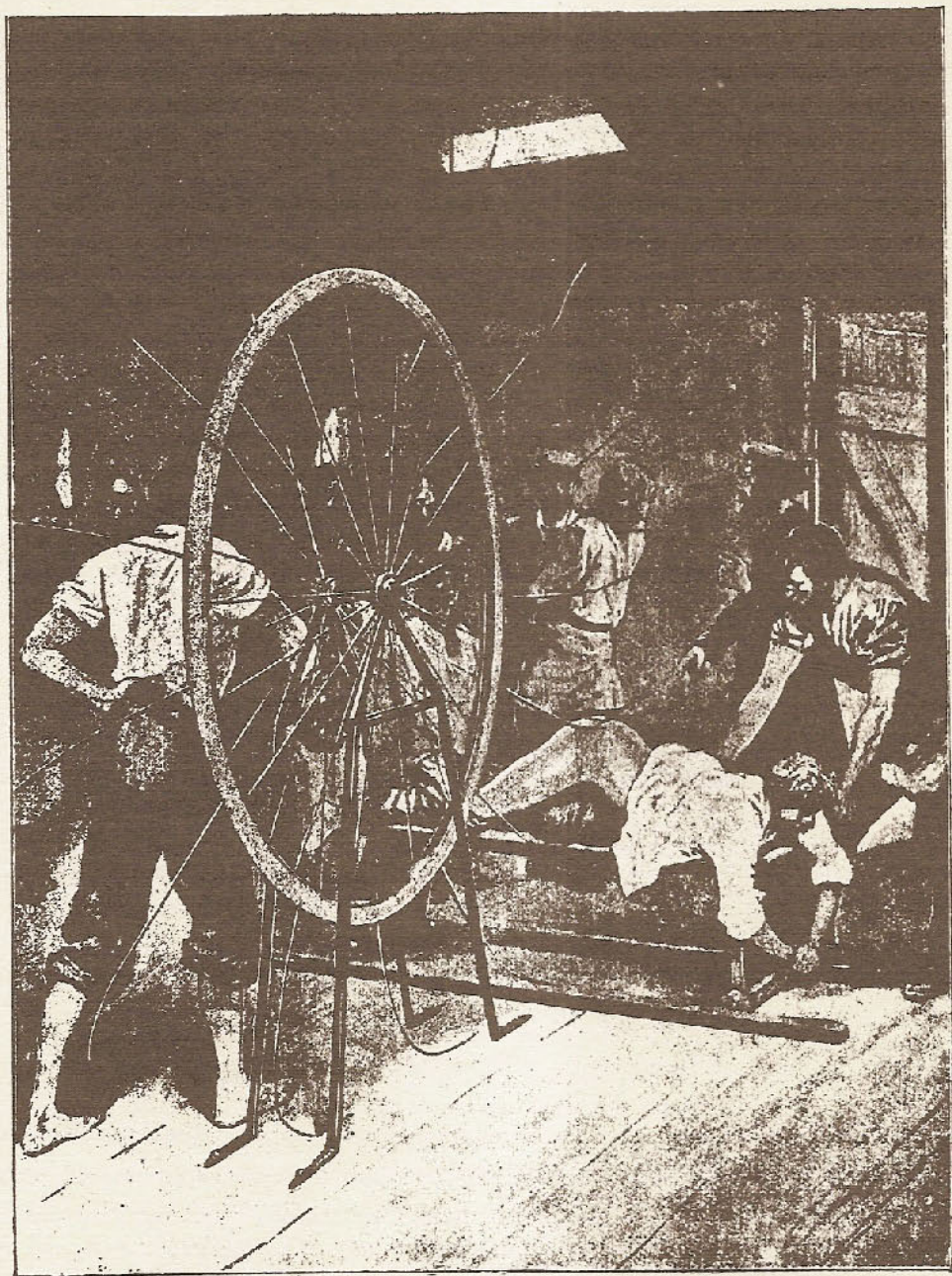
IV.

Вопросъ объ административныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ въ связи съ реформой 1863 года.

Въ 60-хъ годахъ, при обсужденіи записки Орлова объ уничтоженіи въ русскомъ правѣ тѣлесныхъ наказаній, былъ также затронутъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, налагаемыхъ произволомъ властей. Нѣкоторые государственные дѣятели справедливо придавали большое значеніе административнымъ истязаніямъ и доказывали необходимость ихъ кореннымъ образомъ уничтожить.

Такъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ настаивалъ на томъ, что вопросъ о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній безъ суда въ государственномъ отношеніи имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ тѣлесныя наказанія по суду, такъ какъ тамъ не существуетъ никакой гарантіи въ правильности ихъ назначенія, а между тѣмъ административныя истязанія гораздо многочисленнѣе истязаній по постановленію закона. «Къ сожалѣнію наши полицейскіе чиновники привыкли такъ легко смотрѣть на побои простого народа, а высшія мѣстныя власти смотрятъ по большей части съ такой легкостью на дѣйствія въ семъ отношеніи полицейскихъ чиновниковъ, что каждый изъ полицейскихъ чиновъ считаетъ себя въ правѣ употреблять розги и побои, когда ему вздумается, безъ соблюденія какихъ-либо установленныхъ на сіе въ законахъ правилъ. Если-же это могло быть по необходимости терпимо до нѣкоторой степени при существованіи надъ половиной нашего сельскаго населенія личнаго крѣпостнаго права, то теперь подобная полицейская расправа съ простымъ народомъ ни въ коемъ случаѣ не должна быть допустима. Между тѣмъ, вышеозначенная усвоившаяся нашей полиціей привычка заставляетъ предвидѣть, что не такъ-то легко достигнуть здѣсь желаемой высшимъ правительствомъ цѣли. Нельзя по крайней мѣрѣ ожидать, чтобы сила законовъ, ограничивающихъ произволъ полицейскихъ чиновниковъ въ назначеніи тѣлесныхъ наказаній, воспріяла свое дѣйствіе въ скоромъ времени, безъ особенныхъ энергическихъ мѣръ со стороны высшаго правительства. Въ виду этого недостаточно одного формальнаго подтвержденія полиціямъ о соблюденіи существующихъ законовъ относительно порядка и мѣры наложенія тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ оное доказываетъ, что они ни къ чему не ведутъ, а только роняютъ достоинство правительства, ибо на это подтвержденіе никто не обращаетъ никакого вниманія. Нужно: 1) лишить вовсе становыхъ приставовъ власти подвергать тѣлесному наказанію... 2) объявить по Городскимъ полиціямъ и земскимъ судамъ,

что собственноручные побои будутъ строго преслѣдоваться и что за всякое нарушеніе со стороны полиціи, или кого-либо изъ полицейскихъ

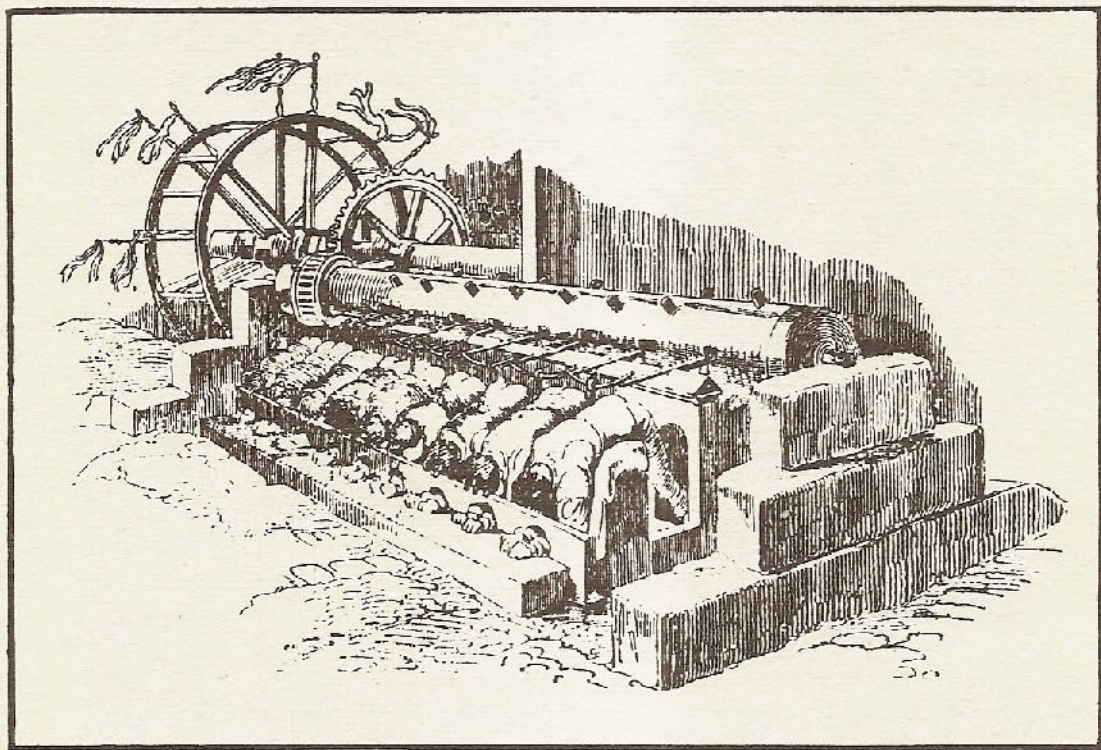

Ожзекудія механическимъ способомъ.
(Изъ собранія эстамповъ Гуго Лахмана).

чиновниковъ установленныхъ въ законѣ правилъ о тѣлесныхъ взысканіяхъ, виновный будетъ немедленно отрѣшенъ отъ должности съ предаіемъ суду, 3) разъяснить начальникамъ губерній волю о семъ

высшаго правительства и строжайшее исполненіе дѣлаемаго по полиціямъ объявленія оставить на непосредственной ихъ отвѣтственности».

Этотъ взглядъ Великаго Князя раздѣлялъ и генераль-адъютантъ Долгоруковъ обратившій вниманіе, что нѣкоторые начальствующіе полицейской частью собственнымъ опытомъ убѣдились въ возможности при полицейскихъ управленіяхъ обходиться рѣшительно безъ всякаго тѣлеснаго наказанія. На основаніи этого генераль-адъютантъ Долгоруковъ полагалъ, что слѣдуетъ совершенно отмѣнить при полиціи розги.

Машина для сѣченія.

(Кар. изъ кн. D. Hansen «Stock und Peitsche»).

Комитетъ, въ окончательной редакціи своего проекта о сокращеніи тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ между прочимъ, постановилъ: 1) объявить, что власть городской и земской полиціи налагать тѣлесныя наказанія прекращается, и что наказанія сего рода вообще могутъ быть опредѣляемы не иначе, какъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, волостныхъ и сельскихъ расправъ, сельскихъ приказовъ, или-же властей, которымъ сіе именно предоставлено положеніемъ 19-го февраля 1861 года. 2) Вмѣнить начальникамъ губерній въ отвѣтственную обязанность слѣдить неопустительно, чтобы полицейскіе чины отнюдь не позволяли себѣ, ни подъ какимъ видомъ употреблять тѣлесныя наказанія по собственному усмотрѣнію, и всякое въ семъ отношеніи превышеніе власти не оста-

влять безъ установленнаго взысканія. 3) Жалобы о панесеніи кому-либо побоевъ полицейскими офиперами, чиновниками и нижними чинами предоставить приносить въ общія судебныя мѣста, которыя въ подобныхъ случаяхъ должны прилагать наказаніе, опредѣляемое въ статьѣ 389-й Уложенія о наказаніяхъ.

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя предначертанія комитета остались тогда безъ должной реализаціи. Правительство не считало возможнымъ подвергать строгой карѣ излишекъ чиновничьяго «усердія». И понынѣ

Машина для сѣченія по образцу д-ра Ёртеля.
(Кар. изъ кн. D. Hansen «Stok und Peitsche»).

нельзя по совѣсти сказать, чтобы всѣ эти предначертанія осуществились полностью на практикѣ.

Русскому обществу до сихъ поръ приходится только мечтать о проведеніи въ жизнь мѣръ передовыхъ людей 60-хъ годовъ.

V.

Административныя тѣлесныя наказанія во вторую половину XIX-го вѣка.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ совершенно правъ въ своемъ заявленіи, что нашихъ администраторовъ не такъ-то легко

будеть отучить отъ кулачной расправы. Послѣ реформы 1863-го года нравы ихъ почти не измѣнились. Разница замѣчалась только въ томъ, что теперь административныя Execuціи примѣнялись не столь вызывающе открыто, да и виновныхъ въ истязаніяхъ все-таки иногда подвергали отвѣтственности.

Тѣмъ не менѣе даже въ 60-хъ годахъ, сейчасъ же послѣ реформы, когда взгляды русскаго общества отличались возвышеннымъ либерализмомъ, возможны были напр. такіе инциденты: въ Московскомъ окружномъ судѣ, при разборѣ какого-то дѣла, одна дѣвушка-свидѣтельница давала свои показанія очень тихимъ голосомъ; тогда товарищъ пресѣдателя Н. С. Арсеньевъ заявилъ ей: «если не будете говорить громче, я велю васъ розгами выстѣчь» ¹⁾. Послѣ такой фразы, произнесенной въ столицѣ представителемъ юстиціи, который очевидно забылъ, что тѣлесное наказаніе для женщинъ отмѣнено, странно было-бы требовать исполненія закона отъ провинціальныхъ, полуграмотныхъ полицейскихъ. Правда, со стороны Арсеньева, это была только угроза, но угроза весьма характерная. Ему и въ голову не могло придти, что за эти слова онъ могъ попасть на скамью подсудимыхъ. Нечего удивляться въ такомъ случаѣ, что и послѣ смягченія нашего уголовного кодекса порка розгами обывателей была по старому самымъ зауряднымъ явленіемъ въ полицейскихъ участкахъ.

Къ такимъ мѣрамъ между прочимъ особенно часто прибѣгали сельскія власти ²⁾.

Сами мировые посредники не гнушались истязать крестьянъ. Вотъ напр. что мы знаемъ про одного изъ нихъ отъ С. Атавы: «такого безправія и жестокостей, которыя установилъ въ своемъ участкѣ одинъ изъ нашихъ посредниковъ Р—въ, рѣшительно не практиковалось ни однимъ изъ помѣщиковъ и даже имъ самимъ до 19-го февраля... Сѣченіе происходило у него на дворѣ каждую недѣлю два раза и, чтобы дать понять о размѣрахъ этого упражненія, полагаю, достаточно будетъ, если я скажу, что кромѣ ординарныхъ, такъ сказать, рядовыхъ мужиковъ, каждую субботу онъ непременно сѣкъ челоуѣкъ пять сельскихъ старостъ и разъ въ мѣсяцъ какого-нибудь волостного старшину. Это послѣднее обстоятельство, т. е. сѣченіе старостъ и старшинъ, вызвало однажды для него маленькую непріятность въ видѣ жалобы кого-то изъ нихъ губернатору. Само собой разумѣется, жалобѣ этой никакого хода дано не было, и онъ продолжалъ едва-ли не съ большей еще лютостью сѣчь ихъ, продѣлывая при томъ только канцелярскую, такъ сказать, формальность. Староста, присужденный имъ къ

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1869, № 7.

²⁾ Не смѣшивать съ поркой по постановленію волостныхъ судовъ.

сѣченію, имъ же, въ силу посреднической власти, смѣнялся, т. е. съ него снимали цѣпь и медаль, клали въ качествѣ рядового мужика на скамейку, драли чуть не до полусмерти, потомъ поднимали. Онъ издѣвался надъ нимъ и производилъ его тутъ-же вновь въ старосты, т. е. надѣвали опять цѣпь и медаль. Со старшинами процедура была нѣсколько болѣе сложною, такъ какъ для ихъ смѣны и избранія требуется губерна-торское утвержденіе, но онъ съ терпѣніемъ достойнымъ лучшаго дѣла, продѣлывалъ и эту формальность и дралъ, дралъ безъ конца и мило-сердія. Я не знаю, какъ было въ другихъ губерніяхъ, но въ нашей это былъ вовсе не единственный примѣръ¹⁾.

А вотъ что творилось въ концѣ 60-хъ годовъ въ Уфимской губ., по словамъ корреспондента газеты «Голось». «Заушеніе и сѣченіе до того полюбилися начальству, что въ обществѣ только и слышится — схватилъ за воротъ, потащилъ, какъ прищипнулъ и т. д.» Въ той же губерніи становой приставъ Адамовъ билъ волостныхъ старшинъ и въ видѣ наказанія выдергивалъ имъ бороды²⁾. Въ селѣ Бѣловѣжскомъ, Казанской губ. Чебоксарскаго у., была ярмарка; собралось нѣсколько тысячъ народу. Вдругъ явилось шить пьяныхъ казаковъ и ни съ того, ни съ сего стали давить мужиковъ. Напрасно члены волостного правленія пытались ихъ урезонить. Казакамъ слишкомъ поправилась забава. Обратились къ мировому посреднику. Тотъ заставилъ силой привести казаковъ въ канцелярію пристава и составилъ протоколъ. Объ этомъ происшествіи скоро узналъ губернаторъ. Этотъ послѣдній при-звалъ къ себѣ посредника и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, сочтя его заступничество за избиваемый народъ посягательствомъ на самостоя-тельность полиціи³⁾.

Попрежнему среди начальниковъ попадались изощренные садисты, артисты — истязатели. Долгое время, напр., насильничалъ въ Рязан-ской губ. исправляющій должность исправника Д. М. Левашевъ. Дѣтей, священнослужителей, стариковъ, женщинъ, всѣхъ безъ различія сѣкъ онъ или арапникомъ, или наказывалъ до крови розгами. Чтобы увеличить мученія, этотъ палачъ любилъ растягивать экзекуцію, совершая ее въ нѣсколько пріемовъ. Не брезгалъ онъ также расправляться кула-ками, вырывая волосы и бороды у подчиненныхъ чиновниковъ.

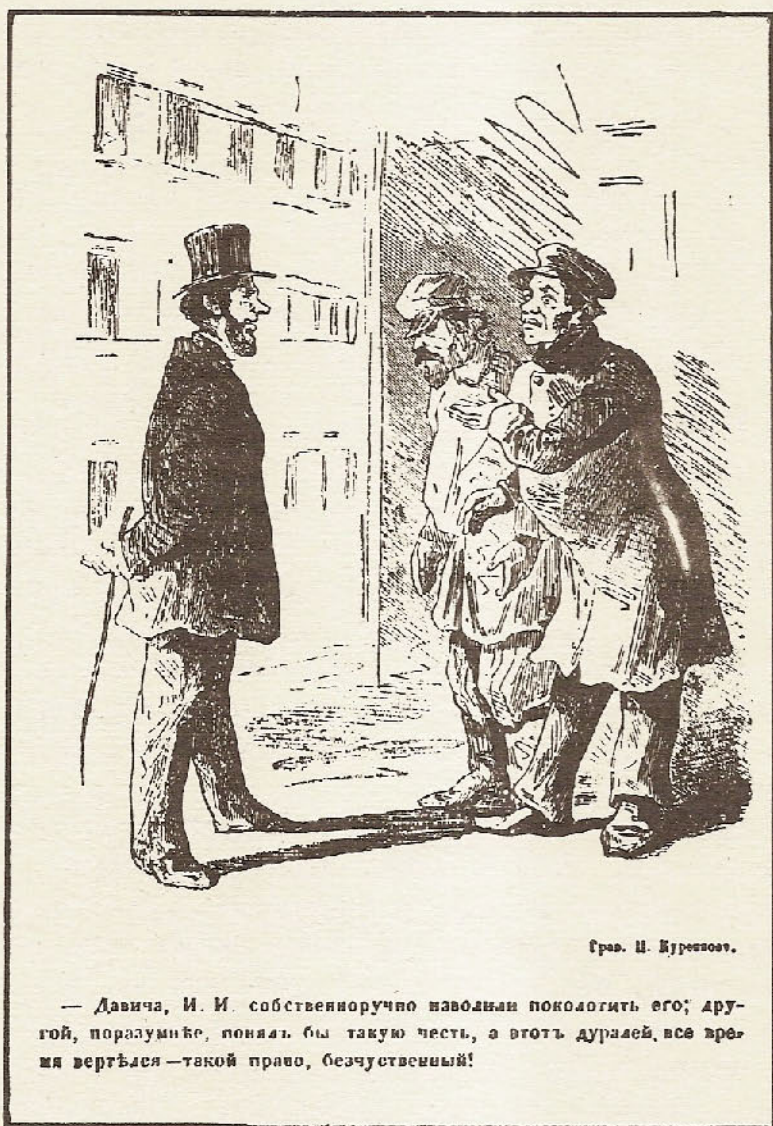
Особенное наслажденіе доставляла ему расправа надъ женщинами, которыхъ Левашевъ обнажалъ и безстыдно надругивался надъ ними. Все было въ его власти; обыватели были его рабы и онъ издѣвался

¹⁾ С. Атава „Злоупотребленія мировыхъ посредниковъ“. „Крѣпостное право и крестьянская жизнь“. Стр. 314—315.

²⁾ „Голось“ 1869 г. № 288.

³⁾ „Голось“ 1869 г. № 260.

надъ ними до пресыщенія, пока не дошелъ до того, что сто-же помощники-подчиненные не захотѣли ему повиноваться и воспрепятствовали его звѣрскимъ намѣреньямъ: начальникъ выскъ мать и дочь розгами, потомъ собирався неслыханно надругаться надъ дѣвушкой при помощи служителей, эти послѣдніе возмутились и вырвали жертву изъ его рукъ.

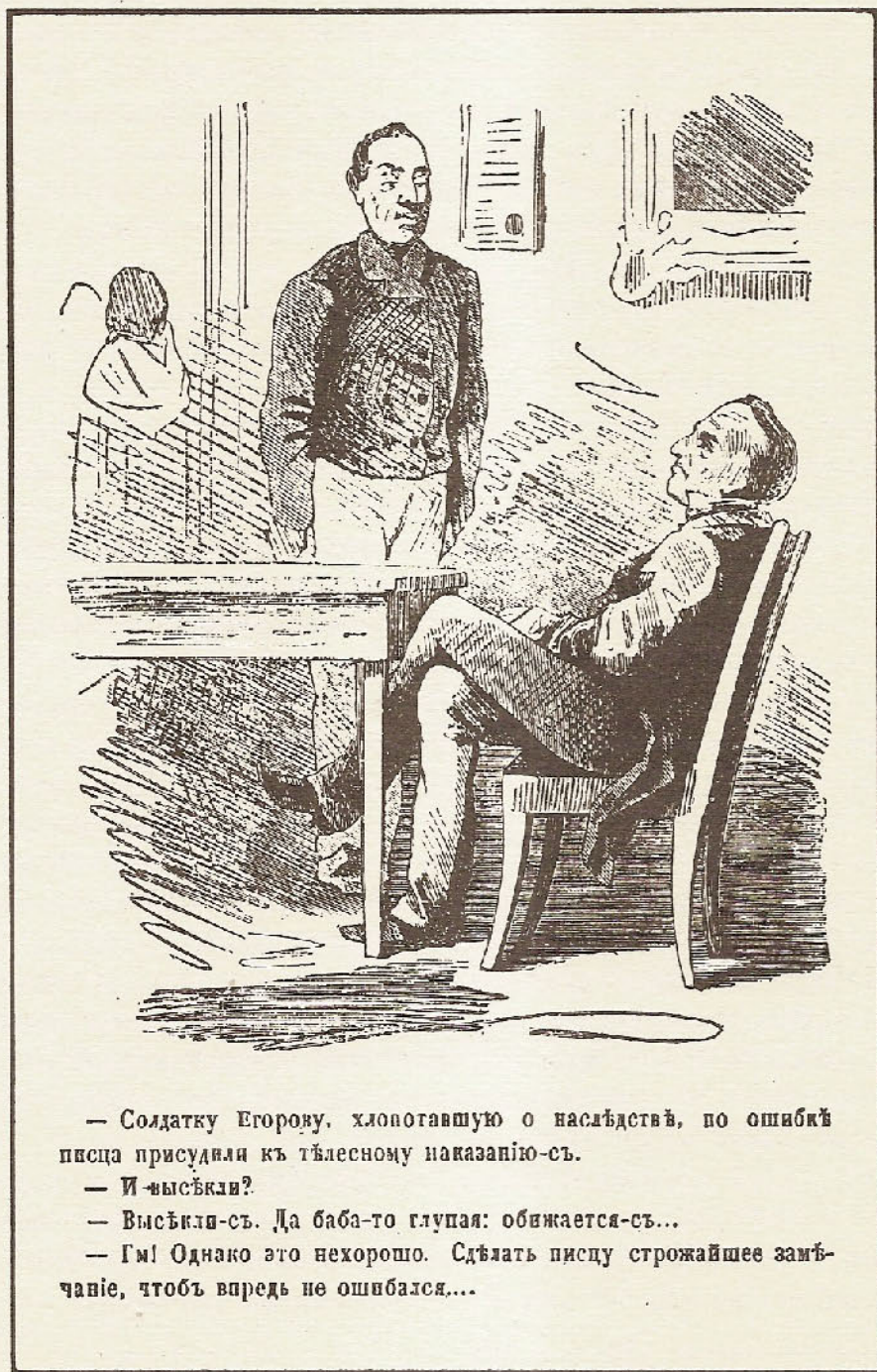

— Давеча, И. И. собственноручно изволили поколотить его; другой, поразумиже, понималъ бы такую честь, а вотъ дуралей, все время вертѣлся—такой право, безчувственный!

Карикатура изъ „Искры“ 1861 г. № 47.

Служебная карьера этого насильника кончилась тѣмъ, что его отдали подъ судъ. Невольно удивляешься приговору рязанской уголовной палаты надъ Левашевымъ: за всѣ безчинства его подвергнули... домашнему аресту на полторы недѣли, — и только! Не насмѣшка-ли это?...—Сенатъ, разумѣется, не могъ согласиться съ такимъ наказаніемъ

и лишилъ Левашева правъ гдѣ-бы то ни было проявлять свои административныя способности; бывшій исправникъ не могъ больше участвовать въ выборахъ, поступать на государственную службу и другія

— Солдатку Егорову, хлопотавшую о наслѣдствѣ, по ошибкѣ писца присудили къ тѣлесному наказанію-съ.

— И-высѣкли?

— Высѣкли-съ. Да баба-то глупая: обижается-съ...

— Гм! Однако это нехорошо. Сдѣлать писцу строжайшее замѣчаніе, чтобъ впредь не ошибался....

должности по назначенію земства, городскихъ корпорацій, дворянскаго сословія и пр. ¹⁾).

Этимъ и ограничились. Какъ будто-бы все было улажено, какъ нужно: истязатель понесъ извѣстную кару, лишился возможности какъ-бы то ни было продолжать свою дѣятельность, а гдѣ же должное тяжкое наказаніе за всѣ безчинства Левашева? Какими мотивами можно было оправдать этого палача, оставить его преспокойно доживать свой вѣкъ на свободѣ въ обычной обстановкѣ? Сомнительно, чтобы сенатскій приговоръ могъ устранишь подобныхъ ему героевъ. У нашихъ чиновниковъ сохранялось если не право, то во всякомъ случаѣ возможность прибѣгать къ тѣлеснымъ экзекуціямъ.

И они ею пользовались. Правда, иногда ихъ судили и приговаривали къ довольно серіозному наказанію, но это, тѣмъ не менѣе, не мѣшало имъ постоянно производить сѣченіе въ участкѣ, даже надъ женщинами и малолѣтними.

Одинъ судебный дѣятель 70-хъ годовъ рассказываетъ объ эпизодѣ, происшедшемъ однажды съ дочерью маіора. Отличаясь сомнительнымъ поведеніемъ, эта особа, какъ-то напившись, угодила въ участокъ. Тамъ она буйствовала и ругалась съ квартальными. Чтобы все это прекратить, приставъ потребовалъ розогъ. Пожарный отломилъ отъ дерева, растущаго во дворѣ, участка, толстый пруть; дочь маіора повалили на полъ, служитель взялъ ее за руки, пожарный за ноги, а приставъ принялся хлестать. Боясь подвергнуться отвѣтственности, приставъ рѣшилъ войти въ сдѣлку; за 15 рублей (sic!) пострадавшая согласилась молчать. Однако, въ городѣ прослышали объ этомъ инцидентѣ, въ результатѣ чего ей какъ говорится «не давали проходу». Выведенная изъ себя, несчастная донесла на самоуправца пристава. Его отдали подъ судъ. И что же? Послѣ безконечныхъ проволочекъ, сенатъ постановилъ объявить пристава подъ сильнѣйшимъ подозрѣніемъ ²⁾).

Сплошь и рядомъ, однако, тѣлесныя экзекуціи надъ арестованными проходили для истязателей совершенно безнаказанно; этихъ послѣднихъ даже не всегда подвергали суду. Кромѣ того, тѣлесныя расправы рѣдко достигали гласности, ихъ тщательно скрывали. До насъ дошло лишь немного подобныхъ фактовъ.

Такъ, въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія по распоряженію градоначальника былъ выставленъ розгами одинъ интеллигентъ, сошедшій отъ этого съ ума ³⁾).

¹⁾ „Современникъ“ 1866 г. т. 113.

²⁾ „Историческій Вѣстн.“ 1903 г. № 8.

³⁾ Жбанковъ и Яковенко: „Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время“ стр. 192.

Въ Москвѣ въ 1890 г. околоточный надзиратель Годжелло приказалъ выпоротъ помощника присяжнаго повѣреннаго и студента ¹⁾. Могилевскій губернаторъ Дембовецкій отдалъ распоряженіе сѣнниковскому уѣзду и исправнику Словенскому подвергнуть тѣлесному наказанію мѣщанина Гиршу Певзнера за оскорбленіе имъ на словахъ священника, несмотря по состоянію его здоровья дать ему 50 розогъ» гласилъ приказъ. (Не забудемъ, что по закону мѣщане не подлежали тѣлесному наказанію). Певзнерь заявилъ, что по болѣзни онъ не можетъ выдержать экзекуціи. Исправникъ не обратилъ на это вниманіе; онъ далъ ему 50 ударовъ, прибавивъ отъ себя еще 50 за строптивый нравъ и симуляцію болѣзненнаго состоянія. Певзнерь слегъ на 4 мѣсяца въ больницу, а Словацкій за превышеніе власти попалъ подъ судъ ²⁾. Въ Зайсангскомъ уѣздномъ правленіи 5-ти воришкамъ-киргизамъ 14—15 лѣтъ въ теченіе 7 дней не давали пищи и по два раза ежедневно сѣкли розгами изъ колючаго чингилія; каждому дали по 25 ударовъ. На судѣ мальчики заявили объ истязаніяхъ; ихъ осматривалъ врачъ, который нашелъ, что сѣдалищи у нихъ были всѣ покрыты кровоподтеками и исполосованы розгами ³⁾.

Выколачиванье Примѣняя нерѣдко тѣлесныя наказанія къ лицамъ, **податей.** освобожденнымъ отъ нихъ по закону, мѣстныя власти уже совсѣмъ не стѣснялись примѣнять ихъ въ отношеніи крестьянъ, не избавленныхъ отъ порки. Посѣтъ темнаго мужика считали наши чиновники чуть не нравственнымъ долгомъ. Къ розгѣ они прибѣгали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, для наказанія ослушниковъ, для полученія податей и проч.

Еще Императрица Елизавета въ половинѣ XVIII-го вѣка отмѣнила правожъ, какъ варварскую и нечеловѣкообразную мѣру. Это, однако, не мѣшало нашимъ администраторамъ, въ продолженіи всего XIX-го вѣка выколачивать недоимки розгами и палками. Нѣкоторые чиновники иногда изобрѣтали при этомъ удивительно оригинальныя мѣры. При ревизіи Курской губерніи сенаторомъ кн. Долгорукимъ въ 1826 г. обнаружилось, на примѣръ, что уѣздные чиновники, собирая съ крестьянъ незаконные поборы, ставили ихъ ранней весной въ воду, зимою заставляли голыхъ ходить по снѣгу или запирали въ нетопленныя избы, лѣтомъ-же сѣкли крапивою ⁴⁾.

Въ другомъ мѣстѣ нѣкій дворянскій засѣдатель, чтобы получить подати съ мужиковъ, сажалъ ихъ въ грязь. Высшее начальство нашло

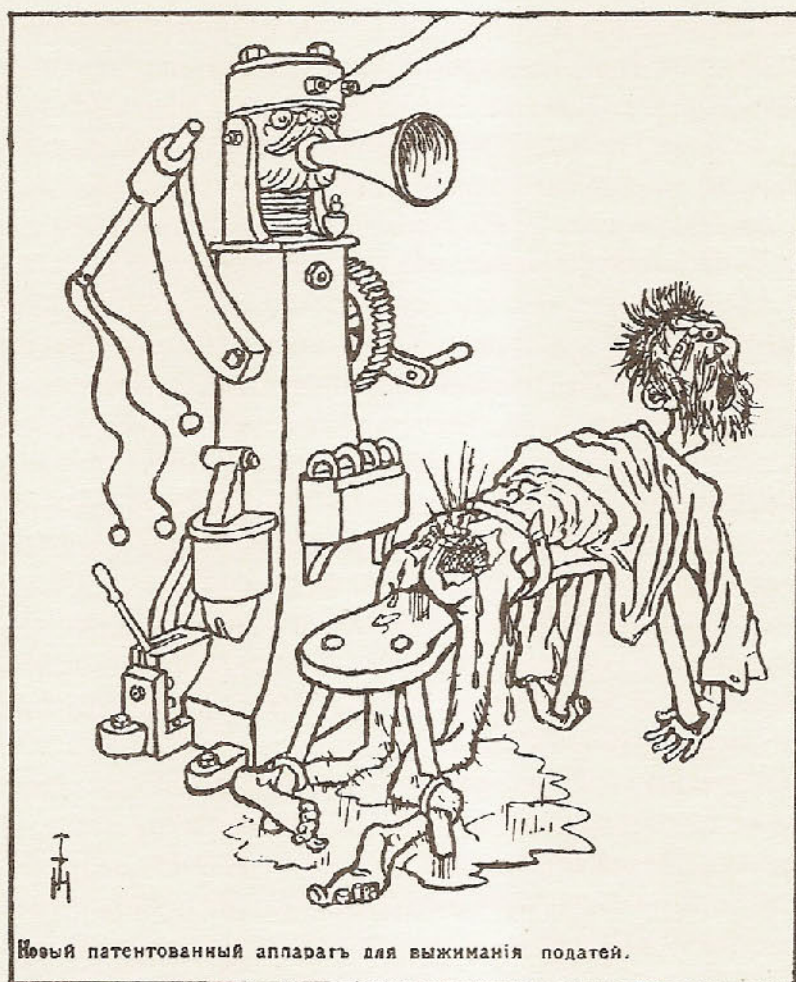
¹⁾ Жбанковъ и Яковенко, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 179.

³⁾ „Смоленскій Вѣстникъ“, 1898 № 60.

⁴⁾ Арх. Сен., Высоч. ука. и повел. кн. 441, л. 401 и слѣд.

такой прием не совсем удобным и привлекло ревностного администратора къ ответственности. Онъ оправдывался: «въ наѣздъ мой въ деревню Безобразову, когда я нашелъ большую часть населенія не въ домахъ ихъ, а въ питейномъ домѣ, приказалъ раздѣть ихъ и посадить въ грязь (бывшую въ тотъ день отъ шедшихъ дождей), въ коей они

Новый патентованный аппаратъ для выжиманія податей.

„Дятель“ 1905 г. № 1.

просидѣли не болѣе получаса, а въ воду никого не сажалъ». Несмотря на столь убѣдительные доводы, дворянскій засѣдатель былъ отставленъ отъ должности ¹⁾.

Инсаровскій исправникъ Ивановъ, (въ Пензенской губ.) ²⁾ подъ предлогомъ обыска, уводилъ недоимщиковъ въ отдѣльную комнату,

¹⁾ „Русск. Архивъ“ 1907. 5.

²⁾ 90-ые годы XIX-го ст.

гдѣ били ихъ жестоко по животу, по шеѣ, по груди и по ребрамъ, такъ какъ на этихъ мѣстахъ не такъ замѣтны побои. Такая дѣятельность Иванова продолжалась до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ избитыхъ не умеръ ¹⁾. Въ Ахтырской волости недоимщиковъ такъ сильно били прикладами по рукамъ, что отъ опухолей крестьяне не могли работать ²⁾.

Въ 90-хъ годахъ это постоянное истязаніе мужиковъ стало вызывать всеобщее возмущеніе. Со дня на день ждали реформы, освобождающей крестьянъ отъ розги. И правительство, подчиняясь духу времени, все чаще и чаще привлекало къ суду за насилие надъ неплательщиками. Такъ, въ окружномъ судѣ въ г. Мензелискѣ Уфимской губ., разбиралось дѣло бывшихъ полицейскихъ урядниковъ М. Кенарскаго и Вл. Курешева, обвинявшихся въ истязаніи недоимщиковъ. Ужасы Бироновскаго праведжа блѣднѣютъ передъ мѣрами этихъ начальниковъ. Вотъ, напри- мѣръ, что учинили они надъ башкиромъ Диньмухаметовымъ. Этотъ несчастный принесъ всего одинъ рубль; тогда его избили и бросили въ подполье. Когда онъ запротестовалъ, урядники приказали ему вылѣзти наверхъ. Боясь повторенія истязаній, Диньмухаметовъ отказался; его вытащили за уши, и накинута съ такой силой на его шею веревку, что онъ упалъ.... Подсудимые, однако, не признали себя виновными. Они говорили, что взыскивали энергично подати по принужденію исправника. Судъ постановилъ заключить ихъ въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; въ силу манифеста срокъ уменьшили до двухъ мѣсяцевъ ³⁾.

Казанскій окружной судъ приговорилъ къ аресту при полиціи на пять дней старосту Андреева и сборщика податей Иванова за то, что они всячески калѣчили недоимщиковъ, хватали ихъ за бороды и за волосы, бросали на полъ, а когда тѣ протестовали, били ихъ кулаками, палками и ногами ⁴⁾.

Все это старые приемы Московской Руси, санкціонированные агентами Бирона. За 200 лѣтъ русскіе администраторы не могли изобрѣсти лучшаго средства для выколачиванія недоимокъ. Татарскій праведжъ, очевидно, нсобыкновенно пришелся по вкусу русскимъ людямъ.

Итакъ, *реформа 1863 года оказала лишь незначительное вліяніе на расправы, чинившіяся руками администраторовъ*. Едва-ли онѣ уменьшились количественно послѣ этого года; не стали онѣ и болѣе милостивыми. Теперь только экзекуціи эти не могли производиться столь явно, какъ раньше. Подвергать сѣченію на улицѣ, на глазахъ у всѣхъ,

¹⁾ Семевскій: „О необходимости отмѣны тѣл. нак.“ Русск. Мысль 1896. II.

²⁾ „Русское Богатство“ 1895 г., 12.

³⁾ „Русск. Богатство“ 1896. 10.

⁴⁾ Тамъ-же.

какъ это сплошь и рядомъ практиковалось въ дореформенной Руси, все-таки было неудобно. Безопаснѣе и спокойнѣе полицейскимъ было чинить правосудіе въ тиши своихъ канцелярій, гдѣ толстыя стѣны скрывали ихъ отъ взоровъ назойливой гласности. Только надъ крестьянами не стѣснялись начальники открыто издѣваться по старому. Да и немудрено. Вѣдь для этого сословія до самаго конца XIX-го вѣка по закону продолжала существовать розга!

Нельзя сказать, чтобы наши администраторы совершенно игнорировали всякій законъ. Нѣтъ, они безусловно признавали его и даже считались съ нимъ, но только постоянно искали удобнаго случая его обходить, прикрываясь всевозможными экстраординарными обстоятельствами. Такими обстоятельствами были для нихъ, напр., народные бунты, когда та или иная область объявлялась въ исключительномъ положеніи.

Къ тѣлеснымъ расправамъ въ такіе моменты русской исторіи мы теперь и перейдемъ.

VI.

Тѣлесныя наказанія при народныхъ волненіяхъ въ XVIII и XIX в. в.

Если въ мирное время администраторы постоянно пускали въ ходъ тѣлесныя расправы, то во время волненій и междоусобицъ эти расправы въ ихъ рукахъ достигали прямо таки чудовищныхъ размѣровъ.

Благодаря исключительному положенію, законъ терялъ для мѣстныхъ властей свою силу: — имъ разрѣшалось примѣнять какія-угодно мѣры къ возставшимъ, лишь-бы водворить спокойствіе. Нечего говорить, что «усмирители» широко этимъ пользовались. Достаточно вспомнить, что дѣлалось при усмирении послѣдняго польскаго возстанія.

Польское возстаніе. Бунтовщиковъ — инородцевъ сбъкли нещадно, позорно, отвратительно. По словамъ одной эмигрантки, шефъ жандармовъ въ Олесникахъ за одинъ день какъ-то выпоролъ болѣе ста чело-вѣкъ, и между пострадавшими было не мало лицъ, приналежавшихъ къ родовитѣйшимъ польскимъ фамиліямъ.

Иностранные писатели передаютъ намъ совершенно необычайные и по всей вѣроятности преувеличенные ужасы объ этихъ экзекуціяхъ. Такъ, рассказываютъ, будто-бы польскихъ юношей и дѣвушекъ, порою совершенно невинныхъ, публично обнажали и сбъкли съ утра до вечера, иныхъ нѣсколько дней кряду. Пороли знатныхъ дамъ, вельможъ и магнатовъ. Однажды ворвались жандармы въ домъ къ одному помѣ-щику, проживавшему въ своемъ имѣніи съ женой и четырнадцатилѣт-ней дочерью. По приказанію офицера, схватили хозяина и его супругу,

привязали ихъ на дворѣ къ столбу, обнажили и выдрали плетми, а дѣвочку высѣкли розгами. Другой усмиритель, будто, заставлялъ дочерей знатныхъ поляковъ ползать передъ нимъ на колѣняхъ и молить о пощадѣ, а самъ онъ въ это время сѣкъ несчастныхъ дамъ конскими плетми.

Читая объ этихъ ужасахъ, невольно возникаетъ сомнѣніе объ ихъ достовѣрности. Весьма возможно, что многое дѣйствительно преувеличено. Мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ ручаться, что всѣ приведенные факты были въ дѣйствительности. Но съ другой стороны, несомнѣнно извѣстно, что расправы надъ возставшими поляками были дѣйствительно до крайности жестоки и незаконны. Одинъ жандармскій начальникъ въ своихъ запискахъ повѣствуетъ о *страшныхъ пыткахъ*, производившихся надъ заподозрѣнными бунтовщиками ¹⁾ и о казняхъ, которымъ ихъ предавали. Не есть-ли это косвенное доказательство, что тѣлесныя экзекуціи тоже имѣли мѣсто при усмирении Польши? Разъ ихъ употребляли при дознаніи, очевидно, оны пускались въ ходъ и въ видѣ кары непокорныхъ инородцевъ. Съ какой стати власти церемонились-бы съ поляками, когда у себя въ деревнѣ, надъ бунтовавшими крестьянами, они чинили постоянно самую жестокую тѣлесную расправу?

Крестьянскія волненія. Крестьянскія волненія вспыхивали въ Россіи постоянно, на протяжении всего XVIII-го и XIX-го вѣковъ. Тяжкимъ гнетомъ давило мужиковъ рабство и нужда. Вѣчно среди нихъ бродили тревожные слухи о волѣ, о грамотѣ, которую присвоили себѣ чиновники, подкупленные помѣщиками. Начало каждаго новаго царствования въ XVIII в. встрѣчалось народомъ съ извѣстнымъ упованіемъ, но вскорѣ наступало разочарованіе и... вспыхивало волненіе.

Съ 1762 г. по 1772 г. по официальному расчету въ Россіи насчитываютъ 40 бунтовъ. (Въ дѣйствительности ихъ было нѣсколько больше). А при воцареніи Павла I одновременно произошло въ разныхъ губерніяхъ 11 волненій.

Нужно замѣтить, что въ XVIII вѣкѣ вспышки эти носили чисто мѣстный характеръ (исключая, конечно, Пугачевщины). Онѣ возникали въ той или иной вотчинѣ и не захватывали широкаго района. Для правительства эти вспышки не казались очень страшными, и начальникамъ при подавленіи ихъ предписывалось избѣгать жестокихъ мѣръ. Въ октябрѣ 1763 года военная коллегія составила временныя правила для начальниковъ военныхъ отрядовъ при усмирении крестьянскихъ волненій; было приказано испробовать сначала всѣ средства для прекращенія безпорядковъ, въ крайнемъ случаѣ даже стрѣлять по бунтовщикамъ и

¹⁾ См. отдѣлъ „Пытка въ XIX столѣтіи“.

ужь если ничто не поможет и они не смиряться, то «поступать съ ними по всѣмъ воинскимъ обрядамъ, какъ съ противниками Е. И. В. указовъ». Замѣтка сената на эту инструкцію гласитъ: возмущившіеся крестьяне «безъ разоренія ихъ и пожаровъ, а особливо безъ кровопролитія приводимы были въ послушаніе, развѣ уже необходимость востребуетъ употреблять строгость по воинскимъ обрядамъ». ¹⁾

Подъ этой «крайней строгостью по воинскимъ обрядамъ», конечно, нужно разумѣть тѣлесную экзекуцію. Кромѣ того экзекуціи эти надъ бунтовщиками въ то время чаще производились не по собственному побужденію начальства, а по просьбѣ помѣщиковъ. Напуганные вотчинники въ самыхъ ничтожныхъ признакахъ видѣли порой грозное возстаніе, симулировали бунтъ, призывали воинскія команды и требовали, чтобы зачинщиковъ драли плетью и кнутомъ. Извѣстны, напр., такіе факты. Дѣло было въ царствованіе Павла I. Крестьяне одной вотчины въ Ярославской губ., выведенные изъ терпѣнія невыносимыми податями и оброками, вздумали жаловаться на своихъ господъ. Тѣ прослышали объ этомъ намѣреніи, сейчасъ-же послали за исправникомъ, который явился съ ротой солдатъ, арестовалъ нѣсколько человѣкъ, а всѣхъ остальныхъ десять дней подрядъ сѣкъ плетми смертно, неизвѣстно за что, поролъ и приговаривалъ: «не подавай Государю прошеніе» ²⁾.

Въ Нижегородской губ. въ 1797 г. крестьяне Лукьяновскаго уѣзда, числомъ 390 душъ, отправили къ Государю прошеніе и отказались повиноваться помѣщикамъ. Убѣжденіе исправника ихъ не поколебало. Тогда губернаторъ командировалъ совѣтника Яковлева съ ротой солдатъ, который послѣ тщательныхъ увѣщаній, по указанію помѣщика, 7 человѣкъ при всѣхъ наказалъ батогами ³⁾.

Въ другихъ губерніяхъ въ царствованіе Императора Павла I происходили болѣе или менѣе аналогичные инциденты. Вожаковъ забирали въ кутузки, приговаривали ихъ къ кнуту и плетямъ, а остальную массу поролли «домашнимъ порядкомъ». Одни начальники дѣйствовали при этомъ не очень жестоко, «по закону», другіе-же проявляли самый крайній произволъ. Извѣстно, напр., что въ 1797 г. крестьяне господъ Всеволожскихъ собраны были исправникомъ Шамановымъ для приведенія къ подпискѣ о наслѣдствѣ покойнаго господина ихъ Всев. Ал. Всеволожскаго племяннику его. Крестьяне «къ тому не противны были, но токмо припадая на колѣни, просили о чинимыхъ отъ прикащиковъ ихъ имъ обиды». Это признали за бунтъ. Исправникъ, безъ всякихъ

¹⁾ Арх. М. Ю. № 924 3407, л. 591—600.

²⁾ П. Трифилевъ: „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи, Царств. Павла I“, стр. 154.

³⁾ П. Трифилевъ стр. 217.

причинъ, многихъ изъ мужиковъ, обнажа, плетъми конскими безчеловѣчно пыталъ, а сержантъ Лукинъ, выѣхавъ въ пьяномъ видѣ съ заряженнымъ пистолетомъ, билъ саблей и «необычайно» кричалъ: «сѣчь имъ головы». Вечеромъ усмирители «изъ насилія собирали въ томъ селѣ отъ всѣхъ домовъ дѣвокъ, также и изъ деревень къ помощнику Лукину въ покои и дѣлали для увеселенія себя вечеринки, черезъ что и приводятъ на счетъ мірской не малая издержки». Крестьяне жаловались на этихъ администраторовъ. Но высшія власти не нашли ничего предосудительнаго въ ихъ поступкахъ и жалоба осталась безъ послѣдствій ¹⁾).

Крайне жестоко обошлись также и съ бунтовщиками въ Орловской губ.:—16 человѣкъ приговорили къ 100 ударамъ кнута; старосту Федора Грохотова наказали 25 ударами за то, что онъ «не могли самъ за болѣзнью идти и высылать на бунтъ, говорилъ, что пусть десятскіе высылаютъ». 25 ударовъ получилъ еще другой мужикъ, который «хотя самъ въ бунтѣ и не былъ, но другихъ на оный выгонялъ». Одинъ жестоко битъ за то, что «при началѣ злыхъ предпріятій, сыномъ его производимыхъ въ дѣйствіе, не посовѣтовалъ ему отстать и не отвращалъ его отъ того злодѣйствія» ²⁾).

Но, несомнѣнно, всѣхъ болѣе отличился Калужскій усмиритель вице-губернаторъ Митусовъ. Онъ доносилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что, прибывъ въ одну деревню и не найдя никого изъ мужиковъ, онъ пересѣкъ кнутомъ всѣхъ женщинъ и дѣтей средняго возраста въ страхъ другимъ; а потомъ сажалъ ихъ въ особую клѣть ³⁾).

Въ XIX-мъ столѣтіи крестьянская жизнь стала еще тяжелѣе. Въ деревняхъ царило глухое недовольство, мужики всячески искали выхода изъ своего положенія. То устремлялись они отыскивать новыя земли, бѣжали отъ помѣщиковъ, то цѣлыми массами выказывали протесты и неповиновенія господамъ, приносили губернатору, мѣстнымъ или вотчиннымъ властямъ скопомъ жалобы, или производили разныя самоуправства, распоряжались господскимъ имуществомъ, смѣняли вотчинныхъ начальниковъ и прочее.

Такія вспышки происходили почти ежегодно. За 28 лѣтъ, съ 1826 г. по 1854 г. ихъ насчитывается до 674 въ разныхъ имѣніяхъ. Возникнувъ въ одной какой-нибудь области, онѣ быстро распространялись на сосѣднія мѣста, соверпались «полосами, пассатно, какъ морскія бури» ⁴⁾ и захватывали иногда очень значительные районы. Вотъ

¹⁾ П. Трифилевъ стр. 84.

²⁾ Ibid.

³⁾ „Рус. Архивъ“ 1869 г.

⁴⁾ Д. Л. Мордовцевъ: „Страдныя страданія прошлаго на Руси“ пол. собр. соч. т. XLV стр. 46.

что говорить объ этомъ Мордовцевъ: «крестьяне многолѣтнимъ опытомъ дошедшіе до убѣжденія, что ни одна жалоба ихъ на помѣшниковъ, ни одинъ протестъ не проходилъ безъ того, чтобы давленіе на нихъ не усиливалось и чтобы послѣ всякой вспышки не ожидало ихъ немедленное наказаніе и исправленіе то ссылкой, то еще большимъ лишеніемъ свободы, рѣдко отваживались на протесты, на жалобы, на заявленія о своихъ страданіяхъ если только не вызывались къ тому отчаяніемъ, безвыходностью, невыносимостью своего положенія, или какимъ-либо нечаяннымъ, необдуманномъ взрывомъ... Но едва происходилъ гдѣ-либо этотъ неожиданный взрывъ .., какъ взрывы слѣдовали за взрывами, являлась повсемѣстность, эпидемичность протестовъ, вспышекъ, жалобъ, и крестьяне толпами осаждали власти, выкладывая передъ ними всѣ свои невзгоды и напасти и всѣ неправды своихъ повелителей». ¹⁾

У насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній о крестьянскихъ бунтахъ въ самомъ началѣ XIX ст. Сохранилось только воспоминаніе о возмущеніи въ 1812 г., когда мужики ожидали освобожденія въ награду за ихъ борьбу съ врагами. Въ Пензенской губ. въ тѣ годы бунтовали ополченцы; экзекуція надъ ними продолжалась три дня, перепороли болѣе 300 человѣкъ ²⁾.

Но настоящая эпидемія волненій началась съ 1826 г., со времени восшествія на престолъ императора Николая I. Если раньше, въ XVIII в., бывали иногда случаи, когда протесты крестьянъ сходили имъ съ рукъ, то теперь этого уже больше никогда не случалось. За малѣйшее проявленіе недовольства всегда слѣдовала самая жестокая тѣлесная расправа. Въ 1826 г. для лицъ, замѣшанныхъ въ бунтахъ, ввели военные суды, причемъ если къ тѣлеснымъ наказаніямъ присуждалось не болѣе 9-ти человѣкъ, утверждалъ приговоры губернаторъ, а если военные суды назначали экзекуцію болѣе 9-ти лицамъ, то черезъ министра внутреннихъ дѣлъ и комитетъ министровъ утверждалъ эти постановленія самъ Государь.

Быстрое распространеніе и заразительность крестьянскихъ волненій побуждали администрацію и помѣщиковъ неукоснительно, въ самомъ зародышѣ, подавлять всякіе протесты.

Вотъ какъ было дѣло въ Саратовской губ., въ имѣніи Волковыхъ. Подъ руководствомъ нѣкоего Осипа Ларіонова, мужики въ этой вотчинѣ задумали изгнать начальниковъ. Объ этомъ, однако, во время узнали; пріѣхалъ исправникъ Барановскій, арестовалъ зачинщиковъ и

¹⁾ Д. Л. Мордовцевъ, „Наканунъ воли“ пол. соб. соч. т. XXXXIV стр. 110—111.

²⁾ „Крестьянскія волненія“ И. И. Игнатовичъ „Великая реформа“ изд. Сытина т. III—IV стр. 44.

приказалъ созвать сходъ. Явилось всего только 109 стариковъ. Привели арестованныхъ и приступили къ экзекуціи сѣченія. Но когда раздѣли Ларіонова, всѣ 109 стариковъ бросились на землю и «положа руки на спины» кричали «бейте всѣхъ, а не семь человѣкъ, они не

Грав. Н. Куренковъ.

Врачъ 1-й. — Чѣмъ ты боленъ?

— Вся спина, отецъ родной, болитъ.

Врачъ 2-й. — По моему мнѣнію причина болѣзни—становой хребтъ.

— Ну такъ и есть, кормилецъ, становой все по хребту дуба

Карикатура изъ „Искры“ 1861 г., № 32.

виноваты». Исправникъ, однако, не рѣшился выпоротъ цѣлый сходъ. Расправившись съ зачинщиками, онъ ихъ отправилъ въ тюрьму; ихъ предполагали сослать. Но владѣлецъ крестьянъ, помѣщикъ Волковъ, просилъ въ письмѣ губернатора Голицына дать мужикамъ только примѣрный урокъ, такъ какъ ссылка была-бы убыточна для экономіи; по

его мѣнѣю, зачинщиковъ нужно было «*runir par le plectre* при всемъ населеніи вотчины, съ полной торжественностью (*avec toute la pompe*), ибо эти каналы ничего не боятся кромѣ батога»¹⁾.

Вотъ еще вполнѣ безпристрастная, правдивая картина одной крестьянской экзекуціи, описанной самимъ усмирителемъ. Дѣло было въ 30-хъ годахъ; бунтовали удѣльные крестьяне въ Сызранскомъ у. Саратовской губ. Возстаніе скоро подавили самыми крутыми мѣрами. «Всѣ двory устланы связанными бунтовщиками. «Розогъ! давайте перваго». Выводятъ старика 70-ти лѣтъ.—«Повинуешься?» Нѣтъ!—Сѣки-же его!—Старикъ поднялъ голову и проситъ: «батюшка, вели поскорѣй забить». Непріятно, но дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло; наконецъ старикъ умеръ, я приказалъ на мертваго надѣть кандалы. Одинъ за другимъ 13 человѣкъ засѣчены до смерти и на всѣхъ кандалы. Четырнадцатый вышелъ и говоритъ: «Я покоряюсь!» Ахъ ты негодяй, почему ты прежде не покорился? Покорились-бы и тѣ, которые мертвы. Розогъ! Дать ему 300 розогъ. Это такъ подѣйствовало, что всѣ лежащіе заговорили: мы всѣ покоряемся, прости насъ.—«Не могу ребята простить, вы виноваты противъ Бога и Государя». Да ты накажи и помилуй.—Приказалъ солдатамъ раздѣлить на нѣсколько группъ и дать всѣмъ бунтовщикамъ по 100 розогъ подъ надзоромъ исправника»²⁾.

33—34-й годъ XIX ст. были голодными годами для Россіи, и большинство крестьянскихъ волненій этого періода вызвано недостаткомъ хлѣба. Такую именно подкладку носилъ бунтъ крестьянъ помѣщицы Денисьевой въ селѣ Малиновкѣ, Саратовской губ. Мужики отказались повиноваться помѣщицѣ и исполнять работы. Послѣ долгихъ увѣщаній, администрація принуждена была, наконецъ, прибѣгнуть къ насилію. Собрана была сходка, и Переверзевъ (губернаторъ) приказалъ сѣчь непокорныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ не выдержали палокъ, другихъ пугалъ этотъ процессъ наказанія, и потому нѣкоторые, весьма, впрочемъ, немногіе, «павъ на колѣни», объявили, что они признаютъ Денисьеву за свою помѣщицу, что повиноваться ей будутъ и господскія работы исполнять стануть; большая-же часть осталась непреклонна, и ни подъ палками, ни подъ угрозами не повинилась. Тогда солдаты начали отдѣлять упорныхъ и добровольно покорившихся и вносить въ особые списки. Болѣе ста человѣкъ еще были жестоко наказаны, и «только сею мѣрою, подъ палками, исторгнуто у каждаго изъ нихъ сознаніе въ своемъ заблужденіи и обѣщаніе оставить оное». Но и это «истор-

¹⁾ Д. Л. Мордовцевъ „Наканунѣ воли“ пол. соб. соч. т. XXXXIV стр. 182—186.

²⁾ Э. И. С...овъ „Рус. Старина“ 1878 г. т. 23 стр. 649.

гнутое» палками обѣщаніе было не прочно. Переверзевъ видѣлъ, что надежды на раскаяніе тутъ мало, и потому придумалъ новую мѣру наказанія непокорныхъ: чтобы не дать имъ возможности убѣгать изъ имѣнія и жить по другимъ селеніямъ, онъ велѣлъ каждому обрить половину головы и половину бороды.

Вслѣдъ за мужской сходкой собрали женскую. Двѣ женщины тутъ особенно отличились своей смѣлостью и дерзостью; ихъ сейчасть-же высѣкли. «Третья изъ нихъ, отличавшаяся такимъ-же буйствомъ, вслѣдствіе беременности, не могла быть наказана розгами, и потому у нея острижена была голова. Напуганные розгами, остальные женщины упали на колѣни и просили прощенія». Но на другой день опять никто не вышелъ на работу. «Тогда Переверзевъ посылалъ солдатъ разыскивать укрывающихся по всѣмъ домамъ, и тѣхъ, которыхъ находили и силой приводили на площадь, вновь сѣкли, а потомъ подъ конвоемъ отправляли на работу».

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о наказаніи зачинщиковъ; одного изъ нихъ, Петленкова, приказано было публично высѣчь 25-ю ударами кнута, заклеить и сослать въ каторжныя работы, другихъ—прогнать черезъ 500 пиццрутеневъ. «Къ назначенному дню въ село Малиновку согнаны были тысячи помѣщичьихъ крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень для того, чтобы они присутствовали при экзекуціи и чтобы картина наказанія, глубоко врѣзавшись имъ въ память, всегда напоминала имъ о страшныхъ послѣдствіяхъ неповиновенія властямъ. Ко дню наказанія съѣхались и управляющіе сосѣднихъ имѣній. Въ сборѣ были и всѣ мѣстные власти. Къ назначенному-же дню отправленъ былъ изъ Саратова въ Малиновку за особымъ приглядомъ при унтеръ-офицерѣ, городской палачъ («коть»), котораго и въ Малиновкѣ велѣно было содержать подъ военнымъ надзоромъ. Къ назначенному дню подъ сильнымъ конвоемъ прибыли въ Малиновку и преступники, отправленные изъ Балашова въ желѣзахъ, а Петленковъ—въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Собраны были и всѣ малиновскіе крестьяне, мужчины и женщины. Мѣсто, на которомъ преступники должны были получить наказаніе, окружено было солдатами. Въ сторонѣ стоялъ особый конвой, подъ присмотромъ котораго находились арестанты. Въ кругѣ-же размѣстилась власть. Далѣе вся площадь была залита народомъ. Послѣ прочтенія Высочайшей конфирмаціи, палачъ принялъ въ свое распоряженіе Петленкова. При первыхъ ударахъ кнутомъ между крестьянами сдѣлалось волненіе. Площадь зашумѣла. Массы начали надвигаться къ самому эшафоту, такъ что, чтобы не остановить экзекуціи, солдаты должны были силой остановить этотъ напоръ толпы. Долго продолжалось это печальное дѣло, потому что всѣмъ тринадцати арестантамъ нужно было дать 6500 ударовъ, а все

это не могло скоро кончиться». Потомъ судили вторую серію зачинщиковъ. Военно-судная комиссія приговорила «восемь человѣкъ главарей, какъ замѣченныхъ и доказанныхъ слѣдствіемъ болѣе всѣхъ бунтовавшими въ неистовой толпѣ, поносившихъ бранными словами поручика Барташевича и т. д., равно крестьянскую женку Аксиныю Иванову, сдѣлавшую тревогу во время волненія бунтующей толпы къ всякому возмущенію, какъ злонамѣренную преступницу, *лишить живота*». Но по Высочайшему повелѣнію всѣ они были только наказаны 25-ью ударами палокъ, въ томъ числѣ и звонившая на колокольнѣ въ набатъ Аксиныя Иванова ¹⁾).

Такими жестокими мѣрами добивались власти повиновенія мужиковъ.

Боязнъ голода вызвала также волненіе крестьянъ помѣщика Ивана Александровича Кафтырева, намѣревавшихся убить управляющаго Ивана Масткевича за жестокое съ ними обращеніе, постоянные побои и угнетеніе работами. Всѣхъ замѣшанныхъ мужиковъ арестовали и предали суду. Но «до окончанія суда крестьянъ сѣкли розгами, соразмѣрно съ виною и лѣтами каждаго» и притомъ такъ, чтобы наказаніе это «болѣе служило для порожденія страха, нежели оказанія жестокости». Затѣмъ ихъ сѣкли по суду, на основаніи военнаго артикула: зачинщиковъ — черезъ палача плетми по 40 ударовъ каждаго, всѣхъ прочихъ плетми же, по 45 ударовъ каждаго, но только не черезъ палача, а черезъ полицейскихъ слугъ ²⁾).

Выше мы говорили, что въ XIX-мъ столѣтіи крестьянскія движенія, не ограничиваясь отдѣльными деревнями, захватывали обычно значительные районы. Изъ числа самыхъ крупныхъ волненій въ эту эпоху былъ, такъ называемый, «картофельный бунтъ». Онъ вспыхнулъ въ Пермской губ. въ 1842 году.

Много неурядицъ происходило среди мужиковъ изъ-за того, что имъ какъ слѣдуетъ не объяснили вводимыя для нихъ мѣропріятія. Это было и въ данномъ случаѣ. Причиной картофельнаго бунта было распоряженіе о посѣвѣ картофеля и учрежденіе запасныхъ магазиновъ, обезпечивающихъ крестьянъ въ случаѣ неурожая. Не понимая значенія этихъ нововведеній, крестьяне видѣли въ нихъ какое-то новое для себя зло, долженствовавшее увеличить ихъ и безъ того тягостное положеніе. Какъ всегда, гнѣвъ мужиковъ обрушился на ближайшихъ начальниковъ. Этихъ послѣднихъ вѣшали головой внизъ на веревкахъ, перекинутыхъ черезъ водосточные жолоба крышъ, или перетаскивали по

¹⁾ Д. Л. Мордовцевъ „Страдныя страницы прошлаго на Руси“ пол. соб. соч. т. XXXV, стр. 30, 31, 34, 37—38, 40, 44.

²⁾ Д. Л. Мордовцевъ, пол. собр. соч. т. XXXV стр. 51.

льду черезъ прорубь, погружали въ колодцы, вообще всячески вымѣщали на нихъ всю свою злобу, всю горечь и обиду наболѣвшей души.

Но вотъ настала чередъ ужасной расплаты за насилія. Солдаты усмирили непокорныхъ. Экзекуція надъ крестьянами уподобилась «молоченію хлѣба» по выраженію одного очевидца. Такъ, въ одно село явилась военная команда въ сопровожденіи двухъ воевъ съ розгами и двухъ съ палками. Крестьянамъ приказано было встать на колѣни; затѣмъ ихъ раздѣлили на двѣ группы, первыхъ — зачинщиковъ отправили въ острогъ, а вторымъ приказали раздѣться. Солдаты разобрали орудія, каждый вооружился палками и нѣсколькими пучками розогъ. Сѣкли до безчувствія, продолжали сѣчь и послѣ потери сознанія. Наказавъ виновныхъ, принялись за общество; давали по 200, 300 ударовъ. Мало кто перенесъ это истязаніе ¹⁾.

Въ Зауральской части, Пензенской губ., въ эти годы также бродили разные нелѣпые слухи, волновавшіе населеніе; говорили, напри- мѣръ, будто чиновники и духовенство продали крестьянъ какому-то Министерству. И тутъ усмирили крестьянъ тѣми-же приемами. Зачинщиковъ военно-судная коммиссія приговаривала къ 4000 и 5000 шпиц-рутеневъ, къ лишенію правъ и ссылкѣ на каторгу; а всю остальную толпу темныхъ людей безпощадно сѣкли розгами. Въ Шадринскомъ уѣздѣ перепорото было 1677 мужиковъ 150-ю ударами кажлаго, въ Камышловскомъ уѣздѣ инымъ давали 600 и даже 800 розогъ ²⁾. Постановленія закона, запрещающія давать больше 100 ударовъ, очевидно совершенно игнорировались.

Вообще, не слѣдуетъ подводить подъ какія-бы то ни было правовыя нормы экзекуціи нашихъ администраторовъ надъ бунтовщиками. Тутъ царствовалъ ихъ собственный неписанный кодексъ, ничего общаго не имѣвшій съ официальными постановленіями. Считалось возможнымъ, и даже пожалуй похвальнымъ, застѣкать на смерть людей, истязать стариковъ и должностныхъ лицъ, какъ это было напр. въ Рязанской губ. въ 1848 г.

Въ 1847—48 г. въ этой губерніи начались аграрныя безпорядки, закончившіеся обычной экзекуціей. Приѣхавъ однажды въ какое-то селеніе, губернаторъ не нашелъ никого изъ бунтовщиковъ; тогда онъ приказалъ собрать волостныхъ старшинъ и сельскихъ головъ, обратился къ нимъ со строгой рѣчью за ихъ слабый надзоръ за крестьянами, затѣмъ приказалъ этихъ начальниковъ втиснуть въ будки, стоявшія во

¹⁾ „Древн. и Нов. Россія“ 1877 г. 4. стр. 316. „Р. Стар.“ 1878. т. 23.

²⁾ В. С. Валуевскій: „Воленія крестьянъ въ Зауральской части Пензенской губ.“.

дворѣ у садовой ограды, а послѣ высѣчь ихъ за ихъ административныя прегрѣшенія ¹⁾).

- Намедни, вы были у насъ на сходкѣ...
- Да, помню и кто-то тамъ сзади закричалъ: свинья. Я приказалъ отыскать виноватаго—чтожь отыскалъ?
- Отыскалъ, батюшка.
- Далъ 20 розогъ?
- Далъ.
- И подъ арестъ посадилъ?
- Не посадилъ—неудобно.
- Это почему?
- Да она съ поросятами.

Карикатура изъ „Искры“ 1862 г. № 20.

¹⁾ О бунтѣ крестьянъ 1847 г. „Древ. и Нов. Россія“, 1878. 3.

Во время Витебскаго движенія, вызваннаго тяжкимъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ, военному суду было предано 95, по другимъ версіямъ 114 бунтовщиковъ; 4000 человекъ менѣ виновныхъ выпороли ¹⁾).

Послѣ отмѣны крѣпостного права, передъ самой реформой 1863 г., снова поднялась наша деревня, вспыхнулъ рядъ возстаній, вызванныхъ разочарованіемъ въ полученной волѣ. Отмѣнили тягостное крѣпостное право, прекратились произволъ и издѣвательство помѣщиковъ, но мужики чувствовали себя по прежнему связанными по рукамъ и ногамъ тяжелыми путами экономической зависимости. И вотъ, мало по малу, у нихъ создалась увѣренность, что помѣщики подкупили власти, заставили ихъ скрыть настоящую выданную Царемъ грамоту о волѣ и подсунули имъ другую.

Въ имѣніи графа Вьельгорскаго, въ Тамбовской губ. Кандевскаго уѣзда, разыгралась, напр., такая сцена: многочисленная толпа подошла къ дому священника и стала требовать у него волю.—Нѣтъ у меня такой воли, какой спрашивается, говорилъ растерявшійся батюшка.—Врешь, возражали ему,—воля лежитъ на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и съ знаменіемъ Пресвятыя Богородицы, и если мы не найдемъ ея въ церкви, то повѣсимъ тебя кверху ногами ²⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта ужасная угроза приводилась съ исполненіемъ.

И теперь волненія охватили многія губерніи. Въ Саратовской губ. въ уѣздномъ городѣ К-цкѣ въ 1861 году аграрные безпорядки вспыхнули слѣдующимъ образомъ. Унтеръ-офицеръ 1-й роты Савельевъ, доставъ экземпляръ положенія 19-го февраля, съ жадностью читалъ его. Черезъ нѣсколько дней Савельевъ отправился по какому-то приказанію начальства въ сосѣднее село. Тамъ онъ сталъ бесѣдовать съ мужиками, принялся толковать имъ манифестъ. Тѣ съ жадностью слушали; положеніе ихъ, несмотря на реформу, мало измѣнилось, нѣмецъ-управляющій по старому выгонялъ ихъ на тяжелую барщину. «Богъ ѣ знаетъ, гдѣ эта воля застряла!.. Ждемъ, ждемъ все нѣтъ!.. Манифестъ прочитали, а на барщину гоняютъ по старому», роптало населеніе. Слова солдата подлили масло въ огонь, и на другой день никто не вышелъ на работу. Наводить порядокъ явился стрѣлковый батальонъ; при помощи розги вольный духъ былъ быстро искорененъ. Главарей заковали въ кандалы и жестоко высѣкли въ острогѣ, а Савельева прогнали сквозъ строй шпицрутенами ³⁾). Подобнымъ-же способомъ подавлялись вспышки и въ другихъ мѣстахъ.

¹⁾ И. И. Игнатовичъ: „Крестьянскія волненія“, „Великая реформа“ изд. Сытина стр. 56.

²⁾ И. Дубасовъ: „Очерки изъ ист. Тамбовскаго края“ вып. 2 стр. 142.

³⁾ Ив. Якунинъ: „Крестьянскіе безпорядки“, „Древ. и Нов. Россія“, 1877 г.

Въ Пермской губ., Ирбитскаго уѣзда, напр., команда оцѣпила выражавшихъ свое недовольство крестьянъ и всѣхъ повела въ зданіе стекляннаго завода. Привезли возъ розогъ, вызвали нѣсколько человѣкъ зачинщиковъ и стали сѣчь. Бабы въ отчаяннѣй прибѣжали «защищать» своихъ мужиковъ, но и ихъ высѣкли, за непрошенное вмѣшательство ¹⁾).

Вотъ какъ производилась экзекуція генераломъ Дренякинымъ въ Кандевкѣ, Тамбовской губ.: «Приговоры начали приводить въ исполненіе на мѣстѣ. Казанцы были поставлены шпалерами; имъ дали въ руки шпицрутены и, въ присутствіи безмолвной толпы оцѣпленныхъ крестьянъ, начали гнать сквозъ строй по два и по три человѣка заразъ. Спины крестьянъ были обнажены, руки ихъ крестъ на крестъ были привязаны къ ружейному прикладу; за дуло же ружей держали два солдата, которые и вели приговореннаго по «зеленой рощѣ» подъ звукъ унылаго барабаннаго боя. Картина была за душу хватающая и невольно вызывала слезы у всѣхъ присутствовавшихъ. Ключьями летѣло живое мясо отъ гибкихъ хлыстовъ, обвивавшихъ словно змѣи грудь и спину мужиковъ. Звонко раздавался мѣрный свистъ и визгъ шпицрутеновъ; но казалось, что эти несчастные фанатики и не чувствовали боли; они шли по «зеленой рощѣ» точно на праздникъ и только глухо повторяли «за Бога да за Царя помираемъ!» Просвистятъ двѣ сотни хлыстовъ и нарочно остановятъ печальную процессію. — Ну что? каешься-ли? пойдешь-ли на работу? спросятъ мужика, спина котораго представляла одну безформенную массу, изъ которой торчали куски прутьевъ, врѣзавшихся въ тѣло. Несчастный во время пріостановки только вздохнетъ какъ будто посвободнѣе и произнесетъ: — На работу не пойду! Дорѣзывайте меня. И снова льется кровь, безъ стонувъ, безъ вопля. Точно и не люди, а какіе-то каменные истуканы. Въ точности согласно конфирмаціи были прогнаны сквозъ строй десятка два человѣкъ. Казалось-бы при видѣ этой страшной, душу раздирающей картины должны были содрогнуться и стоявшіе въ толпѣ крестьяне. Но нѣтъ—они безмолвно ожидали своей очереди и шли къ допросу спокойно и безмолвно ожидая дальнѣйшей участи. И ихъ гнали сквозъ строй съ тѣми-же пріостановками и съ тѣми-же вопросами, на которые они, подобно уже потерпѣвшимъ товарищамъ по несчастью, отвѣчали—на барскую работу не пойдемъ.—Такимъ образомъ сквозъ строй шпицрутеновъ прошло слишкомъ 20 человѣкъ, повинovenія-же и раскаянія никто не высказывалъ»...

Но вотъ «на дворъ усадьбы привезли нѣсколько воевъ со свѣжими прутьями... Изъ стоявшей толпы, безъ всякаго допроса, взяли

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, 1884 г.

десятокъ крестьянъ съ приказаніемъ имъ раздѣться и ложиться. По сторонамъ каждого изъ разложенныхъ мужиковъ поставили по два солдата съ пучкомъ розогъ, и началось сѣченіе по десяти» ¹⁾.

Вспышки въ деревняхъ продолжались и въ послѣдующіе года, въ теченіе всего XIX-го столѣтія. Сплошь и рядомъ случалось кромѣ того, что администрація симулировала эти вспышки и усмиряла въ сущности совершенно мирное населеніе.

Вотъ напр. какой инцидентъ произошелъ въ 60-хъ годахъ въ Пермской губ. Крестьяне селенія Турьинскихъ рудниковъ не пожелали подвергнуть свои строенія обязательному страхованію отъ пожаровъ. Объяснилось это тѣмъ, что слово «страхованіе» они понимали какъ «штрафованіе» и полагали, что подобное наказаніе возведено на нихъ по оговору волостного старшины, противъ котораго они имѣли зубъ. За разъясненіемъ мужики обратились къ мировому посреднику, но тотъ, ведя постоянно нетрезвый образъ жизни, ничего не могъ объяснить. Тогда крестьяне подали прошеніе губернатору Струве. Этотъ поступокъ послужилъ поводомъ признать, что въ сел. Турьинскихъ рудниковъ происходитъ бунтъ. Струве отправилъ туда воинскую команду, былъ посланъ также исправникъ, становой приставъ, мировой посредникъ, которые и стали усмирать крестьянъ; безосновательно признанныхъ зачинщиками подвергли жестокому наказанію ²⁾.

Вообще, въ XIX-мъ вѣкѣ безъ жесточайшей экзекуціи не обходилось ни одно крестьянское волненіе. Къ этой мѣрѣ прибѣгали постоянно. Раньше въ XVIII ст., дѣло обстояло нѣсколько иначе; тогда недоразумѣнія съ мужиками часто улаживались мирнымъ, домашнимъ путемъ, путемъ убѣжденія и даже уступокъ. Не то было въ послѣдующія времена. Даже реформа 1863 года не оказала значительнаго вліянія на усмирителей. Исчезли правда шпицрутены, но въ изобиліи примѣнялась ко всѣмъ безъ исключенія жестокая порка розгами. Мѣры эти несомнѣнно зависели отъ того характера, какой носили крестьянскія волненія въ XIX в. изъ замкнутыхъ ячеекъ, изъ вспышекъ въ отдѣльныхъ вотчинахъ въ XVIII вѣкѣ, безпорядки въ послѣдующіе годы распространялись на широкіе районы, захватывали цѣлыя области, угрожали спокойствію всей страны ³⁾. Деревенскіе бунты стали опасны для государства, и для ихъ подавленія всѣ средства были допустимы.

¹⁾ „Бунтъ въ Кандевкѣ въ 1861 г. С. Н. Худякова. „Историческій Вѣстникъ“ 1881 г. 12.

²⁾ Ист. Правит. Сената за двѣсти лѣтъ т. IV стр. 196.

³⁾ Спѣшимъ оговориться разсматривая крестьянскія волненія въ XVIII в. мы не имѣемъ въ виду такія исключительныя событія, какъ Пугачевскій бунтъ; это возстаніе изъ ряда вонъ выходящее. Мы говоримъ лишь о мелкихъ вспышкахъ, столь обычныхъ и характерныхъ въ ту эпоху.

Въ XIX в. кромѣ крестьянскихъ бунтовъ постоянно вспыхивали антиеврейскіе и антихолерные безпорядки. Они тоже подавлялись энергично и нещадно. Въ 1871 г., напримѣръ, случился еврейскій погромъ въ Одессѣ, причемъ «тутъ же», на улицѣ, производилась и расправа надъ виновными, которыхъ хватили и отводили за ограду греческой церкви, гдѣ нарядъ солдатъ жестоко сѣкъ ихъ розгами. Не мало пострадало тутъ и совершенно непричастныхъ, любопытныхъ.

Что брать Тереха — видно понче строже стало?
Нѣтъ и лѣтось также было.

Рисунокъ изъ „Развлеченія“ 1860 г. № 20.

зрителей; высѣкли между прочимъ одну нарядную даму, которая находилась въ толпѣ зѣвакъ ¹⁾ Нижегородскій губернаторъ Барановъ, во время ярмарки въ 1877 году, приказалъ высѣчь унтеръ-офицера и крестьянина за возбужденіе народа къ избіенію евреевъ ²⁾. Точно такъ-же, въ мѣстечкѣ Шполѣ (Кіевской губ.), когда тамъ случился въ 90-хъ годахъ еврейскій погромъ, власти немедленно наказали часть виновныхъ розгами, заковали ихъ въ цѣпи и отправили въ тюрьму ³⁾.

Во время холерныхъ безпорядковъ въ 90-хъ годахъ тѣлесныя наказанія примѣнялись въ 3-хъ губерніяхъ: Орловской, Тобольской

¹⁾ С. Чудновскій „Изъ дальнихъ лѣтъ“. Былое“ 1907 г. 10.

²⁾ Семевскій О Необходимости отміны тѣлесныхъ наказаній“ „Русская Мысль“ 1898 г. 2.

³⁾ „Русское Богатство“ 1897 г. 5, хрон. внутр. жизни.

и Нижегородской ¹⁾). Жестокость и неистовство наших администраторовъ при такихъ расправахъ напоминали иногда древнія времена. Такъ напримѣръ, Орловскій губернаторъ съ такой силою поролъ крестьянъ, что по словамъ нѣкоего Полонскаго, 75-ти лѣтняго старика, хорошо знакомаго съ порядками крѣпостного права, «такихъ сѣченій при помощи военной силы и въ присутствіи властей не видывали ни разу раньше» ²⁾. А въ Западномъ Краѣ одинъ казацкій офицеръ хвастался такой изобрѣтательностью: онъ придумалъ очень удобный способъ наказывать беременныхъ: выкапывали яму, клали въ нее животомъ несчастную женщину и такимъ образомъ сѣкли розгами ³⁾. Положимъ, приемъ этотъ былъ не новъ; его пускали въ ходъ и многіе помѣщики при поркѣ беременныхъ женщинъ ⁴⁾. Въ очеркахъ Никитина о бытѣ кантонистовъ передается еще одинъ способъ наказания такихъ несчастныхъ: начальникъ Живодеровъ приказалъ сѣчь беременную дѣвушку на вѣсу, («чтобы брюхо ей не раздавить» ⁵⁾).

Между тѣмъ законъ довольно опредѣленно запрещалъ примѣнять къ бунтовщикамъ розги. Въ инструкціи горныхъ исправниковъ 1874 г. говорится: въ случаѣ возникновенія неповиновенія цѣлыми массами среди рабочихъ, можно призывать военныя команды, но строго запрещается примѣнять къ зачинщикамъ, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесныя наказанія; ихъ слѣдуетъ отправлять по принадлежности въ судъ ⁶⁾. А въ сводѣ Законовъ 1885 г. объ этомъ сказано: не почитается превышеніемъ власти, когда чиновникъ или другое должностное лицо въ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ возметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайныхъ, болѣе или менѣе рѣшительныхъ мѣръ и потомъ докажетъ, что она въ видахъ государственной пользы была необходима, или по настоятельности дѣла онъ не могъ безъ видимой опасности или вреда для службы отложить принятіе мѣры до высшаго на то разрѣшенія ⁷⁾.

Все это ни въ коемъ случаѣ не могло оправдывать нашихъ администраторовъ: тѣлесныя наказанія, по самому свойству своему, всегда слѣдуютъ *post factum* и потому никакъ не могутъ способствовать предотвращенію безпорядковъ.

Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что среди самихъ

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1892 г. 9, стр. 422.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1895 г. ч. II, стр. 411.

³⁾ В. Жбанковъ и П. Яковенко стр. 85.

⁴⁾ См. „Князь Григорій“ М. Е. Васильевой.

⁵⁾ „Многострадальные“ В. Н. Никитина, стр. 244.

⁶⁾ Семевскій „Русская Мысль“ 1896 г. II.

⁷⁾ Св. Зак. 1885 г. т. 2 стр. 340.

начальниковъ нерѣдко попадались свѣтлыя личности, возстававшія противъ подобныхъ расправъ. Генераль М. И. Драгомировъ, напр., приказалъ посадить подъ арестъ одного есаула, который, по требованію подольскаго губернатора, назначилъ команду казаковъ для экзекуціи послѣ прекращенія безпорядковъ. «Если-бы упомянутый начальникъ былъ хоть нѣсколько знакомъ съ правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, болѣе заботился о о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ-бы казаковъ въ команду для порки; ему было-бы извѣстно, что наше дѣло усмирять непови- нующихся, а не драть усмирённыхъ» писалъ Драгомировъ ¹⁾.

Но такому взгляду уважаемаго генерала мало кто изъ его товарищей сочувствовалъ. Большинство изъ нихъ съ упорнымъ консерватизмомъ продолжало отстаивать тѣлесныя экзекуціи. Любопытный типъ такого администратора выведенъ у Н. С. Лѣскова. Однажды, во время бесѣды, нѣкій генераль высказалъ такія сужденія:—«Съ полякомъ, вѣдь главное, не надо только церемониться и антимоніи разводить—говорилъ онъ;—если нашелъ у него пороховъ въ фортепіано—какъ я у одного своего пріятеля отыскалъ, тутъ же положилъ его на фортепіано да велѣлъ казакамъ хорошенько нагайками выпоротъ а потомъ опять обѣдать его зазвалъ—и ничего... Напротивъ, этотъ мой пріятель, послѣ того, какъ я его выпоролъ, даже всѣмъ меня хвалилъ». Спасительность этого средства была для генерала неоспорима. Во время польскаго возстанія, по его мнѣнію «надо было никого не убивать... а казаковъ съ нагайками на нихъ, да пожарную команду. Какъ вспороли-бы ихъ хорошенько, да водой какъ куръ обли-бы,—они бы и молчали, и не стали-бы хвалиться, что «и я въ скурэ досталъ» и «мнѣ воды за шіе залили», а напротивъ, стали-бы всѣ перекоряться—Стась на Яся, а Ясь на Стася,—дескать «меня не обливали» и «меня нагайкой не лупили». «А я бы, будь моя воля, я бы и Европу-то всю выпоролъ—изрекъ онъ далѣе—поротъ ее, поротъ! Разумѣется, если ее дипломатическимъ путемъ къ тому приглашать, она не дастся, а кличь по землѣ русской кликнуть... какъ Вирнамскій лѣсъ съ прутьями пойдемъ и всѣхъ перепоремъ, и славянъ освободимъ и Константинополь возьмемъ и Парижскую губернію учредимъ,—и сюсюку Дергальскаго туда губернаторомъ посадимъ» ²⁾

¹⁾ „Новости“, 1894 г. № 845.

²⁾ Н. С. Лѣсковъ: „Смѣхъ и горе“ пол. соб. соч. т. XV стр. 165—166.

Вотъ поистинѣ самое простѣйшее разрѣшеніе всѣхъ междуна-
родныхъ конфликтовъ.

Весьма вѣроятно, что, будь у нашихъ администраторовъ воз-
можность, среди нихъ нашелся-бы оригиналь, который попытался-бы

Чортъ знаетъ что за времена! Двадцать дѣтъ тому назадъ служилъ въ
гренадерахъ, благодарностъ получилъ за геройскій, такъ сказать видъ.
Теперь думалъ опять поступить на службу въ полицію: подалъ проше-
нію—не принимаютъ; говорятъ: сложенія слишкомъ атлетическаго,—по-
жалуй подначальнымъ тѣмъ придется и обыватели будутъ въ претензіи.

Рисунокъ изъ „Развлеченія“ 1862 г. № 25.

на дѣлѣ примѣнить подобные взгляды и покорить. Европу столь
испытаннымъ средствомъ.

VII.

Тѣлесныя наказанія въ эпоху революціи.

Какъ-бы то ни было, несмотря на кнутофильскій консерватизмъ
большинства администраторовъ, тѣлеснымъ экзекуціямъ въ Россіи
суждено было неизбѣжное вымирание... Но настали 1905—1906 года,
ознаменовавшіеся повсемѣстными бунтами, и за ними послѣдовали,
какъ и въ прежнія времена, безчисленныя тѣлесныя расправы. Въ

наши дни еще трудно съ исчерпывающей полнотою представить кошмарный ужасъ того времени. Это и не входитъ въ нашу задачу; въ бѣгломъ обзорѣ мы дадимъ лишь рядъ фактовъ, «запротоколенныхъ» современниками.

Поистинѣ, много жестокости видѣла въ тѣ годы Россія, немало было пролито крови съ обѣихъ сторонъ и загублено невинныхъ жертвъ. Въ пылу борьбы страсти разгорались, темные инстинкты выплывали наружу, человѣкъ становился звѣремъ...

Экзекуція въ деревняхъ. Мужики, страдаая отъ недорода, голодовокъ, непосильныхъ налоговъ, выбрасывались на барскія усадьбы, разоряли, грабили и, подобно своимъ предшественникамъ во время прошлыхъ крестьянскихъ волненій, творили подчасъ бессмысленныя дикости. Правда, полъ вѣка народъ уже былъ свободенъ, въ немъ пробудилось человѣческое достоинство, онъ уже требовалъ себѣ политическихъ правъ; но все еще крайне невѣжественный, озлобленный, онъ производилъ безпощадныя разоренія у своихъ богатыхъ сосѣдей.

По старымъ традиціямъ, при водвореніи порядка, отпращивали войска и стражниковъ для производства экзекуцій. По жестокости онѣ едва-ли не превзошли всѣ прошлыя. Сѣкли крестьянъ (еще въ 1902 году во время аграрныхъ волненій въ Полтавской и Харьковской губ. ¹⁾). Пятидневной экзекуціи подвергъ земскій начальникъ, съ эскадрономъ драгунъ, крестьянъ селеній Ударма и Хамни за то, что они завладѣли землями помѣщиковъ, ²⁾. Въ селѣ Солотвино, Волынской губ., драгуны избивали цѣлую недѣлю каждый день, а по ночамъ насильничали надъ женщинами ³⁾.

Приблизительно то же самое происходило въ Тамбовской губ.

Яркую, но по всей вѣроятности, нѣсколько тенденціозную картину усмиренія безпорядковъ въ этой губернии изображаетъ Ганнейзеръ:—Въ деревнѣ Серединовкѣ крестьяне забрали хлѣбъ у сосѣдняго арендатора. Явился полицейскій урядникъ Рыжовъ съ казаками. Созвали сходъ. «Въ плети», скомандовалъ урядникъ. Выпороли двухъ попавшихъ подъ руку; остальные бѣжали. Черезъ нѣсколько дней снова появился Рыжовъ со своей свитой. Собрался сходъ; отдѣлили 13 человѣкъ. Отдали приказъ: «ложись» и били нагайками и плетями, били до потери сознанія. выбивали глаза, мозгъ, топтали шею, вдав-

¹⁾ Д-ръ А. З-мъ. Статья помѣщена въ книгѣ д-ра В. Купера „Исторія розги во всѣхъ странахъ“ пер. д-ра мед. А. Н. Головина.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ В. Обнинскій: „Внѣ закона“ стр. 32.

ливали головы въ грязь. Сходъ все время на колѣняхъ долженъ былъ смотрѣть на это зрѣлище и кланяться по приказанію урядника ему въ ноги. Отъ крови Рыжовъ опьянѣлъ. «Вали всѣхъ безъ разбора», скомандовалъ онъ, и началось побоище. Еле-еле нѣкоторымъ удалось откупиться рублемъ ¹⁾.

Напуганнымъ властямъ буйства и погромы чудились всюду, достаточно было малѣйшаго «роптанія» со стороны крестьянъ для производства надъ ними расправы.

Вотъ какой случай былъ въ мѣстечкѣ Цыльнѣ, Симбирской губ. Тамъ была спорная земля. Долгое время она пропадала даромъ; наконецъ населеніе, состоявшее сплошь изъ татаръ, рѣшило ее обработать. Поѣхали всей деревней. Вдругъ наскочилъ, откуда ни возмись, отрядъ въ полтораста стражниковъ,—и началась работа нагайками саблями, плетми. По полю производилась форменная травля; татаръ ловили и истязали. Одному мужику отрубили сначала руку, потомъ пристрѣлили его, а сыну его отрубили голову. Пятидесяти-лѣтняго Фензова одинъ казакъ привязалъ за ногу къ своей лошади и такъ тащилъ по деревнѣ.

Вообще, стражники въ деревняхъ вмѣшивались рѣшительно во все. Вооруженные съ ногъ до головы, они царственно разъѣзжали по селеніямъ впутывались въ драки и по самому ничтожному поводу пускали въ ходъ нагайки.

«Больно, больно стражникъ бьешь,
Что увезъ чужую рожь,
Ты братъ рубль получаешь,
Да прибавки ожидаешь,
Я голодный мужичекъ
Не заработалъ на чаекъ» ²⁾.

Вотъ какая пѣснь сложилась у мужика про свою горькую участь. Когда не было повода для усмиренія, стражники скучали: имъ нечего было дѣлать; тогда они напивались и безъ всякой причины избивали крестьянъ. Въ с. Широкомъ Буеракѣ, Хвалынскаго у. Саратовской губ., напр., въ 1906 г. пьяные стражники, какъ говорятъ, безъ всякой причины перебили многихъ мужиковъ, женщинъ и дѣтей ³⁾. Въ с. Кезей, Черниговской губ., шесть стражниковъ и казаки со становымъ приставомъ налетѣли вдругъ на спящихъ на сѣнокосяхъ крестьянъ, били ихъ нагайками, рукоятками отъ нагаекъ, иныхъ на

¹⁾ Е. Ганнейзеръ. „Современныя Записки“ 1906. I.

²⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, стр. 75.

³⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“ хроника § 643.

веревкахъ волокли къ приставу, и тотъ еще на чисто билъ палкой ¹⁾.

Инги разъ „усмирители“ устраивали охоту на крестьянскихъ ребятишекъ. Такъ забавлялись въ с. Баландѣ, Аткарскаго у. пьяные осетины, охранявшіе имѣніе Громова. Одного мальчишку, въ ужасѣ забившагося въ базарный ларекъ, изранили шашкой. Эти же осетины жестоко избили нагайками крестьянъ, пасшихъ на лугу своихъ лошадей, загнали ихъ за рѣку, причемъ двое утонули ²⁾. Въ Б. Березникахъ, Корсунскаго у., казаки избили священника ³⁾, въ Аткарскомъ у. 90-лѣтняго крестьянина ⁴⁾.

Нѣтъ конца возмутительнымъ сценамъ въ русскихъ деревняхъ. Окруженный и избиваемый казаками при допросѣ о погромщикахъ, сходя, въ Воронежской губ., въ Среднемъ Икорцѣ, какъ одинъ человѣкъ съ воплями упалъ на землю, защищая руками головы и спины. Женщины и дѣти подняли раздирающіе душу крикъ и плачъ. Въ Верхнемъ Икорцѣ устроили форменное шествіе крестьянъ по „зеленой улицѣ“ прежнихъ временъ. Молодежь была проведена сквозь строй казаковъ, лѣвая шеренга, которыхъ била нагайками по спинѣ, а правая по груди и животу ⁵⁾.

Простая ссора между крестьянами и стражниками приводила иногда къ ужасной экзекуции. Въ м. Кошеватомъ 16 апрѣля 1906 г. мужики подрались съ казаками. Беременная же одного избиваемаго повисла на шеѣ мужа съ цѣлью защитить его, но ее жестоко выпороли; тутъ-же начались преждевременные роды, закончившіеся въ „холодной“ ⁶⁾. Въ Курскѣ, въ Балашовскомъ уѣздѣ, Мелитопольскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ, всюду чинили стражники свои скорыя расправы. Изъ Могилевской губ. жит. м. Ляды писали: „мы просыпаемся отъ свиста нагаекъ и стонотъ избиваемыхъ и ложимся спать сопровождаемые тѣмъ же. Избиваютъ стражники шашками и нагайками всѣхъ, не разбирая возраста и пола; въ особенности-же терзаютъ старыхъ, женщинъ, дѣтей и хворыхъ, такъ какъ здоровымъ удается убѣжать“ ⁷⁾.

Въ виду исключительнаго положенія смутнаго времени, законъ 1904 г., запрещавшій съечь розгами крестьянъ, положительно игно-

¹⁾ Ibid, § 508.

²⁾ Ibid, § 613.

³⁾ Ibid, § 75.

⁴⁾ Ibid, § 849.

⁵⁾ Ibid, § 830.

⁶⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“ стр. 73—74.

⁷⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“ хроника § 344.

рировался. Когда Курскій вице-губернаторъ Курловъ немилосердно поролъ крестьянъ Дмитріевскаго уѣзда, обвинявшихся въ разгромѣ имѣнія шталм. Волкова, на экзекуціи присутствовалъ земскій начальникъ Кусаковъ, который объяснилъ мужикамъ, что манифестъ, отмѣнившій тѣлесное наказаніе, относится къ вѣрноподаннымъ „а вы—внутренніе враги“¹⁾.)

Но кого только не считали тогда за внутреннихъ враговъ. что не служило только поводомъ для производства экзекуцій!—Въ Воронькахъ, Переяславскаго уѣзда, напр., на сельскомъ сходѣ одинъ мужикъ произнесъ рѣчь о необходимости устроить двухъ-классную школу. Уряднику, который тутъ-же присутствовалъ, показались эти слова преступными; онъ сейчасъ-же, не теряя времени, избилъ оратора и арестовалъ его²⁾. Земскій начальникъ князь Голицынъ арестовалъ 12 человекъ крестьянъ за то только, что они не сняли шапокъ, когда онъ явился на сходъ. Въ караульномъ домѣ арестованные были тяжело избиты стражниками³⁾. „Здѣсь, на низшей ступени общественной лѣстницы,—говоритъ Обнинскій,—гдѣ уже некуда было разойтись, лицомъ къ лицу сошлись два представителя борющихся стихій—народа и бюрократизма, и каждый пустилъ въ ходъ присвоенное ему оружіе: одинъ колѣнопрсклоненіе, слезную мольбу о пощадѣ, спущенные шаровары и лишь изрѣдка безсмысленное, стихійное уничтоженіе чужого имущества, а другой плеть саблю и оружіе“⁴⁾.

Но особенно тяжело приходилось населенію, когда усмирять отправлялись карательные отряды. Въ сопровожденіи пулеметовъ войско разѣзжало изъ одной мѣстности въ другую, всюду оставляя избитыхъ и израненныхъ жертвъ. Первоначально карательные отряды предназначались для оказанія помощи вооруженной стражѣ и полиціи при безпорядкахъ, но постепенно они перешли къ совершенно самостоятельнымъ дѣйствіямъ.

Весь кодексъ начальниковъ этихъ экспедицій состоялъ изъ двухъ словъ: «разстрѣлять» и «пятьдесятъ плетей»⁵⁾. Въ Читѣ за два только мѣсяца, январь и февраль 1906 г. избито и застѣчено было 41 человекъ⁶⁾. Въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Алленкюльскомъ приходѣ къ

¹⁾ Ibid, § 123.

²⁾ „Право“, 1907 г., № 21.

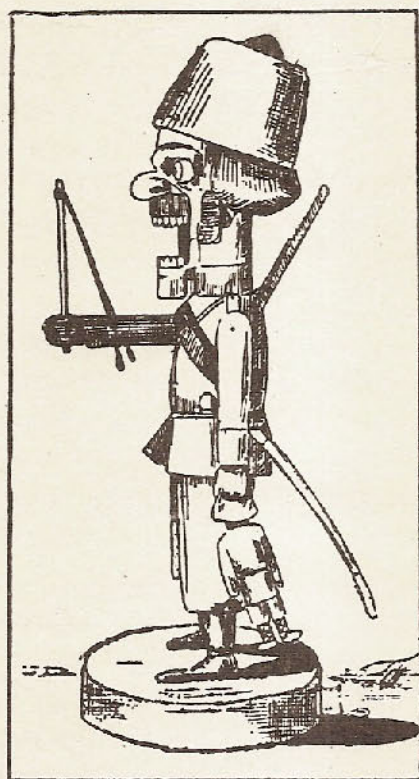
³⁾ Изъ телеграммы чл. Госуд. Думы И. Б. Шувалову. Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 447.

⁴⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“ стр. 97.

⁵⁾ В. Обнинскій: „Печать, тюрьмы, казни и карательные отряды“ стр. 87.

⁶⁾ Ibid. стр. 88.

поркѣ присуждены 10 человекѣ. Пороли солдаты ивовыми скрученными прутьями. На долю каждого караемаго досталось, будто, не менѣе ста ударовъ. Въ Куртеногофѣ (близъ Риги) карательная экспедиція предала тѣлесному наказанію 38 лицъ; многіе получили отъ 100 до 150 ударовъ ¹⁾. Въ одномъ имѣніи драгуны выпороли 50-ю ударами плетей двухъ братьевъ и истязали какого-то М. Позже оказалось, что этотъ М. однофамилецъ настоящаго преступника. Когда поймали его самого, то засѣкли на смерть тремястами ударами ²⁾.

Модель дѣтской игрушки.
(„Волшебный фонарь“ 1906 г. № 3).

„Трудная наша задача, — рассказывалъ со спокойнымъ цинизмомъ одинъ лейтенантъ-усмиритель, — заберемъ латышей и начнемъ допрашивать. Ни звука не отвѣчаетъ, будто-бы и не понимаетъ по-русски. Ну, что-жъ, начнемъ пороть. Приходится всыпать отъ 25 до 150 и болѣе нагаекъ. И когда тѣло превращается въ битую говядину, латышь начинаетъ говорить по-русски“. Не есть-ли эти слова простой вымыселъ корреспондента?

¹⁾ Корреспондентскія сообщенія изъ газеты „Русь“ („Молва“) за 1906 г.

²⁾ „Страна“ 1906 г., 15, VI.

Прямо сказочныя небылицы также передаютъ намъ о расправахъ штабъ-ротмистра фонъ-С. надъ заключенными въ феллинскіе тюрьмы. Солдаты пороли арестованныхъ ивовыми, скрученными толстыми прутьями. Число ударовъ назначалось фонъ-С. отъ 25 до 200, иногда штабъ-ротмистръ просто поглядывалъ на часы и опредѣлялъ экзекуціи по времени. Были случаи, когда онъ, заговорившись съ кѣмъ-нибудь изъ бароновъ или полицейскихъ забывалъ про экзекуціи и свои часы, затѣмъ обращившись къ солдатамъ, только что закончившимъ огромное количество ударовъ, и хладнокровно говорилъ: „Ну валяйте его еще, ребяга!“ Иногда фонъ-С. казалось, что солдаты щадятъ приговоренныхъ, и бьютъ недостаточно сильно. Тогда онъ поручалъ экзекуцію мѣстнымъ крупнымъ уголовнымъ арестантамъ, предупреждая ихъ, что если будутъ плохо бить, то подвергнуться сами жестокой карѣ. Многимъ ради позора обрѣзали волосы на головѣ (у женщинъ) и обривали головы, усы и бороды у мужчинъ. Нѣкоторыхъ изъ обреченныхъ, преимущественно изъ развитыхъ людей, для усугубленія наказанія нравственными муками, угрозами заставляли держать ноги жертвъ экзекуціи. Только что избитая розгами женщина не издавая ни одного стога, послѣ наказанія выразила протестъ; фонъ-С. приказалъ выпороть ее вторично¹⁾.

Аналогичными дѣйствіями проявили себя карательные отряды всюду, куда ихъ не посылали Въ Тамбовской губ., нлпр. въ с. Каріантъ, находившемся на пути шествія карательнаго отряда „Луженовскаго“ не было предлога для усмиренія,—мужики тамъ не бунтовали. Но по дорогѣ солдаты все-таки заѣхали туда. И вотъ, по словамъ Ганнейзера, разыгралась такая сцена. Луженовскій велѣлъ созвать сходъ. „На колѣни! Кто изъ васъ велъ разговоры?“ обратился онъ къ мужикамъ. Крестьяне молчали и съ недоумѣніемъ переглядывались. Тогда урядникъ назвалъ какихъ-то трехъ, которыхъ тутъ-же избили нагайками²⁾.

Мучительными расправами сопровождалось также усмиреніе жителей на Кавказѣ. Солдаты въ тѣхъ мѣстахъ, истязали поголовно все населеніе ауловъ, еще всячески издѣвались надъ жителями: насиловали женщинъ на глазахъ у мужей, лишали невинности маленькихъ дѣвочекъ, вырѣзывали у беременныхъ младенцевъ. Пострадавшая, Дасті Тунянцъ, вдова 35 лѣтъ, показывала: „ворвались ко мнѣ послѣ обѣда 4 казака, изнасиловали меня всѣ четверо на глазахъ дѣтей, а затѣмъ потребовали, чтобы я поцѣловала ихъ члены, от-

¹⁾ Всѣ эти явно тенденціозныя сообщенія оставляемъ на совѣсти корреспондента „Руси“ („Молва“ 1906 г.).

²⁾ „Современныя Записки“ 1906 г., I.

крывъ передо мною члены. Я была въ ужасѣ, казаки грозили зарѣзать меня, я вынуждена была цѣловать". Нона Баласанянцъ, 20 лѣтъ говорила: „меня изнасиловали; мы невѣстку прятали въ садахъ, когда бѣжали, и ее тоже изнасиловали; а мужа моего поймали, побили и переломали руки". А вотъ ужасныя свидѣтельства 60-лѣтней старухи, Элэги Авакавой: «ворвались ко мнѣ четыре казака. Когда они увидѣли меня, начали бить, затѣмъ повалили и, открывъ члены, хотѣли мочиться на меня, думали въ ротъ, но я закрывъ лицо обѣими руками, перевернулась на землѣ. Казаки передъ тѣмъ поставивъ члены къ моему лицу, били меня по лицу" ¹⁾). Епископъ Ашотъ телеграфировалъ въ Тифлисскій листокъ слѣдующія данныя о подвигахъ карательной экспедиціи полковника Ваверна: въ селеніи Геши грабежъ и безпощадное избіеніе; въ с. Гюнэ и Чертазъ—грабежъ, насиліе, изнасилованіе родильницы, растлѣніе разбитой параличемъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которую вырвали изъ объятій старика дѣда ²⁾).

Усмиреніе въ городахъ. Городское населеніе также не избѣгло ужасовъ карательныхъ экспедицій. Въ Кутаисѣ, напр., когда кто-то ранилъ уѣзднаго начальника Кегамова, захватили совершенно невиннаго Ревазашвили, причемъ по дорогѣ въ тюрьму казаки застрѣлили его. Случайно проходившій знакомый Ревазашвили видѣлъ эту сцену. „Дорогой другъ, за что убили?" сказалъ онъ. За эти слова ему тутъ-же отрубили голову и обѣ руки. Затѣмъ казаки прийдя въ ярость, начали поджигать дома, грабить магазины, насиловать женъ чиновниковъ, гимназистокъ, 11-лѣтнихъ дѣвочекъ ³⁾).

Волненія рабочихъ, учащейся молодежи и интеллигентовъ вызывали со стороны правительства репрессивные мѣры и тѣ-же экзекуціи, что и въ деревняхъ надъ крестьянами. Никому не давали тогда пощады. Въ концѣ 1904 г. рядъ забастовокъ и демонстрацій вызвалъ во многихъ городахъ самыя ожесточенныя избіенія; въ Петербургѣ, Москвѣ, Псковѣ и Казани истязали учащуюся молодежь, въ Тамбовѣ—земцевъ, въ Нижнемъ—учителей ⁴⁾).

Въ 1905 и 1906 году эти избіенія приняли прямо-таки эпидемическій характеръ. Они происходили въ обѣихъ столицахъ, въ Одессѣ,

¹⁾ Изъ матеріала, добытаго комиссіей, производившей предварительное слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ г. Вэйденабаума.

²⁾ „Тифлисскій Листокъ" 7 и 8 апрѣля 1906 г. Всѣ эти данныя подтверждены слѣдственной комиссіей подъ предсѣдательствомъ г. Вейденбаума.

³⁾ В. Обнинскій: „Печать, тюрьмы, карательные отряды", хроника § 61.

⁴⁾ Доктора мед. А. З., статья въ книгѣ доктора В. Купера: „Исторія розги во всѣхъ странахъ".

Варшавѣ, Кишеневѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Ярославлѣ, Томскѣ, Казани, Нижнемѣ, Ригѣ, Екатеринославлѣ, Тифлисѣ, Баку, Ростовѣ, Курскѣ, Минскѣ, Тулѣ, Самарѣ, Ревелѣ, Костромѣ, Кременчугѣ, Владикавказѣ, Сухумѣ, Твери, Павловскѣ, Таганрогѣ, Оршѣ, Гомелѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Ялтѣ, и многихъ другихъ городахъ. Прикладами и нагайками разгоняли манифестантовъ, проходившихъ со знаменами и съ пѣснями по улицамъ; разгоняли массовки и уличные митинги. Сплошь и рядомъ доставалось мирнымъ гражданамъ, не успѣвшимъ скрыться.

«Ни въ одной странѣ нагаечка не составила себѣ такую громкую извѣстность, какой она пользуются у насъ,—писали въ одномъ сатирическомъ, злободневномъ журналѣ, издававшемся въ тѣ годы,— нѣтъ ни одной губерніи, ни одного уѣзда, ни одного глухого захолустья, селенія и деревни, гдѣ-бы не появилась нагаечка. Нѣтъ ни одного обывателя, безъ различія пола, возраста, сословія и національности, который на своей собственной спинѣ не извѣдалъ бы всю ея прелесть. Нѣтъ той спины, которую нагаечка не погладила... Всюду нагаечка находитъ себѣ широкое примѣненіе, всюду есть для нея «дѣло», есть для нея «работа»: нагаечка усмиряетъ строптивыхъ крамольниковъ и насыщаетъ голодныхъ крестьянъ»¹⁾.

Увы, происходившія въ тѣ годы массовыя избіенія доказываютъ, къ несчастью, что эти слова были во многомъ справедливы. Вотъ, напр., что случилось въ Муромѣ. 1 мая 1906 г. по одной изъ улицъ города прошла толпа рабочихъ съ пѣніемъ марсельезы. Стражники начали «работать» саблями и нагайками, нещадно избивая какъ шедшихъ въ толпѣ, такъ и лицъ, находящихся въ сторонѣ. Ученика реального училища, Тришатнаго, избивали три стражника; мальчикъ пробовалъ скрыться въ зданіе училища, но его вытащилъ сторожъ и избіеніе продолжалось. Вечеромъ въ саду избивали публику, дѣйствовали нагайками и саблями. Руководилъ избіеніемъ уѣздный исправникъ Лучкинъ. У одной женщины шашкой разсѣчена щека и часть уха, у другой надрѣзаны пальцы. Маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ награждали пиньками, ружейными прикладами, а порой и каблуками. Одна гимназистка, защищая лицо, закрыла его руками,—стража безпощадно ловкимъ ударомъ надрѣзала ей пальцы²⁾.

Въ 1908 г. 14 мая въ Сѣдлецѣ, въ 1½ верстахъ отъ города, толпа рабочихъ, мастеровыхъ обоюго пола, дѣтей, всего около 200 человекъ, собралась для прогулки въ близъ лежащій лѣсокъ. Вдругъ

¹⁾ Журналъ „Нагаечка“ 1906 г., № 3.

²⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“ стр. 88—89.

показался взводъ солдатъ подъ командою офицера. Несмотря на то, что толпа не предъявляла никакихъ намѣреній устроить демонстрацію или что-нибудь въ этомъ родѣ, не произносила восклицаній не выкидывала знаменъ, не было прокламацій и оружія, а собравшись въ кучку, стояла, безпомощно озираясь, словно стадо барановъ,—ее со всѣхъ сторонъ окружили. Раздалась команда: «шашки вонъ! бей жидовъ», и посыпались удары. Ранено и искалѣчено до 100 человекъ. Били по рукамъ, головамъ, рубили распростертыя для защиты ладони. Одна изъ женщинъ получила ударъ въ какой-то нервный центръ, отъ чего тутъ-же сошла съ ума. Слѣдуетъ замѣтить, что усмирители не предъявляли толпѣ никакихъ требованій и предупрежденій разойтись, а сразу окружили и перешли къ бою. Послѣ этого всѣхъ погнали въ городъ. Раненые, искалѣченные женщины не поспѣвали «въ ногу» съ лошадьми и падали; ихъ топтали и съ дикимъ хохотомъ гнали дальше. Потомъ изъ казармъ были вызваны солдаты, которые еще били камнями по головѣ, приговаривая: «видите, мы не побоимся бомбъ! Прежде чѣмъ вы успѣете ихъ бросить, мы разобьемъ ваши головы какъ орѣхи!» Полицеймейстеръ пытался унять истязующихъ. Пытка на время пріостанавливалась; но какъ только онъ отходилъ въ сторону, истязаніе начиналось снова ¹⁾).

Въ то же время въ Тулѣ, въ Кремлевскомъ саду, произошло избіеніе гуляющей публики конными стражниками. Эта расправа была вызвана провокаторскимъ сообщеніемъ, что въ саду безпорядки. Избито много дѣтей и женщинъ, измята лошадью одна беременная ²⁾).

Въ Ростовѣ расходилась публика послѣ многолюднаго собранія врачей; вдругъ налетѣла стража и началось побоище; двумъ женщинамъ разорвали одежды, нѣкоторымъ переломали кости ³⁾).

Въ Курскѣ въ февралѣ 1905 г. произошло до крайности возмутительное избіеніе малолѣтнихъ дѣтей, учащихся средне-учебныхъ заведеній. Послѣ окончанія занятій, молодежь большой толпой, но совершенно мирно, шла по улицѣ. Вдругъ полицеймейстеръ скомандовалъ: «Резервы впередъ! Бей»; приставъ бросился съ криками: «бей направо и налево!» и началось избіеніе нагайками, шашками, кулаками; таскали за волосы, били головой о мостовую, топтали ногами, лошадьми; многіе избиты до полусмерти ⁴⁾). Въ Балаховѣ

¹⁾ „Право“, 1905 г. № 28.

²⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 457.

³⁾ „Право“, 1905 г. № 16.

⁴⁾ Д-ръ А. З.; Куперъ: „Ист. розги во всѣхъ странахъ“.

были избиты въ присутствіи губернатора собравшіеся въ гостинницѣ для совѣщанія земскіе врачи, въ Павловскѣ—концертная публика ¹⁾ и т. д.

Несомнѣнно, крайне энергичныя, подчасъ жестокія мѣры администраціи вызывались настойчивой необходимостью пресѣчь безпорядки, положить конецъ террористическимъ актамъ и водворить въ странѣ правильное теченіе жизни. Несомнѣнно и то, что страсти тогда разгорались до крайности, обѣ стороны были въ постоянномъ напряженіи и многое преувеличивалось. Слѣдуетъ-ли, напримѣръ, до-вѣрять такимъ дошедшимъ до насъ фактамъ, будто-бы имѣвшимъ мѣсто въ дни Московскаго декабрьскаго возстанія: во время взятія Прѣсни, сестеръ милосердія пропускали сквозь строй казачьихъ нагаекъ, у Горбатаго моста одного студента сѣкли въ три смѣны, задержанныхъ сѣкли на морозѣ, при переходѣ въ участокъ били дубинами, прикладами и прочее ²⁾).

«Безъ всякой причины я былъ арестованъ и избитъ солдатами—показывалъ одинъ пострадавшій,—все время, когда вели, казаки, городовые и солдаты били нагайками; нѣсколько разъ отъ ударовъ въ затылокъ я летѣлъ кубаремъ». На другой день всѣхъ арестованныхъ вывели на улицу, и произошла расправа. Рѣзко раздался голосъ офицера: «Казакъ, съ нагайкой сюда! Вольноопредѣляющій Скидывай брюки!» И вотъ онъ лежитъ на снѣгу при трескучемъ морозѣ. Солдатъ прикладомъ держитъ голову, а казакъ сѣчетъ, сѣчетъ... Далѣе онъ рассказывалъ: «насъ переписали и повели въ камеру. Чтобы пройти въ помещеніе для камеръ, нужно пройти дворъ. Насъ буквально провели сквозь строй и, когда мы проходили, насъ лупили чѣмъ попало. Когда мы сбѣгали съ крылечка, тамъ стояли съ дубинками и ими прогуливались по нашимъ головамъ и спинамъ». Но этимъ дѣло еще не кончилось. Потомъ былъ «судъ» и еще наказаніе. «Насъ, обреченныхъ на сѣченіе, вывели на дворъ, окружили солдатами, вызваны были 4 казака съ нагайками, имъ было приказано сѣчь изо всей силы, иначе имъ угрожали ихъ сѣчь... Скидывались брюки, на голомъ снѣгу укладывали лбомъ на землю. Одинъ солдатъ придерживалъ прикладомъ голову, а 4 казака сѣкли такъ, что волосы становились лыбомъ... Я видѣлъ руки двухъ высѣченныхъ студентовъ. Онѣ сначала напоминали рубленные котлеты, а потомъ вснухли до ужаса» ³⁾).

¹⁾ Ibid.

²⁾ А. Чемпковскій, сборникъ „Къ борьбѣ“, вып. 3.

³⁾ „Молва“ 1906 г. № 8.

Администрація была напугана, ей казалось, что всюду гнѣздится крамола. Этотъ жупель—крамола чудился и среди грузинскаго духовенства, которое истязали въ то время, когда оно собралось на разрѣшенный съѣздъ ¹⁾, чудился въ научныхъ собраніяхъ, въ синагогахъ. Въ Могилевѣ, напр., собралась въ синагогу толпа молящихся. Ни съ того, ни съ сего явилась полиція съ солдатами и стали всѣхъ избивать, а спасавшихся на улицу колотили прикладами по лицу, вырывали волосы ²⁾.

Единичныя истязанія. Отъ такихъ массовыхъ расправъ перейдемъ теперь къ истязаніямъ, производившимся надъ отдѣльными лицами. Они были такъ распространены въ то время, что положительно не поддается учету. Остановимся лишь на характерныхъ.

Наибольшее число ударовъ приходилось получать все тѣмъ-же крестьянамъ, рабочимъ и студентамъ, прославившимся своимъ крамольнымъ образомъ мыслей; но попадало и остальнымъ обывателямъ.

Вотъ, напримѣръ, самая обычная сцена того времени: въ Иваново-Вознесенскѣ шла кучка подвыпившихъ крестьянъ—рабочихъ и распѣвала какую-то пѣсню. Проѣзжали казаки; имъ показалось, что пѣсня революціонная, они налетѣли съ гикомъ на рабочихъ, схватили одного изъ нихъ и начали жестоко избивать нагайками; причемъ двое держали свою жертву, а остальные съ звѣрскими прибаутками хлестали ее изо всей мочи по лицу и головѣ.—Стойте, братцы за что вы его?—А не пой революціонныхъ пѣсень...—Да мы свою пѣли, деревенску... за что одного-то бьете, всѣ мы пѣли... Казаки встрепенулись,—значить и вамъ хочется? Нате!—И пошла новая работа. Казаки набросились на мужиковъ и начали бить ихъ нагайками, потомъ прикладами ружей, затѣмъ топтали лошадьми... Послышались стоны, нечеловѣческіе крики. Избитыхъ отправили въ участокъ, гдѣ еще прибавили ³⁾.

Въ Петербургѣ 14 мая 1906 года на углу Барочной и Петрозаводской улицъ городской ни съ того, ни съ сего началъ избивать рабочаго. Пробовалъ заступиться за него товарищъ, но подвергся той-же участи ⁴⁾.

И такой произволъ всегда сходилъ съ рукъ насильникамъ.

Однажды ночью въ Гомелѣ полицеймейстеръ Мизгайло встрѣтилъ крестьянъ, возвращавшихся съ заработка. Былъ-ли начальникъ

¹⁾ Д-ръ Куперъ „Ист. розги во всѣхъ странахъ“.

²⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 78.

³⁾ В. Обнинскій: „Внѣ закона“ стр. 77—78.

⁴⁾ Ibid. Хроника § 263.

пьянъ, или почудилось ему что—нѣизвѣстно, но только оъ отдалъ приказъ мужикамъ пасть на колѣни и ползти такъ до участка. Тамъ Мизгаило обнажилъ пашку и нѣизвѣстно съ чего, принялся ихъ бить; нѣсколькихъ ранилъ, одной беременной женщинѣ отрубилъ пальцы и ухо ¹⁾.

Приставъ Вильчинскій въ сел. Галилештѣ 4 года систематически истязалъ крестьянъ за малѣйшіе проступки экзекуція производилась въ особой комнатѣ при посредствѣ трехъ нагаекъ, которые были трехъ сортовъ: для молодыхъ, для среднихъ лѣтъ и для старыхъ. Вильчинскому помогалъ его слуга Іоганнъ, иногда сотскій и урядникъ ²⁾.

По закону такого насильника слѣдовало подвергнуть строгой отвѣтственности. Такое явное игнорированіе Высочайшаго повелѣнія, избавлявшаго, какъ извѣстно, манифестомъ 11 августа 1904 г. крестьянъ отъ тѣлесныхъ наказаній, не могло быть оправдано никакими экстраординарными обстоятельствами. Но наши администраторы еще долго не могли привыкнуть къ новымъ порядкамъ. Это ясно говорятъ слѣдующіе факты: 14 августа 1904 г., въ мѣстечкѣ Молодечнѣ, Виленской губ., по приговору волостного суда, въ присутствіи начальства, слѣдовательно, со всѣми официальностями, наказали розгами въ волостномъ правленіи одного крестьянина ³⁾. А въ 1906 г. въ участкѣ земскаго начальника Броневскаго, въ Тульской губ., по жалобѣ отца, публично выпороли розгами 28-лѣтняго мужика Ивана Бурова ⁴⁾.

Нѣсколько иной оттѣнокъ имѣли полицейскія расправы съ интеллигентами. Крестьянъ били безъ пощады, но безъ особой ненависти, били какъ своихъ, по привычкѣ, укоренившейся долгими годами. Другое дѣло учащаяся молодежь, чуждые, непонятные люди, внутренніе враги. И чувствуется въ экзекуціяхъ надъ ними какое-то сладострастное торжество усмирителей, торжество своимъ могуществомъ, превосходствомъ и силой.

Знаменитый палачъ Маріи Спиридоновой, во время обыска Борисоглѣбской библіотеки, всячески издѣвался надъ публикой, цинично обшаривая, напр., интеллигентныхъ женщинъ, случайно тамъ находившихся. Подойдя къ 17-лѣтнему мальчику, Аврамѣвъ задалъ ему вопросъ: «ты жидъ?» «Я еврей», возразилъ тотъ. «А ты еврей, а не жидъ, очень пріятно познакомиться съ вами, господинъ іеру-

¹⁾ Ibid. § 524.

²⁾ „Право“, 1905 г. № 33.

³⁾ „Право“, 1904 г. № 38.

⁴⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 268.

салимскій дворянинъ». Далѣ слѣдовали такіе побои по лицу, что брызги крови летѣли на окружающихъ. Мальчикъ еле удерживался отъ слезъ. «Вотъ какъ, ты плачешь! Такъ вотъ тебѣ за твои нѣжности. Получай. Еще! Не плачь, іерусалимскій дворянинъ». Удары сыпались хлестко и четко ¹⁾).

Полицейскій арестовалъ въ Кіевѣ и пригрозилъ побить двухъ гимназистовъ за то, что одинъ изъ нихъ зѣвнулъ. «Вы не имѣете этого права», заявилъ мальчикъ. Полицейскій сейчасъ-же доказалъ противное: удары такъ и посыпались на ихъ головы, колѣни и животы ²⁾. Или вотъ еще подобная сцена: въ Екатеринославѣ въ 1903 г., когда революція только что разгоралась и полицейскіе едва начинали входить во вкусъ всевозможныхъ истязаній, какой-то студентъ обратился съ просьбой къ приставу защитить оскорбляемую женщину. «Плетей хотите», прикрикнулъ на него блюститель порядка, «я васъ нагайками, какъ малыхъ дѣтей» и отправилъ студента съ товарищемъ за неумѣстную защиту въ часть ³⁾).

Эти послѣдніе факты не имѣютъ, несомнѣнно, никакого отношенія къ революціонной борьбѣ того времени. Но они характерны для пережитой нами бурной эпохи. Мелочныя неудовольствія, личные счеты, егс.—все разрѣшалось при помощи розогъ и нагайки. Въ эти-же годы случилась надѣлавшая столько шуму въ обществѣ расправа генераль-маіора Ковалева съ д-ромъ Забусовымъ.

14 марта 1904 г. начальникъ закаспійской казачьей бригады въ Асхабадѣ, генераль-маіоръ Ковалевъ, отдавъ конюху приказъ нарѣзать розогъ, потребовать къ себѣ по телефону для оказанія медицинскіи помощи старшаго врача Среднеазіатской ж. д. Забусова. Когда тотъ пріѣхалъ, генераль его встрѣтилъ, угостилъ коньякомъ и сигарами. Но далѣ, по знаку Ковалева, вошли въ комнату казаки, по валили докгора на полъ, сняли съ него брюки и съ двухъ сторонъ начали сѣчь приготовленными розгами по обнаженнымъ заднимъ частямъ тѣла. «Я въ вашей власти, вы можете убить меня, но объясните, что все это значитъ?» спрашивалъ Забусовъ. «Бей его, мерзавца!» послѣдовалъ отвѣтъ генерала. И порка продолжалась. Затѣмъ было приказано повернуть доктора на спину, сѣчь по животу и паховой области. Все тѣло у него покрылось сплошными кровавыми пятнами и синебагровыми полосами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была разсѣчена кожа и произошло кровоизліяніе. По окончаніи сѣ-

¹⁾ Народныя бесѣды. С. П. М-инъ. Дѣло М. А. Спиридоновой.

²⁾ В. Обнинскій: «Внѣ Закона», хроника § 238.

³⁾ «Право», 1903 г. 37.

ченія Забусова усадили въ фаетонъ и отправили домой ¹⁾. Пострадавшій подалъ все дѣло гласности.

Она — Г. городской, вотъ съ угла аттракъ обязанности сорвало.
пробить что изъ?

Городовой — Посидѣть, отъѣхать, одѣтъ я могу пробить и
не отъѣду

Еще надъ другимъ врачомъ начальникъ произвелъ уже совершенно явную, публичную экзекуцію Въ с. Петрово (Алексѣевскаго у. Херсонской губ.) завѣдывалъ больницей студентъ-медикъ Горючкинъ Уже послѣ окончанія приѣма, къ нему явился какой-то солдатъ и сталъ требовать немедленной перевязки больного пальца съ незначительнымъ порѣзомъ. Ему было отказано и заявлено, чтобы онъ приходилъ на другой день. Съ угрозой и ругательствомъ солдатъ ушелъ. Вдругъ на другой день Горючкинъ получаетъ приказаніе отъ штабсъ-капитана Горецкаго немедленно явиться на площадь. Онъ отказался. Тогда его привели насильно. На площади были собраны всѣ офицеры, нижніе чины, казаки и находилась масса публики. Начальникъ отдалъ приказъ: «разложить студента и всыпать». Это было моментально исполнено; Горючкина раздѣли, разложили и выскли до обморока нагайками ²⁾.

¹⁾ „Право“, 1094 г. № 62 и 1905 г. № 8.

²⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 107.

Беззащитность обращенія агентовъ правительства съ публикой дошла въ эти годы до того, что подвергся избіенію даже членъ Государственной Думы!...—Въ Петербургѣ, въ Скобелевскомъ скверѣ, какъ-то собрался митингъ. Явилась полиція, прискакали солдаты и стали разгонять. Среди публики находился и членъ Государственной Думы Сѣдельниковъ. Когда прикладомъ винтовки онъ былъ раненъ въ лицо, то заявилъ, что его, какъ депутата, не имѣютъ права бить. На это не обратили никакого вниманія; битье продолжалось. Затѣмъ приступили къ обыску и, найдя револьверъ, начали дѣйствовать совершенно безъ стѣсненія. Въ результатѣ Сѣдельникова буквально дотащили до его квартиры. Отъ побоевъ несчастный депутатъ слегъ на цѣлую недѣлю въ постель ¹⁾.

Избѣніе въ участіяхъ. Арестованныхъ злоумышленниковъ въ участіяхъ подвергали все тѣмъ-же побоямъ. Объ этихъ фактахъ мы подробнѣе поговоримъ въ статьяхъ: «Исторія пытки» и «Тѣлесныя наказанія въ тюрьмахъ и на каторгѣ», а здѣсь укажемъ лишь на нѣсколько случаевъ административной экзекуціи солдатами и полицейскими.

Вотъ что писалъ о пережитыхъ сграданіяхъ одинъ потерпѣвшій, арестованный въ 1906 году во время первомайской демонстраціи въ Казани: «Въ 10 часовъ вечера 1-го мая я, въ сопровожденіи двухъ городскихъ, поднимался по Поперечно-Воскресенской улицѣ. Около воротъ первой части стояла группа уральскихъ казаковъ. Когда мы поровнялись съ ними, одинъ изъ нихъ схватилъ меня за рукавъ и оттолкнулъ отъ городскихъ, тогда какъ другой сталъ наносить удары нагайкой; каждый ударъ сопровождался отборной руганью и дикимъ хохотомъ. Обезкураженные сначала наглымъ нападеніемъ уральцевъ, городские скоро, однако, нашлись, схватили меня и быстро оттащили на середину улицы. Благодаря этому я не былъ искалѣченъ, а только избитъ. Въ полицейскомъ управленіи 1-ой части я заявилъ о фактѣ избіенія и просилъ составить протоколъ. Полицейскій чиновникъ, однако, не обратилъ на это никакого вниманія. „Можете ли вы указать лицо, бившее васъ?“—спросилъ онъ. Вопросъ, конечно, былъ наивенъ, если не считать его издѣвательствомъ, такъ какъ разсмотрѣть въ темную ночь лица бившихъ сзади едва ли возможно. Остальная полицейская публика, наполнявшая въ это время присутствіе первой части, нагло и торжествующе посмѣивалась. Было обидно, больно до слезъ за свою беспомощность.. Было жутко въ

¹⁾ Ibid. § 478.

этомъ разгульномъ царствѣ полицейскаго кулака и казацкой плетки. Входитъ казачій офицеръ и приглашаетъ слѣдовать за нимъ. Входимъ въ какое-то темное помѣщеніе... Мелькаетъ страшная мысль, что вотъ сейчасъ раздастся свистъ, наглые крики и удары нагайки. Вотъ вотъ сейчасъ схватятъ и увлекутъ къ себѣ для дикой потѣхи пьяныхъ товарищей. Но присутствіе офицера ихъ смущаетъ. «Ваше благородіе, дозволейте хлестнуть» «Будетъ ребята,—довольно»,—успокаиваетъ онъ. «Если при васъ нельзя, то уйдите»,—предлагаетъ кто-то выходъ изъ щекотливаго положенія г. офицера, которому поручена моя охрана. «Будетъ, довольно», твердитъ офицеръ» ¹⁾. И т. д.

Въ этотъ-же день, 1-го мая 1906 г. арестовали, послѣ тяжкаго избіенія въ Бѣлой Церкви, 10 человекъ рабочихъ. Въ участкѣ ихъ раздѣли до нага и стали хлестать мокрыми, скрученными полотенцами съ завернутыми внутри камнями. На другой день всѣ пострадавшіе, кромѣ двухъ, были выпущены ²⁾. Такіе случаи бывали на каждомъ шагу. Въ Екатеринославѣ били въ участкѣ студента нагайками, палками, досками, кастетами, пока у него не пошла кровь горломъ. Тамъ-же истязали до того одну дѣвушку, что она не могла встать отъ побоевъ ³⁾. Въ Петербургѣ той-же участи подвергся въ кутузкѣ мальчикъ, продавецъ газетъ, за то, что предлагалъ на улицѣ «Голосъ Прикащика» ⁴⁾. Надзиратель въ Павлоградской тюрьмѣ ни за что ни про что избилъ дѣвушку, принесшую бѣлье жениху ⁵⁾.

Возможно ли опредѣлить грандіозные размѣры тѣлесныхъ наказаній въ тѣ кошмарные дни? Въ 1906 году, только за 4 мѣсяца, съ апрѣля по іюль, было избито и изранено 599 человекъ ⁶⁾. Если въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно объяснить истязанія какой-нибудь случайной причиной, то рассматривая ихъ en masse, ясно видишь тутъ опредѣленную систему для искорененія крамолы, систему, обращенную мелкими искоренителями въ ужасающій произволъ надъ обывателями.

Возникаетъ вопросъ: всегда-ли была необходимость въ примѣненіи такихъ крутыхъ мѣръ и всегда-ли онѣ были цѣлесообразны? Въ одномъ журналѣ приводится такое сужденіе: «нагайка, опустив-

¹⁾ Приведено у Обнинскаго: „Внѣ Закона“ стр. 87 изъ газеты „Волжскій Курьеръ“.

²⁾ В Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 229.

³⁾ Др. А. З.: „Ист. розги во всѣхъ странахъ“ Купера.

⁴⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, хроника § 265.

⁵⁾ „Право“, 1905 г. № 28.

⁶⁾ В. Обнинскій: „Внѣ Закона“, стр. 101.

шаяся на голову нѣсколькихъ человѣкъ изъ толпы мирныхъ буржуа, стоитъ сотни самыхъ вдохновенныхъ рѣчей талантливаго агитатора; она дѣйствуетъ скорѣе и убѣдительнѣе, и дѣйствуетъ на всю толпу. Каждый, кто видѣлъ замахнувшуюся нагайку, не говоря уже о тѣхъ, кто чувствовалъ ее, дѣлается революціонеромъ; не можетъ не сдѣлаться таковымъ, какъ не можетъ не предпринять мѣры къ своей безопасности человѣкъ, который волей судьбы заброшенъ въ кругъ насильниковъ» ¹⁾.

Пожалуй, это парадоксъ. Но несомнѣнно, нельзя не признать много темныхъ сторонъ такого жестокаго усмиренія. Слишкомъ много

Рисунокъ изъ журнала «Гудокъ» 1862 г.

власти давалось у насъ мѣстнымъ начальникамъ. «И не вина мелкихъ административныхъ сошекъ, если подъ вліяніемъ всего этого закружились ихъ слабыя головы, исчезло понятіе о чиновникѣ, какъ о слугѣ народа, вмѣсто же него создалось представленіе, будто всякій имѣющій кокарду и погоны призванъ быть «начальникомъ» обывателей,—писалъ Н. Лопатинъ.—Эпоха успокоенія породила множество ничтожныхъ личностей, заболѣвшихъ магіей величія по той

¹⁾ „Голось Жизни“, 21 янв. 1906 г. № 2 стр. 4.

причинѣ, что они служили успокоителями, то-есть служили той стороной, которая взяла верхъ. А отъ маніи величія—всего одинъ шагъ до садизма власти». «Всѣ эти маленькіе деревенскіе Іоанны Грозные, всѣ эти уѣздные Нероны соединяють полезное для начальства съ пріятнымъ для себя, допросъ—съ пытками, утверждение престижа власти на мѣстахъ—съ издѣвательствомъ надъ обывателями. Имъ кажется, что кромѣ денежной компенсаціи за услуги, оказываемыя правительству, они имѣють еще право на компенсацію моральную,—на утонченное наслаждение плѣвать въ человѣческую душу, терзать человѣческое тѣло. Конечно, центральное правительство не согласно съ этимъ взглядомъ на вещи. Какъ ни суровъ современный русскій режимъ, все же онъ сажаетъ на скамью подсудимыхъ тѣхъ лицъ, которыя вдохновлены идеей, будто Россія раздѣлена на два лагеря: на усмирителей и усмиряемыхъ, при чемъ по отношенію къ усмиряемымъ позволено все, что угодно» ¹⁾).

VIII.

Современное положеніе.

Самое бурное море въ концѣ концовъ успокаивается... И наше взбаламученное море равнымъ образомъ вошло, наконецъ, въ свои берега,— страна была усмирена, прекратились аграрные безпорядки, подавлены были революціонныя вспышки въ городахъ. Казалось-бы настало время и для «начальства» прекратить свои расправы—усмиренія. Но не такъ-то легко одержимому садизмомъ власти прекратить привычное и вмѣстѣ съ тѣмъ любезное ему дѣло. И вотъ, мы снова видимъ эти старыя, безконечно пріѣвшіяся сцены.

Вотъ земскій начальникъ Ивановъ, чье дѣло разбиралось недавно въ Петербургѣ. «И велѣлъ мнѣ земскій,—показывалъ на судѣ свидѣтель Желтковъ,—снять шапку и, несмотря на сильный дождь со снѣгомъ, ждать на улицѣ: Ждать пришлось долго,—съ восьми часовъ утра до двухъ дня. Потомъ позвалъ онъ меня въ комнату, заставилъ кланяться въ ноги и ползать на пузѣ, а потомъ говоритъ: «молись Богу и читай: Ваше высокоблагородіе, простите Христа ради». Когда все это я исполнилъ, земскій приказалъ цѣловать ему ноги—заставилъ еще одно мѣсто цѣловать», тутъ мужичокъ замялся. Дальнѣйшія подробности онъ передалъ суду при закрытыхъ дверяхъ... Явился къ Иванову однажды отставной солдатъ Шапошниковъ, получившій

¹⁾ Н. Лопатинъ: „Садизмъ власти“, „Угро Россіи“ 1912 г. № 34.

во время русско-японской войны рану въ ногу Земскій начальникъ рѣшилъ познакомиться съ выносливостью солдатика и сталъ бить его по больной раненой ногѣ ¹⁾).

Другой истязатель, урядникъ въ селѣ Каменкахъ, Екатеринославской губ., надѣвалъ арестованнымъ на шею колодки, билъ ихъ по пяткамъ, отбивалъ легкіе ²⁾. Въ Москвѣ приставъ Пятницкаго участка В. В. Мордухай-Болтовскій и служитель Максимовъ били арестованную Меренкову ³⁾. Истязатели были преданы суду, но оправданы ⁴⁾.

Неписанный законъ русскихъ администраторовъ продолжаетъ диктовать имъ совершенно своеобразныя полномочія. Напримѣръ урядникъ м. Холопеничи, Кухто, съ двумя стражниками избиваютъ лавочника Бликмана за то, что тотъ посмѣлъ открыть лавку раньше положеннаго времени ⁵⁾. Въ Кишиневѣ, десятскій избилъ еврея, вымогая у него деньги ⁶⁾. Въ Туркестанѣ производитель работъ Тресвятскій убѣждалъ нагайками киргизовъ подписывать акты объ излишнихъ земельныхъ угодьяхъ ⁷⁾.

Наконецъ, послѣднія газетныя сообщенія доносятъ о дикомъ поступкѣ земскаго начальника Бронницкаго уѣзда, Московской губ., г-на Юрѣва. Ворвавшись на засѣданіе ссудо-сберегательнаго товарищества, онъ грубо сталъ отдавать приказанія; когда же председатель правленія товарищества, земскій врачъ Прозоровскій, не пожелалъ подчиниться его крику, Юрѣвъ съ площадною бранью набросился на него и сталъ бить хлыстомъ. Прозоровскій выбѣжалъ на улицу. Тогда земскій начальникъ вернулся и сталъ избивать хлыстомъ мѣстнаго участковаго земскаго агронома г-жу Платонову: „Я — женщина!“ — крикнула избиваемая. Но этотъ возгласъ остался пустымъ звукомъ для Юрѣва, и онъ продолжалъ наносить ей удары по головѣ, ругаясь и крича. „Крамольники, забастовщики“ ⁸⁾.

Такіе поступки нашихъ администраторовъ далеко не всегда влияют на наружу. Имъ удѣляютъ мѣсто на столбцахъ печати обычно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда на дѣйствія насильниковъ приписана жалоба высшей власти и назначается судебное разбирательство. По

¹⁾ Ibid.

²⁾ „Право“, 1908 г. № 22.

³⁾ „Право“, 1910 г. № 24.

⁴⁾ „Утро Россіи“, 1912 г. № 212.

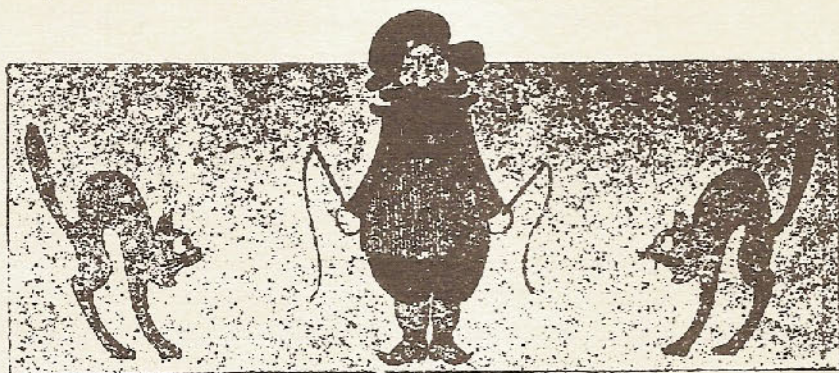
⁵⁾ „Русское Слово“, 1912 г. № 217.

⁶⁾ „Рѣчь“, 1910 г. № 24.

⁷⁾ „Русское Слово“, 1912 г. № 32.

⁸⁾ „Биржевыя Вѣдомости“, 1912 г. 26 сентября № 13163.

краткимъ сообщеніямъ, имѣющимся у насъ подъ рукою, можно только догадываться о количествѣ административныхъ расправъ въ переживаемое нами время. Въ корреспонденціи изъ Моршанска одной изъ правыхъ газетъ сообщалось, напр., о возмутительномъ случаѣ въ Моршанскомъ волостномъ правленіи: 7-го августа 1912 го года туда пришла крестьянка села Стар. Устья, Варвара Егорова навѣстить арестантку Марью Паршину. Погоревавъ съ сосѣдкой, Варвара легла отдохнуть и уснула. Въ это время сторожъ правленія, Илья Поздняковъ, вытащилъ у нея изъ пазухи деньги. Когда Варвара проснулась и закричала: «караулъ, меня обокрали»,—ее этотъ сторожъ

Страшный дядя („Тѣшій“ 1906 г. № 3).

избилъ и вытолкнулъ изъ правленія. А мѣстный волостной старшина, приказалъ Позднякову, вмѣстѣ съ другимъ сторожемъ Ермаковымъ, обыскать арестованную Марью Паршину, которую они для этого раздѣли до нага, всячески безобразничали и издѣвались надъ беззащитной¹⁾.

Все это считается въ порядкѣ вещей, и русскіе обыватели привыкли не обращать вниманія на подобныя «бытовыя явленія».

Тѣлесныя расправы администраторовъ, несомнѣнно, одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ нашей дѣйствительности, все еще безсильный сродниться съ понятіемъ о неприкосновенности личности. Запрещеніе законодательной власти прибѣгать къ этимъ расправамъ, какъ мы видѣли не привело къ желаемому результату. Положимъ, высшая власть не слишкомъ строго караетъ такихъ слушниковъ. Когда они попадаютъ подъ судъ, ихъ обычно или оправдываютъ или же подвергаютъ легкимъ взысканіямъ. По закону за истязаніе, произведенное должностнымъ лицомъ (ст. 345-я улож. о нак.), наказаніе можетъ быть сведено къ крѣпости безъ лишенія правъ. А за

¹⁾ „Русское Знамя“, 9 окт. 1912 г. № 229.

истязаніе «частное» (ст. ст. 1489 и 1490) законъ устанавливаетъ minimum 2½ года арестантскихъ отдѣленій, а maximum 6 и 10 лѣтъ каторжныхъ работъ. Но въ крѣпость преступныхъ чиновниковъ заключаютъ крайне рѣдко. Самое большее—такихъ насильниковъ лишаютъ только для видимости должности; для видимости, такъ какъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени они сплошь и рядомъ получаютъ новое назначеніе. Осужденіе общества тоже не способно запугать администраторовъ-истязателей. «Мы съ общественнымъ мнѣніемъ не считаемся», заявилъ однажды казанскій губернаторъ¹⁾. И эта фраза характерна для всѣхъ его единомышленниковъ.

Поистинѣ, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію Россіи это прямо таки необычайное пристрастіе агентовъ правительства къ тѣлеснымъ наказаніямъ.—Одни мучили для утоленія своей алчности, другіе идейно, съ сознаниемъ пользы жестокихъ мѣръ, третьи сладострастья ради, въ безумномъ экстазѣ, пьянѣя отъ крови и стонów, или наоборотъ, съ вѣрнымъ расчетомъ опытныхъ математиковъ, «съ тихостью», наслаждаясь медленными терзаніями своихъ жертвъ.

Пока правительство, съ полнымъ сознаниемъ преступной дѣятельности своихъ «помощниковъ», не начнетъ предпринимать противъ нихъ самыхъ энергичныхъ, вѣкомпромиссныхъ мѣръ, все останется по старому. А каково это «старое», мы только что узнали.

Е. Молчанова.

¹⁾ В. Обнинскій; „Внѣ Закона“, стр. 86.

Оглавленіе.

О цѣнности исторіи тѣлесныхъ наказаній.	1
---	---

Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ.

I. Тѣлесныя наказанія въ Киевской Руси	17
II. Эпоха расцвѣта тѣлесныхъ наказаній	22
III. Отъ Петра Великаго до Екатерины II-й.	48
IV. Эпоха сокращенія тѣлесныхъ наказаній отъ Петра III-го до Александра I-го.	72
V. Тѣлесныя наказанія во времена Александра I-го и Николая I-го.	90
VI. Исторія отмены тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.	121
VII. Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ послѣ 17 апрѣля 1863 г.	133

Административныя тѣлесныя наказанія.

I. Административныя тѣлесныя наказанія въ XVII и XVIII вѣкахъ	156
II. Полиція въ XVIII в. и Сыскной Приказъ	166
III. Административные порядки въ дореформенной Россіи въ XIX в.	172
IV. Вопросъ объ административныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ въ связи съ реформой 1863 года.	184
V. Административныя тѣлесныя наказанія во второй половинѣ XIX в.	187
VI. Тѣлесныя наказанія при народныхъ волненіяхъ въ XVIII и XIX вв.	196
VII. Тѣлесныя наказанія въ эпоху революціи съ 1905 г.	214
VIII. Современное положеніе	232

**ИСТОРИЯ
ТЕЛЕСНЫХ
НАКАЗАНИЙ
В РОССИИ**

Сдано в печать 17.01.1994 г. Формат 60×90¹/₂.
Печать офсетная. Уч.-изд. листы 15,76
Тираж 30 000 экз. Заказ № 40042.

Издательство «Пилигрим»
308010, г. Белгород, ул. Богдана Хмельницкого, 104
Издание осуществлено при участии фирмы «Прогресс, Лтд».
Кишиневский полиграфкомбинат,
ул. Митрополит Петру Мовило, 35.